

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мировое развитие. Выпуск 23

**Мир после пандемии:
глобальные вызовы и перспективы развития**

Москва
ИМЭМО РАН
2022

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:

доктор политических наук, зав. Сектором международных организаций
и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН Е.П. Тимошенко

Редакционный совет продолжающегося издания «Мировое развитие»:

Ф.Г. Войтоловский, Н.И. Иванова, Ю.Д. Квашнин, И.С. Королев, Н.А. Косолапов, А.В. Ломанов,
Э.Г. Соловьев

Редакционная коллегия выпуска:

У.З. Артамонова, К.Р. Вода, А.А. Давыдов, И.А. Крамник, З.А. Мамедьяров,
А.О. Масленников, А.А. Невская, К.А. Никулин, П.П. Тимофеев, М.В. Хорольская,
К.О. Чудинова

Мир 63

Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития (Мировое развитие. Выпуск
23) / Под ред. А.А. Давыдова, З.А. Мамедьярова, М.В. Хорольской и др. – М.: ИМЭМО РАН,
2022. – 232 с.

ISBN 978-5-9535-0599-4

DOI: 10.20542/978-5-9535-0599-4

Текущий выпуск продолжающегося издания «Мировое развитие» подготовлен на основе материалов Международной конференции молодых ученых, состоявшейся 22–23 апреля 2021 г. в ИМЭМО РАН, проведенной в рамках Года науки и технологий РФ. Сборник посвящен экономическим и политическим трансформациям в современном мире. Основное внимание уделено воздействию вспышки COVID-19 на конфигурацию экономического, политического и информационного пространств, а также динамику развития сфер военной и энергетической безопасности. Отдельный раздел анализирует разработку национальных и наднациональных стратегий по противодействию пандемии. Издание предназначается для исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся актуальными тенденциями развития мировой экономики, политики и международных отношений.

The world after the pandemic: global challenges and prospects for development (Global Development, iss. 23) / Davydov A.A., Mamedyarov Z.A., Khorolskaya M.V. et al., eds. – Moscow, IMEMO, 2022. – 232 p.

ISBN 978-5-9535-0599-4

DOI: 10.20542/978-5-9535-0599-4

The current issue of IMEMO series «Global Development» is based on the agenda of the eponymous international conference of young scholars, which was held at the Primakov Institute of World Economy and International Relations (April, 22–23, 2021) devoted to the Year of Science and Technology in Russia 2021. The collection of articles encompasses the area of economical and political transformations in the modern world. The book focuses on the impact of the COVID-19 outbreak on the configuration of economic, political and information issues, as well as military and energy security dynamics. Special attention is paid to the development of national and supranational strategies for responding to the pandemic. This edition is addressed to the researchers, political and economic analysts, high-school teachers, post-graduate students and broader range of those interested in the world economy, policy, and international relations.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0599-4

© ИМЭМО РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Раздел 1. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику и технологическое развитие	7
ФЕДЮНИНА А.А, СИМАЧЕВ Ю.В., КУЗЫК М.Г. Россия в ГЦСС до и после пандемии COVID-19: накопленный опыт участия в цепочках, долгосрочные вызовы и следствия для политики	7
ЗАКЛЯЗЬМИНСКАЯ Е.О. «Двойная циркуляция» – новая посткризисная модель экономического роста в Китае	19
ВОЛОШИНА А.В. Современные китайско-американские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство	28
ШИРГАЗИНА Э.Р. Конкуренция Индии и Китая в борьбе с пандемией в странах Южной и Юго-Восточной Азии.....	38
Раздел 2. Коронакризис как вызов для экологического перехода	46
ХАЙНАЦКАЯ Т.И. Влияние пандемии COVID-19 на экологическую повестку ЕС.....	46
ПЕЧИЩЕВА Л.А. Энергетический фактор в системе региональной безопасности ШОС	57
ЧУПИНА Д.А. Международная климатическая повестка в восприятии российских акторов: есть ли возможности для диалога?	65
ОЩЕПКОВ М.А. Глобальный переход к низкоуглеродной экономике: риски и вызовы для России на национальном и региональном уровнях.....	75
КОРНЕЕВ К.А. Развитие возобновляемой энергетики и переход к низкоуглеродной экономике: опыт Японии	83
Раздел 3. Воздействие пандемии на политическое и информационное пространство	93
ЧИХАЧЕВ А.Ю. Концепция «Парижского консенсуса» в риторике президента Франции Эммануэля Макрона	93
ЛИСЕНКОВА А.Д. Адаптация Европейского союза к экологическим тенденциям как фактор развития политических партий на примере АЛДЕ и СВДП.....	102
КОЛОТАЕВ Ю.Ю. Дезинформация в эпоху пандемии: опыт противодействия новым цифровым угрозам в ЕС	112
ВИХРОВА О.Ю. Предпосылки атомизации информационного пространства ЕАЭС в условиях пандемии COVID-19	120

Раздел 4. Вызовы и трансформации пространства безопасности.....	138
ТИМОФЕЕВ П.П. Океанический компонент безопасности Франции: эволюция в период пандемии	138
КРАМНИК И.А. Новый облик ВМС США: эволюция и перспективы	151
МАКАРЕВИЧ Г.Г. Пакистан в системе региональной безопасности Индийского океана: новый подход к старым проблемам	163
ЛОМАКИН А.С. COVID-19 и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке: новая переменная в старом уравнении	171
РАСТОЛЬЦЕВ С.В. Проблема эффективности ОБСЕ в контексте изменения статуса кво Нагорного Карабаха в 2020 г.	181
Раздел 5. Национальные и наднациональные стратегии противодействия пандемии COVID-19	190
АРТЕЕВ С.П. Пандемия COVID-19: субнациональный фактор.....	190
ПОТАПОВ Д.А. Рамочные стратегии АСЕАН по борьбе с COVID-19	198
ПЯТАКОВ А.Н. Фактор вооруженных сил в профилактике пандемии COVID-19 (опыт Латинской Америки)	213
РУСТАМОВА Л.Р. Антикovidная стратегия Германии: особенности и политические последствия	222

ОТ РЕДАКЦИИ

В последние годы все больше политологов и экономистов говорили о накопившихся проблемах существующего миропорядка: грядущем экономическом кризисе, нарастающих угрозах современной демократической системе, вспышках новых и замороженных конфликтов. Менее алармистски настроенные исследователи подчеркивали, что мы живем в изменчивый и переходный период – международные отношения переходят к полицентричности, повышение внимания к климатической повестке ведет к энергетической трансформации и увеличению доли зеленой энергетики, успех популистов повлек за собой перестройку партийной системы западных стран, новые технологии и распространение частных военных компаний изменили характер военных конфликтов.

Однако то, с чем мир столкнулся весной 2020 г., стало неожиданностью для преобладающей части экспертов и политических деятелей. Пандемия COVID-19 придала трансформационным процессам новую динамику и направление. Особенностью коронакризиса стало то, что он затронул все сферы человеческой жизни без исключения – экономические отношения, политическое взаимодействие, культурную и информационную сферу и повседневные практики.

В данном издании представлен анализ того, как пандемия изменила конфигурацию экономического, политического и информационного пространств, сфер военной и энергетической безопасности, а также технологического развития.

Важный вопрос, который проходит сквозной темой через весь сборник – в каких сферах изменения, вызванные COVID-19, являются лишь временным ответом на вызовы пандемии, где распространение вируса запустило необратимые процессы.

В сфере экономического и технологического развития пандемия стала катализатором, ускорившим уже наметившийся структурный сдвиг к экономической биполярности, и упрочила убеждения Пекина в правильности стратегии «двойной циркуляции». В технологической сфере COVID-19 лишь создал новые поля для конкуренции крупнейших держав США и Китая, Китая и Индии. В частности, Пекин и Нью-Дели продолжили свое соперничество по вопросам влияния на страны Юго-Восточной Азии и в сфере вакцинной дипломатии. Обострилась инновационная конкуренция, особенный рост продемонстрировали информационно-коммуникационные технологии, цифровые платформы и биофармацевтическая отрасль. Закрытие границ в 2020-2021 гг. привело к кратковременному разрыву и последующей трансформации глобальных цепочек создания стоимости, однако окажет ли пандемия качественное влияние на мировую экономику уже после повсеместного снятия ограничений остается открытым вопросом.

Распространение COVID-19 практически совпало с началом формирования Евросоюзом единой политики в сфере возобновляемой энергетики. В связи с серьезными затратами на поддержание социального уровня и восстановление экономики часть аналитиков предрекла замедление «зеленого перехода». Однако ведущие политические деятели Европы отметили, что кризис является не тормозом, но возможностью для качественной трансформации. Данная риторика нашла подтверждение в последних событиях – принятии нового плана достижения климатических целей, введении трансграничного углеродного регулирования. Данная политика Брюсселя является серьезным вызовом для Москвы, соответственно важным вопросом остается как Россия сможет приспособиться к происходящим изменениям.

Пространство политики достаточно быстро адаптировалось к вызовам пандемии. В информационном же пространстве сложившаяся ситуация лишь усилила уже

существовавшие вызовы. Если ранее т.н. фейковые новости могли угрожать стабильности политического строя, то в 2020-2021 гг. ложные сведения подрывали не только уровень доверия к властям, но и представляли потенциальную опасность для здоровья граждан. Как представляется, данный вызов является не столько порождением чей-то злонамеренной воли, сколько логично вытекает из самой структуры информационного пространства. Соответственно, перед правительствами встала сложная задача – ограничить распространение дезинформации без существенных изменений системы.

Пандемия осложнила, но не остановила проводимую рядом стран модернизацию систем вооружений. Не пресекла вспышка вируса и существующие военные столкновения. На Ближнем Востоке небольшая пауза сменилась еще большей активизацией боевых действий. В 2020 г. был «разморожен» конфликт в Нагорном Карабахе, закончившийся сменой расстановки сил. Особого внимания заслуживает ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе, в котором наращивают свое присутствие различные силы.

Все страны, в той или иной мере затронутые COVID-19, разработали комплекс мер по противодействию пандемии – ограничение контактов между гражданами, преобразование системы здравоохранения, социальная помощь и поддержка экономики. Но представляется, что данные мероприятия носят временный характер, и не приведут к существенной трансформации политического режима. Ограниченные качественные перемены могут произойти только на наднациональном уровне, где совместная борьба с вирусом может способствовать углублению интеграции, а также на уровне регионов, которые могут увеличить свой политический вес.

Тем не менее, несмотря на шок, вызванный событиями 2020-2021 гг., воздействие пандемии на трансформацию мироустройства не стоит преувеличивать. Без сомнения, мы наблюдаем изменчивость мировых процессов и живем в созданной распространением вируса «новой нормальности». При этом, представляется, что COVID-19 в данном случае не изменил ход реакции, но стал катализатором, ускорившим процессы.

Мы приглашаем читателей обратиться к статьям, представленным в сборнике, и самостоятельно сделать выводы о том, какое влияние кризис пандемии оказал на различные сферы общественной жизни.

Раздел 1. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику и технологическое развитие

А.А. ФЕДЮНИНА, Ю.В. СИМАЧЕВ, М.Г. КУЗЫК РОССИЯ В ГЦСС ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: НАКОПЛЕННЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ В ЦЕПОЧКАХ, ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. В статье оцениваются различные факторы трансформации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в постковидном мире и обсуждается специфика их преобразования с участием российских компаний. Ни предыдущий опыт реакции глобальных цепочек на мировые шоки, ни экспертные оценки в отношении влияния пандемии COVID-19 не дают однозначных представлений о том, в каком направлении и как именно изменятся ГЦСС. Исследование реакции российских компаний на пандемию в 2020 году показывает, что большинство компаний стремились сохранить устоявшиеся межфирменные связи, при этом разрывы в цепочках носили скорее кратковременный характер и не приводили к структурным проблемам. Ускорение цифровой трансформации российских компаний в ответ на пандемию COVID-19 и связанные с ней ограничения также скорее повлияло на укрепление существующих связей, чем на формирование новых. Это определяется, с одной стороны, «близорукостью» компаний в отношении эффектов цифровой трансформации во взаимосвязи с выходом на внешние рынки, а с другой стороны, сложностью доступа к необходимым технологиям и дефицитом кадров. Независимо от того, как и в какой степени будут трансформироваться глобальные цепочки создания стоимости, основной задачей российской политики должно стать повышение конкурентоспособности российских компаний и укрепление их готовности встроиться в ГЦСС. Для этого необходимо выращивание малого и среднего конкурентоспособного и экспортноориентированного бизнеса, поддержка присоединения компаний к глобальным платформенным решениям и цифровизации, а также, в целом, поддержка перехода бизнеса на устойчивые модели развития и современные стандарты.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, COVID-19, российская экономика.

Авторы: Федюнина Анна Андреевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, e-mail: afedyunina@hse.ru; Симачев Юрий Вячеславович, к.т.н., директор, Центр исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, e-mail: yusimachev@hse.ru; Кузык Михаил Георгиевич, к.э.н., заместитель директора, Центр исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, e-mail: mkuzyk@hse.ru

ANNA FEDYUNINA, YURII SIMACHEV, MIKHAIL KUZYK RUSSIA IN GVCS BEFORE AND AFTER THE COVID-19 PANDEMIC: LESSONS LEARNED FROM GVC PARTICIPATION, LONG-TERM CHALLENGES AND POLICY IMPLICATIONS

Abstract. The study analyses determinants of global value chains (GVCs) transformation in the post-COVID world and discusses the specifics for Russian

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (грант № МК-2605.2021.2).

companies. Existing evidence on GVCs transformation due to global shocks and expert assessments regarding the impact of the COVID-19 pandemic on GVCs remain ambiguous. Based on in-depth interviews, we discuss the reactions of Russian companies in GVCs to the pandemic and find that most companies sought to maintain established inter-company links, while breaks in GVCs were rather short-lived and have not led to structural problems. The acceleration of digital transformation in Russian companies' as a response to the COVID-19 pandemic has had positive impact on strengthening existing inter-company links rather than on establishing new ones. We find the «myopia» effect of Russian companies regarding the effects of digital transformation in relation to entering foreign markets. The effect is supported by difficulties in accessing the necessary technologies and the shortage of personnel for digital transformation. Regardless of how and to what extent global value chains will be transformed, the main objective of Russian industrial policy should be to increase the competitiveness of Russian companies and strengthen their readiness to GVCs integration. This requires cultivating small and medium-sized competitive and export-oriented companies, supporting their digitalization and accession to global platforms as well as supporting the transition of companies to sustainable development models and modern standards.

Keywords: global value chains, COVID-19, Russian economy.

Authors: Anna Fedyunina, PhD, Leading research fellow, Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics, afedyunina@hse.ru; Yurii Simachev, PhD, Director, Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics, yusimachev@hse.ru; Mikhail Kuzyk, PhD, Vice-Director, Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics, mkuzyk@hse.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПОЗИЦИИ РОССИИ

Глобальное производство за последние два десятилетия претерпело значимые структурные изменения: увеличилась фрагментация производства, произошел рост организации торговли внутри глобальных цепочек создания стоимости, так что их вклад в добавленную стоимость мировой торговли вырос с 52 до 58% по оценкам ЮНКТАД. Это во многом оказалось обусловлено тем, что многонациональные компании (МНК) перешли от традиционной модели экспансии на основе инвестиций в основной капитал к новым видам глобальной экспансии за счет нематериальных активов. Это определило появление платформенных решений в международной торговле, снизило издержки для входа на международные рынки для компаний ряда отраслей, создало условия для формирования новых глобальных цепочек создания стоимости с менее высокими транзакционными издержками. Стратегии компаний на международных рынках стали более разнообразными. МНК стали выбирать разные решения внутри трех ключевых показателей: концентрации, фрагментации и интеграции производства [Fine]. Отсюда появились разные типы цепочек. Первый тип – цепочки, построенные по принципу «качественнее, быстрее, дальше», в основе которых лежит конкуренция на основе качества и потребительских свойств продукта. Второй тип – цепочки, построенные по принципу «лучше, быстрее, дешевле», в основе которых конкуренция на базе сроков поставки и издержек без потери качества [Elms, Low].

Одновременно с распространением феномена глобальных цепочек создания стоимости стали нарастать риски их функционирования. Еще десятилетие назад более четверти руководителей предприятий отмечали риски нарушения цепочек поставок в качестве одной из главных проблем устойчивости бизнеса [Economist Intelligence Unit]. При этом оценка рисков участия в глобальных цепочках, как правило, была на низком уровне: 90% фирм в тот же период не проводили оценку рисков при передаче производства на аутсорсинг [HBR]. После мирового кризиса

2008–2009 гг. уровень рисков в мире продолжил нарастать. Это было связано с усилением геополитической напряженности (Индекс глобальной неопределенности экономической политики вырос с 110 до 185 пунктов в 2010–2018 гг.), а также с увеличением природных рисков. По оценкам, в период между 1980 и 2016 гг. риск таких гидрологических явлений, как наводнения, в Европе увеличился на 400% [Научный консультативный совет европейских академий].

Если рассматривать позиционирование российской экономики в целом в глобальных цепочках создания стоимости, то можно отметить существенный диспаритет в ее интеграции в глобальное производство: на агрегированном уровне российская экономика позиционируется в ГЦСС преимущественно как поставщик сырья [Симачев и др.]. Однако российские отрасли обрабатывающей промышленности значимо интенсивнее интегрированы в ГЦСС. По нашим оценкам, большинство экспортноориентированных производств в средне- и высокотехнологичных отраслях значимо (свыше 70% по добавленной стоимости) зависят от импорта. Это производство электромашин и оборудования, автомобильного и железнодорожного транспорта, медицинской и компьютерной техники, фармацевтики. В меньшей степени (ниже 30% по добавленной стоимости) зависит от импорта ряд низко- и таких среднетехнологичных экспортноориентированных производств, как пищевая, химическая, деревообрабатывающая и металлургическая промышленность. При этом для ряда отраслей отмечается высокая зависимость от импорта компонентов и полуфабрикатов из трех крупнейших хабов ГЦСС – США, Германии и Китая. В числе таких отраслей – сложные экспортноориентированные производства машин и оборудования, пищевой, химической промышленности (рис. 1). В совокупности все это определяет уязвимость российских производств в случае нарушений в глобальных цепочках создания стоимости. Соответственно, нарастание глобальных рисков для функционирования ГЦСС транслируется в нарастание рисков для функционирования российских экспортноориентированных производств в обрабатывающем комплексе.

Рис. 1. Зависимость от импорта добавленной стоимости в экспорте из всей мировой экономики и из трех крупнейших хабов ГЦСС по отраслям российской обрабатывающей промышленности, 2017

Источник: составлено авторами по UNCTAD-EORA GVC Database.

ВЗГЛЯДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГЦСС КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА COVID-19 В ЭКСПЕРТНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения на перемещения людей и товаров между странами вызвали в академическом и политическом сообществе дискуссию о перспективах трансформации глобальных цепочек создания стоимости. При этом мнения экспертов разделили на два лагеря.

Одни эксперты отмечали возрастание необходимости в разрыве цепочек, сокращении офшоринга и возвращении рабочих мест обратно в страну. Подчеркивалось, что эпоха перевода производства на периферию закончилась, а вместе с этим перестал делаться чрезмерный акцент на эффективность и снова начала проявляться забота о потерянных рабочих местах. Пандемия обострила проблему высокой зависимости ряда развитых стран от импорта важнейших лекарств, медицинских приборов и средств индивидуальной защиты. Более того, стремление сократить импортную зависимость быстро распространилось и на другие сектора [Lighthizer; Nienaber].

Другие эксперты, напротив, объясняли нереалистичность естественной трансформации глобальных цепочек. Отмечается, что разворота от глобальной интеграции бизнеса в цепочки можно добиться только с помощью государственной политики, что чревато долгосрочными издержками для экономического роста и процветания. Это особенно верно для развивающихся стран, где глобальные цепочки добавленной стоимости сыграли большую роль в повышении доходов, создании лучших рабочих мест и сокращении бедности. Одновременно отмечалось, что независимость производств от других стран не повысит надежность производств и вряд ли сократит системные риски [Freund; Miroudot].

По нашему мнению, можно выделить как минимум три группы факторов, влияние которых будет определять трансформацию глобальных цепочек создания стоимости в будущем. При этом важно, что все выделенные факторы дуальны: в зависимости от конфигурации цепочки и типа отрасли они могут способствовать как трансформации цепочек, так и сохранению их прежнего состояния (табл. 1).

Первое, издержки ведения международной торговли. Пандемия ускорила внедрение цифровых сервисов и платформ, в том числе на таможнях, что позитивно скажется на снижении стоимостных и транзакционных издержек регулирования и осуществления таможенных операций. Это положительно повлияет на решение фирм о выходе на внешние рынки, поскольку именно таможенно-тарифное регулирование часто называется в качестве одного из основных барьеров для экспорта и импорта. Однако в то же время пандемия ограничила возможности для путешествий и личного общения, а личное взаимодействие все больше признается важным фактором осуществления международной торговли. Прямая связь между возможностью очного общения объясняется с позиций теории о неполных контрактах, когда непосредственное взаимодействие позволяет уточнить и специфицировать контракт, а также с позиций теорий о внешних эффектах от обмена знаниями. Отсюда можно ожидать негативного влияния ограничений в бизнес-путешествиях на развитие торговли дифференцированными товарами.

Второе, волатильность внутри цепочек. С одной стороны, можно утверждать, что высокая локализация производства и ориентация на собственный рынок делают экономику менее подверженной внешним шокам. При этом чем слабее связи с внешними контрагентами и чем более однородный продукт торгуется в цепочках, тем слабее передаются шоки внутри цепочки. Это может вести к «упрощению» сложности цепочек и росту национальных этапов в ГЦСС. С другой стороны, глобальные цепочки создания стоимости характеризуются более крепкими межфирменными связями, что позволяет им быть более устойчивыми к внешним

шокам, подстраиваться под внешние условия и быстрее восстанавливаться в посткризисный период.

Наконец, третье, диверсификация связей в цепочке. Накопленный опыт предыдущих глобальных шоков (включая землетрясение в Японии в 2011 г., пандемию атипичной пневмонии 2002–2004 гг.) свидетельствует о том, что наличие долгосрочных связей и диверсифицированная сеть поставщиков и покупателей способствуют более быстрому восстановлению фирмы. При этом даже те фирмы, которые ранее работали в рамках исторически сложившихся (традиционных) связей, также после кризиса стремились диверсифицировать партнерства (например, опыт компании *Toyota* по диверсификации связей за рамками традиционных связей внутри больших промышленных групп – кэйрецу). Однако перспективы диверсификации и поиска новых поставщиков и покупателей могут быть в определенной степени затруднены в соответствии с уровнем специфичности продукции, а также требований к инвестициям на выстраивание новых логистических маршрутов и сбытовых сетей.

Таблица 1. Факторы, влияющие на трансформацию ГЦСС в постковидном мире

За трансформацию	Против трансформации
Издержки ведения международной торговли	
цифровизация и автоматизация таможенных операций, упрощение регулирования перемещения через границы сотрудников транспортных компаний [World Bank;].	рост транзакционных издержек при общении face-to-face в сопровождении регулярных бизнес-операций, поиске новых партнеров [Bernard et al.; Startz; Cristea].
Волатильность внутри цепочек	
экономика с локализованными связями меньше зависит от внешних шоков [Antras, Yeaple; Henriot et al.]; чем сильнее связи в цепочке, тем сильнее удар [Di Giovanni et al.]; чем более специфичны полуфабрикаты в цепочке, тем сильнее удар по цепочке [Boehm et al.; Barrot, Sauvagnat].	международная торговля может абсорбировать риски и волатильность [Freund; Miroudot; Caselli et al.], это было показано еще задолго до пандемии [Haddad et al.; Parinduri; Cavallo]; нет свидетельств, что более сложные цепочки оказались под бóльшим ударом [Miroudot].
3. Диверсификация связей в цепочке	
диверсифицированная сеть поставщиков более уязвима к шокам, но позволяет переключаться между поставщиками и выигрывать в долгосрочном периоде, это подтверждается опытом пандемии SARS в 2003 г. и землетрясения в Японии в 2011 г. [Huang; Matous, Todo; Jain et al.; Todo et al.]; зависимость от одного доминантного поставщика или покупателя более уязвима для шоков [Acemoglu et al.].	торговля концентрирована по поставщикам [Kramarz et al.]; высока роль отдачи от масштаба [Lund et al.], специфики продукции и инвестиций для сложных сетей [Leering et al.; Lund et al.], нематериальных активов [Beattie; Bolatto et al.].

Источник: составлено авторами.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО С ЦЕПОЧКАМИ В РОССИИ?²

Проведенная нами серия углубленных интервью с руководителями компаний и бизнес-ассоциаций позволила выявить, что вопреки ожиданиям российские компании не почувствовали масштабных разрывов и нарушений в работе глобальных цепочек создания стоимости. Пандемия сказалась не столько на глобальных цепочках, сколько на их национальных этапах: предприятия чаще отмечали трудности с логистикой (продукцией, сотрудниками) внутри страны – между регионами и внутри них.

Среди факторов, которые определили трансформацию взаимоотношений внутри цепочек, как позитивный фактор можно выделить ускоренную цифровизацию взаимоотношений внутри цепочки: выиграли те компании, которые инвестировали в цифровизацию заранее. Компании в секторе розничной торговли, которые еще задолго до пандемии начали внедрять омниканальный способ взаимодействия с потребителем, в том числе возможность электронного оформления заказов и возможность доставки товаров, оказались в выигрыше, особенно во время локдауна. Это в большей степени проявилось для сектора непродовольственной торговли, работа которого в офлайн-режиме была практически приостановлена в целях противодействия распространению инфекции. Опрошенные нами компании химической промышленности также отмечали, что еще до начала пандемии в тестовом режиме опробовали форматы удаленной работы для части сотрудников. В особенности это было характерно для международных компаний.

Деструктивным фактором трансформации цепочек стала несогласованность действий со стороны игроков: высокая неопределенность в отношении будущего спроса, в частности в фармацевтической отрасли, привела к тому, что производители лекарств на время столкнулись с отсутствием спроса со стороны крупных сетей – последние стремились сохранить наличные средства и не делать большие запасы продукции; однако этот эффект носил краткосрочный характер и вскоре цепочки в фармацевтическом производстве восстановились³.

Можно выделить гораздо больше факторов, которые определили сохранение существующей конфигурации цепочек:

Автоматизация производств спасла от остановки предприятия и определила поддержание работы глобальных цепочек создания стоимости. Это, в частности, было характерно для фармацевтической, химической, автомобильной промышленности;

Возможность накопить запасы позволила предприятиям переждать период локдауна, который был относительно краткосрочным. Важно, что такой стратегией удалось воспользоваться даже тем отраслям, где полуфабрикаты имеют короткий срок годности (на основе опыта компаний фармацевтической промышленности);

Гибкость межфирменных взаимодействий и готовность компаний внутри цепочек изменить условия взаимодействия на период кризиса – так, ряду компаний удалось согласовать пересмотр условий платежей и предоставление скидок (на основе опыта компаний химической промышленности).

Стремление компаний сохранить текущие связи и текущую конфигурацию цепочек создания стоимости во многом было определено ограниченностью

² При подготовке раздела использованы результаты проекта «Отраслевые кейсы реагирования компаний на кризис и сценарии посткризисного развития», реализуемого НИУ ВШЭ при поддержке РСПП. В проекте рассмотрены шесть секторов российской экономики: ИТ-сектор, розничная торговля, фармацевтическая промышленность, туристический сектор, химическая и автомобильная промышленность. Основные результаты опубликованы в [Симачев и др.].

³ Важно отметить, что высокая зависимость российских фармпроизводителей от импортных субстанций не повлияла на дефицит сырья вследствие быстрого восстановления экономики Китая.

альтернативных поставщиков компонентов. Вероятно, именно с этим была связана готовность фирм пойти на пересмотр условий контрактов и/или переждать возникшие ограничения. Прежде всего, это касалось химической, автомобильной, фармацевтической промышленности.

На основании изученного опыта создается впечатление, что трансформация глобальных цепочек создания стоимости с участием российских компаний ограничена по масштабам. Однако и устойчивость довольно хрупка: хотя цифровизация способствует устойчивости, интенсивность внедрения цифровых технологий в российских компаниях по-прежнему остается на достаточно низком уровне [Кузык и др.]. Предварительные результаты свидетельствуют, что включение и репозиционирование в глобальных цепочках требует наличия у компаний передовых технологий, это создает сразу два ограничения для российских компаний. С одной стороны, далеко не все российские компании видят потенциал и новые возможности, которые приносит внедрение передовых технологий (например, вход на глобальные платформы). С другой стороны, далеко не всегда российские компании внедряют такие технологии, которые бы соответствовали зарубежным стандартам и открывали дорогу в ГЦСС. Одним из объяснений этого является то, что интеграция предприятий в глобальные цепочки требует, как правило, человеческого капитала иного типа, с новыми навыками – как на уровне производственного персонала, так и на уровне руководства, при этом такие сотрудники часто находятся в дефиците, а приобретение соответствующих навыков требует времени.

КАКАЯ ПОЛИТИКА НУЖНА РОССИИ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ И В УСЛОВИЯХ НАРУШЕНИЯ ЦЕПОЧЕК?

Независимо от того, насколько сильно будут трансформироваться глобальные цепочки создания стоимости в постковидном мире, основной задачей российской политики должно стать наращивание конкурентоспособности российских компаний на глобальной арене и повышение их готовности к встраиванию в цепочки и репозиционированию.

Первое, необходимо формирование национальных фрагментов ГЦДС, в том числе вывод на требуемые мощности производителей компонентов (развитие новых сетей субподряда, содействие конкуренции в цепочках поставок на всех уровнях; поддержка сдвига в инвестиционных секторах от вертикальной к горизонтальной координации; субсидии для проектов «легкого импортозамещения», в частности в легкой промышленности, в мебельной промышленности, а также в креативных индустриях). Это позволит нарастить добавленную стоимость на национальных этапах глобальных цепочек, снизить зависимость национальных производителей от иностранных поставщиков и таким образом ограничить зависимость от глобальных шоков, передающихся через каналы импорта.

Второе, требуется выращивание малого и среднего конкурентоспособного и экспортноориентированного бизнеса, в том числе в отраслях высоких переделов (субсидии экспортерам в интересах развития их сетей субподряда в российской экономике, привлечение стратегических иностранных инвесторов, формирование специальных программ в государственных институтах развития, в том числе в Фонде содействия инновациям и Фонде развития промышленности, организация конкурсов и премий для «молодых» компаний, осваивающих новые рынки). Это будет способствовать увеличению возможностей встраивания России в глобальные цепочки, в том числе в рамках трансформации ГЦСС. В свою очередь, через каналы обучения и обмена знаниями участие в ГЦСС будет создавать позитивные эффекты для национальных производителей.

Третье, востребованной является поддержка присоединения компаний к глобальным платформенным решениям и цифровизация бизнеса (стимулирование массового распространения типовых малобюджетных инноваций (коробочных продуктов)). Эти целесообразно для укрепления позиций российских компаний в глобальных цепочках и повышения устойчивости межфирменных связей.

Четвертое, следует поддерживать цифровую трансформацию бизнеса и наращивание вложенности сектора услуг в российские этапы цепочек (создание специальных программ поддержки технологической модернизации экспортеров и косвенных экспортеров, ориентированных на продуктовые и процессные инновации, в том числе предусматривающие повышение квалификации работников). Такие меры будут повышать сложность производимых продуктов российскими компаниями и увеличивать их конкурентоспособность на глобальных рынках, что, в свою очередь, будет обеспечивать более устойчивые межфирменные связи и более высокую готовность к глобальным шокам

Пятое, необходимо содействовать выходу компаний на новые рынки, в том числе через инструменты поддержки межотраслевых производственных партнерств («связующие гранты») для реализации кооперационных проектов компаниями смежных отраслей, а также гранты, поощряющие освоение новых географических рынков. Выход на новые рынки часто является поисковой задачей и далеко не всегда сразу приводит к успеху, однако поисковые задачи крайне важны, в особенности в периоды нестабильности и структурных сдвигов, поскольку часто это позволяет находить новые привлекательные рыночные ниши, которые впоследствии становятся драйверами роста компаний и целых секторов.

Наконец, требуется поддержка перехода бизнеса на устойчивые модели развития и современные стандарты (популяризация устойчивого развития в корпоративном управлении, проведение тематических мероприятий). В условиях нарастания глобальных рынков и высокой неопределенности переход на устойчивые модели бизнеса прежде всего характерен для крупных компаний, но даже среди них не все заранее видят целесообразность, в то время как небольшие компании часто даже не задумываются о такой необходимости. Поддержка перехода к устойчивым бизнес-моделям как малого и среднего, так и крупного бизнеса будет способствовать снижению подверженности российских отраслей и экономики в целом локальным, национальным и глобальным шокам, в том числе через повышение устойчивости национальных и глобальных цепочек.

Список литературы

Кузык М.Г., Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Адаптация российских промышленных компаний к вызовам цифровой трансформации // Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы / Науч. ред. А.Л. Кудрин, А.Д. Радыгин, С.Г. Синельников-Мурылев. Вып. 41. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 499–513.

Симачев Ю.В., Акиндинова Н.В., Глухова М.Н., Долгопятова Т.Г., Ершова Н.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Яковлев А.А. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие // XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. С. 1–45.

Acemoglu D., Carvalho V.M., Ozdaglar A., Tahbaz-Salehi A. The network origins of aggregate fluctuations // *Econometrica*. 2012. Vol. 80. No. 5. P.1977–2016. DOI: 10.3982/ECTA9623

Antràs P., Yeaple S. R. Multinational firms and the structure of international trade // Handbook of international economics. Vol. 4. Amsterdam: Elsevier, 2019. P. 55–130.

Barrot J.-N., Sauvagnat J. Input Specificity and the Propagation of Idiosyncratic Shocks in Production Networks // *The Quarterly Journal of Economics*. 2016. Vol. 131. No. 3. P. 1543–1592. DOI: 10.1093/qje/qjw018

Beattie A. Will coronavirus pandemic finally kill off global supply chains? // *Financial Times*. 28.05.2020. URL: <https://www.ft.com/content/4ee0817a-809f-11ea-b0fb-13524ae1056b> (accessed: 18.05.2021).

Bernard A.B., Moxnes A., Saito Y.U. Production networks, geography, and firm performance // *Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 127. No. 2. P. 639–688. DOI: 10.1086/700764

Boehm C., Flaaen A., Pandalai-Nayar N. Input Linkages and the Transmission of Shocks: Firm-Level Evidence from the 2011 Tōhoku Earthquake // *The Review of Economics and Statistics*. 2019. Vol. 101. No. 1. P. 60–75.

Bolatto S., Naghavi A., Ottaviano G.I., Zajc K. Intangible assets and the organization of global supply chains // *SSRN Electronic Journal*. Quaderni - Working Paper DSE, No. 1105, Alma Mater Studiorum – Università di Bologna, Dipartimento di Scienze Economiche (DSE). Bologna: Dipartimento di Scienze economiche DSE, 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china> (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.6092/unibo/amsacta/5688

Caselli F., Koren M., Lisicky M., Tenreyro S. Diversification Through Trade // *The Quarterly Journal of Economics*. 2020. Vol. 135. No. 1. P. 449–502. DOI: 10.1093/qje/qjz028

Cavallo E.A. Output volatility and openness to trade: A reassessment // *Economia*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 105–152.

Cristea A.D. Buyer-seller relationships in international trade: Evidence from U.S. States' exports and business-class travel // *Journal of International Economics*. 2011. Vol. 84. No. 2. P. 207–220. DOI: 10.1016/j.jinteco.2011.02.003

Di Giovanni J., Levchenko A.A., Mejean I. Firms, destinations, and aggregate fluctuations // *Econometrica*. 2014. Vol. 82. No. 4. P. 1303–1340. DOI: 10.3982/ECTA11041

Freund C. Governments Could Bring Supply Chains Home. It Would Defy Economic Rationality // *Barron's*. 01.05.2020. URL: <https://www.barrons.com/articles/will-supply-chains-come-home-after-the-coronavirus-recession-51588327200> (accessed: 18.05.2021).

Haddad M., Li J.J., Pancaro C., Saborowski C. Trade openness reduces growth volatility when countries are well diversified // *Canadian Journal of Economics*. 2013. Vol. 46. No. 2. P. 765–790. DOI: 10.1111/caje.12031

Henriet F., Hallegatte S., Tabourier L. Firm-network characteristics and economic robustness to natural disasters // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2012. Vol. 36. No. 1. P. 150–167. DOI: 10.1016/j.jedc.2011.10.001

Huang H. Germs, roads and trade: Theory and evidence on the value of diversification in global sourcing // *SSRN Electronic Journal*. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=3095273> (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.2139/ssrn.3095273

Jain N., Girotra K., Netessine S. Recovering from Supply Interruptions: The Role of Sourcing Strategy // *SSRN Electronic Journal*. 2020. INSEAD Working Paper No. 2016/58/TOM. URL: <https://ssrn.com/abstract=2682522> (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.2139/ssrn.2682522

Kramarz F., Martin J., Mejean I. Volatility in the small and in the large: The lack of diversification in international trade // *Journal of International Economics*. 2020. Vol. 122. DOI: 10.1016/j.jinteco.2019.103276

Leering R., Spakman T., Konings J. COVID-19 calls for more resilient production chains, but that's easier said than done. 25.06.2020. URL: <https://think.ing.com/articles/COVID-19-calls-for-more-resilient-production-chains-but-thats-easier-said-than-done> (accessed: 18.05.2021).

Lighthizer R.E. The Era of Offshoring U.S. Jobs Is Over // *The New York Times*. 11.05.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/11/opinion/coronavirus-jobs-offshoring.html> (accessed: 18.05.2021).

Lund H., Steen M. Make at home or abroad? Manufacturing reshoring through a GPN lens: A Norwegian case study // *Geoforum*. 2020. Vol. 113. P. 154–164.

Lund S., Manyika J., Woetzel J., Barriball E., Krishnan M., Alicke K., Birshan M., George K., Smit S., Swan D., Hutzler K. Risk, resilience, and rebalancing in global value chains // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains> (accessed: 18.05.2021).

Matous P., Todo Y. Analyzing the coevolution of interorganizational networks and organizational performance: Automakers' production networks in Japan // *Applied Network Science*. 2017. Vol. 2. No. 5. DOI: 0.1007/s41109-017-0024-5

Miroudot S. Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications // COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work / Baldwin R.E. and Evenett S.J. (eds.). Geneva: VoxEU & CEPR, 2020. P. 117–130.

Nienaber M. Germany's Altmaier wants Europe to be less dependent on other countries // Reuters. 09.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-germany-altmaier-idUSKBN22L08E> (accessed: 18.05.2021).

Parinduri R. Growth volatility and trade: evidence from the 1967–1975 closure of the Suez Canal // MPRA Paper. 2012. No. 39040. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/39040/> (accessed: 18.05.2021).

Simachev Y.V., Fedyunina A., Averyanova Y. Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid COVID-19: Prospects for regionalization and implications for economic policy // *Baltic region*. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 128–146. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

Startz M. The value of face-to-face: search and contracting problems in Nigerian trade // *SSRN Electronic Journal*. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=3096685> (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.2139/ssrn.3096685

Todo Y., Nakajima K., Matous P. How do supply chain networks affect the resilience of firms to natural disasters? Evidence from the Great East Japan Earthquake // *Journal of Regional Science*. 2015. Vol. 55. No. 2. P. 209–229. DOI: 10.1111/jors.12119

World Bank. Trading Across Borders: Technology gains in trade facilitation. 2016. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/case-studies/2016/tab> (accessed: 18.05.2021).

WTO. COVID-19 and Global Value Chains: A Discussion of Arguments on Value Chain Organization and the Role of the WTO // WTO Working Papers. 2021. No. 2021/03. URL: https://www.wto-ilibrary.org/economic-research-and-trade-policy-analysis/COVID-19-and-global-value-chains_40db0106-en (accessed: 18.05.2021). DOI: 10.30875/40db0106-en

References

Acemoglu, D., Carvalho, V.M., Ozdaglar, A., Tahbaz-Salehi, A. (2012). The network origins of aggregate fluctuations // *Econometrica*. Vol. 80. No. 5. P.1977–2016. DOI: 10.3982/ECTA9623

Antràs, P., Yeaple, S.R. (2019). Multinational firms and the structure of international trade // *Handbook of international economics*. Vol. 4. Amsterdam: Elsevier. P. 55–130.

Barrot, J.-N., Sauvagnat, J. (2016). Input Specificity and the Propagation of Idiosyncratic Shocks in Production Networks // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 131. No. 3. P. 1543–1592. DOI: 10.1093/qje/qjw018

Beattie, A. Will coronavirus pandemic finally kill off global supply chains? // *Financial Times*. 28.05.2020. URL: <https://www.ft.com/content/4ee0817a-809f-11ea-b0fb-13524ae1056b> (accessed: 18 May, 2021).

Bernard, A.B., Moxnes, A., Saito, Y.U. (2019). Production networks, geography, and firm performance // *Journal of Political Economy*. Vol. 127. No. 2. P. 639–688. DOI: 10.1086/700764

Boehm, C., Flaaen, A., Pandalai-Nayar, N. (2019). Input Linkages and the Transmission of Shocks: Firm-Level Evidence from the 2011 Tōhoku Earthquake // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 101. No. 1. P. 60–75.

Bolatto, S., Naghavi, A., Ottaviano, G.I., Zajc, K. (2017). Intangible assets and the organization of global supply chains // *SSRN Electronic Journal*. Quaderni - Working Paper DSE, No. 1105, Alma Mater Studiorum – Università di Bologna, Dipartimento di Scienze Economiche (DSE). Bologna: Dipartimento di Scienze economiche DSE. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china> (accessed: 18 May, 2021). DOI: 10.6092/unibo/amsacta/5688

Caselli, F., Koren, M., Lisicky, M., Tenreyro, S. (2020). Diversification Through Trade // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 135. No. 1. P. 449–502. DOI: 10.1093/qje/qjz028

Cavallo, E.A. (2008). Output volatility and openness to trade: A reassessment // *Economia*. Vol. 9. No. 1. P. 105–152.

Cristea, A.D. (2011). Buyer-seller relationships in international trade: Evidence from U.S. States' exports and business-class travel // *Journal of International Economics*. Vol. 84. No. 2. P. 207–220. DOI: 10.1016/j.jinteco.2011.02.003

Di Giovanni, J., Levchenko, A.A., Mejean, I. (2014). Firms, destinations, and aggregate fluctuations // *Econometrica*. Vol. 82. No. 4. P. 1303–1340. DOI: 10.3982/ECTA11041

Freund, C. Governments Could Bring Supply Chains Home. It Would Defy Economic Rationality // *Barron's*. 01.05.2020. URL: <https://www.barrons.com/articles/will-supply-chains-come-home-after-the-coronavirus-recession-51588327200> (accessed: 18 May, 2021).

Haddad, M., Li, J.J., Pancaro, C., Saborowski, C. (2013). Trade openness reduces growth volatility when countries are well diversified // *Canadian Journal of Economics*. Vol. 46. No. 2. P. 765–790. DOI: 10.1111/caje.12031

Henriet, F., Hallegatte, S., Tabourier, L. (2012). Firm-network characteristics and economic robustness to natural disasters // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 36. No. 1. P. 150–167. DOI: 10.1016/j.jedc.2011.10.001

Huang, H. (2017). Germs, roads and trade: Theory and evidence on the value of diversification in global sourcing // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3095273> (accessed: 18 May, 2021). DOI: 10.2139/ssrn.3095273

Jain, N., Girotra, K., Netessine, S. (2016). Recovering from Supply Interruptions: The Role of Sourcing Strategy // *SSRN Electronic Journal*. INSEAD Working Paper No. 2016/58/TOM. URL: <https://ssrn.com/abstract=2682522>. (accessed: 18 May, 2021). DOI:10.2139/ssrn.2682522

Kramarz, F., Martin, J., Mejean, I. (2020). Volatility in the small and in the large: The lack of diversification in international trade // *Journal of International Economics*. Vol. 122. DOI: 10.1016/j.jinteco.2019.103276

Kuzyk, M.G., Simachev, Yu.V., Fedyunina A.A. (2020). Adaptaciya rossijskih promyshlennyh kompanij k vyzovam cifrovoj transformacii [Adaptation of Russian manufacturing companies to the challenges of digital transformation] // *Rossijskaya ekonomika v 2019 godu. Tendencii i perspektivy [Russian economy in 2019: Trends and perspectives]* (Kudrin, A.L., Radygin, A.D., Sinelnikov-Murylev, S.G. (eds.)). Vol. 41. P. 499–513. (In Russian.)

Leering, R., Spakman, T., Konings, J. COVID-19 calls for more resilient production chains, but that's easier said than done. 25.06.2020. URL: <https://think.ing.com/articles/COVID-19-calls-for-more-resilient-production-chains-but-thats-easier-said-than-done> (accessed: 18 May, 2021).

Lighthizer, R.E. (2020) The Era of Offshoring U.S. Jobs Is Over // The New York Times. 11.05.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/11/opinion/coronavirus-jobs-offshoring.html> (accessed: 18 May, 2021).

Lund, H., Steen, M. (2020). Make at home or abroad? Manufacturing reshoring through a GPN lens: A Norwegian case study // *Geoforum*. Vol. 113. P. 154–164.

Lund, S., Manyika, J., Woetzel, J., Barriball, E., Krishnan, M., Alicke, K., Birshan, M., George, K., Smit, S., Swan, D., Hutzler, K. (2020). Risk, resilience, and rebalancing in global value chains // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains> (accessed: 18 May, 2021).

Matous, P., Todo, Y. (2017). Analyzing the coevolution of interorganizational networks and organizational performance: Automakers' production networks in Japan // *Applied Network Science*. Vol. 2. No. 5. DOI: 0.1007/s41109-017-0024-5

Miroudot, S. (2020). Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications, *COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work* (Baldwin, R.E. and Evenett, S.J. (eds.)). Geneva: VoxEU & CEPR. P. 117–130.

Nienaber, M. (2020) Germany's Altmaier wants Europe to be less dependent on other countries // Reuters, 09.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-germany-altmaier-idUSKBN22L08E> (accessed: 16 April, 2021).

Parinduri, R. (2012). Growth volatility and trade: evidence from the 1967-1975 closure of the Suez Canal // MPRA Paper No. 39040. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/39040/>

Simachev Yu., Fedyunina A., Averyanova Y. (2020). Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid COVID-19: Prospects for regionalization and implications for economic policy, *Baltic region*, Vol. 12, No. 4, P. 128–146. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

Simachev Yu.V., Akindinova N.V., Glukhova M.N., Dolgopyatova T.G., Ershova N.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Yakovlev A.A. (2021). Ocenka vliyaniya krizisa, svyazannogo s pandemiej COVID-19, na otrasli rossijskoj ekonomiki i ih postkrizisnoe razvitie [Assessment of the impact of the COVID-19 pandemic crisis on Russian industries and their post-crisis development] // *XXII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [XXII April Conference on Economic and Social Development]*. P. 1–45. (In Russian.)

Startz, M. (2016). The value of face-to-face: search and contracting problems in Nigerian trade // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3096685>. DOI: 10.2139/ssrn.3096685

Todo, Y., Nakajima, K., Matous, P. (2015). How do supply chain networks affect the resilience of firms to natural disasters? Evidence from the Great East Japan Earthquake // *Journal of Regional Science*. Vol. 55. No. 2. P. 209–229. DOI: 10.1111/jors.12119

World Bank (2016). Trading Across Borders: Technology gains in trade facilitation. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/case-studies/2016/tab> (accessed: 18 May, 2021).

WTO (2021). COVID-19 and Global Value Chains: A Discussion of Arguments on Value Chain Organization and the Role of the WTO // WTO Working Papers. No. 2021/03. WTO. Geneva. URL: https://www.wto-ilibrary.org/economic-research-and-trade-policy-analysis/COVID-19-and-global-value-chains_40db0106-en (accessed: 18 May, 2021). DOI: 10.30875/40db0106-en

Е.О. ЗАКЛЯЗЬМИНСКАЯ
«ДВОЙНАЯ ЦИРКУЛЯЦИЯ» – НОВАЯ ПОСТКРИЗИСНАЯ МОДЕЛЬ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЕ

Аннотация. В мае 2020 г., в разгар мировой борьбы с вирусом, власти Китая анонсировали новую модель экономического роста, получившую название «двойная циркуляция». В ходе проведения политики реформ и открытости наряду с очевидными успехами Китай столкнулся с рядом нерешенных структурных проблем. Действующая макроэкономическая модель перестала обеспечивать прежние темпы прироста экономики. Начиная с 2010 г., все более остро вставал вопрос о необходимости проведения структурных реформ. С приходом к власти пятого поколения руководителей в 2012 г. Пекин приступил к реализации программ, нацеленных на преодоление существующих дисбалансов. Поочередно был запущен ряд инициатив («Пояс и путь», концепция «новой нормальности», программа «Сделано в Китае 2025», реформа в сфере предложения, стратегия «шести стабильностей» и пр.), но их оказалось недостаточно. Более того, 2020 г. должен был стать важным рубежом новейшей истории КНР: в рамках долгосрочного планирования он рассматривался в качестве переходного на пути к строительству «идеального» общества: от малого благоденствия (*сяокан*) к всеобщей зажиточности (*фуюй*).

В исследовании предложен авторский прогноз трансформации экономической системы страны. Доказано, что в случае успеха реформы в области потребления в Китае будут увеличены объемы импорта, а роль масштабных инвестиций в основные фонды, которые обеспечивали высокие темпы прироста экономики в предыдущие десять-двадцать лет, будет снижаться. В ходе реформы будут созданы новые цепочки добавленной стоимости, производственные мощности и рабочие места. Спрос внутри страны станет драйвером восстановления мировой экономики после пандемии. Меняющийся ландшафт экономики Китая приведет к фундаментальным сдвигам всей мировой экономики.

Ключевые слова: Китай; пандемия; COVID-19; двойная циркуляция; глобализация; структурные реформы; внутренний спрос; инвестиции; экспорт; импорт; потребление

Автор: Заклязьминская Екатерина Олеговна, к.э.н., научный сотрудник, Центр азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, e-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

EKATERINA ZAKLIAZMINSKAIA
«DUAL CIRCULATION» AS A NEW POSTPANDEMIC MODEL OF ECONOMIC
GROWTH IN CHINA.

Abstract. The COVID-19 pandemic has shocked the global economy. Faced with a biological threat unprecedented in the history of modern China, Beijing risked economic growth, but contained the spread of the infection. In May 2020, in the midst of the global fight against the virus, the Chinese authorities announced a new model of economic growth, named «dual circulation».

The author concludes that the coronavirus pandemic has not become a determining factor in changing the model. In pursuing the open-door policy, along with obvious successes, China has faced a number of unresolved structural problems. The current macroeconomic model has ceased to provide the previous rates of economic growth. Since 2010, the issue of structural reforms has become more and more acute. With the coming to power of the fifth generation of leaders in 2012, Beijing has embarked on programs aimed at overcoming existing imbalances. A number of initiatives were launched

in turn (the Belt and Road Initiative, the New Normal, the Made in China 2025 program, the supply-side reform, the Six Stability Strategy, etc.), but they were not enough. Moreover, 2020 was supposed to become an important milestone in the modern history of China: in the framework of long-term planning, 2020 was seen as a transitional year on the path to building an «ideal» society: from a moderately prosperous society (xiaokang) to a common prosperity (fuyu).

The study offers the author's forecast of the transformation of the economic system of China. It is proved that if the reform in the field of consumption in China is successful, the volume of imports will increase, and the role of large-scale investments in fixed assets, which guaranteed high rates of economic growth in the previous 10-20 years, will decrease. The reform will create new value chains, production facilities and jobs. China's domestic demand will drive the global economic recovery after the pandemic. The changing

Keywords: China; pandemic; COVID-19; dual circulation; globalization; structural reforms; domestic demand; investment; export; import; consumption

Author: Zakliazminskaja Ekaterina Olegovna, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO RAN, e-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Пандемия коронавирусной инфекции оказала шоковое воздействие на мировую экономику. Турбулентность мировой экономики, неустойчивость на внутренних рынках и накопленные системные риски в экономике Китая в ходе проведения политики реформ и открытости выявили необходимость форсированной структурной трансформации модели экономического роста. Уже в мае 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин обозначил новый курс макроэкономической политики, названный им «двойной циркуляцией».

Прежняя модель сложилась в ходе проведения экономической модернизации и перехода к рынку. Однако, вслед за углублением реформ возникла необходимость в ее пересмотре. С 2010 г. экономика Китая перестала демонстрировать прежние двузначные темпы роста. С приходом пятого поколения руководителей Китая с Си Цзиньпином во главе в среде экономистов активизировались обсуждения новых стратегий экономической политики, которые привели к выводу о необходимости проведения структурных реформ. Пекин приступил к реализации программ, нацеленных на преодоление существующих дисбалансов. Но фундаментальные диспропорции по-прежнему сохранялись: на фоне средневысоких темпов прироста экономики Китай столкнулся с проблемой внутренней долговой нагрузки, роста банкротств предприятий, высокой зависимостью в ряде отраслей от импортных поставок по номенклатуре товаров, критически необходимых для китайской промышленности (*полупроводников и пр.*), удорожанием рабочей силы, оттоком капитала. Наличие избыточных производственных мощностей в ряде отраслей (*сталь, алюминий, цемент, стекло и пр.*) дало старт реформе в сфере предложения, а ужесточения в экологической политике форсировали перенос производственных мощностей за рубеж. Однако коренного пересмотра модели экономического роста не происходило. Власти Китая осознавали, что слом модели несет за собой высокие риски. Более того, именно эволюционный характер проводимых реформ показал успешность китайского пути. Но коронавирусная повестка, драматическое сокращение ВВП Китая в 1 квартале 2020 г. на 6,8% и стремительное распространение вируса по всему миру вынудили власти страны начать форсированное обсуждение новой экономической реформы.

Смену модели экономического роста с опорой преимущественно на внутренний рынок и потребление изучали такие видные российские китаеведы, как Ломанов А.В. [Ломанов, с. 17], Новоселова Л.В. [Новоселова, с. 80], Островский А.В. [Островский,

с. 219], Салицкий А.И. [Салицкий, с. 68] и др. Ломанов А.В. считает, что стратегия «двойной циркуляции» заслуживает детального внимания со стороны исследователей, поскольку она, по меньшей мере, на пятнадцать лет будет определять траекторию развития экономики Китая [Ломанов, с. 15].

Западные исследователи тоже проявляют нескрываемый интерес к новой модели. В частности, Г. Бейтс, профессор Университета Маккуори и старший научный сотрудник Королевского института объединенных служб в Лондоне полагает, что стратегия «двойной циркуляции» направлена на то, чтобы защитить Китай от рисков, связанных с неопределенностью мировой экономики [Bates].

В среде китайских ученых новая модель еще не получила детального изучения. Стоит отметить нашу недавнюю статью господина Цуй Чжигана, работающего в органах власти провинции Гуандун, вышедшую в ноябре 2020 г. в Наньфан Жибао, газете комитета коммунистической партии Китая одноименной провинции. В своей статье Цуй детально разбирает содержание «двойной циркуляции», утверждая, что, взяв за основу внутренний рынок, она сможет нивелировать дисбалансы экономики Китая. По его мнению, модель типична для развитых стран и Китаю стоит быстрее перейти к ней, поскольку не существует ни единой сверхдержавы, экономика которой опиралась бы на внешние рынки [Цуй Чжиган]. Статья в дальнейшем была перепечатана во многих центральных СМИ и получила широкий общественный резонанс. Многие ученые подхватили идеи Цуя. Например, профессор Ли Ян, видный китайский экономист, председатель Национальной лаборатории финансов и развития Китайской академии общественных наук (КАОН), вслед за Цуй Чжиганом уверен в том, что Китаю пора преодолевать чрезмерную зависимость от внешнего мира. Он приводит в пример Германию, США и Японию, где зависимость от экспортной торговли составляет соответственно 70,8% (*фактор европейской интеграции*), 19,7% и 28% [Ли Ян]. Директор государственного статистического управления Китая Нин Цжичжэ полностью поддерживает своевременное внедрение модели «двойной циркуляции», полагая, что экономический рост должен основываться на внутреннем спросе и Китаю стоит активнее использовать преимущества своего внутреннего рынка. Масштабные накопления населения должны приносить реальные инвестиционные результаты. Китай должен продолжать курс на увеличение внешней открытости и правильно проявлять роль «тройки» (*расчет ВВП при помощи метода конечного использования. – Прим. авт.*) экономического роста в новой модели [Нин Цжичжэ].

Основной задачей данного исследования является анализ причин смены модели экономического роста, содержание трансформации и ее влияние на мировую экономическую систему.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

При расчете ВВП Китай склоняется к методу использования доходов, который суммирует расходы всех секторов по трем составляющим: чистому экспорту товаров и услуг, валовому накоплению и конечному потреблению. Данные составляющие в Китае принято называть «тройкой» или «триада колесниц» (*сань цзя ма чэ*) [Бергер, с. 114]. Балансирующей статьей счета распределения первичных доходов являются валовые национальные сбережения. С начала экономической модернизации Китай характеризуется высокой нормой национальных сбережений, которые являются ключевым параметром, определяющим темпы экономического роста.

Экономику Китая на протяжении всего периода реформ, особенно после вступления в ВТО в 2001 г. характеризовали следующие черты: чрезмерные инвестиции в основные фонды, высокий уровень зависимости от экспортной торговли и сравнительно низкая доля конечного потребления.

Еще в 2006 г. четвертым поколением руководителей Китая во главе с Ху Цзиньтао было отмечено, что основные риски экономической системы Китая заключаются в чрезмерных валютных запасах и положительном сальдо внешней торговли. Была начата работа по выравниванию дисбалансов между инвестициями и потреблением, внешним и внутренним спросом. Но реальная эффективность усилий властей была чрезвычайно низкой.

С приходом пятого поколения руководителей работа над структурной трансформацией была продолжена. Политика «новой нормальности», озвученная председателем КНР Си Цзиньпином в 2014 г., реформа в области предложения, начавшаяся в 2015 г., стратегия «шести стабильностей» (*к которой относится работа в области занятости, финансов, внешней торговли, иностранных инвестиций, национальных инвестиций и ожиданий*), инициированная в 2019 г., были призваны нивелировать дисбалансы экономической системы. Для ускорения перехода к высокой норме потребления и снижения зависимости от экспортной торговли власти Китая балансировали между проведением политики, нацеленной на стимулирование деловой активности (*при помощи политики «дешевых» денег*), и усилением контроля над качеством китайских инвестиций. Но вышеназванные меры не смогли решить системные проблемы экономики Китая, накопленные за предыдущие сорок лет реформ.

В 2020 г., когда «вялость» внешних рынков стала очевидной и перспективы скатывания в долгосрочную рецессию приобрели более осязаемый характер, власти КНР пришли к выводу, что прежние стимулирующие механизмы без трансформации всей модели не приведут к необходимому росту деловой активности.

Для преодоления рецессии и достижения задач удвоения ВВП и доходов населения к 2035 г. требовалась кардинально новая стратегия, но, по опыту китайских законодателей, она должна была эволюционировать из успешных и работающих механизмов, уже апробированных в стране. Некоторые исследователи полагают, что «двойная циркуляция» объединила уже знакомые Пекину этапы: в 1950-70-е гг. Китай был закрыт для внешнего мира, страна опиралась лишь на свои силы и внутренний рынок, в 1980-2020 гг. проводилась политика реформ и открытости, которая сделала Китай зависимым от внешних рынков и экспорта продукции. [Ломанов, с.17]. «Двойная циркуляция» объединила обе стратегии воедино, дав возможность избежать шоковых сценариев.

Необходимость новой концепции определялась тем, что проводимая политика реформ и открытости не была лишена недостатков: зависимость Китая от своих основных контрагентов (*в первую очередь США и ЕС*) поставила под угрозу устойчивость экономики страны. Например, в 2003-2008 гг. уровень зависимости от экспортной торговли превышал 50-60% ВВП (*в 2007 г. он достиг рекордные 68% ВВП [Ли Синь, Сюй Дяньцин]*). Целенаправленная политика властей смогла снизить этот показатель до 31,9% в 2019 г., но Пекин не готов останавливаться на достигнутом. С 2015 г. в Китае ведется планомерная долгосрочная политика по ликвидации чрезмерной зависимости от внешнего рынка. Программа «Сделано в Китае 2025», существенные расходы на НИОКР (*более 2% ВВП*), и перспектива осуществить переход от «Сделано в Китае» к «Создано в Китае» позволят снизить зависимость от внешнего рынка до 20%. Снижение зависимости от экспортной торговли даст возможность относительно быстро ликвидировать последствия региональных, мировых кризисов и новых угроз современности.

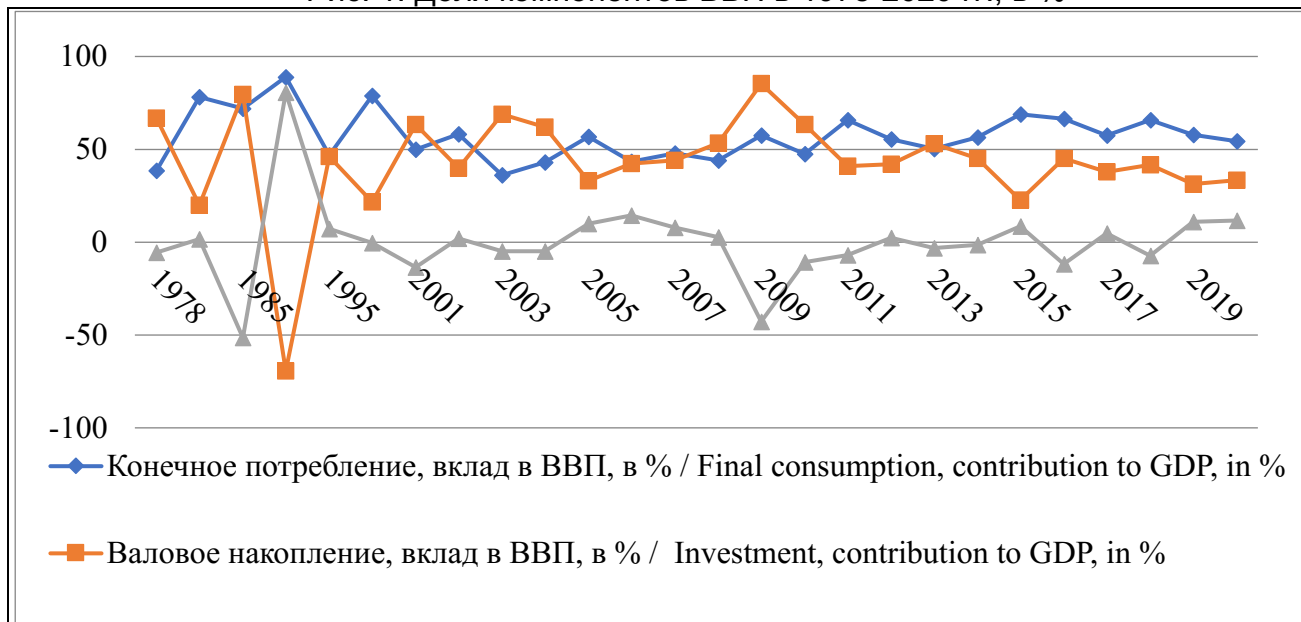
После вступления в ВТО в 2001 г. и активного этапа экспортной ориентации экономики Китай накопил значительный профицит торгового баланса. Например, в 2006-2008 гг. он держался на уровне 6% ВВП, в 2020 г. сократился до более «разумных» 3,7% [Статистический ежегодник...]. Положительное сальдо торгового баланса оказывало давление на экономику. Кроме позитивных факторов, к которым

стоит отнести рост доходов государственного бюджета, возможности развития инфраструктуры, повышения заработных плат, увеличения денежной массы в обращении, торговый профицит в иностранной валюте приводит к ревальвации национальной валюты и дефляции, оказывая негативное воздействие на хозяйствующие субъекты. Профицит в Китае покрывался стандартными инструментами: девальвацией национальной валюты, увеличением государственных расходов, привлечением иностранных инвестиций и сдерживанием импорта. Сокращению профицита способствовали и беспрецедентные расходы китайских туристов за рубежом. Внешняя торговля Китая по-прежнему не является полностью рыночно ориентированной. В ходе реализации торговой политики власти продолжают осуществлять контроль над индикаторами внешней торговли при помощи административных рычагов (*лицензирование, квотирование и пр.*). Однако, теперь вместо увеличения положительного сальдо Пекин будет сдерживать его рост, продолжая внешнюю экспансию и наращивание объемов импорта.

Среди дисбалансов экономики Китая стоит также отметить низкую долю внутреннего потребления: по состоянию на 2020 г. всего 55% ВВП приходилось на конечное потребление (см. *Диаграмма 1*). Вступление в ВТО негативно отразилось на развитии внутреннего рынка страны: Пекин расставил акценты в пользу наращивания экспорта. Среднегодовой показатель доли конечного потребления в ВВП в последние двадцать лет лишь в отдельные годы превышал 60%. Но данное явление было обусловлено либо сложностями на внешних рынках (2011, 2016 и 2018 гг.), либо заметным снижением объемов валового накопления (2015 г.), но не увеличением потребления.

Стратегия «двойной циркуляции» призвана приблизить китайскую макроэкономическую модель к развитым странам: Пекин стремится к увеличению доли конечного потребления в ВВП с нынешних 60% до 80% [Лю Цяо]. Ориентиром для Китая служат, прежде всего, США, где доля конечного потребления в ВВП находится на уровне 80-85% [World Bank...].

Рис. 1. Доля компонентов ВВП в 1978-2020 гг., в %

Источник: составлено автором по: [Статистический ежегодник..., таблица 3-14]

Внедрение модели совпало с приближением Китая к «ловушке среднего дохода», которая угрожает Китаю остановкой темпов прироста ВВП после достижения среднего уровня доходов. Стоит согласиться с китайскими

экономистами, которые полагают, что «двойная циркуляция» призвана разрушить данный сценарий [Чэн Ши]. В 2019 г. подушевой ВВП Китая превысил 10 тыс. долл., что позволило ему присоединиться к государствам со средним уровнем дохода. Планка в 12 536 долл., преодолев которую, Китай окажется в одном ряду со странами с высоким уровнем доходов по критериям Всемирного банка, выглядит реальностью ближайшего времени.

Суммируя вышеперечисленные угрозы (*«вялые» внешние рынки, низкий уровень потребления, структурные дисбалансы, приближение к «ловушке среднего дохода» и пр.*), можно утверждать, что Китаю необходим инструмент ликвидации макроэкономических диспропорций, накопленных в его экономике за предыдущие годы проведения политики реформ и открытости.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МОДЕЛИ «ДВОЙНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ»

К характерным чертам модели стоит отнести ее разнонаправленный бинарный вектор. «Двойная циркуляция» состоит из «внешней циркуляции» (*внешняя торговля*) и «внутренней циркуляции» (*внутренний рынок*). Идея кругооборота не нова: впервые концепция «международной циркуляции» была описана в работе китайского экономиста Ван Цзяня еще в 1987 г. [Луконин, Заклязьминская]. Международные рынки (*«внешняя циркуляция»*), на которые Китай делал ставку на протяжении всего периода реформ с 1978 г., отныне рассматриваются лишь в качестве вспомогательного звена. Внутреннее потребление (*«внутренняя циркуляция»*) станет ключевым драйвером экономического роста вплоть до 2035 г. Главная особенность новой модели в том, что Китай впервые с начала политики реформ и открытости официально декларировал отход от прежней экспортоориентированной модели.

В декабре 2020 г. Си Цзиньпин объявил, что Китаю удалось одержать победу над бедностью в стране [Постоянный комитет Политбюро...]. В коронавирусную эпоху мировое сообщество получило сигнал о том, что в крупнейшей экономике мира сформирован емкий потребительский рынок. Устаревшая парадигма, рассматривающая Китай в качестве «мировой фабрики», будет стремительно трансформирована в новую перспективную концепцию, в которой Китаю будет уготована роль мощной мировой силы, на внутренний рынок которой стремятся попасть все страны мира. Идеи о мировой фабрике заменят идеи о мировом потребительском рынке.

Пекин готов пересмотреть и другие штампы, которыми он был «награжден» в ходе реформ. Наряду со стремлением к стабилизации объемов экспорта КНР планирует наращивать объемы импорта. Несмотря на то, что в 2020 г. Китай стал лидером по объемам прямых иностранных инвестиций, впервые обогнав по этому показателю США, страна намерена продолжать стимулирующую политику. В 2020 г. вступил в силу «Закон об иностранных инвестициях», который должен выровнять всех инвесторов в своих правах и ликвидировать прежде существовавшие преференции отдельным категориям инвесторов (*например, китайским эмигрантам хуацяо*).

Модель «двойной циркуляции» не останется незамеченной в среде экономистов и политиков, поскольку для осуществления запланированного перехода Пекину необходимо проводить экономические реформы, трансформирующие рынок. Увеличение доли конечного потребления до уровня развитых стран вынудит Китай сокращать объемы инвестиций в основные фонды и наращивать объемы импорта.

Согласно оптимистичному прогнозу китайских политиков [Статистический ежегодник...], к 2035 г. Китай сможет нарастить объемы внутреннего потребления до 80%, сократить инвестиции в основные фонды с текущих 33,4% до 20% и заметно

увеличить объемы импорта до такого уровня, при котором объемы расходов Китая на закупки зарубежных товаров и услуг составят 20% от ВВП страны.

На наш взгляд, данный прогноз выглядит чересчур оптимистично и маловероятен. Автор предлагает более реалистичный прогноз, согласно которому к 2035 г. доля конечного потребления в ВВП составит 70%, объемы экспорта сравняются с объемами импорта, а доля инвестиций в основные фонды незначительно сократится (см. Таблица 1).

Таблица 1. Прогноз динамики структурных реформ китайской экономики к 2035 г.

<i>Компоненты ВВП по методу использования доходов</i>	<i>Доля в ВВП в 2020 г., в %</i>	<i>Доля в ВВП в 2035 г., в %, оптимистичный прогноз</i>	<i>Доля в ВВП в 2035 г., в %, реалистичный прогноз</i>
<i>Конечное потребление</i>	54,3	80	70
<i>Валовое накопление</i>	33,4	20	30
<i>Чистый экспорт</i>	11,7	-20	0

Источник: Составлено автором по [Статистический ежегодник...], [Цуй Чжиган], своему прогнозу

Подписание соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве в ноябре 2020 г. с десятью странами АСЕАН, Австралией, Новой Зеландией, Японией и Республикой Корея со снижением тарифов по 92% товарной номенклатуры и завершение переговоров по основным пунктам Всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве в области инвестиций с Европейским союзом дополняют новую экономическую модель. В рамках данных соглашений Китай рассматривается уже не только поставщиком ряда товаров, но и крупнейшим мировым импортером.

Макроэкономическая стратегия «двойной циркуляции» будет играть решающую роль в экономике Китая на ближайшие пятнадцать лет. Увеличение внутреннего спроса, превышение подушевого ВВП до отметки в 10 тыс. долл., приближающее Китай к странам с высоким уровнем дохода, убедительные подсчеты китайских экономистов, утверждающие, что КНР в 2027-2028 гг. обгонит США по объему ВВП, становление страны в качестве инновационной сверхдержавы позволят Китаю укрепиться в своей роли нового полюса силы, а модель «двойная циркуляция» в посткоронавирусную эпоху сможет гарантировать устойчивый рост ее экономики.

Список литературы

Бергер Я.М. Китайская модель развития как «мягкая сила» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. Москва: ИДВ РАН, 2015. С. 112-145

Луконин С. А. Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 6. С. 198-216. DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-6-11.

Новоселова Л. В. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 76-84. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84.

Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой. Москва: Издательство МБА, 2020. 496 с.

Салицкий, А. И. Китай и его азиатские соседи: испытание кризисом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 66-81. DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4.

Bates G. China's Quest for Greater Technological Self-Reliance. URL: <https://asiasociety.org/australia/chinas-quest-greater-technological-self-reliance> (дата обращения: 06.06.2021)

World Bank. Final consumption expenditure (% of GDP) URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.ZS> (дата обращения: 06.06.2021)

中共中央政治局常务委员会召开会议 听取脱贫攻坚总结评估汇报 中共中央总书记习近平主持会议(Постоянный комитет Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая провел заседание и заслушал итоговый доклад с оценками борьбы с бедностью. Заседание вел генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин.) URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/03/c_1126818856.htm (дата обращения: 06.06.2021)

北大光华刘俏: 2035年居民消费率有望提升到60%。(Лю Цяо, декан школы менеджмента Гуанхуа Пекинского университета: ожидается, что доля потребления резидентами вырастет до 60%.) URL: <https://www.yicai.com/news/100883580.html> (дата обращения: 06.06.2021)

宁吉喆介绍2020年«三驾马车»拉动中国经济情况。(Нин Цжичжэ рассказывает об экономической ситуации в Китае в 2020 г., которая определяется «тройкой».) URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/202101/18/t20210118_36234304.shtml (дата обращения: 20.05.2021)

李扬: 一个走向强国的国家, 不能对世界依赖程度过高。(Ли Ян: страна, которая стремится стать сверхдержавой, не может чрезмерно зависеть от внешнего мира.) URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-12-07/zl-iiznezs5508316.shtml> (дата обращения: 01.06.2021)

李昕, 徐滇庆. 中国外贸依存度和失衡度的重新估算 (Ли Синь, Сюй Дяньцин. Переоценка внешнеторговой зависимости и дисбалансов Китая). *中国社会科学* (Китайские социальные науки) - 2013. - №1. – 29-55页

崔志刚. 科学认识«双循环»新发展格局。(Цуй Чжиган. Научное понимание новой модели развития «двойной циркуляции».) URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-11/09/c_1126714546.htm (дата обращения: 25.05.2021)

程实: 构建«双循环»与跨越»中等收入陷阱»。(Чэн Ши: Построение «двойной циркуляции» и преодоление «ловушки среднего дохода».) URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-08-26/zl-iihvwpwy3092947.shtml> (дата обращения: 10.06.2021)

阿里山大·罗马诺夫. 中国新时代的理论创新与经济政策 (Александр Ломанов. Теоретические инновации и экономическая политика Китая в новую эпоху) .-*世界社会主义研究*.- 2021. - №3. – 14-19页

中国统计年鉴 2020 (Статистический ежегодник Китая 2020). Таблица 3-14 URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (дата обращения: 10.04.2021)

References

Bates, G. (2021) *China's Quest for Greater Technological Self-Reliance*. URL: <https://asiasociety.org/australia/chinas-quest-greater-technological-self-reliance> (accessed: 06 July, 2021)

Berger, Ja.M.(2015) *Kitajskaja model' razvitija kak «mjagkaja sila»* [China's development model as «soft power»] // «Mjagkaja sila» v otnoshenijah Kitaja s vneshnim mirom [«Soft power» in China's relations with the outside world]. Moskva: IDV RAN. P. 112-145 (In Russian)

Lukonin, S. A. (2020) *Transformacija social'no-jekonomicheskoj modeli Kitaja v uslovijah pandemii* [The transformation of China's socio-economic model under pandemic conditions] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [The contours of global transformation: politics, economics, law]. Т. 13. No 6. P. 198-216. DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-6-11. (In Russian)

Novoselova, L. V. (2020) *Jekonomika KNR v uslovijah trgovoj vojny* [Chinese Economy in a Trade War] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations]. Т. 64. No 6. P. 76-84. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84. (In Russian)

Ostrovskij, A. V. (2020) Kitaj stanovitsja jekonomicheskoy sverhderzhavoj [China becoming an economic superpower]. Moskva: Izdatel'stvo MBA. 496 p. (In Russian)

Salickij, A. I. (2020) Kitaj i ego aziatskie sosedi: ispytanie krizisom [China and its Asian neighbours: the test of the crisis] // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. T. 13. No 3. P. 66-81. DOI 10.23932/2542-0240-2020-13-3-4. (In Russian)

World Bank. Final consumption expenditure (% of GDP) URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.ZS> (accessed: 06 July, 2021)

中共中央政治局常务委员会召开会议 听取脱贫攻坚总结评估汇报 中共中央总书记习近平主持会议. (2020) (The Standing Committee of the Political Bureau of the CPC Central Committee held a meeting to listen to the summary and evaluation report on poverty alleviation. Xi Jinping, General Secretary of the CPC Central Committee, presided over the meeting). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/03/c_1126818856.htm (accessed: 06 July, 2021) (In Chinese)

北大光华刘俏: 2035年居民消费率有望提升到60%. (2020) (Peking University Guanghua Liu Qiao: Resident consumption rate is expected to rise to 60% in 2035.) URL: <https://www.yicai.com/news/100883580.html> (accessed: 06 July, 2021) (In Chinese)

宁吉喆介绍2020年«三驾马车»拉动中国经济情况. (2021) (Ning Jizhe introduces China's economic situation driven by the «troika» in 2020) URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/202101/18/t20210118_36234304.shtml (accessed: 20 May, 2021) (In Chinese)

李扬: 一个走向强国的国家, 不能对世界依赖程度过高. (2020) (Li Yang: A country that is becoming a powerful country cannot rely too much on the world) URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-12-07/zl-iiznezxs5508316.shtml> (accessed: 01 July, 2021) (In Chinese)

李昕, 徐滇庆. (2013) 中国外贸依存度和失衡度的重新估算. (Li Xin, Xu Dianqing. Re-estimation of China's foreign trade dependence and imbalance). 中国社会科学 (Chinese Social Sciences) - 2013. - №1. – P. 29-55 (In Chinese)

崔志刚. (2020) 科学认识«双循环»新发展格局. (Cui Zhigang. Scientifically Understand the New Development Pattern of «Dual circulation».) URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-11/09/c_1126714546.htm (accessed: 25 May, 2021) (In Chinese)

程实. (2020) 构建«双循环»与跨越»中等收入陷阱». (Cheng Shi: Building a «Dual Circulation» and Overcoming the «Middle Income Trap».) URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-08-26/zl-iivhvpwy3092947.shtml> (accessed: 10 July, 2021) (In Chinese)

阿里山大·罗马诺夫. (2021) 中国新时代的理论创新与经济政策. (Alexander Lomanov. Theoretical Innovation and Economic Policy in China's New Era). -世界社会主义研究.- 2021. - №3. – P. 14-19 (In Chinese)

中国统计年鉴. (2020) (China Statistical Yearbook 2020). Table 3-14. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2020/indexch.htm> (accessed: 10 April, 2021) (In Chinese)

А.В. ВОЛОШИНА
СОВРЕМЕННЫЕ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БОРЬБА ЗА
МИРОВОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Аннотация. За последние годы отношения КНР и США прошли через серьезную трансформацию. На смену провозглашаемому прежде движению к «конструктивному стратегическому партнерству» пришло «стратегическое соперничество», которое сегодня распространяется почти на все аспекты взаимодействия двух стран. Автор выделила ключевые силы, которые направляли развитие этих отношений в последнее десятилетие, и используя разработки Университета Цинхуа (КНР), по количественной оценке, двусторонних отношений Китая, исследовала наблюдаемый рост напряженности между Вашингтоном и Пекином. Как показывает анализ, тенденция на усиление соперничества между Америкой и Китаем не изменится в обозримом будущем: в основе этого процесса лежит целый ряд факторов, главными из которых, как представляется, являются подвижки в структуре международной системы и борьба двух держав за лидерство в ней. Одной из ключевых «арен» разворачивающейся конкуренции становится сфера технологий. Растет понимание того, что победа в этой борьбе будет иметь решающее значение для национальной безопасности государства и предрешит, кто будет контролировать мировую экономику и определять контуры мирового порядка в XXI веке. Рассматривая планы и приоритеты технологического развития КНР, автор отмечает имеющиеся достижения и вызовы, с которыми сталкивается страна на своем пути. В статье анализируются подходы администраций Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена по «хеджированию» исходящих от Китая рисков для технологического первенства США в условиях нарастающего конфликтного потенциала в отношениях двух стран и делается вывод о перспективах китайско-американского взаимодействия в технологической сфере.

Ключевые слова: КНР, США, технологическая война, «Сделано в Китае 2025», «Китайские стандарты 2035», экспортный контроль.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, м.н.с., Институт Дальнего Востока РАН, e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

ANNA V. VOLOSHINA
MODERN SINO-AMERICAN RELATIONS AND THE STRUGGLE FOR GLOBAL
TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Abstract. In recent years, the PRC-U.S. relations have gone through a major transformation. The previously proclaimed movement towards a «constructive strategic partnership» has been replaced by a «strategic competition» that now extends across almost all aspects of the two countries' interaction. The author identifies the key factors that have been driving the development of these relations in the last decade, and uses the data on the quantitative assessment of China's bilateral relations from the research of Tsinghua University (the PRC) to examine the ongoing tensions between Washington and Beijing. The analysis shows that the trend towards increasing rivalry between America and China will not change in the foreseeable future: this process is determined by a number of factors, and it seems the main ones are the shifting structure of the international system and the struggle of the two powers for leadership in it. Technology is becoming one of the key «arenas» for the unfolding competition. There is a growing understanding that winning this struggle will be crucial for the national security and will determine who will control the world economy and shape the world order in the twenty-first century. The author examines China's technological development plans and their priorities and pays attention to the country's achievements and challenges that it faces on its way. The paper provides the

analysis of the approaches of the Obama's, Trump's and Biden's administrations to «hedging» the risks posed by China for the US technological leadership in the context of the growing conflict potential in these bilateral relations and draws a conclusion about the prospects for Sino-American interaction in the technological sphere.

Keywords: PRC, USA, tech war, Made in China 2025, China standards 2035, export control.

Author: Anna V. Voloshina, Junior Researcher at the Institute of Far Eastern Studies RAS, e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Конкуренция в сфере технологий является одним из ключевых факторов, которые будут определять развитие китайско-американских отношений на десятилетия вперед. Ведущие мировые специалисты в области международных отношений отмечают, что уже сегодня «соперничество [США] с Китаем разворачивается не просто или даже не столько на старых геополитических «фронтах», сколько в лабораториях, в информационных кампаниях, на технологических платформах...» [Ikenberry, p. 97].

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

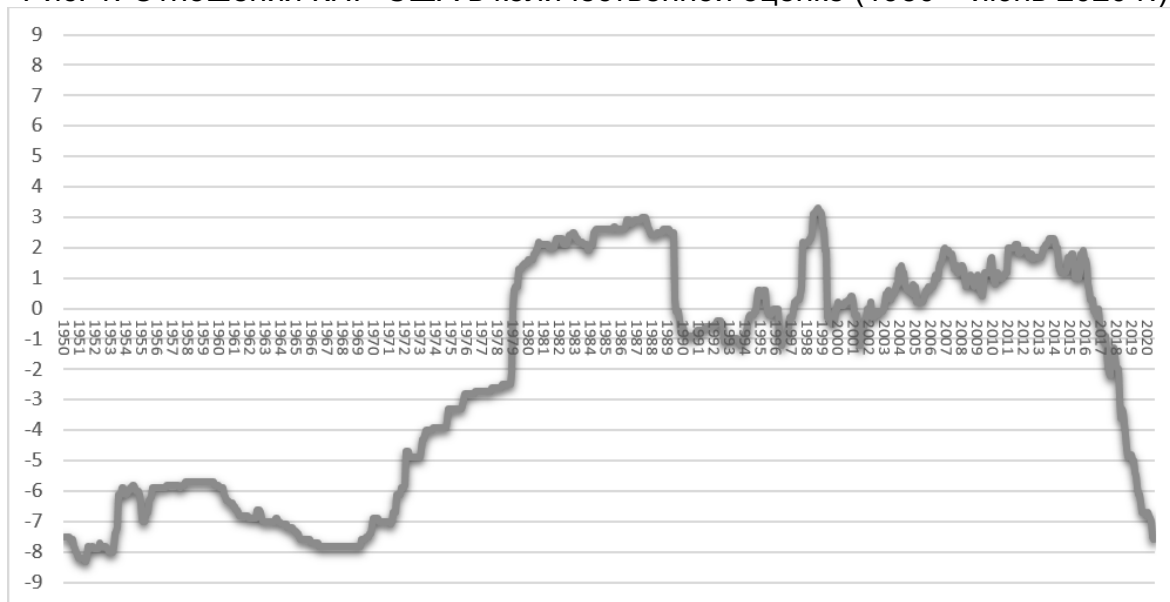
Для адекватного понимания разворачивающихся процессов необходимо рассмотреть общий контекст развития китайско-американских отношений в последние годы. Согласно неореалистическому подходу, взаимодействие государств может быть исследовано через призму трехуровневого анализа: система, государство, индивид. Выделим основные силы, направлявшие эволюцию отношений США и КНР в последние годы. Во-первых, на уровне международной системы важную роль играет изменяющийся мировой баланс сил. В 1990-х гг. исчезают два стабилизовавших отношения США и КНР фактора – наличие общей угрозы в виде СССР и огромное неравенство военной и экономической мощи. Увеличивающиеся возможности Китая по отстаиванию своих коренных интересов ярко проявились в 2009-2010 гг., отмеченных целым рядом конфликтных ситуаций с участием КНР и Соединенных Штатов относительно ведения американскими судами разведывательной деятельности в исключительных экономических зонах Китая, обострением территориальных споров Пекина с Японией, Филиппинами, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Индией. Как отмечает научный сотрудник Института АТР Академии общественных наук КНР Чжоу Фанъинь, став символом подъема Китая, эти события вызвали «психологический шок» у стран региона [Чжоу, с. 10]. Ответ Вашингтона на появление государства-претендента на лидерство в Азии был оформлен в виде инициатив по укреплению своей системы альянсов и партнерств и расширению военного присутствия в регионе. Анализ на уровне государства демонстрирует усиление конкурентных тенденций в отношениях двух стран в сферах экономики и идеологии. Поступательное развитие китайской экономики в сегментах производства товаров и услуг с более высокой добавленной стоимостью приводит к снижению взаимодополняемости экспорта США и КНР и, как следствие, комплементарности их экономик. Два страны переосмысливают значение своей экономической взаимозависимости, все больше рассматривая ее как уязвимость, и предпринимают курс на разрыв этих связей («decoupling»). Значимую роль в этом процессе играет американское бизнес-сообщество, начавшее выступать за усиление инвестиционного и экспортного контроля в отношении КНР из-за снижения прибыльности своих компаний, вызванного сложностями в доступе на китайский рынок, потерями интеллектуальной собственности и активной индустриальной политикой Пекина [Medeiros, p. 109]. На этом фоне растет конкуренция моделей

развития двух государств, обостряется борьба между их идеями о государственном управлении и представлениями о сущности прав человека.

Обращаясь к третьему уровню анализа – индивиду, отметим изменение временных горизонтов руководства обеих стран: ни Вашингтон, ни Пекин сейчас не верят, что время на их стороне, чтобы ответить на вызов, который они бросают друг другу, что заставляет лидеров переходить от хеджирования к более явным конкурентным стратегиям.

Совокупное влияние указанных выше факторов привело отношения США и КНР к состоянию системного кризиса, что подтверждается данными исследования по количественной оценке двусторонних отношений Китая Института современных международных отношений Университета Цинхуа [Чжунго юй даго гуаньси...]. Путем ежемесячного агрегирования данных о произошедших между странами событиях и их числовой кодировки отношениям присваивается балл в диапазоне от -9 до 9 (от -9 до -6 – «конфронтационные»; от -6 до -3 – «напряженные»; от -3 до 0 – «дисгармоничные»; от 0 до 3 – «обычные»; от 3 до 6 – «хорошие»; от 6 до 9 – «дружественные»). На рис. 1 можно наблюдать, что отношения двух стран опустились до значений, не наблюдавшихся со времен корейской и вьетнамской войн (-7.6 в июне 2020 г.).

Рис. 1. Отношения КНР-США в количественной оценке (1950 – июнь 2020 г.)

Источник: по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа.

Представляется, что тенденция на усиление соперничества между Америкой и Китаем не изменится в обозримом будущем, так как в основе этого процесса лежат подвижки в структуре международной системы и борьба двух великих держав за лидерство в ней. Важнейшую роль в исходе этой борьбы сыграет состояние технологической базы двух стран. Исследования в области теории международных отношений признают, что способность к технологическим инновациям играет ключевую роль в процессе подъема великих держав и в целом в мировой политике [Kennedy, Lim, p. 553]. И в Вашингтоне и в Пекине растет понимание, что от состояния инновационной базы и производительности труда будет зависеть не только национальная безопасность, но и способность определять контуры мирового порядка в XXI в.

КИТАЙ: КУРС НА ИННОВАЦИИ

На пути технологического развития Китай уже добился серьезных результатов. Благодаря реализовывавшимся в последние четыре десятилетия программам, направленным на развитие фундаментальных исследований, разработку высоких технологий (Национальная программа исследований и разработок в области ключевых технологий (с 1983 г.), Программа исследований и разработок в области высоких технологий (Программа 863) (с 1986 г.), Программа фундаментальных исследований (Программа 973) (с 1997 г.)), а также инициативам, нацеленным на поддержку инноваций и стартапов и создание необходимых инфраструктуры и экосистем (среди них программы «Факел» (с 1988 г.) и «Искра» (с 1986 г.)), стране удалось создать большое число успешно действующих научно-технологических промышленных парков, крупных высокотехнологичных предприятий и инновационных бизнес-инкубаторов.

В 2020 г. Китай занял 14 место в мировом индексе инноваций Всемирной организации интеллектуальной собственности⁴, причем это единственная экономика со средним уровнем доходов, попавшая в топ-30 стран по показателям инновационного индекса за последние семь лет. Китай удерживает мировое лидерство в показателях по таким важным параметрам, как патенты, полезные модели, товарные знаки, промышленные образцы и экспорт творческих товаров [The Global Innovation Index, p. 14]. Последние годы были отмечены целым рядом технологических достижений КНР. Страна является мировым лидером в таких областях искусственного интеллекта (ИИ) как распознавание лиц и обработка естественного языка, устанавливает технологические стандарты для технологий блокчейна, связи 5G. Так, согласно данным компании по анализу интеллектуальной собственности IPlytics, Huawei имеет наибольшее количество патентов, связанных с 5G, опережая своих конкурентов Nokia и Ericsson [Чжунго чжицзао]. Китай уже построил у себя крупнейшую в мире сеть 5G (718 000 базовых станций) и планирует внедрение сетей 6G в 2029 г. Страна является лидером в квантовых коммуникациях: в 2016 г. был запущен первый спутник квантовой связи «Моцзы», а в 2020 г. создана первая в мире мобильная станция квантовой связи. В конце 2020 г. китайские ученые заявили о достижении квантового превосходства: были проведены успешные испытания прототипа квантового компьютера Цзючжан, причем, как отмечают наблюдатели, Цзючжан по многим параметрам превосходит прототип квантового компьютера Sycamore от Google. Страна построила почти вдвое больше суперкомпьютеров, чем США (на ноябрь 2020 г. в Китае – 214, в США – 113), и китайские суперкомпьютеры заняли 4 и 6 места в мировом рейтинге производительности за 2020 г. [November 2020...].

В последнее десятилетие задача ускоренного технологического развития страны и стимулирования самостоятельных инноваций встала перед Пекином особенно остро. Это обусловлено комплексом внутренних и внешних вызовов, с которыми сталкивается КНР. Во-первых, Китаю необходимо избежать попадания в «ловушку среднего уровня доходов», когда страна с экспортно-ориентированной моделью развития экономики теряет свои конкурентные преимущества на мировом рынке в связи с ростом заработной платы своей рабочей силы и повышением цен на производимую продукцию. Ситуация осложняется серьезной демографической проблемой: на фоне старения населения и уменьшения его трудоспособной части уровень рождаемости в стране упал до рекордно низких показателей (12 млн чел. в 2020 г.), не наблюдавшихся с 1961 г. По мнению ряда западных аналитиков, «Китай состарится раньше, чем разбогатеет» [Aging Tigers..., p. 11]. Исследователи

⁴ Рейтинг отдельно помещает Гонконг (КНР) на 11 место.

Австралийского национального университета Э. Кеннеди и Д. Лим считают, что КНР сталкивается с «инновационным императивом», стране необходимо приобретать и развивать новые технологии, чтобы сделать экономику эффективнее, повысить производительность труда и обеспечить дальнейший экономический рост [Kennedy, Lim, p. 555].

Значительную роль играет внешний фактор: реализация Пекином задач национального развития значительно осложнилась в связи с нарастанием конкурентных тенденций в отношениях с США. Действия Вашингтона, направленные на фактический подрыв конкурентоспособности китайской высокотехнологичной индустрии путем ограничения ее доступа к американской продукции и технологиям, подчеркнули необходимость самостоятельного развития инноваций, с тем чтобы снизить уязвимость страны с точки зрения национальной безопасности.

Решение о переходе КНР к стратегии развития, движущей силой которого являются инновации, было принято на XVIII съезде КПК в 2012 г. На XIX съезде КПК в 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин поставил перед Китаем задачу достижения к 2035 г. статуса ведущей инновационной державы [Си Цзиньпин...].

Фокус пятого поколения руководителей КНР на превращении технологичных производств в драйверы китайской экономики в полной мере нашел отражение в пятилетних планах народнохозяйственного и социального развития КНР. В систему государственного планирования был интегрирован целый ряд соответствующих инициатив. Запущенная в 2015 г. «Сделано в Китае 2025» стала ключевой программой для повышения конкурентоспособности страны и снижения уязвимости к перебоям в цепочках поставок. Она поставила задачи увеличения доли компонентов собственного производства в десяти «ключевых» технологических секторах до 40% к 2020 г. и 70% к 2025 г. К соответствующим секторам относятся: передовые информационные технологии, включая ИИ и квантовые вычисления; автоматизированные станки и робототехника; морская техника и высокотехнологичное судоходство; железнодорожный транспорт; аэрокосмическое оборудование; беспилотные автомобили и автомобили на новых источниках энергии; энергетическое оборудование; сельскохозяйственное оборудование; новые материалы; биофармацевтика и передовые медицинские продукты. Важным компонентом технологической стратегии Китая является продвижение своих стандартов в сферах новых технологий в мировом масштабе, чему призвана служить сменяющаяся «Сделано в Китае 2025» промышленная программа «Китайские стандарты 2035».

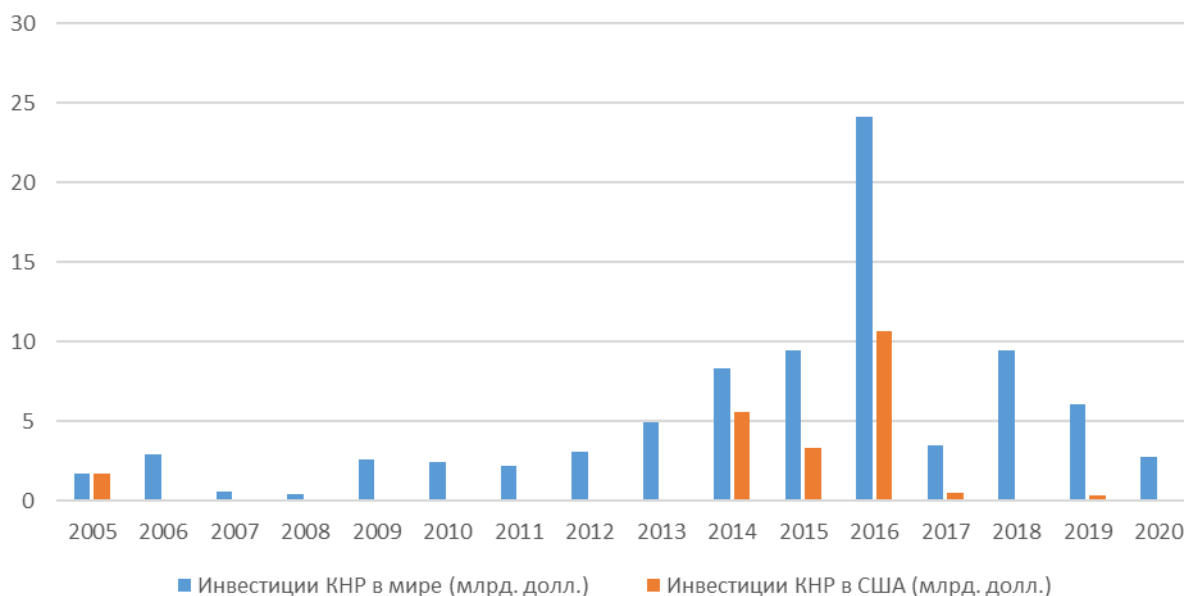
Кроме этого, руководством КНР разработаны специальные инициативы, признанные стимулировать цифровизацию экономики и внедрение новейших технологий в различные сферы жизни китайского общества. Среди них запущенная в 2015 г. программа «Интернет плюс», призванная содействовать интеграции реальной и онлайн-экономики Китая и стартовавшая в 2017 г. инициатива «Искусственный интеллект следующего поколения», нацеленная на превращение Китая к 2030 г. в ведущий мировой инновационный центр в сфере ИИ со стоимостью отрасли в 1 трлн. юаней и предполагающая внедрение ИИ в разные области жизни общества, включая общественное управление и национальную оборону.

Для реализации запланированных проектов Китай регулярно увеличивает расходы на НИОКР. По сравнению с 2019 г. в 2020 г. они выросли на 10,3% до 2,44 трлн юаней (\$378 млрд), составив 2,4% ВВП. В рамках 14-й «пятилетки» (2021-2025) планируется ежегодное увеличение расходов на НИОКР более чем на 7%. Государство также продолжает поддерживать технологические предприятия с помощью активной протекционной политики, госзакупок, налоговых льгот и льготных кредитов.

Вместе с тем, главным вызовом, стоящим перед Китаем, продолжает оставаться преодоление зависимости от зарубежных технологий: по признанию Цзян Цзиньцюаня, главы Управления политических исследований ЦК КПК, Китай импортирует более половины своего «высокотехнологичного оборудования, программного обеспечения и ключевых компонентов», а полупроводниковая отрасль зависит от импорта на 80% [Che].

Осознавая свою уязвимость, в последнее десятилетие Китай активно стимулировал технологический трансфер из других государств. С 2014 г. резко возросли прямые инвестиции в технологический сектор за рубежом, причем более четверти таких инвестиций пришлось на Соединенные Штаты (рис. 2).

Рис. 2. Инвестиции КНР в технологический сектор по миру и в США.

Источник: по данным American Enterprise Institute.

Важным источником технологического трансфера стало образование совместных предприятий с зарубежными фирмами для их выхода на китайский рынок; активно осуществлялся сбор данных из открытых источников; большое количество китайских ученых и студентов было направлено в иностранные университеты. С 2008 г. действовала Программа тысячи талантов, нацеленная на привлечение иностранных специалистов для работы в Китае и поощрение возвращения китайских кадров. Кроме этого, страна активно пользовалась инструментами технологического шпионажа – практика, подвергавшаяся жесткой критике со стороны западных стран.

Однако дальнейшее развитие Китая будет зависеть во многом от того, как страна справится с вызовом, который бросил ей в последние годы Вашингтон.

США: В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА «КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ»

Представление американского истеблишмента о недостижимом технологическом превосходстве США стало уступать место осознанию, что Китай может составить конкуренцию, а в некоторых секторах уже обогнал возможности Соединённых Штатов, в годы второй администрации Б. Обамы. Успехи Китая, в частности в космической, информационно-коммуникационной и военной сферах, поставили под угрозу центральный элемент американского военного планирования – неограниченную ранее способность США проецировать мощь далеко вовне.

Для преломления негативных тенденций планировалось действовать по нескольким направлениям. В-первых, ставилась задача обеспечить собственное опережающее военно-техническое развитие. Так, в 2014 г. Пентагон выдвинул третью стратегию компенсации, направленную на стимулирование технологических инноваций в ряде критически важных областей. Во-вторых, для предотвращения технологического трансфера были ужесточены контакты с китайской стороной в чувствительных сферах (например, в 2011 г. был введен запрет на большую часть взаимодействия с Китаем в космической сфере). В-третьих, планировалось выступить единым фронтом с союзниками и партнерами в рамках Транстихоокеанского партнерства и добиваться принятия коллективных действий против промышленной политики Пекина в рамках Всемирной торговой организации.

Пришедшая к власти в США в 2017 г. администрация Д. Трампа объявила Китай «стратегическим соперником» Америки и обвинила его в краже интеллектуальной собственности Соединенных Штатов на сотни млрд. долларов. Стратегия национальной безопасности США 2017 г. вводила понятие «инновационной базы национальной безопасности» – отраслей, имеющих критическое значение для экономического роста и национальной безопасности страны (наука о данных, шифрование, автономные технологии, редактирование генов, новые материалы, нанотехнологии, передовые компьютерные технологии и ИИ) [NNS...]. Ставилась задача защиты этих отраслей и предотвращения китайского доминирования в них с помощью различных рычагов. Во-первых, введенные в ходе торговой войны американские тарифы покрывали некоторые товары, связанные с программой «Сделано в Китае 2025». Затем, под предлогом соображений национальной безопасности или нарушения прав человека ряд технологических компаний КНР были внесены в «черные списки» юридических лиц Министерства торговли США, что привело к запрету на экспорт американской продукции и технологий этим компаниям. Технологические компании, которые по мнению Пентагона имели связи с Народно-освободительной армией Китая (НОАК), были внесены в «черный список» Министерства обороны США, что накладывало ограничения на торговлю и владение акциями этих компаний в Америке.

Были приняты меры по блокированию доступа китайских компаний к американскому рынку, как это произошло в 2019 г. с запретом федеральным агентствам покупать оборудование или услуги у Huawei и ZTE и у «национальных чемпионов» в сфере видеонаблюдения Hikvision и Dahua. Администрация Трампа также запустила компанию среди союзников и партнеров (Clean Network Initiative), требовавшую исключения как не заслуживающих доверия китайских фирм (Huawei, ZTE) из поставщиков телекоммуникационного оборудования; исключения китайских приложений из магазинов мобильных приложений; удаления своих приложений из магазина приложений Huawei; отказа от использования облачных систем Alibaba, Baidu, China Mobile, China Telecom и Tencent; отказа от использования подводных кабелей, к которым может иметь доступ КНР.

Для предотвращения трансфера технологий в 2018 г. была запущена реформа Комитета по иностранным инвестициям, который получил возросшие полномочия по проверке инвестиций в критически важные американские компании, технологические стартапы, причем даже если речь идет о покупке неконтролирующего пакета акций. С целью предотвращения промышленного шпионажа были сокращены академические обмены, ужесточена выдача виз для китайских студентов. В 2018 г. правительство США уменьшило с 5 до 1 года срок действия виз для тех китайских аспирантов, кто планировал изучать авиацию, робототехнику и передовое производство. Отменялись визы китайским аспирантам и исследователям, имеющим какие-либо связи с НОАК. Научно-технологические факультеты американских

университетов подвергались проверкам, в том числе со стороны ФБР, что привело к арестам китайских и американских исследователей по обвинениям в шпионаже.

Команда Дж. Байдена выдвинула задачу победы в технологической гонке с КНР в центр своей повестки. Не отказываясь от методов давления времен Д. Трампа и расширяя ограничения на инвестиции и продажу технологий китайским компаниям, они оформляют более долгосрочную и комплексную стратегию, ориентированную на собственное опережающее развитие. Новая администрация увеличивает участие государства в финансировании НИОКР и определении приоритетных для развития отраслей. В июне 2021 г. сенат США принял Закон об инновациях и конкуренции, предполагающий вливание в течение пяти лет около 190 млрд. долл. (из общей суммы в 250 млрд. долл.) в новые и существующие программы финансирования высокотехнологичных секторов, исследовательских центров и университетов. Важным направлением работы новой администрации является согласование действий со своими союзниками и партнерами для давления на Китай в рамках ВТО или создание «технологических альянсов» для конкуренции с китайскими технологиями и установления своих техстандартов в мировом масштабе. Еще одним приоритетом команды Дж. Байдена является обеспечение безопасности цепочек поставок, актуальность чего подчеркнула пандемия коронавируса. Согласно исследованию Общества Генри Джексона 2020 г., высокотехнологичная индустрия США стратегически зависит от Китая в масштабе 15 категорий товаров, пяти секторов и одной отрасли, включая поставки редкоземельных металлов (на 68%), марганца (на 66%), вольфрама (на 55%) и литий-ионных аккумуляторов (на 51%) [Rogers, etc., p. 26]. Рабочей группой Белого дома было проведено исследование рисков в цепочках поставок микрочипов, аккумуляторов большой емкости, фармацевтики, критических минералов и в июне 2021 г. подготовлен доклад, излагающий шаги, направленные на устранение существующих уязвимостей через наращивание внутреннего производственного потенциала ключевой продукции (включая планы по развитию отечественного производства литиевых батарей, по добыче и переработке редкоземельных металлов), а также усиление роли Управления торгового представителя в борьбе с «недобросовестной практикой» внешней торговли Китая [Building Resilient...].

Подводя итоги и отмечая долгосрочный характер разворачивающегося американо-китайского противостояния, мы задаемся вопросом, на который еще только предстоит найти ответ: куда приведет мир технологическая гонка двух великих держав. Представляется, что она может как стимулировать научный поиск во благо человечества, обеспечивая доступ третьих стран к его плодам, так и поставить остальной мир перед необходимостью зачастую нежелательного технологического и политического выбора между двумя силами, приведя к разрыву глобального технологического пространства на сферы с несовместимыми технологическими стандартами, продуктами и услугами.

Список литературы

Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньянь цзяньчэн сяокан шэхуэй доцюй синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда шэнли (2017 нянь 10 юэ 18 жи) [Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху (18 октября 2017 года). URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 15.06.2021)

Чжоу, Ф. Чжунго чжоубянь аньцюань хуаньцзин пингу [Оценка обстановки в сфере безопасности вокруг Китая] // Я-тай дицюй фачжань баогао (2010) [Доклад по развитию АТР (2010)]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 10-19.

«Чжунго чжицзао 2025» цзоу хоу, ю лайлэ «Чжунго бяочжунь 2035» [После ухода «Сделано в Китае 2025» появятся «Китайские стандарты 2035»]. 28.04.2020. URL: <https://www.voachinese.com/a/china-standards-2035-20200428/5395187.html> (дата обращения: 20.06.2021)

Чжунго юй даго гуаньси фэнь чжи бяо 1950 – 2020.06 [Таблица отношений между Китаем и великими державами в 1950-2020.06 гг.]. URL: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/2019/20191029171434351366621/20191029171434351366621_.html (дата обращения: 20.06.2021)

Aging Tigers, Hidden Dragons // *Voice of Asia*. 2017. № 3. P. 7-19.

Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. A Report by The White House. June 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 19.06.2021)

Che P. US-China tech war: Beijing's top policy official lays out strategy to address Washington's 'stranglehold' over China. 26.01.2021. URL: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3119294/us-china-tech-war-beijings-top-policy-official-lays-out-strategy> (дата обращения: 18.06.2021)

Ikenberry G. America's Asia Policy after Trump // *Global Asia*. 2020. № 4:15. P. 96-99.

Kennedy A., Lim D. The Innovation Imperative: Technology and US-China Rivalry in the Twenty-First Century // *International Affairs*. 2018. № 3:94. P. 553-572. DOI: 10.1093/ia/iyy044

Medeiros E. The Changing Fundamentals of US-China Relations // *The Washington Quarterly*, 2019, № 3:42. P. 93-119. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666355

November 2020, Top 500. URL: <https://www.top500.org/lists/top500/2020/11/> (дата обращения: 20.06.2021)

NNS 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 20.06.2021)

Rogers J., Foxall A., Henderson M., Armstrong S. Breaking the China Supply Chain: How the 'Five Eyes' Can Decouple from Strategic Dependency. London: The Henry Jackson Society, 2020. 52 p.

The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? Ithaca, Fontainebleau, Geneva: The Global Innovation Index Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2020. 213 p.

References

Aging Tigers, Hidden Dragons (2017) // *Voice of Asia*. No 3. P. 7-19.

Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth (2021). A Report by The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 19 June, 2021)

Che, P (2021). US-China tech war: Beijing's top policy official lays out strategy to address Washington's 'stranglehold' over China. URL: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3119294/us-china-tech-war-beijings-top-policy-official-lays-out-strategy> (accessed: 18 June, 2021)

Ikenberry, G. (2020). America's Asia Policy after Trump // *Global Asia*. No 4:15. P. 96-99.

Kennedy, A., Lim, D. (2018). The Innovation Imperative: Technology and US-China Rivalry in the Twenty-First Century // *International Affairs*. No 3:94. P. 553-572. DOI: 10.1093/ia/iyy044

Medeiros, E. (2019). The Changing Fundamentals of US-China Relations // *The Washington Quarterly*, No 3:42. P. 93-119. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666355
November 2020, Top 500. URL: <https://www.top500.org/lists/top500/2020/11/>
(accessed: 20 June 2021)

NNS 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 20 June 2021)

Rogers, J., Foxall, A., Henderson, M., Armstrong, S. (2020). *Breaking the China Supply Chain: How the 'Five Eyes' Can Decouple from Strategic Dependency*. London: The Henry Jackson Society. 52 p.

The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? (2020) Geneva: The Global Innovation Index Cornell University, INSEAD, and WIPO. 213 p.

Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai Zhongguo tese shehui zhuyi weida shengli (2017 nian 10 yue 18 ri) [Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era (the 18th of October 2017)]. URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm
(accessed: 15 June, 2021) (In Chinese)

«Zhongguo zhizao 2025» zou hou, you laile «Zhongguo biao zhun 2035» [After «Made in China 2025» is gone, «China Standard 2035» comes]. 28.04.2020. URL: <https://www.voachinese.com/a/china-standards-2035-20200428/5395187.html> (accessed: 20 June, 2021). (In Chinese)

Zhongguo yu daguo guanxi fen zhi biao 1950 – 2020.06 [Table with Assessment of China and Great Powers' Relations 1950-06. 2020]. URL: http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/2019/20191029171434351366621/20191029171434351366621_.html (accessed: 20 June, 2021). (In Chinese)

Zhou, F. (2010). *Zhongguo zhoubyan anquan huanjing pinggu* [Assessment of China's Surrounding Security Environment] // *Ya-tai diqu fazhan baogao (2010)* [Report on Development of Asia-Pacific (2010)]. Pekin: Shjehujej kjesjuje vjen'sjan' chuban'shje. P. 10-19. (In Chinese)

Э.Р. ШИРГАЗИНА
КОНКУРЕНЦИЯ ИНДИИ И КИТАЯ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье на базе сравнительного и системного анализов приводится исследование стратегий Нью-Дели и Пекина в отношении развивающихся стран Южной и Юго-Восточной Азии. Соперничество, что стало основной формой взаимодействия Индии и Китая за последний год, более чем соответствует духу эпохи и получает новые формы для реализации. Более того, оно усложняется их возрастающими геополитическими амбициями, воздействием внешних факторов и третьих стран, что при взятом ныне курсе снижает предсказуемость, последовательность и готовность к достижению компромиссов обоими субъектами. В условиях продолжающейся пандемии большое значение имеют имеющиеся у стран вакцины, ресурсы и мощности для массового производства и инфраструктура для их распространения. Используя имеющуюся в открытом доступе информацию, автор проводит подробный анализ нынешнего состояния соперничества двух азиатских гигантов, определяет концептуальные основы проводимых ими в указанных макрорегионах внешнеполитических линий, разбирает сильные и слабые стороны для их реализации, а также круг используемых вакцин для выработки коллективного иммунитета в государствах, сотрудничество с которыми представляет особый интерес. В первой части материала на основе данных о предоставленной Индией и КНР помощи в форме поставок вакцин, средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования рассматривается опыт реализации стратегий по странам. Вся приведенная информация позволяет автору сделать выводы о переменной успешности применяемых двумя акторами внешних курсов, а также очертить наиболее вероятные сценарии для развития их соперничества.

Ключевые слова: Индия, Китай, COVID-2019, «вакцинная дипломатия», Южная Азия, Юго-Восточная Азия.

Автор: Ширгазина Эльза Рифовна, аспирант, ИМЭМО РАН, e-mail: elvenelanor@mail.ru.

ELSA SHIRGAZINA
INDIA-CHINA COMPETITION IN THE FIGHT AGAINST THE PANDEMIC IN SOUTH
AND SOUTHEAST ASIA

Abstract: Based on comparative and system analysis, the article presents a study of the strategies of New Delhi and Beijing in relation to the developing countries of South and Southeast Asia. The rivalry that has become the main form of interaction between India and Beijing over the past year keeps with the spirit of the era and gets new forms for implementation. Moreover, it is complicated by their growing geopolitical ambitions, the influence of external factors and third countries, which with the current course, reduces the predictability, consistency and willingness to reach compromises by both actors. In the context of the ongoing pandemic, the vaccines they have, the resources and capacity for mass production, and the infrastructure for their distribution are of great importance. Using open to the public information, the author provides a detailed analysis of the current state of rivalry between the two Asian giants, defines the conceptual foundations of their foreign policy in these macro-regions, analyzes the strengths and weaknesses for their implementation, as well as the range of vaccines used to develop collective immunity in states with which cooperation is of particular interest. Based on the accomplished work of the first part, the article examines the experience of implementing their strategies by country. The information is disclosed according to data on the assistance provided by India and Beijing by the supplies of vaccines, personal protective equipment and medical

equipment. All the information researched allows the author to draw conclusions about the variable success of the external courses used by the two actors, as well as to outline the most likely scenarios for the development of their rivalry.

Keywords: India, China, competition, COVID-2019, «vaccine diplomacy», South Asia, Southeast Asia.

Author: Elsa Shirgazina, post-graduate student of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, e-mail: elvenelanor@mail.ru

В условиях борьбы с пандемией COVID-19 наряду с повсеместными усилиями по поиску путей ее прекращения мы становимся свидетелями усиливающейся конкуренции государств. Продемонстрировав взаимозависимость и связанность разных частей планеты, инфекция между тем не помогла преодолеть имеющиеся между странами противоречия и не стала фактором, способным консолидировать человеческое сообщество на настоящем этапе. Напротив, традиционное соперничество между ведущими акторами международных отношений получает новый виток уже в «гонке» вакцин от коронавирусной инфекции, а «фронт» информационного противостояния – это новый источник и повод для воздействия на общественность. Оказание помощи в борьбе с вирусом становится еще одним из ресурсов расширения и подкрепления своего влияния в третьих странах, прежде всего в развивающихся.

Не стали исключением Индия и Китай, конкуренция которых представляет особый интерес исследования, так как ее векторы будут оказывать влияние на международный климат в постковидную эпоху и во многом определять систему отношений в Южной и Юго-Восточной Азии. Это обусловлено двумя факторами:

1) обе страны являются крупнейшими производителями активных фармацевтических субстанций, которые используются для изготовления лекарственных препаратов, а также готовой продукции и являются ключевыми звеньями мировых производственных фармацевтических цепочек. Для развивающихся стран Азии они являются главными поставщиками лекарств, вакцин и медицинской продукции в доступных ценовых сегментах;

2) столкновение двух держав в восточном Ладакхе в июне 2020 года, по сути, нивелировало все прежние усилия по налаживанию дружественных отношений между странами и обострило конкуренцию. Разрядка, начавшаяся в начале текущего года, безусловно, свидетельствует о сохранении тактики балансирования Пекина и Нью-Дели. Вместе с тем ее скромные результаты демонстрируют, что стратегические позиции игроков принципиально не изменились. Сложившаяся ситуация в двусторонних отношениях осложняется активизацией деятельности крупных акторов на пространствах Индийского и Тихого океанов в рамках концепции Индо-Пацифики, таких, например, как Quad. В этом отношении выбираемые обоими акторами способы взаимодействия с развивающимися странами рассматриваемых регионов по актуальной проблеме оказания помощи в борьбе с пандемией могут быть показательны для анализа одного из аспектов их внешнеполитических линий.

Для достижения поставленной цели использованы методы дискурс-анализа, системного ситуационного и сравнительного анализов. Специфика темы исследования обусловила преимущественное использование открытых источников органов государственной власти КНР и Республики Индия, СМИ и обзорно-аналитических материалов, содержащих актуальные данные по предоставлению Пекином и Нью-Дели гуманитарной помощи странам Южной и Юго-Восточной Азии.

Активная конкуренция Пекина и Нью-Дели давно стала лейтмотивом внешнеполитических линий двух государств на рассматриваемом пространстве. В условиях борьбы с COVID-19 новым ее измерением предсказуемо стало

своеобразное соперничество в оказании помощи развивающимся странам: помимо предоставления средств индивидуальной защиты и необходимого медицинского оборудования сегодня они включились в «гонку» вакцин. Их нехватка превращает данную продукцию в особый предмет гуманитарной помощи и ресурс «мягкой силы». У обоих акторов есть препараты, которые были разрешены к использованию национальными регуляторами даже до завершения третьей фазы клинических испытаний для ускорения старта прививочных кампаний. Конечно, у позиций Нью-Дели и Пекина есть потенциально сильные и слабые стороны, которые следует очертить.

В производстве лекарственных препаратов и вакцин у Индии есть ряд безусловных преимуществ, к главным из которых можно отнести масштабную промышленную фармацевтическую базу, сравнительно низкую себестоимость производства, достаточную обеспеченность отрасли квалифицированными кадрами. Таким образом, очевидно, что Индия является естественной альтернативой фармацевтической промышленности КНР. Причем механизм партнерства и взаимодействия с корпорациями развитых экономик (Procter & Gamble (США), Pfizer (США), Johnson & Johnson (США), AstraZeneca (Швеция-Великобритания), Otsuka Pharmaceutical (Япония), Teva Pharmaceuticals (Израиль) и ряд других) уже хорошо отлажен. Однако позитивная картина дополняется слабым местом фармацевтической отрасли Индии – недостаточностью финансовых ресурсов, что позволяло бы наладить производство в масштабах, достаточных для обеспечения и других стран в необходимых объемах. В условиях противостояния Пекина и Вашингтона подобное положение способствует закономерному переходу в поле политики и геополитики. Очевидно, в стремлении ограничить пространство для маневров Китая даже традиционная конкуренция американских фармацевтических компаний с индийскими не остановит Капитолий. Однако такое положение вещей заведомо ставит южного гиганта в положение ведомого игрока, что не отвечает амбициям и интересам самого Нью-Дели.

В целом, разразившаяся пандемия сыграла неоднозначную роль для положения КНР на международной арене. Традиционный страх по поводу «китайской угрозы» дополнился подогреваемыми оппонентами страны известными спекуляциями по поводу происхождения и распространения новой инфекции. Преодоление настоящего предубеждения остается ключевой проблемой для дипломатии КНР. Кроме того, в отдельных случаях она дополняется недостатком доверия к эффективности и безопасности разработанных вакцин ввиду неполного раскрытия данных о результатах их исследования.

В отличие от Нью-Дели Пекин может и преимущественно рассчитывает на свои собственные силы и ресурсы, что даже при всей развитости производства и транспортной инфраструктуры дает очень большую нагрузку и вызывает сложности в производстве достаточных объемов вакцин для проведения прививочной кампании внутри страны, а также удовлетворения международного спроса в густонаселенных развивающихся странах. Перепрофилирование предприятий, как это было сделано для производства средств индивидуальной защиты (СИЗ), для производства вакцин из инактивированных вирусов в сжатые сроки тоже не представляется возможным ввиду сложности производственного процесса и необходимости соблюдения повышенных требований биологической безопасности. Об этом свидетельствуют и задержки поставок в обещанных объемах в такие страны как Турция, Бразилия, Египет, Марокко за период с декабря 2020 г. по март 2021 г.

Проблема нехватки производственных мощностей обостряется другим общим для Нью-Дели и Пекина фактором, ограничивающим активность и эффективность их стратегий. Пандемия за прошедший год не отступила и дает о себе знать периодически вспыхивающими очагами, а в Индии и вовсе обернулась

полномасштабной второй волной заболеваемости, в результате которой страна была вынуждена вводить локдауны по штатам, что приостановило темпы производства необходимой медицинской продукции и препаратов для экспорта. Более того, страна сама стала реципиентом международной помощи, которая пришла в том числе из стран Южной и Юго-Восточной Азии. Необходимые для лечения медикаменты, кислородные генераторы и аппараты искусственной вентиляции легких (ИВЛ) были поставлены также из КНР, хоть и по частным и неофициальным каналам, – в совокупности порядка 26 000 единиц техники [Sutirtho Patranobis]. Хотя, например, действия авиакомпании Sichuan Airlines, контрольный пакет акций которых принадлежит правительственной структуре, на 15 дней приостановившей все грузоперевозки в Индию, остро нуждающуюся в кислородных концентраторах и другом медицинском оборудовании, вызвали недоумение и раздражение южного соседа на фоне заверений китайских официальных лиц в поддержке. Таким образом, естественно, что любой рост числа заражений и распространение инфекции вынуждают в первую очередь направлять ресурсы на ее сдерживание внутри самих Индии и Китая.

К настоящему моменту в Индии проводятся исследования порядка 16 препаратов для вакцинации [Vaccines Living Mapping of COVID-19...], ряд из которых разрабатывается в сотрудничестве с другими странами. К массовому производству допущена самостоятельная вакцина Covaxin производства компании Bharat Biotech, эффективность которой на третьей фазе испытаний была заявлена в 81%. Помимо этого, Институтом сыворотки Индии налажено производство вакцины Oxford-AstraZeneca, известной здесь как Covishield, а также начат выпуск Covovax, аналога американского препарата Novavax, который пока не получил разрешение на использование национального медицинского регулятора и будет складироваться [HT Correspondent]. После проведения второй и третьей фаз испытаний российской двухкомпонентной вакцины «Спутник V» также было подписано соглашение о ее совместном производстве на базе компании «Dr Reddy's Laboratories». Вероятнее всего, она в ближайшее время пойдет преимущественно для удовлетворения внутреннего спроса на вакцины в Индии. Об этом позволяют говорить, темпы прививочной кампании в стране: из более чем 1,38 млрд населения обоими компонентами провакцинировано чуть более 48 млн человек⁵ [National Co-Win Statistics of India...].

Несмотря на достаточно скромные темпы вакцинации внутри страны Нью-Дели активно включился в инициативу ВОЗ по вакцинам COVAX не только в качестве реципиента, но и донора, став до начала второй волны главным производителем и поставщиком препаратов по настоящей программе. До середины апреля 2021 г. Индия поставила вакцины в страны, представляющие для нее интерес. Значительным ресурсом на перспективу стала инициатива «Vaccine Maitri», которая подразумевает поставки вакцин индийского производства в развивающиеся государства. В рамках нее за период с января по начало апреля 2021 г. было поставлено около 66,4 млн доз вакцин в 93 страны, а также миротворческим силам и работникам здравоохранения системы ООН на безвозмездной, коммерческой основе и по линии программы COVAX [Made-in-India COVID19 vaccine supplies...]. Вместе с тем инициатива дала достаточно неоднозначные результаты внутри Индии: при низком уровне вакцинации собственного населения и, как показала практика, недостаточной обеспеченности медицинскими препаратами и оборудованием индийских больниц, поставки за рубеж вызвали закономерную критику.

⁵ По состоянию на 17.06.2021

Показательна в настоящий момент география их распространения. Индия в первую очередь уделила внимание и достаточно прочно удержала позиции в круге стран ближнего партнерства. Оказание помощи государствам Южной Азии координируется посредством Фонда экстренной помощи по борьбе COVID-19 в странах СААРК (SAARC COVID-19 Emergency Fund). Она включает в себя онлайн-консультации, поставки лекарственных препаратов (в первую очередь гидроксихлорохина), СИЗ и необходимого медицинского оборудования. Афганистан помимо традиционной гуманитарной помощи (продовольствия) и медикаментов получил порядка 968 тыс. доз вакцин на безвозмездной основе и по линии COVAX. В Бангладеш 3,3 млн вакцин было поставлено безвозмездно и 7 млн правительство закупило. Бутан, благополучие и безопасность которого традиционно обеспечивается южным соседом, и Мальдивы стали первыми странами, получившими помощь Индии в рамках инициативы «Vaccine Maitri», с объемами в 550 тыс. (в дар) и 312 тыс. (суммарно по трем основам предоставления) доз вакцин соответственно. Непал (также в форме гранта, коммерческого контракта и по программе ВОЗ) принял 2,4 млн доз вакцин для населения, а Шри-Ланка – 1,26 млн.

Гораздо меньшую активность Нью-Дели показал в странах Юго-Восточной Азии: в рамках помощи по борьбе с пандемией вакцины здесь получили лишь Мьянма (на основе гранта и коммерческого контракта) – 3,7 млн, а также по линии COVAX Камбоджа – 324 тыс. и Лаос – 132 тыс. [Made-in-India COVID19 vaccine supplies...].

Наиболее известные и распространяемые вакцины, произведенные Китаем – препараты компаний Sinovac (первоначально рассчитанная эффективность которой была 91%, однако результаты испытаний в Бразилии, Турции, Индонезии и Чили дали иные значения, от 97% до 50,4%) и Sinopharm компании Beijing Bio-Institute of Biological Products Co Ltd (заявленная эффективность – 79%). В мае-июне 2021 г. обе получили утверждение ВОЗ для экстренного использования как соответствующие международным стандартам безопасности, эффективности, а, следовательно, могут быть включены в список поставок по инициативе COVAX. Кроме открывающейся возможности продолжения вакцинации для развивающихся стран это должно также стать большим плюсом в дипломатическую «копилку» КНР. Вынужденная приостановка экспорта Индией, медлительная и невнятная позиция США и ЕС относительно распространения вакцин в развивающихся странах играют на руку Пекину, готовому наращивать темпы соответствующего производства и распространять свою продукцию. Всего в стране проводится порядка 65 испытаний различных препаратов в лабораториях медицинских компаний, институтов и научных центров преимущественно Пекина, Шэньчжэня, Ханчжоу, провинций Цзянсу, Аньхой, Хунань, Сычуань, Гуанси-Чжуанского автономного района [Vaccines Living Mapping of COVID-19...]. Однако большинство из них все еще находится на первой и второй стадиях испытаний.

Как и у Нью-Дели, у Пекина есть своя внешнеполитическая концепция по оказанию помощи странам в условиях пандемии, оформленная более абстрактно, но активно используемая. Обещание Председателя КНР Си Цзиньпина предоставить вакцину как «глобальное общественное благо» и призыв к международному сотрудничеству в построении «сообщества единой судьбы человечества» [Си Цзиньпин] подкрепляются неоднократными поездками министра иностранных дел Ван И. Примечательно, что они начались уже после преодоления первой волны эпидемии в стране. Политическое руководство ставит глобальные цели, не ограничиваясь лишь регионом Азии, но также концентрируя внимание на развивающихся странах Африки и Южной Америки. Между тем, результаты до последнего времени были сравнительно «скромными», что вероятнее всего вызвано не только опаской в отношении самих вакцин и распространения китайского влияния в странах-реципиентах, но и в ряде случаев задержками с китайской стороны (по

обозначенным выше обстоятельствам и в связи с возобновившимися вспышками COVID-19 на территории самого Китая), которые в свою очередь использовала до середины апреля Индия.

На пространствах Южной Азии КНР, конечно, сложнее маневрировать, однако работа ведется планомерно, а страны, зависевшие от поставок из Нью-Дели, в период дефицита вакцин вынуждены обращаться к Пекину. Так, в апреле текущего года состоялась видеоконференция министров иностранных дел Китая, Афганистана, Бангладеша, Непала, Пакистана и Шри-Ланки по совместному реагированию на угрозы пандемии, в ходе которой Пекин уверил представителей пяти южноазиатских государств в готовности продолжать оказывать им медицинскую, техническую и экономическую помощь [Anwar Iqbal]. В ходе этой виртуальной встречи была достигнута договоренность о создании резервной платформы между Китаем и Южной Азией для поставок средств экстренного реагирования. В настоящее время она будет направлена на оказание помощи в условиях пандемии и, при желании и внимании Пекина к ней, имеет шансы расширить возможности его «мягкого» влияния. Если рассматривать заявления в разрезе действий по странам, то картина прорисовывается следующая. Помимо неоднократных поставок необходимых в лечении медикаментов, СИЗ, аппаратов ИВЛ и иного оборудования Кабулу было пожертвовано 700 тыс. доз вакцин для расширения прививочной кампании, а Исламабаду – 1,5 млн. Пакистан стал первым государством, куда были направлены китайские вакцины, и получил препараты также по линии взаимодействия армий и на коммерческой основе. Схожая ситуация наблюдается с Непалом, получившим в дар более 1,8 млн доз вакцин, а также столь необходимый с началом новой волны кислород и соответствующее оборудование. По аналогичной схеме получили по несколько партий медицинской продукции и вакцин Бангладеш, Мальдивы и Шри-Ланка. Примечательно, что в последней стране рост влияния Пекина оказался ощутимым и вызывает опасения части экспертного сообщества [Warda Imran]. Бутан до второй волны заболеваний в Индии получил от южного соседа необходимые запасы медикаментов, средств защиты и вакцины в количестве, необходимом для выработки коллективного иммунитета в стране. Вместе с тем, наметился небольшой положительный импульс и в отношениях с КНР: в ходе возобновившейся в апреле 2021 г. работы экспертной группы по урегулированию пограничного вопроса Пекин передал малому государству запасы СИЗ и медикаментов.

В странах Юго-Восточной Азии КНР проявил не меньшую инициативу, причем как в многостороннем, так и в двустороннем формате. По официальной оценке, КНР за весь период пандемии поставил 100 миллионов доз вакцин странам АСЕАН, не считая необходимую медицинскую продукцию, техническую и консультативную помощь по борьбе с пандемией. Также на состоявшейся в начале июня 2021 г. встрече министров иностранных дел стран АСЕАН и Китая было предложено внедрить Инициативу сотрудничества в области общественного здравоохранения Китая и АСЕАН, поддерживать Региональный резерв медикаментов Ассоциации в случае чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. По аналогии со странами Южной Азии на двусторонней основе Пекин отправил уже по несколько партий медикаментов, тестов, СИЗ, оборудования и вакцин (с февраля 2021 г.) в Бруней, Восточный Тимор, Камбоджу, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Конечно, некоторые из этих стран стремятся максимально расширить перечень препаратов для прививок, медицинской продукции и их поставщиков, а помощь КНР не снимает с повестки дня имеющиеся двусторонние споры. Например, Филиппины заказали у производителей российский Sputnik V, американский препарат компании Moderna, англо-шведскую AstraZeneca. Вьетнам получил препарат производства AstraZeneca у Японии, медицинское

оборудование – у США. Однако даже в таких условиях двусторонние контакты – уже хорошее подспорье для выстраивания диалога.

Для обоих акторов «дипломатия вакцин» служит инструментом укрепления их позиций. Она значительно дополняет те экономические и инфраструктурные проекты, что были ими намечены ранее. И, если до второй половины апреля 2021 г. ни одна из стран не уступала конкуренту в государствах, где и до пандемии имела влияние, то сейчас ситуация динамично меняется. Это происходит ежедневно и перспективы ее будут определяться способностью отдельных стран и человечества в целом справиться с COVID-19, так как появление новых штаммов ставит под угрозу безопасность всех стран. В настоящий момент Пекин явно перехватил инициативу в подобной конкуренции; с другой стороны, Нью-Дели не может допустить кардинального сдвига баланса в ближнем соседстве в пользу первого. Конечно, Индия при первой же возможности постарается восстановить свои позиции ведущего актора в Южной Азии и вернуться к курсу «Добрососедство прежде всего» («Neighbourhood First»). Однако после удара, который нанесла пандемия во вторую волну, стране, вероятно, потребуется либо больше времени, либо поддержка менее пострадавших от пандемии государств. Что снова возвращает к вопросу взаимодействия с объединением Quad и его участниками или G7. Вместе с тем оказание США, Австралией, Японией или иными развитыми странами реальной помощи в нужных объемах представляется маловероятным, что обусловлено уроном, который нанесла пандемия всем экономикам, а также практика их взаимодействия. Но уже сейчас совершенно определенно можно сказать, ориентация Нью-Дели на страны «четверки» или «семерки» во внешней политике несомненно еще больше охладит и без того сложные отношения с Пекином. Между тем, возможности для развития сотрудничества, которые, к примеру, дает площадка БРИКС с идеей создания центра разработки и исследования вакцин БРИКС ни одной из сторон эффективно не используется.

Попытки Китая наладить связи в Юго-Восточной Азии хоть и не меняют ситуацию в двусторонних отношениях кардинально, однако, вынуждают сдерживать риторику и настраивают на поиск компромиссов с ним. Это очень может пригодиться в случае усиления на пространствах АТР направленных против него коалиций.

Представляется, что сегодня есть два наиболее вероятных сценария развития соперничества Пекина и Нью-Дели. Первый заключается в сохранении балансирования между крайностями: страны, придерживаясь ранее достигнутых рубежей, будут пытаться проводить свои интересы в странах Южной и Юго-Восточной Азии без вступления в открытый конфликт. Этому варианту служит основанием опыт их взаимодействия. Судя по предшествующим шагам дипломатии Китая и Индии, обе страны в целом стремятся к сохранению статус-кво и, несмотря на подчас резкую риторику, не готовы к переходу конфликта в горячую фазу.

Наиболее негативный сценарий развития ситуации предполагает переход от традиционного соперничества Пекина и Нью-Дели к полномасштабному геополитическому противостоянию, что возможно при отказе Индии от курса стратегической автономии и полноценном присоединении к Quad, масштабном привлечении участников коалиции и их ресурсов к конкуренции с Китаем. И, если сотрудничество, с точки зрения китайской стороны, было бы игрой не с нулевым итогом, а взаимовыгодным, то в случае конфронтации – результат на долгосрочную перспективу явно будет не в пользу обоих акторов.

Список литературы

Си Цзиньпин. Выступление Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в ходе общей дискуссии на 75-й сессии ГА ООН 22.09.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1817107.htm> (дата обращения: 17.06.2021).

Anwar Iqbal. China reiterates support to Pakistan in COVID-19 fight. 29.04.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1620955> (дата обращения: 19.06.2021).

HT Correspondent. Serum Institute of India begins production of Covovax vaccine. 27.05.2021. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/serum-institute-of-india-begins-production-of-covovax-vaccine-101622063634956.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Made-in-India COVID19 vaccine supplies so far (In lakhs). URL: <https://www.mea.gov.in/vaccine-supply.htm> (дата обращения: 17.06.2021).

National Co-Win Statistics of India, Co-Win Dashboard. URL: <https://dashboard.cowin.gov.in/> (дата обращения: 17.06.2021).

Sutirtho P. Chinese President Xi Jinping offers help to India in its fight against COVID-19. 30.04.2021. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/faster-customs-clearance-to-medical-consignment-to-india-china-101619778048582.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Vaccines Living Mapping of COVID-19 - living NMA initiative. URL: <https://covid-nma.com/vaccines/mapping/> (дата обращения: 17.06.2021).

Warda I. Is China using COVID aid to increase influence in Sri Lanka? 08.04.2021. URL: <https://www.dw.com/en/china-sri-lanka-coronavirus-vaccines/a-57136001> (дата обращения: 29.05.2021).

References

Si, Tszin'pin [Xi, Jinping] (2020). Vystuplenie Predsedatelya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki Si Tszin'pina v khode obshchei diskussii na 75-i sessii GA OON 22.09.2020. [Statement by the President of the People's Republic of China Xi Jinping at the General Debate of the 75th Session of The United Nations General Assembly 22.09.2020] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1817107.htm> (accessed: 17 June, 2021). (In Russian)

Anwar, I. (2021). China reiterates support to Pakistan in COVID-19 fight. URL: <https://www.dawn.com/news/1620955> (accessed: 19 June, 2021).

HT Correspondent (2021). Serum Institute of India begins production of Covovax vaccine. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/serum-institute-of-india-begins-production-of-covovax-vaccine-101622063634956.html> (accessed: 05 June, 2021).

Made-in-India COVID19 vaccine supplies so far (In lakhs) (2021). URL: <https://www.mea.gov.in/vaccine-supply.htm> (accessed: 17 June, 2021).

National Co-Win Statistics of India, Co-Win Dashboard (2021). URL: <https://dashboard.cowin.gov.in/> (accessed: 17 June, 2021).

Sutirtho, P. (2021). Chinese President Xi Jinping offers help to India in its fight against COVID-19. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/faster-customs-clearance-to-medical-consignment-to-india-china-101619778048582.html> (accessed: 05 June, 2021).

Vaccines Living Mapping of COVID-19 - living NMA initiative (2021). URL: <https://covid-nma.com/vaccines/mapping/> (accessed: 17 June, 2021).

Warda, I. Is China using COVID aid to increase influence in Sri Lanka? (2021) URL: <https://www.dw.com/en/china-sri-lanka-coronavirus-vaccines/a-57136001> (accessed: 29 May, 2021).

Раздел 2. Коронакризис как вызов для экологического перехода

Т. И. ХАЙНАЦКАЯ

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ ЕС

Аннотация. Долгое время проблемы окружающей среды и климата находились на периферии приоритетов государственной политики. Вследствие протестных движений и алармистских докладов международных организаций по всему миру прокатилась «зеленая» волна. Европейский союз разработал амбициозную экологическую политику, которая получила название Европейская зеленая сделка (далее – ЕЗС). Она должна была стать одним из главных ориентиров политики ЕС на 2019–2024 гг. Однако пандемия COVID-19, разразившаяся почти сразу после объявления о ЕЗС, заставила усомниться в своевременности его реализации. Некоторые представители стран Восточной Европы, бизнес-организации, ассоциации и профсоюзы заявляли о необходимости отложить долгосрочные цели в пользу текущих вопросов выхода из кризиса. Но данная позиция не повлияла на экологическую политику Европейского Союза, а основной акцент плана экономического восстановления после кризиса, вызванного пандемией COVID-19, был сделан на ЕЗС. Благодаря быстрой реакции Европейской комиссии, поддержке национальных государств и общественности, а также общей политизации вопроса Европейская зеленая сделка не утратила своего приоритетного статуса, а наоборот, стала движущей силой восстановления экономики.

Ключевые слова: Европейская зеленая сделка, COVID-19, экологические приоритеты, политическая повестка ЕС, экологическая политика, климатическая политика, зеленое восстановление

Автор: Хайнацкая Татьяна Игоревна, м.н.с., ИМЭМО РАН, e-mail: tkhaynatskaya@gmail.com

TATIANA KHAYNATSKAYA

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE EU ENVIRONMENTAL AGENDA

Abstract. For a long time, environmental and climate problems were on the edge of government priorities. Due to protest movements, alarmist reports of international organizations, a «green» wave spread around the world. The European Union adopted an ambitious environmental policy called the European Green Deal (EGD). It was supposed to be a high priority policy goal for 2019-2024. However, the COVID-19 pandemic that erupted almost immediately after the European Green Deal was announced raised doubts about the urgency of its implementation. Several representatives of Eastern European countries, business organizations, associations and trade unions stated the need to postpone such long-term goals, in favor of short-term ones, such as a recovery from the crisis. However, the majority in the European Union did not support those positions. The environmental policy took a diametrically opposed path, with the EGD becoming the centerpiece of the recovery plan. With the rapid response of the European Commission, the support of national states and the public and the general politicization of the issue, the European Green Deal did not lose its priority status, but instead became the driver of post-COVID recovery plan.

Although it is too early to assess the impact of the COVID-19 pandemic on the European Union's environmental policies, there is evidence that the crisis has strengthened the position of the European Green Deal and climate-related issues on the EU's political agenda. However, the full implementation of the EGD is still in doubt, in practice there is a difference between stated actions and implemented measures, which is likely to lead to a further postponement of the set objectives.

Keywords: European Green Deal, COVID-19, environmental priorities, EU political agenda, environmental policy, climate policy, green recovery

Author: Tatiana Khaynatskaya, Junior Research Fellow, IMEMO RAS, e-mail: tkhaynatskaya@gmail.com

В последние годы одним из приоритетных направлений политической повестки становится экологическая проблематика. Это связано со многими причинами, начиная от природных катастроф, которые приобретают постоянный характер, до использования экологических проблем в популистской риторике. Пандемия COVID-19 изменила приоритеты политической повестки и выдвинула на передний план вопросы экономического восстановления и поддержки системы здравоохранения.

Пандемия дала очень конкретный пример того, как тесно связаны здоровье человека и состояние окружающей среды, и того, как человеческие системы зависят от природных. Меняя ландшафты, вторгаясь в экосистемы, человек буквально «наступает» на ареалы обитания диких животных, что приводит не только сокращению биоразнообразия, но и повышает вероятность передачи зоонозных инфекций, вирусов, бактерий и пр. [Berardelli] Такие проблемы как загрязнение воздуха, буквально приводят к смертям более 7 миллионов человек в год [Всемирная организация здравоохранения], а ученые из Колумбийского университета прогнозируют десятки миллионов смертей, связанных с антропогенными выбросами углерода в атмосферу [More carbon emissions will kill more ...]. Очевидно, что для предотвращения подобных катастроф необходимо сохранять экологическое равновесие. Это необходимо отражать в стратегиях государственной политики, нормативных и законодательных актах. Многие государства выстраивали устойчивую экологическую политику еще до начала кризиса, и Европейский союз не является исключением.

ЕС сегодня выступает мировым лидером в зеленой политике, которая последовательно разрабатывалась начиная с 1990-х г. и ЕЗС является ее вехой. Она создает интеграционную и системную основы для всех направлений и сфер деятельности Евросоюза, которые строятся вокруг цели обеспечения углеродной нейтральности.

Однако через несколько недель после обнародования ЕЗС разразилась пандемия, создавшая ряд тяжелых социальных и экономических проблем для Европы и тем самым изменив политические приоритеты [Dross & Kemfert]. Возникает вопрос о том, какое место теперь занимают экологические проблемы в нынешней политической повестке?

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ И ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ЕС ДО ПАНДЕМИИ COVID-19

Формирование повестки является одной из сложнейших и одновременно самых важных задач, которые приходится выполнять политическим лидерам. Повестка дня – это не просто набор вопросов, которые серьезно рассматриваются в правительстве [Cobb & Elder; Kingdon], это ряд актуальных проблем, задач и направлений, рассматриваемые в процессе принятия решений и дебатов в данной политической системе [McCombs, p. 288]. В каждом государстве разработка политической повестки происходит по-разному в зависимости от государственных систем и структур. Формирование повестки в Европейском союзе происходит несколько сложнее. Политики стараются действовать осторожно. Расстановка приоритетов делит участников политического процесса на победителей и проигравших и в случае неправильного решения чревато отчуждением важных партнеров в правительстве и за его пределами. При правильном подходе она может мотивировать представителей власти и общественность на достижение общих

целей, которые, будучи реализованными, могут изменить миллионы жизней [Hymowitz]. В процессе разработки повестки дня политические акторы активно стремятся выдвинуть свои вопросы и проблемы в центр внимания, если они нацелены на изменение текущей политики, или исключить их, если они намерены сохранить статус-кво.

Европейская комиссия имеет привилегированный доступ к процессу установления повестки дня [Haverland, Ruiters & Walle]. Исторически сложилось так, что она обычно полагалась на мнение избранных экспертов из правительств государств-членов, групп интересов и мозговых центров. Эта практика, вероятно, стала возможной и узаконенной благодаря существованию широкой, хотя и разрозненной, поддержки гражданами европейской интеграции. Однако за последние десятилетия этот «разрешительный консенсус» сменился усилением политизации и снижением уровня доверия к институтам Европейского союза [Hooghe & Marks].

Изначально Европейская комиссия пошла по технократическому, деполитизированному пути формирования повестки дня, что привело к «ползучему» расширению задач ЕС [Pollack; Princen & Rhinard]. Для привлечения внимания к конкретным интересующим ее проблемам Еврокомиссия организует специальные площадки обсуждения актуальных вопросов со стейкхолдерами для проведения консультаций и поиска оптимальных предложений по изменению политики [Haverland & Liefferink]. Сферы компетенции ЕС достаточно ограничены, что также сужает круг вопросов в политической повестке. В результате ряд проблем может не сильно трансформироваться, но при этом изменяется их приоритетность по отношению друг к другу. Защита окружающей среды была одной из главных тем в последние десятилетия, но она не занимала центральное положение. В предыдущие годы больше внимания было сосредоточено на системных/общественных проблемах перехода к устойчивому развитию. Каждая из частей экологической политики рассматривалась и реализовывалась выборочно, независимо от другой, с разной скоростью и интенсивностью. Так, например, большой акцент делался на проблемах изменения климата и на вторичную переработку, а вопросы биоразнообразия, безлесья, сокращения отходов не продвигались должным образом. Важным шагом было создание платформы по проблемам осуществления перехода к экономике замкнутого цикла для сетевого взаимодействия стейкхолдеров, куда входят госслужащие, эксперты, ученые, некоммерческие организации, предприятия и т. д. Еще одной тенденцией в экологической политике ЕС в докризисный период стало добавление новых элементов в климатическую политику ЕС. Такими дополнениями стали директивы по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности.

После европейских выборов в мае 2019 г. новым руководством были определены приоритеты на ближайшие пять лет. Главными целями стали:

- защита граждан и свобод;
- создание прочной и динамичной экономической базы;
- построение климатически нейтральной, зеленой, справедливой и социальной Европы;
- продвижение европейских интересов и ценностей на мировой арене [European Council, 2019].

Суммируя их, можно сказать, что главной целью было формирование стабильной основы для дальнейшего развития всего Европейского союза и его государств-членов. На основе этой стратегической повестки Европейская комиссия заложила шесть политических приоритетов на 2019-2024 гг.: 1) Европейская зеленая сделка; 2) Цифровизация; 3) Обеспечение привлекательной инвестиционной среды и экономический рост, который способствует созданию новых рабочих мест; 4) Укрепление позиций ЕС на международной арене; 5) Продвижение европейских

ценностей; 6) Защита демократии от внешнего вмешательства, дезинформации и негативных настроений в информационном пространстве. Новые цели соответствуют общему вектору развития ЕС, однако их венцом стала ЕЗС.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗЕЛЕНАЯ СДЕЛКА

Европейская зеленая сделка была запущена в декабре 2019 г., сразу же после вступления У. фон дер Ляйен в должность председателя Европейской Комиссии. Импульсом к принятию ЕЗС стал алармистский прогноз Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) о глобальном потеплении на 1,5°C и о срочной необходимости принять меры, так как по их оценкам 2030 г. может стать точкой невозврата [МГЭИК]. Основываясь на этом докладе, Еврокомиссия опубликовала сообщение, призывающее Европейский союз обеспечить углеродную нейтральность к 2050 г. [European Commission, 2018].

В ноябре 2019 г. Европарламент объявил о чрезвычайном положении, связанном с климатом и общей экологической обстановкой [European Parliament, 2019]. И уже в декабре того же года члены Европейского совета, за исключением Польши, утвердили цель создания к 2050 г. континента с нулевыми выбросами углекислого газа [EU leaders agree to 2050...].

Европейская зеленая сделка, как и предыдущая экологическая политика, была построена на принципах устойчивого развития, однако она стала более целеориентированной. Для достижения поставленных целей ЕС предусматривает повышение целевого показателя по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 г. не менее чем на 55% (по сравнению с уровнями 1990 г.) [Дрямина]. При этом все остальные задачи в области охраны окружающей среды обозначены только как один из элементов ЕЗС, то есть носят второстепенный характер. Среди них создание устойчивой системы управления отходами, основанной на экономике замкнутого цикла, устойчивого аграрного сектора, сохранение экосистем и биоразнообразия, сокращение загрязнений почвы, воздуха и воды, борьба с безлесьем и др. А все остальные сферы политики должны быть приведены в соответствии с принципом «не навредить» зеленым ориентирам.

Принятие Европейской зеленой сделки стало заявкой ЕС на глобальное климатическое лидерство. Сама Европейская Комиссия охарактеризовала принятие ЕЗС как «момент высадки европейского человека на Луну» [Ekblom, Waczynska]. По данным Еврокомиссии, для осуществления ЕЗС в течение следующего десятилетия необходимо найти не менее 1 трлн. евро для проведения исследований и инновационных проектов [European Commission, 2020]. Почти все основные аспекты европейской экономики от производства энергии до потребления продовольствия, от транспорта до производства и строительства придется пересмотреть.

В целях обеспечения возможности всем государствам осуществить «зеленый переход» и внести свой вклад в новую экологическую политику европейское правительство разработало механизм справедливого перехода (Just Transition Mechanism). Он включает в себя три основных компонента: Фонд справедливого перехода, кредитная линия для государственного сектора в Европейском инвестиционном банке и инвестиционный пакет (Invest EU) [Financing the green transition ...].

Новая европейская экологическая политика весьма амбициозна: в рамках ЕЗС предусмотрено около 50 законодательных и политических инициатив. Однако самым серьезным вопросом является то, насколько реалистично их выполнение. Как известно, скепсис возник еще до пандемии COVID-19, а после начала кризиса, на фоне снижения экономических показателей и роста безработицы, он только

усилился. До сих пор представленные меры являются источником дебатов не только в политических кругах, но и среди экологов, экоактивистов, представителей эконоНКО.

Другой вопрос заключается в том, как эти меры реально повлияют на окружающую среду? Зеленая энергетика, чистые технологии, циркулярная экономика являются основными атрибутами экологического транзита, однако они имеют также негативные аспекты, которые могут поставить под сомнение «экологичность» проектов. К примеру, добыча и очистка редких металлов, которые нужны для передовых зеленых технологий, наносит огромный ущерб окружающей среде, загрязняя воду и почву. Такие образом, зеленый транзит – это дорогостоящий и неоднозначный процесс.

ВЛИЯНИЕ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ COVID-19 НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ ЕС

Первой реакцией на ЕЗС после начала COVID-19 были опасения по поводу ее дальнейшей судьбы. Некоторые представители государств-членов Европейского союза, руководители корпораций предприняли попытку остановить новую экологическую политику ЕС. Например, премьер-министр Чехии А. Бабиш в марте 2020 г. призвал к отказу от Европейской зеленой сделки. В Польше заявили о целесообразности временно приостановить сделку до наступления более благоприятного периода [Elkerbout, Egenhofer, Ferrer, Cătuțl, Kustova, Rizos]. Ассоциация европейских предпринимателей BusinessEurope попросила в апреле 2020 г. отложить дальнейшее рассмотрение ключевых климатических и экологических инициатив. А Европейская ассоциация автопроизводителей призвала скорректировать сроки принятия нормативных актов ЕС, таких как стандарты для автомобилей, работающих на жидком топливе. Однако негативные настроения вокруг ЕЗС не имели прямых последствий. Европейская комиссия, Европейский парламент и лидеры ЕС разработали план – Next Generation EU, способный одновременно помочь выйти из кризиса и заложить фундаментальную основу для современной и более устойчивой Европы. Программа в 750 млрд евро, согласованная лидерами ЕС с Фондом восстановления в 672,5 млрд евро, стала крупнейшим пакетом мер по стимулированию экономики, когда-либо выдвигавшимся за счет бюджета ЕС [Bassetti]. Основной акцент был сделан на трансформацию в сторону цифровизации и устойчивой и зеленой экономики (Таблица №1). Эта программа является логическим продолжением ЕЗС, она включает в себя множество мер, таких как предоставление грантов, займов и налоговых льгот, направленных на развитие «зеленого» транспорта, экономики замкнутого цикла, исследований, разработок и внедрения экологически чистых источников энергии. Для успешного осуществления политики центральные и местные органы власти должны работать вместе с частными предприятиями над поиском вариантов восстановления, которые ускоряют рост, одновременно помогая достичь целей ЕЗС. Такой подход объясняется тем, что региональные власти лучше знают специфику своего региона, его инфраструктуру и возможности для сокращения экологического и углеродного следа по средствам внедрения новых регуляторных механизмов, норм, правил проведения информационных кампаний и стимулирования «зеленой» экономики.

Исследовательская группа бельгийских ученых рассматривала COVID-19 как критический момент для ЕЗС. Они выделили два основных момента ее развития: 1) дальнейшее выполнение ЕЗС и 2) планирование экономического восстановления после кризиса [Dupont, Oberthür & Homeyer, p. 1101].

Запланированные в первый год мероприятия были реализованы с некоторыми задержками, неизбежными в связи с эпидемиологической ситуацией. Еще в начале 2020 г., прежде чем весь мир отправился на карантин, Европейская комиссия

опубликовала несколько инициатив, включая предложения по механизму справедливого перехода, план действий по циркулярной экономике, Европейский климатический закон, промышленную стратегию и инвестиционный план [European Commission, 2020]. Спустя несколько месяцев после наступления кризиса она вновь приступила к своей деятельности, заручившись поддержкой Европейского парламента и Европейского совета.

Европейская комиссия отметила, что зеленая экономика способствует созданию новых рабочих мест. Отчет McKinsey указывает на то, что принятие принципов циркулярной экономики может принести Европе чистую экономическую выгоду в размере 1,8 триллиона евро к 2030 г. и создать около 700 000 рабочих мест при одновременном снижении общего воздействия на окружающую среду и выбросов [McKinsey]. Это дает реальные преимущества для целого ряда отраслей. В пищевой промышленности и сельском хозяйстве такие «зеленые» инициативы, как вертикальное фермерство, создание локализованных производственных комплексов и принятие местных стратегий в области закупок продовольствия помогут сократить цепочки поставок между фермерами, розничными торговыми сетями и потребителями, создавая при этом дополнительные рабочие места в регионах. Наряду с этим будут созданы новые рабочие места в обрабатывающей промышленности, которая специализируется на переработке вторичного сырья в продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Однако в отчете не говорится о потерях, которые может повлечь за собой переход к циркулярной модели экономики. В докладе Международной организации труда 2018 г. указано то, что создание рабочих мест в зеленой экономике практически полностью компенсирует сокращение рабочих мест за счет этого перехода, однако потери в нефтедобывающей и перерабатывающей отраслях составят более 1 млн мест [International Labour Office].

Таблица 1. Частота встречаемости слов «устойчивый», «зеленый», «экологический» и «климат» в плане ЕС по восстановлению после пандемии COVID-19

<i>Слова</i>	<i>Количество повторений</i>
<i>Устойчивость/устойчивый (Resilience/Resilient)</i>	53
<i>Устойчивый (Sustainable/Sustained)</i>	31
<i>Зеленый (Green)</i>	42
<i>Экологический (Environmental)</i>	6
<i>Климат (Climate)</i>	17
<i>Всего</i>	149

Источник: Составлено автором по [European Commission. Europe's moment], [European Commission. The EU].

Принятие ЕС плана по восстановлению экономики от последствий пандемии COVID-19 NextGeneration EU демонстрирует его приверженность цели создания углеродно-нейтрального континента. Очевидно, что изменение климата по-прежнему является приоритетом как для политиков, так и для населения Европы. Ежегодный опрос (Евробарометр), проведенный в ноябре-декабре 2020 г., наглядно отражает влияние пандемии на общественное восприятие проблем и приоритетов, а также сохраняющееся беспокойство по поводу экологических проблем. Почти половина респондентов, заявили, что борьба с нищетой должна быть главным приоритетом для европейских политиков, что на 17% больше по сравнению с последним изданием опроса. В то же время мнение по вопросам защиты окружающей среды и

биоразнообразия не изменилось с прошлого года, 32% респондентов считают изменение климата первоочередной задачей [Eurobarometer].

ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЦЕНТРЕ ПОВЕСТКИ

Вопреки опасениям экспертов пандемия COVID-19 на текущий момент оказала положительное влияние на экологическую политику, способствуя консолидации и укреплению ее положения в политической повестке и заложив основу для дальнейших преобразований в экономике. В проекте плана восстановления экономики усилены ключевые элементы ЕЗС, в особенности ее инвестиционная часть.

Как отмечают бельгийские исследователи, большую роль в сохранении экологических и климатических проблем на повестке дня, сыграла Европейская комиссия, которая выступила в качестве политического предпринимателя (policy entrepreneur). Имея особое положение при разработке политических приоритетов ЕС, она продвигала и стимулировала создание коалиционных объединений из сети представителей стран-членов ЕС, групп интересов для дальнейшего осуществления ЕЗС [Dupont, Oberthür & Homeyer, p. 1104]. В качестве поддержки ЕЗС Европейская комиссия проводила активную информационную политику, в которой делала акцент на взаимосвязи между окружающей средой и здоровьем населения, тем самым обеспечивая содействие проводимой ею политики.

Другим немаловажным фактором стала алармизация экологических и климатических проблем как со стороны эконоНКО, экспертного и научного сообщества, так и со стороны международных организаций, политических партий и др. «Громкие» доклады МГЭИК и др. о необходимости незамедлительных политических действий, трансформации экономики для борьбы с изменениями климата способствовали не только продвижению экологических и климатических вопросов в повестке дня, но и активизации общественных движений. Новая волна алармизма привела к политизации экологического дискурса как «сверху», так и «снизу». Экологическое и климатическое направления стали мейнстримом в политических кругах. Пандемия COVID-19 только способствовала усилению этой тенденции и привела к росту экологического сознания и экологической идентичности населения [Kachaner, Nielsen, Portafaix & Rodzko]. Спрос на активную экологическую и климатическую политику вырос, что создало благоприятный фон для продвижения ЕЗС. Зеленые партии набирают популярность в Европе, особенно в западных странах, а системные партии стали включать вопросы экологии в свои программы. Таким образом, интересы политиков и общественности «встретились», что способствовало дальнейшему развитию работы в этом направлении.

Формирование политических приоритетов ЕС и дальнейшая разработка экологической политики совпали с началом пандемии COVID-19. ЕЗС стала вехой в экологической политике всего Европейского союза, который стремится стать пионером и стремится закрепить свой статус глобального лидера «зеленого перехода». ЕС намерен стать примером для других государств и распространить свои экологические нормы и ценности за пределы своих границ.

Несмотря на последствия пандемии как в экономической, так и в социальной сферах, кризис COVID-19 был умело использован политиками ЕС как «окно возможностей» для продвижения «зеленого перехода». Тем не менее, экономические проблемы все еще могут быть использованы в качестве аргумента для приостановки амбициозных политических программ. Европейская зеленая сделка не находит полной поддержки ни среди общественности, ни среди экологов, ни среди политиков.

На данный момент становится ясно, что кризис не вытеснил «зеленую» повестку на периферию политических приоритетов ЕС. Однако, если рассматривать экологическую политику в целом, то проблемы изменения климата остаются приоритетными, в то время как проблемы обращения с отходами, объем которых увеличился в несколько раз, пластикового загрязнения, сокращение биоразнообразия отходят на второй план.

Список литературы

Дрямина Н. ЕС сократит выбросы на 55% к 2030 году. 21.04.2021 URL: <https://ru.euronews.com/2021/04/21/eu-environment-climate-low> (дата обращения: 25.05.2021).

МГЭИК. Глобальное потепление на 1,5 °C. 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 22.02.2021)

Dan H. Prioritization in Government // Tony Blair Institute for Global Change. 29.03.2016. URL: <https://institute.global/advisory/prioritisation-government> (accessed: 15.02.2021).

Dupont C., Oberthür S., von Homeyer, I. The COVID-19 crisis: a critical juncture for EU climate policy development? // *Journal of European Integration*. 2020. No 42(8). P. 1095–1110. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1853117>

Eklblom J., Baczynska G. EU trumpets Green Deal as its 'man on the moon moment' // Reuters. 11.12.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-climate-change-eu-idUSKBN1YF1NA> (accessed: 22.02.2021)

Elkerbout M., Egenhofer C., Ferrer J. N., Cătuțl M., Kustova I., Rizos V. The European Green Deal after Corona: Implications for EU climate policy // CEPS, 06.2020 URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2020/03/PI2020-06_European-Green-Deal-after-Corona.pdf (accessed: 25.05.2021)

EU leaders agree to 2050 carbon neutrality deal without Poland // Deutsche Welle, 13.12.2019 URL: <https://www.dw.com/en/eu-leaders-agree-to-2050-carbon-neutrality-deal-without-poland/a-51651459> (accessed: 22.02.2021)

Eurobarometer. A glimpse of certainty in uncertain times // European Parliament 01.02.2021. URL <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2020/parlemeter-2020/en-report.pdf> (accessed: 25.05.2021)

European Commission. European Green Deal // European Commission, URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 25.05.2021)

European Commission. European Green Deal Call: €1 billion investment to boost the green and digital transition // European Commission. 17.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1669 (accessed: 22.02.2021)

European commission. 2050 long-term strategy // European commission. 2018. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (accessed: 22.02.2021)

European council. A new strategic agenda 2019-2024 // European council. 20.06.2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/20/a-new-strategic-agenda-2019-2024/> (accessed: 22.02.2021)

European Parliament. The European Parliament declares climate emergency // European Parliament. 29.11.2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20191121IPR67110/the-european-parliament-declares-climate-emergency> (accessed: 22.02.2021)

European Commission. Financing the green transition: The European Green Deal Investment Plan and Just Transition Mechanism // European Commission. 14.01.2020. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2020/01/14-01-2020-

financing-the-green-transition-the-european-green-deal-investment-plan-and-just-transition-mechanism (accessed: 22.02.2021)

Europe's circular-economy opportunity // McKinsey. 01.09.2015. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/europes-circular-economy-opportunity> (accessed: 25.05.2021)

Francesco B. Next Generation Fund: Putting the EU at the Forefront of the Transition // Foresight, 03.2021 URL: <https://www.climateforesight.eu/jobs-growth/next-generation-fund-putting-the-eu-at-the-forefront-of-the-transition/> (accessed: 25.05.2021)

Jeff B. Human impact on the environment may make pandemics more likely, experts warn // CNS News. 02.04.2020. URL: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-environment-pandemic-infectious-diseases/> (accessed: 15.02.2021).

John W. Kingdon. Agenda, Alternatives, and Public Policy. New York: HarperCollins College Publishers, 1995. 254 p.

Haverland M., Liefferink D. Member State Interest Articulation in the Commission Phase: Institutional Pre-Conditions for Influencing «Brussels» // *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19. No. 2.

Haverland M., de Ruiter M., Van de Walle S. Agenda Setting by the European Commission. Seeking Public Opinion? // *Journal of European Public Policy* (Online First). 2018. Vol. 25. Iss. 3. URL: <https://ssrn.com/abstract=2884023> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2884023>

Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39. Iss. 1. P. 1-23. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>

Kachaner N., Nielsen J., Porafaix A., Rodzko F. The Pandemic Is Heightening Environmental Awareness. // BSG. 14.07.2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/pandemic-is-heightening-environmental-awareness> (accessed: 22.02.2021)

Pollack M.A. Creeping Competence: The Expanding Agenda of the European Community // *Journal of Public Policy*. 1994. Vol. 14. No 1. P. 95-145. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X00007418>

McCombs M. Agendas: Political. URL: https://fbaum.unc.edu/articles/Political_Agendas.pdf (accessed: 25.05.2021)

Dross M., Kemfert C. Der European Green Deal in der Corona-Pandemie, Friedrich Ebert Stiftung // Friedrich Ebert Stiftung. 22.11.2020. URL: [https://www.fes.de/progressive-wirtschaftspolitik-fuer-europa/artikelseite-progressive-wirtschaftspoitik/der-european-green-deal-in-der-corona-pandemie](https://www.fes.de/progressive-wirtschaftspolitik-fuer-europa/artikelseite-progressive-wirtschaftspolitk/der-european-green-deal-in-der-corona-pandemie) (accessed: 13.02.2021).

More carbon emissions will kill more people; here's how many // PhysOrg 29.07.2021. URL: <https://phys.org/news/2021-07-carbon-emissions-people.html> (accessed: 30.09.2021).

Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-building 1975. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1975. 357 p.

Princen S., Rhinard M. Crashing and Creeping: Agenda-Setting Dynamics in the European Union // *Journal of European Public Policy*. 2006. No 13 (7). P. 1119-1132. 10.1080/13501760600924233.

Rimkute D., Haverland M. How Does the European Commission Use Scientific Expertise? Results from a Survey of Scientific Members of the Commission's Expert Committees // *Comparative European Politics*. 2015. 13 (4). P. 430-449. 10.1057/cep.2013.32.

World employment social outlook 2018 // International Labour Organization. 2018. URL: https://www.ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf (accessed: 22.02.2021)

References

- Bassetti, F.* (2021). Next Generation Fund: Putting the EU at the Forefront of the Transition, Foresight, March. URL: <https://www.climateforesight.eu/jobs-growth/next-generation-fund-putting-the-eu-at-the-forefront-of-the-transition/> (accessed: 25 May, 2021)
- Berardelli, J.* (2020). Human impact on the environment may make pandemics more likely, experts warn, CNS News, 2 April. URL: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-environment-pandemic-infectious-diseases/> (accessed 15 February, 2021)
- Dross, M., Kemfert, C.* (2020). Der European Green Deal in der Corona-Pandemie // Friedrich Ebert Stiftung, 24 November. URL: <https://www.fes.de/progressive-wirtschaftspolitik-fuer-europa/artikelseite-progressive-wirtschaftspolitik/der-european-green-deal-in-der-corona-pandemie> (accessed: 13 February, 2021)
- Dryamina, N.* (2021) ES sokratit vibrosi na 55% k 2030 [EU to reduce emissions by 55% by 2030] // Euronews URL: <https://ru.euronews.com/2021/04/21/eu-environment-climate-low> (accessed: 25 May, 2021). (In Russian)
- Dupont, C., Oberthür, S., von Homeyer, I.* (2020). The COVID-19 crisis: a critical juncture for EU climate policy development? Journal of European Integration, 42(8), 1095–1110. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1853117>
- Elkerbout, M., Egenhofer, C., Ferrer, J.N., Cătuș, M., Kustova, I., Rizos, V.* (2020). The European Green Deal after Corona: Implications for EU climate policy // CEPS URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2020/03/PI2020-06_European-Green-Deal-after-Corona.pdf (accessed: 25 May, 2021)
- Ekblom, J., Baczyńska, J.* (2019). EU trumpets Green Deal as its 'man on the moon moment' // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-climate-change-eu-idUSKBN1YF1NA> (accessed: 22 February, 2021)
- EU leaders agree to 2050 carbon neutrality deal without Poland. (2019) // Deutsche Welle, 13 December. URL: <https://www.dw.com/en/eu-leaders-agree-to-2050-carbon-neutrality-deal-without-poland/a-51651459> (accessed: 22 February, 2021)
- Eurobarometer (2021). A glimpse of certainty in uncertain times, European Parliament, February. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/beheard/eurobarometer/2020/parlemeter-2020/en-report.pdf> (accessed: 25 May, 2021)
- European Commission (2020). Financing the green transition: The European Green Deal Investment Plan and Just Transition Mechanism, European Commission URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2020/01/14-01-2020-financing-the-green-transition-the-european-green-deal-investment-plan-and-just-transition-mechanism (accessed: 22 February, 2021)
- European Commission (2020). European Green Deal Call: €1 billion investment to boost the green and digital transition, European Commission, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1669 (accessed: 22 February, 2021)
- European commission (2018). 2050 long-term strategy, European council. 2018 URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (accessed: 22 February, 2021)
- European Commission. European Green Deal, European Commission, URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 25 May, 2021)
- European Council (2019). A new strategic agenda 2019-2024, European council, 20 June. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/20/a-new-strategic-agenda-2019-2024/> (accessed: 22 February, 2021)
- European Parliament (2019). The European Parliament declares climate emergency, European Parliament, 29 November. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20191121IPR67110/the-european-parliament-declares-climate-emergency> (accessed: 22 February, 2021)

- Haverland, M., Liefferink, D. (2012). Member State Interest Articulation in the Commission Phase: Institutional Pre-Conditions for Influencing 'Brussels' // *Journal of European Public Policy*. Vol. 19. No. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=1805579>
- Haverland M., Ruiter M., Walle S., (2016). Agenda Setting by the European Commission. Seeking Public Opinion? // *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. Iss. 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2884023>
- Hooghe, L., Marks, G. (2009). A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. Vol. 39. Iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hymowitz, D. (2016). Prioritization in Government, Tony Blair Institute for Global Change, 29 March. URL: <https://institute.global/advisory/prioritisation-government> (accessed: 15 February, 2021)
- IPCC (2018). Global Warming of 11,5 °C, IPCC. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (accessed: 22 February, 2021)
- John, W. (1995). *Kingdon. Agenda, Alternatives, and Public Policy*. New York: HarperCollins College Publishers. 254 p.
- Kachaner, N., Nielsen, J., Porafaix, A., Rodzko, F. (2020) The Pandemic Is Heightening Environmental Awareness // BSG. 14 July. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/pandemic-is-heightening-environmental-awareness> (accessed: 22 February, 2021)
- McCombs, M. Agendas: Political. URL: https://fbaum.unc.edu/articles/Political_Agendas.pdf (accessed: 25 May, 2021)
- McKinsey (2015). Europe's circular-economy opportunity // McKinsey, 01.09.2015 URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/europes-circular-economy-opportunity> (accessed: 25 May, 2021)
- More carbon emissions will kill more people; here's how many // PhysOrg, 29 July. URL: <https://phys.org/news/2021-07-carbon-emissions-people.html> (accessed: 30 September, 2021).
- Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-building (1975). Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 357 p.
- Princen, S., Rhinard, M. (2006). Crashing and Creeping: Agenda-Setting Dynamics in the European Union // *Journal of European Public Policy*. No 13 (7). P. 1119-1132. 10.1080/13501760600924233.
- Pollack, M.A. (1994). Creeping Competence: The Expanding Agenda of the European Community // *Journal of Public Policy*. Vol. 14. No 1. P. 95-145. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X00007418>
- Rimkute, D., Haverland, M. (2015). How Does the European Commission Use Scientific Expertise? Results from a Survey of Scientific Members of the Commission's Expert Committees // *Comparative European Politics*. 2015. 13 (4). P. 430-449. 10.1057/cep.2013.32.
- World employment social outlook 2018, International Labour Organization. 2018. URL: https://www.ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf (accessed: 22 February, 2021)

Л.А. ПЕЧИЩЕВА
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ШОС⁶

Аннотация. На рубеже XX – XXI вв. эксперты не придавали большого значения международным и региональным организациям в Азии, однако из-за глобального экономического кризиса и миграционных проблем в странах ЕС роль многих стран Востока возросла, вместе с тем усилилось и влияние незападных объединений. Кроме того, благодаря созданию новых интеграционных структур, расширению взаимодействия между странами и континентами, а также возрастающей политической мощи КНР и экономическому буму Индии к середине 2000-х гг. эксперты стали придавать особое значение и Шанхайской организации сотрудничества, которая является одной из крупнейших региональных организаций на пространстве Большой Евразии. Особый интерес в рамках ШОС уделяется Индии и Пакистану, которые долгое время были странами-наблюдателями, но уже с 2017 г. стали полноправными странами-членами Организации. После распада СССР наблюдалось замедление в 1990-е гг. российско-индийского сотрудничества в различных направлениях из-за коренных преобразований отечественной экономики, спада объемов внешней торговли, а также затяжного кризиса большинства промышленных экспортно-ориентированных отраслей страны. Однако уже с начала 2000-х гг. двустороннее взаимодействие приобретает новый импульс благодаря перспективам региональной интеграции, в том числе ШОС, и запуску новых экономических и энергетических проектов. Как политические, так и бизнес-элиты стран-членов ШОС понимают всю важность более активного использования Организации для продвижения собственных интересов. Более того, в дальнейшем интенсификация энергетического сотрудничества странами-участницами ШОС будет способствовать развитию взаимодействия в других сферах, включая экономику, и продвижению идеи «Северного морского пути».

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, энергетические проекты, региональная безопасность, Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества, индийский опыт, геополитические интересы.

Автор: Печищева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ; научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, e-mail: mayflower-85@inbox.ru

LIUDMILA PECHISHCHEVA
ENERGY FACTOR IN THE REGIONAL SCO SECURITY SYSTEM

Abstract. At the turn of the 20th – 21st centuries, experts did not pay much attention to international and regional organizations in Asia, but due to the global economic crisis and migration challenges in the EU, the role of many Eastern countries increased, while the influence of non-Western associations also rose. In addition, experts started paying special attention to the Shanghai Cooperation Organization, that is one of the largest

⁶ Исследование выполнено в рамках гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2021 году (шифр гранта 2021-1-2) для научно-исследовательского проекта «Трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС на современном этапе: возможности для России».

Research is completed within the grant «Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU» in 2021 (2021-1-2) for the research project: «Transformation of the Energy Markets of the SCO Member States at the Present Stage: Opportunities for Russia».

regional organizations in the Greater Eurasia area, thanks to the creation of new integration structures, the expansion of interaction between countries and continents, as well as the growing political power of China and India's economic boom by the mid-2000s. A particular interest within the SCO is paid to India and Pakistan, that for a long time were observer states, but since 2017 have become full member states of the Organization. After the collapse of the USSR, there was a slowdown of Russia-India cooperation in the 1990s in various areas due to the fundamental transformations of the domestic economy, the decline in foreign trade, as well as the profound crisis of the most of Russian industrial export-oriented industries. However, at the beginning of the 2000s, bilateral cooperation has gained new momentum due to the prospects for regional integration, including the SCO, and the launch of new economic and energy projects. Both the political and business elites of the SCO member states understand the importance of using the Organization more actively to promote their own interests. Moreover, in the near future, the intensification of energy cooperation between the SCO member states will contribute to the development of cooperation in other realms, including economy, and the promotion of the Northern Sea Route (NSR).

Keywords: the Shanghai Cooperation Organization, energy projects, regional security, the SCO Energy Club, Indian experience, geopolitical interests.

Author: Liudmila A. Pechishcheva, PhD in History, Associate Professor at the Department of Regional Area Studies and Foreign Politics, Faculty of International Relations and Regional Area Studies, Institute for History and Archives of RSUH; Researcher at Center for the General Problems Studies of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: mayflower-85@inbox.ru

Энергетическая безопасность как часть национальной безопасности стала одним из приоритетных направлений политики большинства стран в XXI в. В особенности это было характерно для таких государств, как Индия и КНР, испытывающих проблемы с энергоресурсами. Новые контуры евразийской безопасности стали еще более очевидными в связи с усилением роли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Уникальность рассмотрения ШОС с точки зрения энергетического взаимодействия заключается в том, что в рамках Организации собраны как государства-экспортёры, так и государства-импортёры первичных энергоресурсов (сырая нефть, уголь, природный газ). Это обуславливает формирование сложной системы энергетических контрактов, которые, в свою очередь, активно влияют на трансформацию энергетических рынков внутри ШОС. Эта взаимозависимость усиливается и по мере нарастания геополитических противоречий со странами – сторонниками политики «нового атлантизма» во главе с США.

Так, изначально энергетика странами-членами ШОС была включена в экономическое поле, но не рассматривалась с точки зрения региональной энергетической безопасности. Интересно и то, что в ШОС собрались как крупнейшие в мире производители энергоресурсов, такие как Россия и, в меньшей степени, Казахстан, так и крупнейшие их потребители, такие как Индия и Китай. Сегодня заметна тенденция к регионализации рынков нефти и газа. В Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 2002 г. большое количество пунктов отведено обеспечению безопасности и стабильности, а также противостоянию угрозам и вызовам, то есть совместному противодействию терроризму и иным нетрадиционным региональным угрозам [Хартия]. По мнению видного китайского эксперта Пан Дапэна, ШОС крайне важна для региональной безопасности не только всего евразийского пространства, но и КНР. Поскольку «укрепление и развитие ШОС будут способствовать превращению северо-восточного, северного и северо-западного регионов Китая в надежный стратегический тыл. Таким образом, при

необходимости Пекин сможет незамедлительно сосредоточить силы на решении любых непредвиденных проблем, которые могут возникнуть в других районах страны, особенно на юго-восточном побережье. Это приобретает особое стратегическое значение в контексте текущего обострения китайско-американского противостояния, а также продолжающегося роста напряженности в Южно-Китайском море» [Пан Дапэн].

С вступлением в ШОС Индии и Пакистана, двух крупнейших южноазиатских государств, Организация расширилась до крупнейшей в мире трансрегиональной ассоциации по общей площади, численности населения и экономическому потенциалу. Индия и Пакистан, долгое время имевшие статус наблюдателей ШОС, в 2017 г. на саммите в Астане становятся полноправными членами Организации [Коростиков]. Как Индия, так и Пакистан заинтересованы не только в расширении своего геополитического, военного, экономического, гуманитарного влияния, но и в реализации энергетических проектов под эгидой ШОС. Индия и Пакистан, как и Китай, нуждаются в углеводородном сырье. Индия, как стратегический партнер России в Азии, нацелена на более интенсивное развитие в экономике и энергетике. Согласно экспертам из Института востоковедения РАН и Института Дальнего Востока РАН, для усиления роли Большой Евразии на международной арене необходимо «повышать эффективность Шанхайской организации сотрудничества при решении задач, от которых зависит успех в реализации концепции Большого евразийского партнерства (БЕП)» [Лузянин, Клименко, с. 98]

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШОС

Индия относится к числу наиболее динамично развивающихся экономик мира, поэтому потребление первичной энергии в этой стране в 2000-2020 гг. выросло в 2,5 раза. Однако Индия не в состоянии полностью обеспечить свои потребности в энергоресурсах за счёт внутренней добычи нефти, природного газа и угля и вынуждена импортировать до 50% требуемых энергоресурсов. Очевидно, что доля угля в энергобалансе, составляющая сейчас порядка 56%, будет постепенно снижаться, но всё равно останется высокой в среднесрочной перспективе. Тем не менее, фактическая зависимость от импорта угля составляет 26%, нефти – 84%, газа – 47%. Поэтому перед Индией также стоит задача по обеспечению энергетической безопасности и бесперебойности энергоснабжения, для чего необходимо заключение контрактов с надёжными поставщиками [Индийские и пакистанские...]. Став в 2014 г. премьер-министром Индии, Н. Моди начал активно продвигать не только национальные интересы страны на международной арене, но и менять вектор сотрудничества с соседями, прежде всего с Пакистаном и с КНР, а также расширять взаимодействие в различных сферах с США и странами ЕС [Харина]. С одной стороны, такое быстрое усиление индийско-американского сотрудничества, особенно в военно-технической сфере, спровоцировало беспокойство со стороны её южноазиатских соседей и КНР. С другой стороны, многовекторная политика Дели с желанием привлечь западные инвестиции и технологии никак не отразилась на российско-индийских отношениях, которые для России по-прежнему стратегически важны.

Особое внимание индийское правительство в рамках ШОС уделяет развитию с Россией проектов «мирного атома», которые идут параллельно с реализацией ВИЭ в Индии. Сталкиваясь с такими вызовами, как проблема утилизации отработанного ядерного топлива, вероятность техногенных катастроф на АЭС, а также опасность попадания ядерных технологий в руки террористических организаций, индийское правительство стремится делать акцент всё-таки на возобновляемой энергетике в долгосрочной перспективе.

Россия для Индии – это и стратегический партнер, и надежный поставщик энергоресурсов. Так, российско-индийский «атомный союз» представляется как естественное продолжение принятого в 2009 г. документа «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» [Энергетическая стратегия России], целью которого является энергетическая безопасность РФ. Российская госкомпания «Росатом» (и её дочерняя структура «Атомстрой-экспорт», выполняющая межправительственные соглашения в атомной энергетике) активно продвигает в Южной Азии энергетические проекты, в том числе и в Индии. Основными российско-индийскими соглашениями по атомной энергетике можно считать «Кооперационное соглашение по использованию атомной энергии в мирных целях» и «Дорожную карту по серийному выпуску атомных станций российской разработки в Республике Индия». Согласно «Дорожной карте», в индийском штате Тамилнад реализуется масштабный проект АЭС «Кунданкулам» [Sudakar]. Однако сложно сравнивать по масштабам энергетические проекты Китая и Индии. Российско-китайское энергетическое сотрудничество, без сомнения, превосходит по своим масштабам российско-индийские программы. Газопровод «Сила Сибири», заработавший в декабре 2019 г., стал одним из ключевых энергетических проектов в рамках ШОС. Контракт на строительство этого газопровода был подписан в 2014 г. между ПАО «Газпром» и крупнейшей китайской нефтегазовой компанией CNPC. Планируется поставка 38 млрд кубометров газа ежегодно из Якутии в Приморский край и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в течение 30 лет [Водолага].

Однако благодаря стабильности в российско-индийском энергетическом союзе, очевидны преимущества двустороннего взаимодействия под эгидой ШОС. Для Индии участие в ШОС имеет ряд преимуществ. Во-первых, это и диверсификация индийского углеводородного рынка, поскольку правительство Индии не только стремится усилить энергетическое сотрудничество с Россией, но и расширить энергетическое взаимодействие с Казахстаном в рамках ШОС. Во-вторых, это укрепление начатой еще в 1991 г. индийской политики «Взгляд на Восток» (Look East) [‘Look East’ policy...], которая нацелена на развитие экономических и стратегических проектов с юго-восточными странами, что позволит Индии противостоять влиянию КНР в Южной Азии и сохранить баланс с Пакистаном в этом регионе. Очевидно, что правительство КНР, всё меньше включая в свою орбиту Индию и всё больше делая ставку на Пакистан вместе с Бангладеш при реализации экономических и энергетических проектов в рамках Инициативы «Один пояс – Один путь», создает дисбаланс и влияет на расстановку сил в южноазиатском регионе. К тому же активное продвижение правительством США сланцевого газа постепенно вытесняет крупных поставщиков природного газа из России и стран Центральной Азии.

Как для России, так и для Индии энергетический вектор в их внешнеполитической стратегии служит в основном инструментом «мягкой силы», благодаря которому государства имеют возможность укрепить свои позиции на пространстве Большой Евразии. Энергетические проекты, реализуемые российскими государственными компаниями, позволяют стране не только завоевывать новые рынки сбыта своей продукции, но и поднять свой внешнеполитический имидж как надежного поставщика. Индия, в свою очередь, стремится развивать не только энергетическое сотрудничество с Россией, но и с другими крупными производителями энергоресурсов в рамках ШОС.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ ШОС И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Если рассматривать *базовый сценарий развития энергетического сотрудничества под эгидой ШОС*, можно отметить сохранение неравнозначности

экономических потенциалов стран-участниц ШОС, включая и нежелание согласовывать общеэкономическую стратегию ШОС из-за различий в экономических интересах стран-участниц Организации. Кроме того, наблюдается отсутствие технологических прорывов и медленное развитие ВИЭ в связи с пандемией COVID-19 и экономической нестабильностью не только в Евразии, но и во всём мире, а также размывание институциональной базы энергетических рынков ШОС («эффект колеи» при заключении экспортно-импортных контрактов). Со стороны стран-импортеров ШОС существуют попытки стабилизации («замораживание») цен на энергоресурсы. К тому же рост населения в ряде стран, входящих в ШОС (к примеру, Индия и государства Центральной Азии), плюс общее увеличение численности трудоспособного населения приведут к дополнительному спросу на энергию, а это обострит конкуренцию интеграционных объединений (например, ЕАЭС и той же ШОС) даже без активного участия КНР. Более того, одним из трендов станет продвижение программ/проектов «нефть в обмен на инвестиции». Невозможно сбрасывать со счетов и влияние других ключевых глобальных и региональных игроков, а также негативных внешних факторов на расстановку сил на пространстве ШОС. Так, правительство США заинтересовано в укреплении сотрудничества с Индией, рассматривая её как перспективного экономического и политического партнёра, выступающего в американской стратегии в роли союзника по сдерживанию могущества КНР. Важно учитывать и афганский фактор, поскольку неконтролируемый наркотрафик, рост террористических группировок и транснациональной преступности на территории Афганистана оказывают негативный эффект на социально-экономическую, политическую обстановку и региональную безопасность, в особенности в центральноазиатских странах, входящих в ШОС.

Еще одной тенденцией может стать замедление темпов работы «Энергетического клуба» ШОС, который был создан с целью консолидации усилий стран-членов ШОС по энергетическим вопросам. Идея учреждения Клуба в качестве «дискуссионной платформы» была предложена в 2004 г. российской стороной. В 2006 г. на саммите Шанхайской организации сотрудничества было анонсировано формирование и создание проекта Энергетического клуба ШОС. Но только в 2013 г. был подписан Меморандум о его создании в качестве «информационной и дискуссионной площадки для обсуждения вопросов, связанных с гармонизацией законодательства в области энергетики, обеспечением энергетической безопасности государств-участников». Однако Энергетический клуб ШОС носит сегодня больше декларативный характер, что может оставить его в дальнейшем лишь как дискуссионную площадку, на которой только обсуждаются важные вопросы в области энергетики, но не принимаются решения.

Согласно *прогрессивному (оптимистическому) сценарию развития энергетического сотрудничества стран-членов ШОС* можно отметить следующие тренды. Это и гармонизация энергетической политики, и выравнивание экономического потенциала внутри ШОС, в том числе благодаря активному участию ряда стран-членов ШОС в китайской инициативе «Один пояс – Один путь». К тому же, в Китае и Индии к середине 2020-х гг. могут быть введены меры по ограничению потребления «грязных» энергоресурсов, таких как нефть и уголь, направленные на сохранение климата и борьбу с глобальным потеплением (продвижение программы КНР «Прекрасный Китай»). Без сомнения, продолжится активное развитие ВИЭ и прочих альтернативных энергетических технологий. Также политика стран ШОС будет направлена на сдерживание роста населения, прежде всего в Индии. Скорее всего, произойдет увеличение числа стран-членов участниц ШОС за счет официального вступления в Организацию стран-наблюдателей, к примеру Ирана или Беларуси. Более того, ШОС имеет все шансы стать консолидирующей

площадкой по созданию совместной энергетической инфраструктуры на базе энергетических консорциумов, в состав которых войдут крупнейшие национальные энергокомпании, в первую очередь, из России, Индии и Китая. Так, особое внимание будет уделяться и координации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также выработке согласованных действий стран-участниц ШОС на глобальном и региональных энергетических рынках.

Энергетическая безопасность как важнейшая цель энергетической политики определяется уровнем зависимости стран от внешних поставок и объёмом собственных резервов. Энергетический вектор сотрудничества в рамках ШОС остаётся по-прежнему перспективным и весьма важным для России, так как потребности КНР и Индии в энергоресурсах с каждым годом только возрастают.

Стоит отметить, что Россия и Китай продемонстрировали энергетическую стабильность в период пандемии COVID-19. Однако многие энергетические проекты в рамках ШОС до сих пор осуществляются на основе двусторонних или многосторонних договоренностей. Нередко несогласованность шагов стран-членов ШОС по реализации энергетических проектов связана с неравнозначностью экономических потенциалов стран-участниц Организации, соперничеством между странами Центральной Азии и Россией за новые контракты по экспорту углеводородов в Китай, развитию альтернативных интеграционных проектов без участия КНР (Таможенный союз, ЕАЭС).

Учитывая развитие российско-индийского энергетического сотрудничества в рамках ШОС, можно отметить стабильную динамику, хотя объёмы невелики из-за удаленности южноазиатского региона и отсутствия разветвлённости контактов между государствами. Однако многие страны-члены ШОС, не исключая и Россию, понимают перспективность Индии как рынка сбыта первичных энергоресурсов. Поэтому важно не только углублять поставки энергоресурсов, но и запускать высокотехнологические проекты в энергетике и развивать ВИЭ. Поскольку наблюдается тренд к смещению центра потребления энергоресурсов в Восточную и Южную Азию, поставщикам энергоресурсов в странах-членах ШОС необходимо переориентировать свои производственные и транспортные цепочки, так как от их грамотных и быстрых действий будет в дальнейшем во многом зависеть ниша, которую они займут в энергетической отрасли.

Список литературы

Водолага О. Якутский газ поступит в Китай по «Силы Сибири» уже в декабре. 27.03.2019. URL: <https://gasandmoney.ru/novosti/yakutskij-gaz-postupit-v-kitaj-1-dekabrya-2019-goda/> (дата обращения: 30.05.2021)

Индийские и пакистанские цементные предприятия сократили импорт угля из ЮАР из-за высоких цен на материал. 03.02.2021. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/indiyskie-i-pakistanskie-tsementnye-predpriyatiya-sokratili-import-uglya-iz-yuar-iz-za-vysokikh-tsen/> (дата обращения: 26.05.2021)

Коростиков М. Декларация вскопчила в уходящий состав. 08.07.2017. № 101. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (дата обращения: 23.05.2021)

Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 98–113.

Пан Дапэн. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии Китая. 01.10.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-kitaya/?sphrase_id=82674269 (дата обращения: 10.06.2021)

Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Vol. 17. № 3. С. 508–517.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 12.06.2021)

Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 13 ноября 2009 года № 1715-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-13112009-n-1715-r/> (дата обращения: 30.05.2021)

'Look East' policy now turned into 'Act East' policy: Modi // The Hindu. May 23, 2016. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/look-east-policy-now-turned-into-act-east-policy-modi/article6595186.ece> (дата обращения: 15.06.2021)

Sudakar P. Russian engineers rectify second reactor at Kudankulam // The Hindu. May 27, 2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/tamil-nadu/russian-engineers-rectify-second-reactor-at-kudankulam/article31681984.ece> (дата обращения: 30.05.2021)

References

Vodolaga, O. Yakutskiy gaz postupit v Kitai po «Sily Sibiri» uzhe v dekabre [Yakutia's gas will reach China via the Power of Siberia as early as December]. 27.03.2019. URL: <https://gasandmoney.ru/novosti/yakutskij-gaz-postupit-v-kitaj-1-dekabrya-2019-goda/> (accessed: 30 May, 2021)

Indiyskie i pakistanskiye tsementnye predpriyatiya sokratili import uglya iz UAR iz-za vysokikh tsen na material [Indian and Pakistani cement companies cut coal imports from South Africa due to high material prices]. 03.02.2021. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/indiyskie-i-pakistanskie-tsementnye-predpriyatiya-sokratili-import-uglya-iz-yuar-iz-za-vysokikh-tsen/> (accessed: 26 May, 2021)

Korostikov, M. Declaratsiya vskochila v ukhodyashiy sostav [The declaration jumped into the departing train]. 08.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (accessed: 23 May, 2021)

Lusyanin, S.G., Klimenko, A.F. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v SHOS po realizatsii kontseptsii Bolshogo evraziyskogo partnerstva [Russia-China cooperation in SCO to implement Greater Eurasian Partnership concept] // Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost [China in global and regional politics. History and Modernity]. 2019. T. 24. No 24. S. 98–113.

Pan Dapen. Rol' SHOS vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya [The role of SCO in China's foreign policy strategy]. 01.10.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-kitaya/?sphrase_id=82674269 (accessed: 10 June, 2021)

Kharina, O.A. (2017). Strategicheskiye interesy Indii v SHOS: energetika i bezopasnost' [India's strategic interests in SCO: energy and security] // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodniye otnosheniya [Newsletter of the Russian University of Peoples Friendship. Series: International Relations]. 2017. Vol. 17. No 3. S. 508–517.

Khartiya Shankhaiskoy organizatsii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organization]. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (accessed: 12 June, 2021)

Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda [Russia's Energy Strategy until 2030. 13 November 2009]. 13.11.2009. No 1715 p. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-13112009-n-1715-r/> (accessed: 30 May, 2021)

'Look East' policy now turned into 'Act East' policy: Modi // The Hindu. May 23, 2016. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/look-east-policy-now-turned-into-act-east-policy-modi/article6595186.ece> (accessed: 15 May, 2021)

Sudakar P. Russian engineers rectify second reactor at Kudankulam // The Hindu. May 27, 2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/tamil-nadu/russian-engineers-rectify-second-reactor-at-kudankulam/article31681984.ece> (accessed: 30 May, 2021)

Д.А. ЧУПИНА
МЕЖДУНАРОДНАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В ВОСПРИЯТИИ
РОССИЙСКИХ АКТОРОВ: ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДИАЛОГА?

Аннотация. Активизация международной климатической повестки требует от всех стран мира большей вовлеченности в борьбу с глобальным потеплением. До настоящего времени участие России в этих процессах было достаточно ограниченным. В связи с этим особую важность приобретает анализ текущей позиции российских акторов (государства, бизнеса, населения) в отношении международной климатической повестки и выявление возможных направлений диалога с зарубежными партнерами. Исследование показало, что на разных уровнях российской экономики преобладающее отношение к зеленой трансформации можно охарактеризовать как сдержанное и чаще – настороженное. На уровне государства и бизнеса это связано с рисками зеленой экономики для существующей модели хозяйствования, а на уровне населения – с доминированием других проблем в сознании, а также скептицизмом и недоверием к намерениям иностранных партнеров. При обращении к климатической тематике государство и бизнес стремятся хеджировать риски, акцентируя высокую поглощающую способность российских лесов и уже достигнутое с 1990 г. существенное сокращение выбросов парниковых газов. Также в заявлениях российских официальных лиц прослеживаются устойчивые фреймы особой миссии и национальных интересов страны. Таким образом, текущая активизация климатической повестки в России вызвана внешними факторами, однако принципиальная позиция осталась неизменно настороженной. Представляется, что для успешного диалога зарубежных партнеров с Россией необходимо принимать во внимание более широкое экологическое (а не только климатическое) понимание глобальной проблемы в РФ, необходимость увязки климатических проектов с решением проблем экономической отсталости страны и дифференцированного подхода к решению глобальной проблемы изменения климата.

Ключевые слова: климатическая повестка, климатическая политика, изменение климата, политика в области окружающей среды, Россия, международное сотрудничество.

Автор: Чупина Дарья Анатольевна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, e-mail: daria.chupina@gmail.com

DARYA CHUPINA
GLOBAL CLIMATE AGENDA IN PERCEPTION OF RUSSIAN ACTORS:
IS THERE A CHANCE FOR DIALOGUE?

Abstract. The revitalization of the international climate agenda requires from all countries of the world greater involvement in the fight against global warming. Until now, Russia's participation in these processes has been rather limited. In this regard, it is especially important to analyze the current position of Russian actors (government, business, population) in relation to the international climate agenda and identify possible areas of dialogue with foreign partners. The study showed that the prevailing attitude towards green transformation at different levels of the Russian economy can be characterized as restrained and more often – cautious. At the government and business levels, this is associated with the risks of a green economy for the existing economic model, and at the level of the population – with the dominance of other problems in the mind, as well as skepticism and distrust of the intentions of foreign partners. When addressing climate issues, the state and business seek to hedge risks, emphasizing the high absorptive capacity of Russian forests and the reduction in greenhouse gas

emissions already achieved since 1990. Also, in the statements of Russian officials, there are stable frames of a special mission and national interests. Thus, current intensification of the climate agenda in Russia is caused by external factors, but the fundamental position has remained invariably cautious. For a successful dialogue of foreign partners with Russia, it is necessary to take into account a broader ecological (and not only climatic) understanding of the global problem in Russia, the need to link climate projects with solving the problems of the country's economic backwardness and differentiated approach to combating the global climate change problem.

Keywords: climate agenda, climate policy, climate change, environmental policy, Russia, international cooperation.

Author: Darya Chupina, PhD (Cand. Sci. (Econ.)), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, e-mail: daria.chupina@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Результативность международного климатического сотрудничества с начала 1990-х годов вызывала много нареканий. Киотский протокол (1997 г.) содержал неамбициозные цели, а основные эмитенты парниковых газов – крупные развивающиеся страны – не взяли на себя фактически никаких обязательств. В свою очередь, Парижское соглашение (2015 г.) содержит научно обоснованный ориентир в виде удержания роста температуры в пределах 2 °С от доиндустриального уровня. Однако вклад каждой страны устанавливается добровольно, что в итоге приводит к заниженному уровню фактических обязательств, недостаточных для достижения поставленной цели [Climate Action Tracker]. Наконец позитивный перелом в решении глобальной проблемы климата наметился после анонса планов более сотни стран [Gutteres] по достижению климатической нейтральности к середине XXI века. Особенно важными в этом ряду стали соответствующие заявления ЕС, КНР и США. Хотя до настоящего времени все страны разрабатывают индивидуальные планы зеленого развития, отсутствие работающих международных соглашений может подтолкнуть страны-«энтузиасты» к формированию климатического клуба для форсирования международного климатического сотрудничества, предотвращения углеродных утечек и выравнивания регуляторного поля. Такие коалиции наиболее эффективны в случае введения санкций по отношению к неприсоединившимся странам [Nordhaus, p. 2011]. Подготавливаемый к введению с 2023 г. углеродный налог ЕС по сути является таким инструментом принуждения.

Для развивающихся стран, не поддерживающих амбициозную зеленую повестку (так называемых «несговорчивых» стран, в том числе России) [Makarov, p. 170], создание такого климатического клуба означает ограничение доступа на важнейшие рынки сбыта, повышение внешнеторговых издержек, осложнение двусторонних отношений с членами клуба. Очевидно, что вступление «несговорчивых» стран в климатический клуб одновременно и с равными обязательствами со странами-основательницами невозможно и экономически рискованно. Однако долго оставаться «за бортом» амбициозной зеленой повестки также не получится из-за растущих политических и экономических издержек неучастия. Следовательно, необходимо выявить возможные области для диалога и сотрудничества между российскими и зарубежными акторами. Исследование восприятия международной климатической повестки отдельными группами российских акторов проведено через анализ и систематизацию нормативных актов РФ в области защиты окружающей среды, публичных заявлений и интервью представителей власти и бизнеса, тематических ведомственных и корпоративных отчетов и пр.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Официальная позиция России по глобальной экологической и климатической проблеме на протяжении современной истории страны оставалась достаточно сдержанной. В период обсуждения ратификации Киотского протокола в 2000–2004 гг. в публичном дискурсе (в том числе официальных лиц) выделялось три фрейма: миссии, национальных интересов и долга [Тунккунен, р. 187-191]. Первая позиция в отношении глобальной проблемы изменения климата выражалась в двух основных тезисах:

Россия не является источником экологических проблем, так как с 1990 г. существенно сократила выбросы парниковых газов;

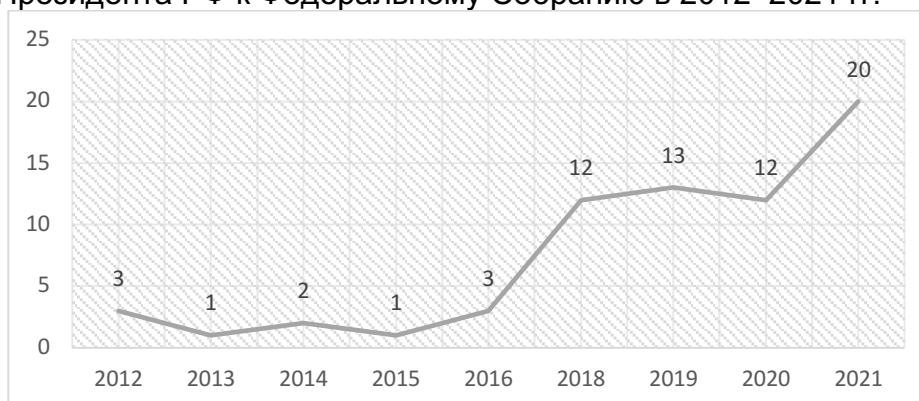
Благодаря лесному фонду Россия обладает выдающимся экологическим потенциалом, что определяет роль страны на мировой арене в качестве экологического донора и лидера.

Второй взгляд на глобальное климатическое регулирование – через призму национальных интересов – отличался прагматизмом. Усилия международного сообщества по сокращению выбросов парниковых газов представлялись угрозой для экономического роста России. Следовательно, участие страны в подобных инициативах представлялось возможным только в случае получения взамен конкретных выгод. Наконец, в рамках должностования чаще всего подчеркивалась невозможность решения глобальной проблемы изменения климата иначе как совместными усилиями всех стран.

Впоследствии наблюдалось укрепление фреймов миссии и национальных интересов. В 2012–2013 гг. усилилось отрицание глобальной климатической проблемы. В дискурсе наблюдалось превалирование концепта суверенитета, а не международного сотрудничества, а экономические интересы страны ставились выше ее имиджа в глазах зарубежных партнеров [Тунккунен, Тунккунен, р. 1104].

Авторский анализ посланий Президента РФ Федеральному Собранию показывает, что в 2012–2016 гг. вопросам экологии уделялось крайне скудное внимание (рис. 1) при доминировании фрейма национальных интересов. Экологические инициативы были призваны «очистить экономику от устаревших, неэффективных, вредных технологий» (2013 г.), «стать инструментом постоянного обновления базовых отраслей» (2014 г.).

Рис. 1. Частота упоминания терминов экологической тематики в обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию в 2012–2021 гг.⁷

Источник: Составлено автором по [Ежегодные послания...].

⁷ Примечание. Выборка слов, отнесенных к экологической тематике: экология, экологический, климат, климатический, зеленый, окружающая среда, выбросы, загрязнения, наилучшие доступные технологии, замкнутый цикл, парниковые газы, углеродный след, энергоэффективность.

В 2018 г., за год до ратификации Парижского соглашения, число обращений к экологической тематике резко возросло, но увязка решения экологических проблем с «прорывным развитием России» сохранилась. В дальнейшем становление полноправным членом Парижского соглашения, вероятно, потребовало артикуляции места России в глобальном климатическом регулировании, что способствовало возврату фрейма миссии. Упоминание «естественного преимущества» России в виде «огромных природных возможностей» сопровождалось указанием на источник глобальной проблемы за границей, где «ничего чистого вообще не осталось» (2019 г.). При этом национально определяемое обязательство России в рамках этого договора – сокращение выбросов к 2030 г. до 70% от уровня 1990 г. – наглядно демонстрирует примат национальных интересов. В установленный бенчмарк заложен экономический рост по традиционной модели, так как к 2019 г. Россия уже сократила выбросы до 66% от показателя 1990 г. [Global Carbon Atlas]. Статистически впечатляющее снижение РФ выбросов в атмосферу в значительной степени связано с благоприятным для России выбором базового года, на который пришелся максимум выбросов накануне распада СССР.

В 2020 г. в мире окончательно оформился «зеленый» разворот: ключевые страны обязались стать климатически нейтральными в 30-летней перспективе, а ЕС запланировал введение углеродного налога для «грязных» импортных товаров. В ответ на активизацию глобальной климатической повестки в России существенно расширилось обсуждение экологической тематики, появились соответствующие государственные инициативы, однако принципиальная позиция осталась неизменно настороженной. В важнейших выступлениях Президента РФ в первой половине 2021 г. (обращение к Федеральному Собранию, речи на Давосском и Петербургском экономическом форумах, Саммите лидеров по вопросам климата) проблемам экологии уделено беспрецедентное внимание, однако необходимо отметить следующие особенности:

При активном введении в речь мейнстримной международной терминологии (климат, парниковые газы, углеродный след, экономика замкнутого цикла и т.п.) сохраняется более широкое понимание глобальной проблемы не только в разрезе климата, но и в свете экологии и устойчивости («Глобальное развитие должно быть не просто «зеленым», но и устойчивым во всей полноте этого понятия» [Саммит по вопросам...]).

В речах традиционно прослеживаются фреймы миссии («колоссальный вклад в абсорбирование глобальных выбросов как своих, так и чужих» [Саммит по вопросам...]) и национальных интересов (ожидание от инвестиций в лесное хозяйство высокотехнологичных рабочих мест и укрепление внешней конкурентоспособности [Стенограмма...]).

Вернулся акцент на глобальность проблемы («нет отдельного российского, европейского, азиатского или американского климата» [Стенограмма...]) и открытость к международному сотрудничеству в области климата («Приглашаем все заинтересованные страны подключиться к совместным научным исследованиям» [Саммит по вопросам...]).

Из предложенных государством экологических инициатив наиболее соответствующей глобальной климатической повестке выглядит система торговли квотами на выбросы (СТКВ) на Сахалине и обеспечение углеродной нейтральности региона к 2025 г. При этом другой крупный проект карбоновых полигонов призван компенсировать потери от углеродного налога ЕС (и потенциальных аналогов в других странах), который рассматривается в России как протекционистский инструмент, направленный на защиту европейского рынка и подтверждающий для российской стороны конфликтный характер отношений с Европейским союзом.

Обоснование высокого поглощения углерода российскими лесами должно стать контраргументом в переговорах с ЕС и другими «энтузиастами» зеленой повестки в условиях отсутствия в России национальной системы регулирования выбросов путем квотирования/налогообложения/субсидирования.

Отношение следующей группы российских акторов – представителей бизнеса – к зеленым трансформациям достаточно разнородно. В таблице 1 показано, что крупнейшие компании-экспортеры в двух ведущих экспортных секторах России – нефтегазовом и металлургическом – существенно различаются по уровню раскрытия экологической информации (отраслевые рейтинги WWF) и соответствию политики компании ESG-принципам (рейтинг АЦ «Эксперт»). Внутри ТОП-10 экспортеров каждой отрасли есть как компании, входящие в первую десятку наиболее ESG-ответственных компаний страны, так и представители второй сотни рейтинга. При этом в целом стратегии устойчивого развития российских компаний чаще фокусируются на «неклиматических» ЦУР (в основном ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие») [Барометр устойчивой...].

Таблица 1. «Зеленые» характеристики политики крупнейших российских компаний-экспортеров⁸

Компания	Место в рейтинге	Экспорт РФ	ESG-рейтинг АЦ «Эксперт»	Компонент Экология ESG-рейтинга АЦ «Эксперт»	Отраслевые рейтинги WWF экологической открытости
Нефтегазовые компании					
Роснефть		1	15	5	9
Газпром		2	14	7	8
ЛУКОЙЛ		3	2	2	3
Сургутнефтегаз		4	63	35	2
Татнефть		5	38	27	6
Сахалин энерджи		7	16	9	4
НоваТЭК		10	29	25	12
Транснефть		20	32	32	14
Иркутская нефтяная компания		27	101	84	11
Эксон нефтегаз лимитед		29	–	–	5
Металлургические компании					
Норильский никель		6	40	52	–
Русал		8	27	19	19
НЛМК		9	7	6	6
Евраз		12	31	26	18
Мечел		13	96	117	26
Алроса		14	18	17	11
Группа УГМК		17	105	75	24
Металлоинвест		19	39	37	5
Северсталь		21	13	22	7
ММК		28	33	28	10

⁸ Примечание. Рейтинги «Рейтинг крупнейших экспортеров России» и «ESG-рэнкинг российских компаний» объединяют компании всех отраслей. Рейтинги WWF составляются отдельно для нефтегазовых и для горнодобывающих и металлургических компаний.

Группа РМК	46	–	–	28
------------	----	---	---	----

Источник: Составлено автором по [Заякин, Перечнева, с. 68-69], [ESG рэнкинг...], [Рейтинг открытости экологической информации нефтегазовых...], [Рейтинг открытости экологической информации горнодобывающих...].

Несмотря на существенные отличия степени «озеленения» политики российских компаний, в конечном счете их позиция в отношении климатической повестки всегда прагматична и исходит из специфики работы. Учитывая крайне высокую углеродоемкость российского экспорта, значительная часть организаций ожидаемо не поддерживает в активной форме идею зеленой трансформации российской экономики, занимая в терминах [Kim, Darnall, p. 330] выжидательную (*anticipatory*, пассивная поддержка) или реактивную (*reactive*, пассивное несогласие) позицию. При этом главное объединение отечественных предприятий – Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) – транслирует от лица своих членов скорее защитную (*defensive*) позицию. РСПП оценивает трансграничное углеродное регулирование (ТУР) как протекционистское и недопустимое и подчеркивает приоритетность мероприятий по повышению энергоэффективности и расчету поглощающей способности российских лесов над проектами возобновляемой энергетики и т.п. [Позиция РСПП...]. Причины такой позиции связаны с опасением двойной платы на внешних (ТУР) и внутреннем рынке (цена на углерод), роста издержек и снижения конкурентоспособности.

Численность противоположного лагеря проактивных (*proactive*) компаний среди основных российских экспортеров довольно невысока. Очевидно, к ним нельзя отнести представителей нефтегазового сектора, так как для них зеленый разворот создает прямые угрозы существованию бизнеса. В горнодобывающей и металлургической отрасли к проактивным компаниям в исследовании [Martus, p. 20–21] отнесены Русал, Металлоинвест, Алроса и Полюс Голд. Своеобразное лидерство Русала не вызывает сомнения, однако, на наш взгляд, оно связано не с видением руководителя компании [Martus, p. 21], а с естественными (доминирование ГЭС в энергобалансе) и приобретенными (технология инертного анода) конкурентными преимуществами компании, которые позволяют ей успешно вписаться в новые рыночные условия. Другие российские экспортеры металлургической продукции с разной степенью активности разрабатывают и внедряют стратегии устойчивого развития под воздействием внешних факторов. К ним относится давление со стороны зарубежных акционеров и/или инвесторов (например, для Евраз) или иностранных потребителей (практически для всех крупнейших металлургических компаний РФ, являющихся преимущественно экспортоориентированными). Для российских металлургов (особенно в сегменте черной металлургии) зеленый разворот означает дополнительные издержки по трансформации технологических процессов и модернизации оборудования, однако в условиях неизбежности изменений компании пробуют различные варианты адаптации, в том числе развитие лесного хозяйства для возможности зачета/офсета, участие в СТКВ на Сахалине и др.

Наконец, третья группа российских акторов – население – представляется наиболее пассивной в отношении зеленой повестки. Международные исследования показывают, что доля россиян, считающих изменение климата серьезной угрозой, в 2013–2018 гг. колебалась в диапазоне 35–46%, а в последнем исследовании 2018 г. более 60% россиян назвали главной угрозой терроризм [Poushter, Huang]. Также опросы показывают, что жители РФ не считают именно глобальное потепление важнейшей экологической проблемой. Так [IPSOS] демонстрирует, что людей

больше волнует обезлесивание (59% опрошенных), обращение с отходами (39%), загрязнение воды (37%) и воздуха (35%)⁹. При этом изменение климата представляется важной проблемой окружающей среды только для 13% респондентов. Причины такой позиции в следующем: прежде всего, взгляд на экологические проблемы формируется под воздействием условий проживания. Экологическая ситуация во многих регионах РФ отягощена накопленным в советский период вредом окружающей среде и текущим уровнем технического оснащения производств. Кроме того, в ряде регионов (например, в Кузбассе) сохранение окружающей среды и экономическое развитие видятся как взаимоисключающие варианты. Наконец, свою роль играют такие общекультурные факторы, как высокий уровень скептицизма, тяга к конспирологии и недоверие к иностранцам [Kogoroo, p. 117, 119]. В итоге такое восприятие климатической повестки ведет к тому, что население не создает дополнительного давления на производителей в части экологичности и устойчивости производства, а на власть – в части активизации экологического регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, преобладающее отношение к зеленой трансформации на разных уровнях российской экономики можно охарактеризовать как сдержанное и чаще – настороженное. Усиление внешнего давления в рамках климатической повестки может привести к усилению негативного восприятия и политике «око за око». Представляется, что для более активного вовлечения российской стороны в международное климатическое сотрудничество требуется более четкая увязка программ озеленения с решением не менее важных проблем технического перевооружения, обновления основных фондов и в целом повышения уровня экономического развития и благосостояния. Кроме того, поддержка более широкой экологической, а не только низкоуглеродной/климатической повестки будет больше соответствовать интересам всех групп российских акторов и облегчит нахождение точек для взаимодействия. Наконец, третьим компонентом успешного диалога представляется реальное признание возможности дифференцированного подхода к решению глобальной проблемы изменения климата странами исходя из природных, экономических и прочих особенностей.

Проведенный анализ показал, что прагматичный подход к грядущим неизбежным трансформациям рынка и наличие отечественных «энтузиастов» зеленого перехода способствуют взаимодействию между российскими компаниями и представителями бизнеса и власти из развитых стран, более активно вовлеченных в зеленую повестку. Успешную практику переговоров и выделенные ниши для сотрудничества в дальнейшем можно распространить на другие компании и отрасли. В свою очередь, на официальном уровне представляется возможным активизировать взаимодействие с другими «несговорчивыми» странами для выработки более весомой коллективной позиции по вопросам сопряжения зеленой повестки и проблем догоняющего развития.

Список литературы

Барометр устойчивой трансформации бизнеса. Совместное Исследование Effie Russia и КПМГ в рамках Программы Effie по продвижению 17 Целей устойчивого развития ООН в России. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/11/ru-ru-effie-russia-and-kpmg-3rd-joint-study-2020.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

⁹ Общая сумма превышает 100%, так как предлагалось назвать три основные проблемы окружающей среды.

Ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения: 21.06.2021).

Заякин С., Перечнева И. Лидеры конъюнктурные и не очень // Эксперт. 2019. №39. С. 64–75.

Позиция РСПП «О мероприятиях по адаптации российской экономики к изменениям климата» // RSPP. URL: <https://rspp.ru/activity/position/pozitsiya-rspp-o-meropriyatiyakh-po-adaptatsii-rossiyskoy-ekonomiki-k-izmeneniyam-klimata/> (дата обращения: 21.06.2021).

Рейтинг открытости экологической информации нефтегазовых компаний 2020. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/ec7/Rating_2020_katalog_f2.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

Рейтинг открытости экологической информации горнодобывающих и металлургических компаний России 2020 // WWF. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/f66/GR_2020_rus_web.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

Саммит по вопросам климата // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65425> (дата обращения: 21.06.2021).

Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/06/04/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef.html> (дата обращения: 21.06.2021).

ESG рэнкинг российских компаний RAEX-Europe (по состоянию на 15.02.2021). URL: https://raex-a.ru/rankings/ESG_raitings_RUS_companies/2021 (дата обращения: 21.06.2021).

Climate Action Tracker. December 2020. URL: https://climateactiontracker.org/documents/829/CAT_2020-12-01_Briefing_GlobalUpdate_Paris5Years_Dec2020.pdf (accessed: 12.06.2021)

Gutteres A. Carbon Neutrality by 2050: the World's Most Urgent Mission // UN. 11.12.2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/articles/2020-12-11/carbon-neutrality-2050-theworld%E2%80%99s-most-urgent-mission> (accessed: 12.06.2021)

IPSOS. Global Earth Day 2020. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-04/earth-day-2020-ipsos.pdf> (accessed: 21.06.2021).

Kim Y., Darnall N. Business as a collaborative partner: Understanding firms' sociopolitical support for policy formation // Public Administration Review. 2016. Vol. 76. Issue 2. P. 326–337. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12463>

Korppoo A. Domestic frames on Russia's role in international climate diplomacy // Climate Policy. 2019. Vol. 20. Iss. 1. P. 109–123. DOI: 10.1080/14693062.2019.1693333

Makarov I. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime // Global Governance in Transformation. Cham: Springer, 2020. P. 163–181. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-23092-0_11

Martus E. Russian industry responses to climate change: the case of the metals and mining sector // Climate Policy. 2018. Vol. 19. Iss. 1. P. 17–29. DOI: 10.1080/14693062.2018.1448254

Nordhaus W. Climate Change: The Ultimate Challenge for Economics // American Economic Review. 2019. Vol. 109. Iss. 6. P. 1991–2014. DOI: 10.1257/aer.109.6.1991

Poushter J., Huang C. Climate Change Still Seen as the Top Global Threat, but Cyberattacks a Rising Concern // Pew Research Center. 10.02.2019. URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2019/02/Pew-Research-Center_Global-Threats-2018-Report_2019-02-10.pdf (accessed: 21.06.2021).

Tynkkynen N. A great ecological power in global climate policy? Framing climate change as a policy problem in Russian public discussion // *Environmental Politics*. 2010. Vol. 19. Iss. 2. P. 179–195. DOI: 10.1080/09644010903574459

Tynkkynen V.-P., Tynkkynen N. Climate Denial Revisited: (Re)contextualising Russian Public Discourse on Climate Change during Putin 2.0 // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. Iss. 7. P. 1103–1120. DOI: 10.1080/09668136.2018.1472218

References

Barometr ustojchivoj transformacii biznesa. Sovmestnoe Issledovanie Effie Russia i KPMG v ramkah Programmy Effie po prodvizheniju 17 Celej ustojchivogo razvitija OON v Rossii [Sustainable Business Transformation Barometer. Joint Research by Effie Russia and KPMG in the framework of the Effie Program to promote the 17 UN Sustainable Development Goals in Russia]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/11/ru-ru-effie-russia-and-kpmg-3rd-joint-study-2020.pdf> (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Ezhegodnye poslanija Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF [Annual messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Pozicija RSPP «O meroprijatijah po adaptacii rossijskoj jekonomiki k izmenenijam klimata» [The position of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs «On measures to adapt the Russian economy to climate change»]. URL: <https://rspp.ru/activity/position/pozitsiya-rspp-o-meropriyatijakh-po-adaptatsii-rossijskoj-ekonomiki-k-izmenenijam-klimata/> (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Rejting otkrytosti jekologicheskoj informacii neftegazovyh kompanij 2020 [Environmental transparency rating of oil and gas companies]. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/ec7/Rating_2020_katalog_f2.pdf (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Rejting otkrytosti jekologicheskoj informacii gornodobyvajushhij i metallurgicheskij kompanij Rossii 2020 [Environmental transparency rating of mining and metal companies]. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/f66/GR_2020_rus_web.pdf (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Stenogramma: O chem rasskazal Vladimir Putin na plenarnom zasedanii PMJeF [Transcript: What Vladimir Putin spoke about at the SPIEF plenary session] // *Rossijskaya gazeta* [Russian newspaper]. URL: <https://rg.ru/2021/06/04/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef.html> (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Sammit po voprosam klimata [Climate Summit] // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65425> (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Zajakin, S., Perechneva, I. (2019). Lidery konjunktturnye i ne ochen' [Leaders competitive and not really so] // *Jekspert* [Expert]. 2019. No. 39. P. 64–75.

ESG rjenking rossijskijh kompanij RAEX-Europe (po sostojaniju na 15.02.2021) [ESG-ranking of Russian companies (up to 15.02.2021)]. URL: https://raex-a.ru/rankings/ESG_raitings_RUS_companies/2021 (accessed: 21 June, 2021). (In Russian.)

Climate Action Tracker (2020). December 2020. URL: https://climateactiontracker.org/documents/829/CAT_2020-12-01_Briefing_GlobalUpdate_Paris5Years_Dec2020.pdf (accessed: 12 June, 2021).

Gutteres, A. (2020). Carbon Neutrality by 2050: the World's Most Urgent Mission, UN, 11.12.2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/articles/2020-12-11/carbon-neutrality-2050-the-world%E2%80%99s-most-urgent-mission> (accessed: 12 June, 2021).

IPSOS (2020). // *Global Earth Day 2020*. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-04/earth-day-2020-ipsos.pdf> (accessed: 21 June, 2021).

Kim, Y., Darnall, N. (2016). Business as a collaborative partner: Understanding firms' sociopolitical support for policy formation // *Public Administration Review*,. No 76(2). P. 326–337. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12463>

Korppoo, A. (2019). Domestic frames on Russia's role in international climate diplomacy // *Climate Policy*. 20 (1). P. 109–123. DOI: 10.1080/14693062.2019.1693333

Makarov, I. (2020). Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime. *Global Governance in Transformation (Grigoryev L., Pabst A. (eds))*. P. 163–181. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-23092-0_11

Martus, E. (2018). Russian industry responses to climate change: the case of the metals and mining sector // *Climate Policy*. 19 (1). P. 17-29. DOI: 10.1080/14693062.2018.1448254

Nordhaus, W. (2019). Climate Change: The Ultimate Challenge for Economics // *American Economic Review*. No 109 (6). P. 1991–2014.

Poushter, J., Huang, C. (2019). Climate Change Still Seen as the Top Global Threat, but Cyberattacks a Rising Concern // Pew Research Center. 10.02.2019. URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2019/02/Pew-Research-Center_Global-Threats-2018-Report_2019-02-10.pdf (accessed: 21 June, 2021).

Tynkkynen, N. (2010). A great ecological power in global climate policy? Framing climate change as a policy problem in Russian public discussion // *Environmental Politics*. 19 (2). P. 179–195. DOI: 10.1080/09644010903574459

Tynkkynen, V.-P., Tynkkynen, N. (2018). Climate Denial Revisited: (Re)contextualising Russian Public Discourse on Climate Change during Putin 2.0 // *Europe-Asia Studies*. 70 (7). P. 1103–1120. DOI: 10.1080/09668136.2018.1472218

М.А.ОЩЕПКОВ

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД К НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ: РИСКИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Аннотация. В исследовании раскрываются важнейшие аспекты глобальной энергетической парадигмы с акцентом на возможные риски процесса мировой декарбонизации для экономики нашей страны. Ратифицировав в 2019 году Парижское соглашение, Россия показала мировому сообществу, что не намерена дистанцироваться от глобальных проблем, связанных с изменением климата, и будет прилагать необходимые усилия по их нивелированию. Очевидно, что такая позиция будет иметь последствия для экономики страны, значительным образом зависящей от традиционных видов энергетических ресурсов и способов получения энергии. В текущих условиях российскому руководству необходимо осуществить решение трех взаимосвязанных задач: 1) сформулировать официальную позицию по проблеме изменения климата для её последующего представления и продвижения перед международным сообществом; 2) определить возможные угрозы глобального энергетического перехода для экономики России; 3) выработать необходимые меры по их предупреждению. При этом главной и основной проблемой в данном вопросе выступает выделение и изучение всех возможных рисков для российской экономики. С учетом того, что Россия уже не сможет устраниваться от глобальной климатической повестки, решение этих задач требует взвешенного подхода. Проведенный анализ свидетельствует о том, что скорость и качество принятия тех или иных решений, направленных в сторону декарбонизации экономики, способно как обеспечить устойчивое развитие для экономики страны, так и спровоцировать экономический кризис. Сформулирована матрица рисков энергетического перехода, которые целесообразно учитывать при разработке государственной климатической стратегии.

Ключевые слова: энергетический переход в России, декарбонизация, низкоуглеродная экономика, риски изменения климата, климатические риски для России, Парижское соглашение, устойчивое развитие.

Автор: Ощепков Михаил Алексеевич, младший научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, e-mail: moshchepkov@eu.spb.ru.

MIKHAIL OSHCHERKOV

GLOBAL TRANSITION TO A LOW CARBON ECONOMY: RISKS AND CHALLENGES FOR RUSSIA AT THE NATIONAL AND REGIONAL LEVELS

Abstract. The study reveals the most important aspects of the global energy paradigm with an emphasis on the possible risks of the global decarbonization process for the Russian economy. By ratifying the Paris Agreement Russia showed the world community that it does not intend to distance itself from the global problems associated with climate change. Obviously, such a position will have consequences for the Russian economy, which is significantly dependent on traditional energy resources. Under the current conditions, the Russian leaders need to solve three interrelated tasks: 1) formulation of the country's official position on the problem of climate change for its subsequent presentation to the international community; 2) identification of possible threats of the global energy transition for the Russian economy; 3) development of the necessary measures to prevent those threats. At the same time, the main problem is the identification and analysis of all possible risks for the Russian economy. Taking into account the fact that Russia will no longer be able to withdraw from participation in climatic problems, its climate policy should be carefully developed. The analysis conducted in the research indicates that the speed and quality of decisions aimed at decarbonizing the economy can either ensure

sustainable development for the country's economy or cause an economic crisis. In this regard, the risk matrix of energy transition is presented that could be helpful in the development of climate policy in Russia.

Keywords: energy transition in Russia, decarbonization, low-carbon economy, climate change risks, climate change risks for Russia, The Paris Agreement, sustainable development.

Author: Mikhail Oshchepkov, junior research fellow, the European University at Saint Petersburg, e-mail: moschchepkov@eu.spb.ru.

Исследования процессов глобального энергетического перехода сегодня находятся в противоречивом состоянии. В странах, наиболее остро реагирующих на вызовы глобальных климатических изменений, наблюдается ряд тенденций, связанных с активным освоением ветро- и солнечной генерации, водородной энергетики, технологий накопления энергии и др. Это создает неопределенность касательно будущего состояния мирового топливно-энергетического комплекса уже в перспективе ближайших десятилетий. Кроме того, устойчиво прослеживается тренд на снижение углеродоемких производств и вытеснение традиционной генерации альтернативными «чистыми» технологиями получения энергии. Необходимость изучения этих процессов осознается повсеместно и не вызывает сомнений среди ученых. Особый интерес представляет моделирование процессов глобальной декарбонизации в странах, значительным образом зависящих от традиционных ресурсов, и выделение сопутствующих указанным процессам рисков. Сложившийся в российской экономической модели топливно-энергетический баланс в контексте парадигмы мировой декарбонизации сегодня рассматривается в качестве реальной угрозы потери основной части дохода страны, экономика которой значительным образом связана с экспортом углеводородных топливных ресурсов.

РИТОРИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И ВЫЗОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Сегодня официальная позиция Президента России заключается в необходимости координации международных усилий в вопросе «сохранения климата и природы планеты». Таким образом, поиск «оптимального баланса между интересами экономического развития и сбережением окружающей среды для нынешнего и грядущих поколений» становится для страны важной и актуальной задачей [Сессия онлайн-форума...].

Несмотря на то, что темпы глобального потепления в России опережают общемировые более чем в 2 раза, ранее российские власти давали скептические оценки касательно проблемы изменения климата. Однако, в 2019 году Москва все же ратифицировала Парижское соглашение, показав тем самым, что не дистанцируется от климатической повестки. Очевидно, в Кремле проблема изменения климата стала вызывать серьезную обеспокоенность, связанную как с реальными последствиями повышения общего температурного уровня – опустынивание ряда территорий, рост природных катаклизмов (пожаров, наводнений), – так и с возможными экономическими рисками для страны [Путин оценил риски...].

Согласно данным ВР [BP Statistical Review...], по состоянию на конец 2019 г. доля традиционных ресурсов в российской экономике по-прежнему остается высокой. Россия продолжает сохранять лидирующие позиции в мире по добыче нефти, газа и угля – 12.7%, 17.0% и 5.5% соответственно. Выручка от реализации традиционных энергоресурсов составляет порядка ¼ всего объема ВВП страны. В то же время, весь добытый в 2019 году объем рассматриваемых ресурсов при

сжигании составляет около 12.3% от общемирового объема выделяемого в атмосферу углекислого газа.

Таблица 1. Производство и потребление энергии в России, 2019.

Ресурс	Производство	Потребление	Доля в ВВП, %	Доля в мировой добыче, %	Изм. доли в мировой добыче в 2019/2018, %	Выборы CO_2^* , млн тонн	Доля в мировых выбросах CO_2 , %
Нефть, млн тонн	568,1	165,1	15,58 %	12,70 %	+0,63%	1704,3	4,99%
Природный газ, млрд м ³	679,0	444,3	8,18%	17,00 %	-0,30%	1256,1	3,68%
Уголь, Млн тонн	441,4	202,4	1,29%	5,50%	без изм.	1235,9	3,61%

Источник: составлено автором по [BP Statistical Review...].

* – выбросы от сжигания всего объема добычи соответствующего ресурса.

На текущий момент можно констатировать, что российская экономика зависит от добычи ископаемых видов топлива, обеспечивающих также значительную часть доходов федерального бюджета – порядка 40% (25% от ВВП). Более 80% совокупной тепловой генерации в РФ производится с использованием нефтепродуктов, природного газа или угольного топлива. При этом доля ВИЭ (без учета гидроэнергетики) в топливно-энергетическом балансе страны составляет менее 1%.

В этой связи обострение дискуссии со стороны Евросоюза касательно введения пограничного углеродного налога заставляет российские власти задумываться о возможных последствиях данного механизма для экспорта РФ в страны ЕС. В случае внедрения пограничного углеродного налога, по оценке KPMG, предполагаемые ежегодные потери для отечественной экономики только от непосредственно уплаты российскими предприятиями углеродных сборов могут составить до 1,5 млрд евро, начиная с 2023 г. При самом негативном сценарии налог может обойтись поставщикам из России в 50,6 млрд евро до 2030 г. Это произойдет, если трансграничный налог будет введен уже в 2022-м и распространится не только на прямые, но и на косвенные выбросы CO_2 — под этим подразумеваются выбросы из источников, принадлежащих другим организациям, но так или иначе связанных с деятельностью экспортера [Фадеева].

На текущий момент дискуссионным вопросом остается принцип расчета пограничного углеродного налога. В будущем, вероятно, в его основу лягут показатели содержания углерода в поставляемой продукции и цена на условную единицу выбросов парниковых газов в эквиваленте CO_2 . К основной зоне риска относятся отрасли, выпускающие наиболее углеродоемкую продукцию – угольная, металлургия, электроэнергетика и нефтегазовая. В данном случае существенным риском является отсутствие в РФ национальной системы учета выбросов, что автоматически ставит российскую экономику в зависимость от зарубежных методик расчета данных показателей и их последующей верификации.

В силу географического положения региона Западной Сибири Европа для РФ долгое время являлась основным и ключевым рынком сбыта углеводородов. Однако после событий 2014 года, Россия взяла курс на расширение сотрудничества с

азиатскими рынками. Китай стал одним из основных партнеров в вопросе поставок углеводородов в азиатско-тихоокеанский регион (АТР). В то же время, экспорт природного газа по трубопроводу в ЕС по-прежнему остается определяющим для России и составляет порядка 80% от общего объема. Что касается экспорта нефтепродуктов, то здесь Китай является главным импортером, обеспечивая порядка 27% от общего экспорта нефтепродуктов из РФ. Следующими крупными импортерами российских нефтепродуктов являются Нидерланды – 16%, Германия – 9%, Польша – 7% и Корея – 6%. В совокупности страны Евросоюза импортируют почти половину всего объема российских нефтепродуктов, однако география российского экспорта в данном отношении все же лучше диверсифицирована в силу более удобных возможностей по транспортировке и хранению нефти, что частично снижает риски низкоуглеродного перехода для отрасли на неопределенное время.

Мировой переход к низкоуглеродной модели создает существенные риски для России. Под угрозой находятся отрасли, связанные с традиционными ископаемыми видами природных ресурсов, что открывает возможность для их вытеснения с рынка со стороны новых «низкоуглеродных» направлений развития. Если на сегодняшний день для таких отраслей как электроэнергетика доступна альтернатива с низкими показателями выбросов углерода в окружающую среду, то для сталелитейной промышленности или авиаперевозок развитие «низкоуглеродного» направления находится на начальной стадии.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РФ

Для достижения целей Парижского соглашения большинству предприятий придется радикальным образом перестроить свою деятельность и изменить бизнес-модели. Это, в первую очередь, окажет влияние на денежные потоки предприятий, добывающих или использующих ископаемые виды природных ресурсов. Если инвесторы не смогут вовремя предугадать оптимальную точку выхода, их активы могут преждевременно обесцениться. Если такое явление будет носить массовый характер, то это пошатнёт финансовую стабильность [Monasterolo] экономики страны и спровоцирует начало очередного финансового кризиса [van der Ploeg].

Существуют также финансовые риски, связанные с появлением новых «низкоуглеродных» технологий. Несмотря на возрастающий интерес со стороны инвесторов к «чистым» технологиям, до сих пор нет однозначного понимания их потенциальной доходности. Ранее для реализации проектов в сфере возобновляемой энергетики требовалась поддержка частных инвесторов даже в передовом секторе энергоснабжения [Polzin]. В качестве противоположного аргумента можно привести примеры успешных иностранных компаний Orsted A/S (датская энергетическая компания) или Tesla (американский производитель электромобилей). Несмотря на то, что они являются «первыми ласточками» мировой декарбонизации, ценные бумаги Orsted A/S и Tesla уже сегодня привлекают больше внимания крупных институциональных инвесторов. При этом стоит также отметить, что в мировой практике уже и ранее существовали случаи переоценки потенциала различных компаний, связанных с повышенным вниманием к их сферам деятельности со стороны как частных, так и институциональных инвесторов. В подобных условиях задача российского правительства сводится к преднамеренному политическому вмешательству, направленному на нивелирование возможного риска возникновения «зеленого» пузыря, который может образоваться при слишком быстром переходе национальной модели на низкоуглеродную траекторию развития.

Для того, чтобы лучше понять связь различных экономических и финансовых рисков между собой на национальном, региональном и локальном уровнях, отобразим их на следующей схеме:

Рис. 1. Матрица климатических рисков и их возможных эффектов на экономику страны.

Источник: матрица рисков по версии Загребитовича, опубликованная в журнале «Риск дефолта» [Semieniuk, 2021]

Основными факторами, определяющими риски перехода к альтернативной экономической модели, являются преобразования национальной энергетической и климатической политик в сторону поддержки развития новых низкоуглеродных отраслей экономики; изменения в предпочтениях конечных потребителей, стремящихся к сокращению негативному воздействию на окружающую среду через «бережливое» потребление и технологические инновации, позволяющие сделать безуглеродные технологии доступными для повсеместного использования. Можно наблюдать, как под их влиянием экономики различных стран переносят значительные издержки. В Европе обесцениваются угольные активы, падают доходы компаний, использующих уголь в качестве основного сырья для выпускаемой продукции. Вместе с ними снижаются и налоговые поступления в бюджеты стран, трансформирующих свои экономические модели. Очевидно, что в новом низкоуглеродном будущем будут возникать сложности с трудоустройством для высвобождающихся трудовых ресурсов, ранее занятых в традиционных отраслях экономики. Некоторые профессии, такие как шахтеры или инженеры угольной энергетики, становятся все менее и менее востребованными. В случае, если Россия пойдет по пути Евросоюза, то никак не сможет обойти описанные экономические издержки от данного перехода.

Экономические издержки низкоуглеродного перехода провоцируют риски для финансового сектора, которые, условно можно разделить на две основные группы:

Первая группа связана с обесценением активов углеродоемких отраслей промышленности и, соответственно, снижением доходов предприятий, непосредственно с ними связанных. Указанные факторы повышают вероятность банкротств коммерческих предприятий и, соответственно, увеличивают количество невозвратных кредитов. Это, в свою очередь, влечет за собой снижение рентабельности банковского сектора и его совокупной рыночной капитализации. Возникают риски дефолта национальной банковской системы. Величина данного

риска будет зависеть от того, насколько банковская система России подвержена влиянию тех отраслей, который придут в упадок в случае реального движения в сторону низкоуглеродного развития.

Вторая группа связана с рисками институциональных инвесторов, которые напрямую пострадают от потери стоимости их портфелей в случае, если они вложили свои средства в предприятия наиболее подверженных углеродным рискам отраслей. Переоценка их инвестиционных портфелей, вызванная переходным процессом, приведет к снижению текущей стоимости финансовых активов и их потенциальной доходности.

Проведенный анализ подтверждает, что экономические издержки перехода на низкоуглеродную траекторию развития и их влияние на финансовый сектор страны в совокупности создают условия для возникновения макроэкономических рисков российской экономической модели. Так, увеличение необслуживаемых кредитов в экономике может привести к их рациированию со стороны коммерческих банков. Даже если источник шока кроется в углеродоемких секторах, нормирование кредита может затронуть все сектора, независимо от их углеродоемкости. Это, в свою очередь, может привести к более высоким процентным ставкам или количественному нормированию кредита, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня инвестиций как фирм (новые основные активы), домашних хозяйств (новая недвижимость), так и правительств (новые государственные капитальные активы и инфраструктура).

Помимо ограничений доступа к кредитным средствам, коммерческий сектор может снизить инвестиции в экономику страны. Если кризис распространится повсеместно на всю экономику, эти риски могут коснуться и низкоуглеродных секторов экономики ввиду повышения инвестиционной неопределенности на рынке в целом.

Снижение доходов населения и безработица, вызванные перестройкой национальной экономики, приведут к падению общего уровня потребления домашних хозяйств.

На государственном уровне банкротство углеродоемких отраслей вызовет защитную реакцию по их поддержке и, вероятно, помощь будет оказываться в том числе находящимся в тяжелом положении предприятиям финансового сектора. Чем сильнее придется удар на экономику страны, тем выше риск возникновения бюджетного дефицита. Последний, в свою очередь, создает риск увеличения объема государственного долга и возможного снижения суверенного кредитного рейтинга страны. Чем хуже суверенный рейтинг, тем под более высокую ставку государство может привлекать кредиты на внешних рынках и заемный капитал для коммерческих предприятий становится все более дорогим.

Вследствие перехода к низкоуглеродной экономике могут возникнуть и другие макроэкономические эффекты (изменения показателей инфляции, структуры торгового баланса, обменных курсов и т. д.). Это, в свою очередь, создает предпосылки для пересмотра существующих международных экономических соглашений (например, в сфере торговли) и может привести сокращению объемов взаимной торговли и совокупного спроса. На текущем этапе экономического развития России трудно оценить и посчитать все возможные эффекты от быстрой смены экономической модели в сторону декарбонизации, но так или иначе они зависят от усилий правительства по стабилизации ситуации в случае начала очередного кризиса в новых экономических реалиях.

Список литературы

Фадеева А. И. KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС // РБК. 07.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 17.04.2021).

Путин оценил риски глобального изменения климата для России // Мир-24. 19.12.2019. URL: <https://mir24.tv/news/16390563/putin-ocenil-riski-global'nogo-izmeneniya-klimata-dlya-rossii> (дата обращения: 18.04.2021).

Путин поручил представить идеи по продвижению позиции России по климату // РИА. 26.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201126/putin-1586398442.html> (дата обращения: 17.04.2021).

Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» // Kremlin. 27.01.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/64938> (дата обращения: 18.04.2021).

BP Statistical Review of World Energy 2020, 69th edition. London: BP plc, 2020. 68 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 17.04.2021).

Monasterolo I. Climate change and the financial system // *Annual Review of Resource Economics*. 2020. Vol. 12. P. 299-320.

Polzin F., Egli F., Steffen B., Schmidt T. S. How do policies mobilize private finance for renewable energy? —A systematic review with an investor perspective // *Applied Energy*. 2019. № 236. P. 1249–1268.

Rosemberg A. Building a just transition: The linkages between climate change and employment // *International Journal of labour research*. 2010. No. 2(2) P. 125–162.

Semieniuk G., Campiglio E., Mercure J., Volz U. Low-carbon transition risks for finance // *WIREs Clim Change*, 2021. URL: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/wcc.678> (дата обращения: 17.04.2021)

Semieniuk G., Mazzucato M. Financing green growth // *Handbook on Green Growth*. Elgar: Cheltenham, UK, 2019. 528 p.

van der Ploeg, F., Rezai, A. The risk of policy tipping and stranded carbon assets // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2020. Vol. 100.

References

BP Statistical Review of World Energy 2020, 69th edition (2020). London: BP plc. 68 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 17 April, 2021).

Fadeeva, A. (2020). KPMG ocenila usherb dlya Rossii ot vvedenia uglerodnogo naloga v ES [KPMG assessed the damage to Russia from the introduction of a carbon tax in the EU] // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (accessed: 17.04.2021). (In Russian).

Monasterolo, I. (2020). Climate change and the financial system // *Annual Review of Resource Economics*. 2020. Vol. 12. P. 299-320.

Polzin, F., Egli, F., Steffen, B., & Schmidt, T. S. (2019). How do policies mobilize private finance for renewable energy? —A systematic review with an investor perspective // *Applied Energy*. 2019. № 236. P. 1249–1268.

Putin ocenil riski global'nogo izmeneniya klimata dlya Rossii [Putin assessed the risks of global climate change for Russia] // MIR24. 12.19.2019. URL:

<https://mir24.tv/news/16390563/putin-ocenil-riski-globalnogo-izmeneniya-klimata-dlya-rossii> (accessed: 18 April, 2021). (In Russian).

Putin poruchil predstavit' idei po prodvizheniyu pozicii Rossii po klimatu [Putin instructed to present ideas for promoting Russia's position on climate] // RIA. 11.26.2020. URL: <https://ria.ru/20201126/putin-1586398442.html> (accessed: 17 April, 2021). (In Russian).

Rosemberg, A. (2010). Building a just transition: The linkages between climate change and employment // *International Journal of labour research*. 2010. No. 2(2) P. 125–162.

Semieniuk, G., Campiglio, E., Mercure, J., Volz, U. (2021). Low-carbon transition risks for finance. *WIREs Clim Change*. URL: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/wcc.678> (accessed: 17 April 2021)

Semieniuk, G., Mazzucato, M. (2019). Financing green growth. In R. Fouquet (Ed.), *Handbook on Green Growth*. Elgar: Cheltenham, UK. 528 p.

Sessiya onlajn-foruma «Davoskaya povestka dnya 2021» [Session of the online forum «Davos Agenda 2021»] // Kremlin. 27. 01.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/64938> (accessed: 18 April, 2021). (In Russian).

van der Ploeg, F., Rezai, A. (2020). The risk of policy tipping and stranded carbon assets. *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 100.

К.А. КОРНЕЕВ

РАЗВИТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПЕРЕХОД К НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПЫТ ЯПОНИИ

Аннотация. Вопросы бесперебойного и надёжного энергоснабжения традиционно имеют большое значение для Японии. Страна не имеет собственных первичных энергоресурсов: угля, нефти, природного газа. Помимо необходимости диверсифицировать географию импорта, чтобы не попадать в ловушку зависимости от нескольких стран-экспортёров, перед экономическими субъектами Японии стоит постоянная задача по достижению лучших показателей энергоэффективности, для чего предпринимаются разнообразные меры на уровне правительства, префектур и даже отдельных муниципалитетов. До аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. предполагалось, что с помощью постепенного увеличения доли АЭС и ВИЭ в структуре генерации электроэнергии к 2030 г. получится на 70% снизить эмиссию парниковых газов и обеспечить переход к низкоуглеродной экономике, в том числе, и за счёт активного развития электротранспорта и транспорта на основе водородных топливных элементов. В целом эти планы остались практически без изменений, только акцент вместо АЭС был смещён в сторону возобновляемой и водородной энергетики как основных источников «чистой» энергии будущего. Очередная редакция Основного энергетического плана Японии, одобренная летом 2018 г., предполагает, что к 2035 г. низкоуглеродная энергетика (АЭС, ГЭС, ВИЭ и водород) будет обеспечивать до 25% генерации электроэнергии в стране, а уровень эмиссии парниковых газов снизится практически в два раза. К 2050 г. планируется достичь углеродной нейтральности в промышленности и транспортной сфере и максимально снизить углеродный след в коммунально-бытовом секторе и сфере услуг. Научная проблема исследования заключается в том, насколько заявленные планы достижимы в имеющихся условиях, и с помощью каких инструментов и механизмов японское правительство планирует выполнить поставленные задачи. Несомненно, оценка эффективности политики Японии по развитию ВИЭ и переходу к низкоуглеродной экономике актуальна, своевременна и может быть применима к реалиям других стран Северо-Восточной Азии, а также России.

Ключевые слова: Возобновляемая энергетика, водород, низкоуглеродная экономика, энергетические институты, японский опыт.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН, e-mail: korneev@ifes-ras.ru

KONSTANTIN KORNEEV

RENEWABLE ENERGY DEVELOPMENT AND TRANSITION TO A LOW-CARBON ECONOMY: THE JAPANESE EXPERIENCE

Abstract. Issues of resilient and reliable energy supply are traditionally of great importance for Japan. The country does not have its own primary energy resources, such as coal, oil, and natural gas. In addition to the need of diversifying the geography of energy imports and avoiding the total dependence on several exporting countries, Japan's economic actors face an ongoing challenge to achieve better energy efficiency indicators, for which various measures are being taken at the level of government, prefectures and even individual municipalities. Before the Fukushima Daiichi nuclear disaster in 2011, it was assumed that by gradually increasing the share of nuclear power plants and renewables in the structure of electricity generation by 2030, it would be possible to reduce greenhouse gas emissions by 70% and ensure the transition to a low-carbon economy. These measures also included the active development of electric transport and hydrogen-

powered transport. In general, these plans remained virtually unchanged, but the focus was shifted towards renewable and hydrogen energy as the main sources of «clean» energy of the nearest future instead of nuclear power plants. The latest revision of the Basic Energy Plan of Japan, approved in the summer of 2018, declared that by 2035, low-carbon energy (nuclear power plants, hydroelectric power plants, renewables and hydrogen) would provide up to 25% of electricity generation in the country, and the level of greenhouse gas emissions would be reduced more than twice. By 2050, it is expected to achieve carbon neutrality in industrial and transportation sectors, and to reduce the carbon footprint as much as possible in the utilities and services sectors. The scientific problem lies in the extent to which the stated plans are achievable under the current conditions and with the help of what tools and mechanisms the Japanese government is going to accomplish the tasks set. Undoubtedly, the assessment of Japan's policy effectiveness in the way of renewable energy development and the transition to a low-carbon economy is relevant, timely and can be applied to the realities of other countries in Northeast Asia, as well as Russia.

Keywords: Renewable energy, hydrogen, low-carbon economy, energy institutions, Japanese experience.

Author: Konstantin Korneev, PhD in History, Senior Researcher at Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: korneev@ifes-ras.ru

ВВЕДЕНИЕ

Япония начала активно развивать атомную энергетику с конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда и так скромные собственные запасы первичных энергоресурсов (в первую очередь – каменного угля) были окончательно выработаны. Мирный атом представлялся отличной альтернативой зависимости от импорта нефти и природного газа, которая только увеличивалась по мере быстрого роста японской экономики (в среднем около 8% в год в 1960-е и 1970-е гг.). В 1980-е гг. в научно-экспертном сообществе страны возникли сомнения в необходимости делать ставку в достижении энергетической независимости именно на АЭС, поскольку природно-климатические условия Японии предполагают высокий риск землетрясений, ураганов и цунами, что, в свою очередь, определяет большую вероятность нештатных ситуаций и аварий на объектах атомной энергетики. Эта дискуссия только усилилась после катастрофы на чернобыльской АЭС в СССР, но, поскольку технологии «чистой» возобновляемой энергетики в то время ещё не получили широкого распространения и были очень дороги, а достигнутый уровень безопасности при эксплуатации АЭС считался приемлемым, курс на развитие мирного атома продолжился [Корнеев].

К началу 2010-х гг. в Японии действовали 54 реактора суммарной мощностью 46 ГВт, которые вырабатывали до 30% всей потребляемой в стране электроэнергии, ещё несколько энергоблоков находились в стадии строительства. После аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. в течение буквально полугода все они были остановлены для внеплановых проверок. Это предсказуемо привело к росту импорта первичных энергоресурсов на 15-20% по отношению к 2010 г. и вынудило энергетические компании задействовать «холодные резервы» – а именно, расконсервировать и снова вводить в эксплуатацию станции постройки 1970-х – 1980-х гг. Норматив содержания резервных мощностей в Японии в среднем составляет 15% от действующего парка. Естественно, в сложившихся условиях уровень энергетической независимости страны достиг минимума за 30 лет и составил примерно 12% [GIS Dossier...].

Несмотря на то, что после 2015 г. 9 реакторов возобновили работу (на АЭС «Ои», «Такахама», «Гэнкай» и др.), и японское правительство пока не собирается

окончательно выводить АЭС из эксплуатации, в их отношении действуют более жёсткие, чем ранее стандарты безопасности [Атомная энергетика в Японии...]. Это ведёт к увеличению амортизационных издержек и не способствует окупаемости вложений в модернизацию станций. Стоит также принять во внимание и общественное мнение – более 60% граждан Японии выступают против восстановления работы АЭС в масштабах 2010 г. Таким образом, вектор на развитие возобновляемой энергетики приобрёл стратегический характер и привлёк повышенное внимание не только со стороны правительства (которое ускорило курс на внедрение институтов, поощряющих бизнес в сфере ВИЭ), но и со стороны частных инвесторов, в том числе, из-за рубежа.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ЯПОНИИ

Необходимо отметить, что целенаправленные попытки развития возобновляемой энергетики предпринимались в Японии с конца 1990-х гг., когда стартовала масштабная программа либерализации электроэнергетики. Одним из её ключевых пунктов было привлечение частных инвестиций в сектор ВИЭ, ранее существовавший исключительно за счёт государственных субсидий. Однако реформа электроэнергетической отрасли шла с переменным успехом. Главной цели – разукрупнения региональных вертикально-интегрированных энергетических компаний-монополистов (всего их десять) – к началу 2010-х гг. добиться не удалось. Низкими были и показатели прироста парка мощностей ВИЭ и их доли в структуре выработки электроэнергии. Например, в 2010 г. общая установленная мощность электростанций Японии составляла примерно 230 ГВт (без учёта собственных мощностей крупных промышленных корпораций), из которых на ВИЭ с учётом мощностей ГЭС приходилось порядка 10-12 ГВт. Суммарно возобновляемая энергетика обеспечивала не более 3% выработки электроэнергии в стране [FERC Statistics...].

В 2009 г. японское правительство инициировало введение специального «зелёного тарифа» для бизнеса в сфере возобновляемой генерации. Такой тариф ранее был успешно апробирован в США, Великобритании, Германии, Скандинавских странах. По большому счёту, региональная (или национальная) компания-монополист принимала на себя обязательства по закупке электроэнергии, полученной на основе ВИЭ, по специальным льготным ценам за кВт·ч, частично компенсирующим её более высокую стоимость по сравнению с ТЭС. В 2016 г. удалось добиться снижения закупочных тарифов для генераторов электроэнергии на основе ВИЭ до 21 йены за кВт·ч, что соответствовало на тот момент среднему по ОЭСР уровню [Kimura].

Можно утверждать, что авария на АЭС «Фукусима-1» в значительной мере подстегнула институциональные преобразования в сфере развития возобновляемой энергетики с целью снижения зависимости от импорта первичных энергоресурсов и перехода к низкоуглеродной экономике. Определённое давление на японское правительство оказывает и необходимость соблюдать взятые на себя обязательства в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г. Более того, отказ от атомной энергетики привёл к увеличению доли Японии в глобальной эмиссии парниковых газов с 2% в 2010 г. до 3,5% в 2019 г. [Ritchie, Roser]. Европейский союз, являющийся ключевым партнёром Японии в области разработки и обмена технологиями возобновляемой энергетики, в марте 2020 г. представил План нейтрализации парниковых выбросов к 2050 г., или, иными словами, достижения углеродной нейтральности экономик ЕС к этому сроку за счёт широкого внедрения возобновляемой генерации и принципов «умного» энергосбережения на основе дружелюбных к окружающей среде технологических решений [EU 2050...]. Это

вызвало ожидаемую ответную реакцию Токио в том ключе, что Японии следует придерживаться схожего видения и к 2050 г. достичь сопоставимых результатов.

Тем не менее говорить о том, что ВИЭ для Японии становятся основным энергоисточником, пока очень рано. Система государственных налоговых льгот и субсидий дала лишь временный эффект; в 2020 г. установленная мощность всех «зелёных» электростанций Японии (включая ГЭС) приблизилась к 70 ГВт, из которых около 50 ГВт – это солнечные энергетические станции (СЭС), ещё порядка 10 ГВт – ветряные электростанции (ВЭС), остальное – ГЭС, биотопливо, геотермальные источники. Доля ВИЭ возросла до 15% в общей структуре генерации электроэнергии [Klein]. С одной стороны, по сравнению с началом 2010-х гг. прогресс очевиден, но с другой – многие авторитетные японские (и не только) эксперты разделяют мнение, что потолок роста мощностей СЭС и ВЭС по ряду технологических, экономических и природно-климатических факторов в настоящее время фактически достигнут.

К тому же, в Японии существует проблема отведения земель под строительство крупных ветропарков и солнечных ферм. Свободные земельные ресурсы страны в принципе очень ограничены, и значительную их часть составляют сельскохозяйственные угодья; поддержка агросектора входит в число большинства госпрограмм территориального развития и не подразумевает сокращения площадей для возделывания риса и других культур. Рассматривается сооружение СЭС и ВЭС в труднодоступной местности – например, в гористой местности северного острова Хоккайдо. Однако экономическая эффективность таких проектов практически недостижима. Существует ещё один вариант – строительство мощностей ВИЭ в прибрежной зоне, однако далеко не везде для этого есть подходящие условия и зачастую такие проекты наталкиваются на сопротивление местных жителей, обеспокоенных возможной угрозой для традиционных рыбных промыслов. Основной энергетический план Японии предполагает, что к 2035 г. доля ВИЭ в общей структуре генерации электроэнергии возрастет до 25%, значит, требуются иные решения в этой сфере [Japan 2021...].

Одним из таких решений может быть водород. Хотя ещё в конце 1950-х гг. предпринимались попытки создания энергетических установок на основе водорода, лишь к середине 1990-х гг. появились технологии, позволяющие более-менее безопасно использовать водород для энергетических нужд, а не только в химической промышленности. Неудивительно, что одними из пионеров в этой сфере стали японские компании.

РАЗВИТИЕ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ЯПОНИИ

Ещё в 1974 г. Япония выступила инициатором создания Международной ассоциации водородной энергетики с целью проведения научных исследований, формирования положительного общественного мнения в отношении водорода как потенциального источника энергии и достижения коммерческой эффективности использования водорода для энергетических установок. В 1977 г. появилась программа сотрудничества МЭА в области водородных технологий, в работе которой Япония также была активно задействована, а в 2003 г. она присоединилась к исследованиям в рамках Международного партнёрства по водороду и топливным элементам. Участие в деятельности этих организаций позволило Японии заложить необходимый технологический фундамент и привело правительство и руководство энергетических компаний к пониманию того, что водород как энергоисточник обладает немалыми перспективами [Bockris].

Когда ближе к концу 2010-х гг. в стране развернулась дискуссия о путях дальнейшего развития возобновляемой энергетики ввиду ограниченности ресурсов и возможностей страны в данном направлении, на первый план вышел водород. В 2017 г. японское Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП)

одобрило первую в мире полноценную национальную Стратегию развития водородной энергетики. Основные положения Стратегии исходят из того, что к 2030 г. потребность в водороде для промышленных, энергетических и транспортных нужд резко возрастёт по сравнению с 2017 г. и потребуются меры по обеспечению экономики страны водородным топливом.

Здесь необходимо внести одно важное уточнение. Речь идёт именно о «зелёном» водороде, то есть водороде, полученном путём электролиза при помощи ВИЭ как генераторов электроэнергии для этого процесса. «Голубой водород», выработанный методом каталитического риформинга из природного газа, или «жёлтый» водород, произведённый также на основе электролиза, но при задействовании АЭС, в расчёт не берётся, поскольку не относится к полностью экологически чистым видам топлива и не может способствовать достижению углеродной нейтральности японской экономики.

По предварительным оценкам, к 2030 г. Японии будет требоваться порядка 300-500 тыс. тонн «зелёного» водорода ежегодно, причём собственное производство будет в состоянии покрыть не более половины этого объёма. Здесь формируется ниша для иностранных поставщиков, одним из которых может стать Россия, обладающая достаточными мощностями ГЭС для производства и поставок «зелёного» водорода на экспорт. Количество транспорта на водородных топливных элементах в Японии (например, автомобилей типа Toyota Mirai или Honda FCX Clarity) к 2030 г. должно возрасти почти до 1 млн единиц против фактически проданных на данный момент 20 тыс. единиц, включая автобусы, железнодорожные составы, силовую технику и даже морской транспорт. В МЭТП исходят из того, что через 10-15 лет водородное топливо достигнет коммерческой окупаемости (или приблизится к ней) и по стоимости за 1 кг сравняется с традиционными видами – бензином, дизелем, газом. Цена электроэнергии, выработанной на основе водорода, составит для потребителей в среднем порядка 15-17 йен за кВт·ч., что сравнимо с ценой за кВт·ч от ВЭС и СЭС, а суммарная установленная мощность водородных электростанций может достигнуть 8-10 ГВт [Basic Hydrogen Strategy...].

В середины 2000-х гг. Японии удалось добиться неплохих результатов по строительству и коммерческой эксплуатации компактных электростанций на ВТЭ (установленной мощностью до 500 кВт), предназначенных для энергоснабжения различных объектов сферы услуг, офисных зданий, отдельных районов жилой застройки. Это вариант распределённой генерации, когда электроэнергия целиком потребляется через локальные распределительные сети, без передачи избытков на баланс региональной сетевой компании. Примеры: Tokyo Gas Co. Senju Techno Station, Kyushu University Ito Campus Station, Toyota Motor Corporation Hydrogen Station и т.д. Установленная мощность каждой из этих водородных электростанций составляет 250 кВт.

Но есть и более крупные проекты, реализация которых имеет заметный эффект для всей экономики Японии. В 2019 г. консорциумом японских компаний (Toshiba, NEDO, Tohoku Electric Power, Iwatani) было завершено строительство электролизного завода (находится в тестовой эксплуатации с марта 2020 г.) в префектуре Фукусима, наиболее сильно пострадавшей от разрушительного землетрясения и цунами в 2011 г. Этот завод при помощи электроэнергии, поступающей с солнечной электростанции мощностью 10 МВт, в состоянии производить до 900 тонн «зелёного водорода» в год. Данного количества хватит для заправки 600 автомобилей на ВТЭ ежедневно и обеспечение электроэнергией в среднем 150 многоквартирных домов. Экономические оценки этого проекта пока преждевременны, однако консорциум планирует сооружение ещё нескольких подобных заводов на территории Японии с привлечением собственных средств и государственных субсидий [Arias].

Таблица 1. Предполагаемое потребление водорода¹⁰ в энергетике стран Восточной Азии, тыс. тонн*

Страна	2025			2030			2040		
	Min.	Av.	Max.	Min.	Av.	Max.	Min.	Av.	Max.
Япония	88	516	1338	875	1761	3858	1896	4131	9573
Республика Корея	74	223	493	373	728	1562	1001	2175	5304
Китай	48	226	698	1028	3318	7009	7853	17430	40989
Всего	211	965	2579	2276	5807	12429	10750	23736	55866

Источник: составлено автором по данным консалтингового агентства ACL Allen Analysis

Из таблицы следует, что (в сопоставлении с размером экономики) Япония имеет все шансы стать «водородной нацией» к 2040 г., если системная политика правительства и энергетических корпораций продолжится в этом направлении. Однако есть серьёзные основания полагать, что ставка на водород как перспективный энергоисточник может и не сработать, и это касается, прежде всего, планируемых объёмов потребления. Пока неясно, насколько эффективно будут решены проблемы безопасного производства, транспортировки и хранения водорода для энергетических нужд.

ОЦЕНКА ЯПОНСКОГО ОПЫТА ПЕРЕХОДА К НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Если анализировать рост доли ВИЭ в энергобалансе Японии, то можно сказать, что страна производит всё больше «чистой» энергии, особенно по сравнению с периодом десятилетней давности. Япония с середины 2010-х гг. инвестирует в развитие возобновляемой и водородной энергетики порядка 15 млрд долл. ежегодно и вообще относится к числу мировых лидеров по объёму накопленных инвестиций в сфере ВИЭ – 200 млрд долл с начала 2000-х гг., уступая по этому показателю только Китаю (750 млрд долл) и США (350 млрд долл) [World Energy Investment...]. В рейтинге глобальной энергоэффективности, который ежегодно составляет Американский совет по энергоэффективной экономике, Япония в 2018-2019 гг. занимала 5-е место (на первом месте – Германия; Россия, для сравнения, на 21-м месте), что говорит о достижении высоких показателей энергосбережения, прежде всего, в промышленности, строительной отрасли и транспорте [The International Energy...].

Тем не менее для страны, практически полностью зависимой от импорта нефти, природного газа и угля, вопрос внедрения новых энергоэффективных технологий не теряет актуальности. Во многом движение здесь осуществляется в сторону внедрения интеллектуальных систем управления работой электростанций и создания инновационных кластеров в энергетике (иными словами, одновременного развития нескольких важных компонентов энергетической отрасли – например, производства и транспорта энергии – и смежных сфер деятельности, таких как гибкого тарифного регулирования, системы налоговых льгот и субсидий, привлечения частного инвестиционного капитала для строительства технологически передовых энергетических объектов и т.д.). Пока сложно оценивать реальный

¹⁰ Имеется в виду суммарное потребление энергетического водорода любого происхождения

эффект этой политики, однако известно, что японский опыт внимательно изучают в других странах [Energy Efficiency...].

Сегодня в Японии на долю электроэнергетики приходится 45% всех выбросов CO₂, на транспортную систему – 20%, а промышленность, сфера услуг и коммерческий сектор вкуче дают 35%. Стратегические планы Министерства экономики, торговли и промышленности предполагают значительные изменения этой структуры в перспективе, со значительным снижением вклада промышленности и транспорта. Это в целом соответствует стратегическому видению США и стран ЕС, и вынуждает японское правительство создавать прочные институциональные основы для решения таких задач, в том числе, и путём либерализации энергетических отраслей [Ritchie, Roser].

Базовым законом, регулирующим вопросы энергосбережения в Японии, является Закон о рациональном использовании энергии (Energy Conservation Act), который был принят в 1979 г. и впоследствии многократно дополнялся и расширялся. В последних редакциях этого закона говорится о том, что энергоэффективность экономики включает в себя и формирование её «низкоуглеродной направленности» как основы бережного отношения к окружающей среде в долгосрочной перспективе. Ключевая цель закона – обеспечение мер по оптимизации потребления энергии в промышленности и коммерческом секторе (включая сферу услуг). В рамках этого документа разработаны стандарты для энергоэффективной работы промышленных предприятий (например, различного рода меры по снижению потерь тепла и электроэнергии, повышению сезонного КПД энергетических установок и т.д.) Тем не менее закон носит общий, рекомендательный характер, и механизма санкций за невыполнение его положений не предполагает [Japan's Policy...].

В Японии до начала 2010-х гг. действовало несколько законодательных актов, регулирующих возобновляемую энергетику. В основном это были положения о стимулировании бизнеса в сфере ВИЭ, а именно: внедрение льготных тарифов на электроэнергию, выработанную на основе ВИЭ, специальные предложения о частно-государственном инвестиционном партнёрстве, финансово-экономическое стимулирование развития различных СЭС и ВЭС на суше и в прибрежных морских зонах. В 2012 г. все эти акты были объединены в рамках национального закона «О возобновляемой энергетике», который, однако, оказался недостаточно структурирован и оставлял много вопросов по части административно-бюрократических процедур. В 2020 г. МЭТП анонсировало большой пакет поправок, разработанных с целью улучшения структуры закона и механизмов практического применения его положений. Предполагается, что поправки вступят в силу в 2022 г., после обсуждения в правительственных, экспертных и бизнес-кругах.

Главная идея заключается в дальнейшем расширении способов стимулирования бизнеса по строительству и эксплуатации объектов возобновляемой энергетики (включая водород). Планируются дополнительные налоговые льготы на срок от 10 до 20 лет (в зависимости от типа и мощности возобновляемой генерации), внедрение новой шкалы закупочных тарифов на электроэнергию, вырабатываемую на основе ВИЭ, расширенный пакет государственных субсидий и прочее. Согласно предварительным оценкам, реализация этой совокупности мер приведёт к увеличению парка возобновляемых мощностей до 100 ГВт к середине 2020-х гг. и снижению стоимости электроэнергии для коммерческих потребителей до 13 йен за кВт·ч (8 руб/кВт·ч), что немногим выше стоимости электроэнергии, поставляемой с газовых ТЭС [Takeuchi, Higuchi].

Огромным плюсом этих поправок является то, что они серьёзно модернизируют закон и создают развитую институциональную среду с понятными правилами игры как для государства, так и для бизнеса. Японское правительство стремится к

достижению разумного баланса между административным регулированием отрасли и интересами частного энергетического бизнеса, готового вкладываться в возобновляемую энергетику только при наличии приемлемых условий по возврату инвестиций и получению прибыли. Однако стратегическое развитие возобновляемой и водородной энергетики по-прежнему невозможно без поддержки государства. Таким образом, переход к низкоуглеродной экономике путём достижения лучшей энергоэффективности и расширения доли «зелёной» энергетики лежит по большей части в политической плоскости и требует от правительства крупных финансовых расходов.

Япония (впрочем, как и другие развитые страны) ещё очень далека от достижения «углеродной нейтральности», и для того, чтобы к 2050 г. сократить эмиссию парниковых газов хотя бы в промышленности и на транспорте до «чистого нуля», предстоит пройти непростой путь. Скептики утверждают, что без планомерной поддержки государства проекты в области возобновляемой и водородной энергетики никогда не достигнут коммерческой окупаемости. Однако практика показывает, что разработка и внедрение новых технологий в течение 2000-2020 гг. привели к удешевлению в несколько раз всего цикла по строительству и эксплуатации электростанций на основе ВИЭ, а отпускная цена электроэнергии даже без действия «зелёного тарифа» приближается к аналогичным показателям для ТЭС на нефти, мазуте и газовых ТЭС. Несомненно, дальнейшее увеличение затрат на НИОКР в этом направлении (прежде всего, это касается способов аккумулирования электроэнергии, роста коэффициента заполнения солнечных панелей и эффективности использования ветряной энергии) будет способствовать распространению новых принципов использования ВИЭ и обеспечивать истончение «углеродного следа».

В настоящее время вряд ли кто-то решится дать конкретный ответ на вопрос, возможен ли полный переход к безуглеродной экономике через 20-30 лет. Передовые страны мира, к числу которых относится и Япония, разрабатывают специальные программы, используют различные механизмы институционального регулирования сферы ВИЭ и стимулирования притока в нее частных инвестиций под государственные гарантии. Помимо общего стремления к укреплению позиций возобновляемой энергетики идёт постоянное ужесточение требований к энергоэффективности работы промышленных предприятий, транспортной системы, коммерческого (офисного) сектора, сферы услуг, и так далее. За минувшее десятилетие средний расход топлива двигателями внутреннего сгорания снизился на 25-30%, в развитых странах активно внедряются технологии улавливания и хранения CO₂, рекуперации отходящего тепла и многое другое. Поэтому не стоит исключать такого развития событий, когда к 2050 г. той же Японии удастся если не завершить переход к низкоуглеродной экономике, то хотя бы нарастить долю «чистых» источников в энергобалансе страны до 70 и более процентов.

Список литературы

Атомная энергетика в Японии. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00238/> (дата обращения: 14.06.2021).

Корнеев К.А. Перспективы атомной энергетики в регионе Восточной Азии: политико-экономическое измерение // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке (Десятые Крушановские чтения 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 464-472.

Arias J. Hydrogen and Fuel Cells in Japan. Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation, 2019. 134 p.

Basic Hydrogen Strategy of Japan. METI Releases. December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (дата обращения: 14.06.2021).

Bockris J. The Hydrogen Economy: Its History // *International Journal of Hydrogen Energy*. 2013. Vol. 38. Iss. 6. P. 2579-2588.

Energy Efficiency. Paris: IEA Publications, 2019. 107 p.

EU 2050 Long-Term Climate Strategies & Targets. March 2020. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (дата обращения: 15.06.2021).

FEPC Official Electricity Statistics Information. January 2021. URL: <http://www5.fepec.or.jp/tok-bin-eng/kensaku.cgi> (дата обращения: 15.06.2021).

GIS Dossier: Japan's Search for an Energy Strategy after Fukushima. 12.12.2018. URL: <https://www.gisreportsonline.com/gis-dossier-japans-search-for-an-energy-strategy-after-fukushima,energy,2750.html> (дата обращения: 16.06.2021).

Japan 2021 Energy Policy Review. IEA County Report. March 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (дата обращения: 16.06.2021).

Kimura K. Feed-in Tariffs in Japan: Five Years of Achievements and Future Challenges. Tokyo: Renewable Energy Institute, 2017. 23 p.

Klein C. Renewable Energy in Japan – Statistics and Facts // Statista. 24.03.2021. URL: <https://www.statista.com/topics/7637/renewable-energy-in-japan/> (дата обращения: 17.06.2021).

Nishiyama H. Japan's Policy on Energy Conservation // ЕМАК 4th Workshop. January 2013. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/data/4746.pdf> (дата обращения: 17.06.2021).

Ritchie H., Roser M. Japan: CO2 Country Profile // Our World in Data, January 2020. URL: <https://ourworldindata.org/co2/country/japan> (дата обращения: 18.06.2021).

Takeuchi N., Higuchi W. The Renewable Energy Law Review: Japan // The Law Reviews. 26.08.2020. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-renewable-energy-law-review/japan> (дата обращения: 18.06.2021).

The International Energy Efficiency Scorecard. December 2018. URL: <https://www.aceee.org/portal/national-policy/international-scorecard> (дата обращения: 19.06.2021).

World Energy Investment. Paris: IEA Publications, 2020. 206 p.

References

Arias, J (2019). Hydrogen and Fuel Cells in Japan. Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation. 134 p.

Atomnaya energetika v Yaponii [Atomic Energy in Japan]. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00238/> (accessed: 14 June, 2021). (In Russian)

Basic Hydrogen Strategy of Japan. METI Releases. December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (accessed: 14 June, 2021).

Bockris, J (2013). The Hydrogen Economy: Its History // *International Journal of Hydrogen Energy*. Vol. 38. Iss. 6. 2579-2588.

Energy Efficiency (2019). Paris: IEA Publications. 107 p.

EU 2050 Long-Term Climate Strategies & Targets. March 2020. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (accessed: 15 June, 2021).

FEPC Official Electricity Statistics Information. January 2021. URL: <http://www5.fepec.or.jp/tok-bin-eng/kensaku.cgi> (accessed: 15 June, 2021).

GIS Dossier: Japan's Search for an Energy Strategy after Fukushima. 12.12.2018. URL: <https://www.gisreportsonline.com/gis-dossier-japans-search-for-an-energy-strategy-after-fukushima,energy,2750.html> (accessed: 16 June, 2021).

Japan 2021 Energy Policy Review. IEA County Report. March 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/japan-2021> (accessed: 16 June, 2021).

Kimura, K (2017). Feed-in Tariffs in Japan: Five Years of Achievements and Future Challenges. Tokyo: Renewable Energy Institute. 23 p.

Klein, C. (2021). Renewable Energy in Japan – Statistics and Facts, Statista, 24 March. URL: <https://www.statista.com/topics/7637/renewable-energy-in-japan/> (accessed: 17.06.2021).

Korneev, K. (2021). Perspektivy atomnoi energetiki v regione Vostochnoi Asii: politiko-ekonomicheskoe izmerenie [Prospects for Nuclear Energy Sector in the East Asian Countries: Political and Economic Dimension] // *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoi nauki na Dal'nem Vostoke (Desyatye Krushanovskie Chteniya 2021) [Results and Prospects for the Development of Historical Science in the Russian Far East (the Tenth Krushanov's Readings 2021)]*. Vladivostok: Dalnauka. P. 464-472. (In Russian).

Nishiyama, H. (2013). Japan's Policy on Energy Conservation, EMAK 4th Workshop, January. URL: <https://eneken.ieej.or.jp/data/4746.pdf> (accessed: 17 June, 2021).

Ritchie, H., Roser, M. (2020). Japan: CO2 Country Profile, Our World in Data, January. URL: <https://ourworldindata.org/co2/country/japan> (accessed: 18 June, 2021).

Takeuchi, N., Higuchi, W. (2020). The Renewable Energy Law Review: Japan, The Law Reviews, 26 August. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-renewable-energy-law-review/japan> (accessed: 18 June, 2021).

The International Energy Efficiency Scorecard. December 2018. URL: <https://www.aceee.org/portal/national-policy/international-scorecard> (accessed: 19 June, 2021).

World Energy Investment (2020). Paris: IEA Publications. 206 p.

Раздел 3. Воздействие пандемии на политическое и информационное пространство

А.Ю. ЧИХАЧЕВ КОНЦЕПЦИЯ «ПАРИЖСКОГО КОНСЕНСУСА» В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА

Аннотация. В статье рассматривается новая концепция глобального управления, предложенная президентом Франции Эммануэлем Макроном, – т.н. «Парижский консенсус». Отмечается, что в современном мире обострилась конкуренция ведущих игроков за право предложить собственную модель глобализации и международного развития и появление французской инициативы является одним из ярких тому примеров. Выявляется, что идея Э. Макрона имеет под собой определенную основу, поскольку все его предшественники также рассуждали о необходимости реформирования глобализации, пытаясь отыскать ее более «справедливый» вариант. В частности, Ш. де Голль определял внешнеполитический курс Франции в духе «республиканского мессианства», видя в ней родину идеалов гуманизма и Просвещения, несущую моральную ответственность за исправление дисбалансов международного развития. Схожей точки зрения придерживались и все последующие президенты, предлагавшие различные шаги навстречу странам глобального Юга. В этом отношении предложение Э. Макрона о «Парижском консенсусе» преемственно продолжает традиционную для Франции риторику, перекликаясь также с внутривнутриполитическим контекстом (протестами «желтых жилетов» 2018-2019 гг.). Однако посредством разбора основных выступлений французского лидера на данную тему в статье устанавливается, что новая концепция еще не отличается высокой степенью конкретизации. По большей части, Париж лишь фиксирует противоречия современного этапа глобализации и неработоспособность механизмов прежнего «Вашингтонского консенсуса», обозначает примерный круг тем, которым должен быть посвящен новый порядок, – но не очерчивает конкретную схему его работы. Автор предполагает, что отчасти именно поэтому идея «Парижского консенсуса» пока не нашла понимания среди других стран, но в случае доработки она еще может оказаться востребованной в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: глобализация, капитализм, мультилатерализм, климат, неравенство, «Вашингтонский консенсус», Франция, Эммануэль Макрон.

Автор: Чихачев Алексей Юрьевич, к.полит.н., преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: alexchikhachev@gmail.com

ALEKSEI Y. CHIKHACHEV THE CONCEPT OF THE «PARIS CONSENSUS» IN EMMANUEL MACRON'S POLITICAL DISCOURSE

Abstract. This article explores a new concept of global governance proposed by French President Emmanuel Macron – the so-called «Paris Consensus». It is noted that in the modern world, the competition of leading powers for new models of globalization and international development has intensified, and the French initiative is one of the clearest examples of this. It is revealed that Macron's idea has a certain background, since all his predecessors also called for the reform of globalization, trying to find a more «just» version of this process. In particular, Charles de Gaulle defined the foreign policy of France in terms of «republican messianism», considering his country as a home of Humanism and Enlightenment responsible for correcting the imbalances of international development. A

similar point of view was shared by all subsequent presidents who took various measures in favor of the Global South. In this regard, Macron's proposal for the «Paris Consensus» continues the traditional rhetoric of France echoing the domestic political context as well (the «yellow vests» protests in 2018-2019). However, by analyzing the main speeches of the French leader on the topic, this article establishes that the new concept does not yet have a necessary degree of concretization. In essence, Paris just observes the contradictions of globalization and the ineffectiveness of the «Washington Consensus» mechanisms, defines an approximate range of topics to which the new order should be devoted, but does not elaborate a specific scheme of how to put it in practice. The author suggests that this is a key element of explanation why the idea of the «Paris Consensus» still has not get a feedback from other countries, but with new details added, it may look promising in future.

Keywords: globalization, capitalism, multilateralism, climate, inequality, the Washington consensus, France, Emmanuel Macron.

Author: Aleksei Y. Chikhachev, Candidate of Political Science, Teacher at Saint-Petersburg State University, e-mail: alexchikhachev@gmail.com

По мере распространения пандемии коронавируса и усугубления ее социально-экономических последствий высокую актуальность приобрела дискуссия о том, по какой модели теперь должна функционировать мировая экономика и насколько сильное переформатирование ожидает глобализацию. Известные ранее рецепты глобального управления стали подвергаться полному или частичному пересмотру как не соответствующие нынешним обстоятельствам, в связи с чем оформился запрос на новые концепции, заметный со стороны и западных, и незападных стран. Как отмечено в докладе Валдайского клуба за 2020 г., «реальность повлияет на переосмысление этики отношений между «золотым миллиардом» и всеми остальными», учитывая, что «кратное превосходство развитого мира над развивающимся... оказывается более эфемерным, чем представлялось» [Тимофеев и др., с. 17]. Более того, согласно наблюдению Д.Г. Евстафьева и А.М. Ильницкого, мир вступает в период «конкуренции [прежних элит – прим. авт.] с другими силами, представляющими принципиально разные модели развития», и борьба этих моделей «может оказаться одной из наиболее значимых для поиска места под солнцем для крупных государств» [Евстафьев, Ильницкий]. Иными словами, коронакризис объективно подталкивает основных международных игроков к поиску нового формата глобального управления (или способов сохранения старого), что становится предметом их соперничества на долгосрочную перспективу.

В этом контексте одним из заметных деятелей, пытающихся предложить собственный вариант глобализации, сегодня выступает президент Франции Эммануэль Макрон. За время своего мандата с 2017 г. он неоднократно подвергал критике т.н. «Вашингтонский консенсус» – совокупность макроэкономических установок (либерализация внешней торговли, дерегулирование, приватизация и др.), под влиянием которых в 1980-1990-е гг. складывался облик современной мировой хозяйственной системы. По мнению французского президента, глобализация «по-американски» привела к губительному дисбалансу между богатым Севером и бедным Югом, перекосам в распределении благ, ресурсов и технологий. Эта модель не учитывает современные вызовы и потребности развивающихся стран, демографические и климатические изменения, из-за чего оборачивается повсеместным ростом социальной напряженности. Вместо нее, по логике главы государства, необходим новый свод положений, ориентированный на восстановление социальной справедливости и учитывающий ситуацию в мире на фоне пандемии коронавируса, – т.е. новый консенсус, который предлагается именовать «Парижским».

Примечательно, что в силу своей относительной новизны предлагаемая Э. Макроном концепция еще не стала предметом подробного изучения в научной литературе. Так, К.П. Зуева и П.П. Тимофеев, анализируя первые внешнеполитические шаги президента, сосредоточились на разборе отдельных региональных направлений его курса, затронув отношение Э. Макрона к глобализации как таковой лишь косвенно [Зуева, Тимофеев, с. 85]. Коротко комментировали эту тему Е.О. Обичкина, С.М. Федоров и Е.А. Нарочницкая, изучившие соотношение суверенизма и атлантизма во внешней политике современной Франции [Франция при президенте..., с. 140-160], а также М.В. Каргалова, исследовавшая социальное измерение проводимого курса [Каргалова]. Соответственно, представляется уместным дополнить имеющиеся наработки и обозначить в качестве цели настоящей статьи выявление основных контуров и специфики концепции «Парижского консенсуса». Для этого необходимо, во-первых, напомнить, как оценивали процесс глобализации предшественники Э. Макрона на посту президента и определить элементы преемственности в его дискурсе; во-вторых, выявить основные тезисы, закладываемые французским лидером в основу нового «консенсуса», и оценить первые отклики на эту инициативу в других странах.

ФРАНЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА «СПРАВЕДЛИВУЮ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ»

Говоря о новой концепции «Парижского консенсуса», предлагаемой Э. Макроном, в первую очередь необходимо подчеркнуть, что особое отношение к глобализации весьма характерно для французской внешнеполитической традиции. В прежние годы все президенты Пятой Республики так или иначе пробовали продвигать альтернативное видение этого процесса, даже используя иной термин: вместо «глобализации», понимавшейся ими узко в качестве повсеместной унификации на основе американских стандартов, – т.н. «мондиализация», означающая формирование отношений взаимозависимости и мира как единого целого при сохранении всего его многообразия.

Акцентированно демонстрировать оригинальность своего подхода по сравнению с англосаксонским прочтением Франция начала еще при президенте Ш. де Голле (1958-1969). Пытаясь сохранить за страной хотя бы некоторые атрибуты уходящего величия, основатель режима Пятой Республики сформулировал свой внешнеполитический курс в духе «республиканского мессианства» – признания за Францией «роли светоча западной культуры и цивилизации», хранительницы идеалов гуманизма, Просвещения и революции 1789 года [Обичкина 2004, с. 33]. Отталкиваясь от этого статуса, Париж стремился играть роль моста не только между западным и восточным блоками, продвигая идеи «разрядки», но и между Севером и Югом, апеллируя к необходимости уважительного отношения к нуждам стран третьего мира. Воплощением этого гуманистического начала во внешней политике стал такой инструмент, как помощь международному развитию: при Ш. де Голле Франция стабильно выделяла на эту статью более 1% своего ВВП (выше среднего рекомендуемого показателя для развитых стран) [Обичкина 2012, с. 110]. Тогда же французское руководство резко выступило против доминирования доллара в международных расчетах, приблизив реформу Бреттон-Вудской финансовой системы. Посредством личной дипломатии Ш. де Голля Франция установила партнерские отношения с широким кругом государств Африки, Азии, Латинской Америки, претендуя на глобальную ответственность и распространение универсальных ценностей: прав человека, социальной справедливости и т.д.

Подобного подхода далее придерживались и все преемники генерала. В частности, В. Жискара д'Эстен (1974-1981) пытался запустить диалог развитых и развивающихся стран с помощью специализированных «Конференций Север-Юг» 1975 и 1977 гг. с участием государств Западной Европы, Северной Америки, членов

Движения неприсоединения и ОПЕК. В 1975 г. при активном содействии Франции были подписаны т.н. Ломейские конвенции, согласно которым ЕЭС шло на торговые преференции в пользу государств Африки, Карибского региона и Тихого океана. В постоянную практику вошло проведение саммитов «Франция – Африка», повестка которых непременно затрагивала вопросы международного развития. Правда, все это не мешало В. Жискард-д'Эстену одновременно прикладывать усилия по консолидации «коллективного Запада» в формате ограниченного клуба индустриально развитых стран («Группы семи»), а также поддерживать неформальную систему клиентелистских отношений с дружественными режимами на Черном континенте («Франсафрик»).

При Ф. Миттеране (1981-1995) Париж вновь стремился действовать на контрасте со своими англосаксонскими партнерами: пока Р. Рейган и М. Тэтчер настаивали на внедрении неолиберальных рыночных рецептов и свободной конкуренции, французский президент предлагал прислушаться к запросам средних и малых стран, стремившихся к свободе выбора своей социально-экономической модели [Charillon, p. 194-196]. Особенно энергично в этом отношении Ф. Миттеран выступал в первые годы своего правления, когда оно еще сохраняло отчетливо левый идеологический заряд. Кроме того, на стыке 1980-1990-х гг. французская дипломатия выступала с идеей списания долгов беднейшим государствам Африки и оказания экономической помощи демократизирующимся странам Восточной Европы.

Призывы к строительству более справедливой и управляемой глобализации звучали со стороны Парижа и в период президентства Ж. Ширака (1995-2007). Наблюдая рост конфликтности в различных регионах мира, глава государства обращал внимание на необходимость устранения ее глубинных причин: бедности, низкого уровня образования и здравоохранения, коррупции, – которые в последнее время, напротив, только усугубились [Обичкина 2012, с. 306-307]. Осознавая ограниченность собственных ресурсов, Париж стремился создать условия для выработки общего европейского подхода к проблемам международного развития, особенно на средиземноморском и африканском направлениях. На этот же период пришелся один из самых ярких примеров противостояния Франции «миру по-американски» – ее нежелание вступать во вторую войну в Персидском заливе.

Наконец, Н. Саркози (2007-2012) и Ф. Олланд (2012-2017), хотя и оказались наибольшими атлантистами среди всех президентов Пятой Республики, также выступали за более «гуманную» версию глобализации. Так, Н. Саркози на волне кризиса 2008 г. призывал придать дополнительную прозрачность мировым финансовым потокам, выдвигал инициативы всемирного сельскохозяйственного и энергетического партнерств [Обичкина 2012, с. 332-333, 340]. Тогда как при Ф. Олланде Париж, помимо прочего, стал одним из наиболее активных сторонников экологической повестки, сумев организовать подписание климатического соглашения 2015 г. как глобальным Севером, так и Югом.

Таким образом, легко заметить, что для внешней политики Пятой Республики тема реформирования глобализации, определенно, не нова. Основной упор французское руководство традиционно делает на придание этому процессу большей справедливости на благо развивающихся стран (прежде всего, в Африке). Поэтому, запуская дискуссию о новом мировом «консенсусе», Э. Макрон идет по следам своих предшественников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ПАРИЖСКОГО КОНСЕНСУСА»

В начале политической карьеры действующего президента многое говорило о том, что он будет отнюдь не оспаривать положения «Вашингтонского консенсуса», а придерживаться их в неизменном виде. Будучи выпускником лучших учебных заведений Франции и успешным инвестиционным банкиром, Э. Макрон производил

впечатление расчетливого профессионала, удачно встроившегося в глобализацию. Первые же реформы, запущенные в неолиберальном духе (рынка труда, социального страхования, налоговой системы), закрепили за ним репутацию «президента богатых», слабо интересующегося нуждами народных слоев и готового пожертвовать социальными гарантиями в макроэкономических целях.

Однако приблизительно с середины своего мандата президент начал демонстрировать противоположный подход по той причине, что одновременно Франция угодила во внутренний социальный кризис – протестные выступления «желтых жилетов». События 2018-2019 гг. стали проявлением глубокого раскола, нараставшего во французском обществе на протяжении трех последних десятилетий, где по одну сторону оказались «победители» от глобализации (политическая элита, крупный бизнес, интеллигенция, жители больших городов), а по другую – «проигравшие» (рабочие, служащие, мелкие предприниматели, жители провинциальных городов со средним или низким уровнем доходов). Пытаясь снизить накал противостояния, президент пошел на дорогостоящие социальные меры [Рубинский], что отразилось и на его внешнеполитической риторике в виде серии критических высказываний в адрес глобализации и «Вашингтонского консенсуса».

Так, выступая на юбилее Международной организации труда в июне 2019 г., Э. Макрон признал, что к сегодняшнему дню в мире сложилась «неолиберальная модель капитализма накопления, которая, сохраняя разумные предпосылки, исказила связи и саму структуру наших собственных обществ» [Centenaire...]. По словам главы государства, ныне «мы имеем дело с системой, где макроэкономический прогресс основывается на микроэкономическом неравенстве», – сильные наращивают свои доходы за счет слабых, руководствуясь «законом джунглей». Такое положение дел априори несправедливо и создает благодатную почву для популистских течений, использующих эту ситуацию для разрушения веры в демократические устои западных стран. Соответственно, чтобы предотвратить грядущий взрыв, необходимо провести реформу мировой экономической системы в целом. Методом данной реформы, убежден Э. Макрон, должен быть мультилатерализм, в соответствии с которым государства не замыкались бы в решении проблем только своих экономик, а действовали бы вместе, руководствуясь общими принципами, включая борьбу с различными видами неравенства, облегчение социальных последствий цифровой революции или повышение значимости климатической повестки.

В следующий раз Э. Макрон напрямую вернулся к данной теме уже на фоне пандемии – осенью 2020 г. в выступлении на 75-й Генассамблее ООН. В нем он подчеркнул, что положительные эффекты глобальности мира, увлекшие было человечество (ускорение научно-технического прогресса, распространение универсальных ценностей и пр.), стали нивелироваться отрицательными – ростом национализма, возвращением соперничества великих держав, масштабными кризисами [Déclaration...]. По версии французского президента, это происходит из-за того, что отношения взаимозависимости в отдельных случаях зашли слишком далеко, вступая в противоречие с суверенитетом: желая защитить последний и не впасть в чрезмерную зависимость от более сильных партнеров, некоторые страны начали закрываться от мира вовсе. Правильное же решение – «Парижский консенсус» – находится посередине и предполагает поиск компромисса между глобализацией в тех секторах, где она приносит очевидные выгоды (например, в торговле), и сохранением самодостаточности государств в наиболее критических сферах (здравоохранение, передовые технологии, важнейшие отрасли промышленности и пр.).

Чуть позже в интервью изданию «Le Grand Continent» президент еще раз заметил, что для своего времени либеральная рыночная экономика, выстроенная по

заветам «Вашингтонского консенсуса», оказалась эффективным решением, поскольку «вытащила из бедности сотни миллионов людей» [La doctrine...]. Однако сегодня она превращается в набор догм, плохо соответствующих реальности. Во-первых, «Вашингтонский консенсус» придавал слишком низкое значение климатической повестке, тогда как она, по убеждению Э. Макрона, должна быть выведена в приоритет. Во-вторых, капитализм, несмотря на внешнюю успешность, может усугублять социальное расслоение, из-за которого у граждан накапливаются сомнения в эффективности демократических институтов. В-третьих, это расслоение будет только расти по мере увеличения численности населения, благодаря которому демографический центр тяжести еще больше сместится в сторону Африки и Азии. Таким образом, убежден Э. Макрон, человечество уже пришло в точку разрыва с «диким» капитализмом, когда настало время осознать значение других факторов, кроме максимизации прибылей, ранее считавшихся рыночными экстерналиями, – климата, качества жизни, выравнивая доходов.

Наконец, аналогичная логика рассуждений была представлена президентом в ходе Давосского экономического форума в январе 2021 г. [Intervention...]. Он вновь обратил внимание на то, что восстановление мировой экономики после пандемии должно идти с учетом ошибок прошлого и на базе новой модели, которая будет лучше справляться с кризисами. Эта новая модель в виде «Парижского консенсуса» не может быть выстроена какой-то одной страной самостоятельно, поэтому необходима широкая кооперация государств, организаций и бизнеса по принципу «эффективного» мультилатерализма. Помимо ООН, основными переговорными площадками, в рамках которых планируется продвижение идеологии нового «консенсуса», будут Парижский форум мира, «Саммит одной планеты», Альянс за многосторонность и др.

Обобщая вышеприведенные тезисы Э. Макрона, уместно заметить, что полноценную концепцию в строгом смысле слова они еще не образуют, – скорее, ее предварительные наброски. Инициатива принятия «Парижского консенсуса» явно требует дополнительной проработки, поскольку на данный момент она сводится лишь к констатации диспропорций глобализации, общим призывам сделать ее более инклюзивной за счет внимания к расширенному кругу тем и стран. Президентом пока не предлагается полный перечень установок, который должен лечь в основу нового «консенсуса», что лишает весь замысел должной конкретики.

Возможно, именно этот недостаток привел к тому, что концепция Э. Макрона пока получила весьма ограниченный по охвату и сдержанный по сути отклик среди политиков и экспертов. Так, представители американского Института Петерсона (в недрах которого в свое время и разрабатывался термин «Вашингтонский консенсус») заметили, что критикуемые ныне правила всегда были открыты для широких толкований самими странами, а различные популистские альтернативы все равно показывали свою экономическую неэффективность [Irwin]. Со своей стороны, в Немецком совете по международным отношениям (DGAP) указали на несогласованность заявлений Э. Макрона с позицией его европейских союзников, а также на едва скрываемое желание президента угодить слишком широкому кругу политических сил [Vallée]. Между тем, от политического руководства США, КНР и других крупных игроков развернутой реакции на предложение французского лидера не последовало вовсе. На этом фоне выделяется позиция России, поскольку на том же Давосском форуме 2021 г. президент В. Путин обозначил не только противоречия нынешнего этапа глобализации, но и приоритеты для дальнейших многосторонних действий. При этом, в отличие от французской позиции, российская точка зрения содержит более четкое указание на то, что многосторонность должна базироваться на реальных примерах сотрудничества государств, без которых она превратится в «придание подобия легитимности односторонним действиям» [Сессия онлайн-

форума...], через создание коалиций с заранее подобранным составом участников, распространение прозападного «порядка, основанного на правилах», и т.п.

Резюмируя сказанное выше, следует предположить, что концепция «Парижского консенсуса», хотя и вписывается во французскую внешнеполитическую традицию уже сейчас, по всей видимости, выдвинута Э. Макроном на перспективу – с возможностью развития в ходе гипотетического второго президентства (2022-2027) в случае переизбрания. При более тщательной детализации и согласовании не только с ближайшими партнерами она, возможно, приобретет качественную новизну и в какой-то степени – разумеется, лишь при реализации на практике – позволит исправить дисбалансы глобализации. В противном же случае смысл всех выступлений президента на данную тему следует понимать как попытку предложить второе издание уже известного «Вашингтонского консенсуса» под новой вывеской, не ведущую к принципиальным изменениям.

Список литературы

Евстафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 58-68.

Зуева К.П., Тимофеев П.П. Внешняя политика президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 12. С. 83-91.

Каргалова М.В. Внешняя и внутренняя политика Э. Макрона: социальный аспект // Свет и тени «эры Макрона» / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 114-117.

Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012). М.: Аспект-Пресс, 2012. 382 с.

Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М.: МГИМО, 2004. 487 с.

Рубинский Ю.И. Франция: мини- или макси-кризис? // Свет и тени «эры Макрона» / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 8-44.

Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 19.06.2021)

Тимофеев И. и др. Не одичать в «осыпающемся мире» // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2020. 27 с.

Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 206 с.

Centenaire de l'Organisation internationale du travail // Elysee.fr. 11.06.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/06/11/centenaire-de-lorganisation-internationale-du-travail> (accessed: 19.06.2021)

Charillon F. La politique étrangère de la France. De la fin de la guerre froide au printemps arabe. La Documentation française: 2011. 240 p.

Déclaration du Président Emmanuel Macron pour la 75e session de l'Assemblée générale des Nations unies // Elysee.fr. 22.09.2020. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/09/22/declaration-du-president-emmanuel-macron-pour-la-75e-session-de-lassemblee-generale-des-nations-unies> (accessed: 19.06.2021)

Intervention du Président Emmanuel Macron dans le cadre de l'Agenda de Davos organisé par le World Economic Forum // Elysee.fr. 26.01.2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/01/26/intervention-du-president-emmanuel->

macron-dans-le-cadre-de-lagenda-de-davos-organise-par-le-world-economic-forum
(accessed: 19.06.2021)

Irwin Douglas. The Washington Consensus stands test of time better than populist policies // Peterson Institute for International Economics. 04.12.2020. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/washington-consensus-stands-test-time-better-populist-policies#_ftn1 (accessed: 19.06.2021)

La doctrine Macron: une conversation avec le Président français // Le Grand Continent. 16.11.2020. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/11/16/macron/> (accessed: 19.06.2021)

Shahin V. The Risks behind Macron's Paris Consensus // DGAP. 08.12.2020. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/risks-behind-macrons-paris-consensus> (accessed: 19.06.2021)

References

Centenaire de l'Organisation internationale du travail, Elysee.fr, 11 June, 2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/06/11/centenaire-de-lorganisation-internationale-du-travail> (accessed: 19 June, 2021)

Charillon, F. (2011). La politique étrangère de la France. De la fin de la guerre froide au printemps arabe. La Documentation française, 240 p.

Déclaration du Président Emmanuel Macron pour la 75e session de l'Assemblée générale des Nations unies, Elysee.fr., 22 September, 2020. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/09/22/declaration-du-president-emmanuel-macron-pour-la-75e-session-de-lassemblee-generale-des-nations-unies> (accessed: 19 June, 2021)

Evstafiev, D., Ilitsky, A. (2020). Predpolozheniya o gryadushchem mire [The Assumptions on the Upcoming World] // *Rossiya v global'noi politike [Russia in Global Affairs]*. No. 4. P. 58-68. (In Russian).

Frantsiya pri prezidente Emmanuele Makrone: v nachale puti [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] (2018) (Klinova, M., Kudriavtsev, A., Rubinskiy, Y., Timofeev, P. (eds.)). M.: IMEMO RAN. 206 p. (In Russian).

Intervention du Président Emmanuel Macron dans le cadre de l'Agenda de Davos organisé par le World Economic Forum, Elysee.fr, 26 January, 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/01/26/intervention-du-president-emmanuel-macron-dans-le-cadre-de-lagenda-de-davos-organise-par-le-world-economic-forum> (accessed: 19 June, 2021)

Douglas, I. (2020). The Washington Consensus stands test of time better than populist policies, Peterson Institute for International Economics, 4 December. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/washington-consensus-stands-test-time-better-populist-policies#_ftn1 (accessed: 19 June, 2021)

Kargalova, M.V. (2019). Vneshnyaya i vnutrennyaya politika E. Makrona: sotsial'nyi aspekt [Foreign and Domestic Policy of E. Macron: the Social Aspect] // *Svet i teni «ery Makrona» [Light and Shadows «of Macron's Era»]* (Schweizer V.Y. (ed.)). M.: In-t Evropi RAN. P. 114-117. (In Russian).

La doctrine Macron: une conversation avec le Président français, Le Grand Continent, 16 November, 2020. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/11/16/macron/> (accessed: 19 June, 2021)

Obichkina, E.O. (2004). Frantsiya v poiskakh vneshnepoliticheskikh orientirov v postbipolyarnom mire [France in Search of Foreign Policy Guidelines in a Post-Bipolar World]. M.: MGIMO, 487 p. (In Russian).

Obichkina, E.O. (2012). Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940-2012) [French Foreign Policy from de Gaulle to Sarkozy (1940-2012)]. M.: Aspekt Press, 382 p. (In Russian).

Rubinskiy, Y.I. (2019). Frantsiya: mini- ili maksii-krizis? [France: Mini- or Maxi-Crisis?] Svet i teni «ery Makrona» [Light and Shadows «of Macron's Era»] (Schweizer V.Y. (ed.)) // M.: In-t Evropi RAN. P. 8-44. (In Russian).

Sessiya onlain-foruma «Davoskaya povestka dnya 2021» [Session of Davos Agenda 2021 online forum]. 27 January, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed: 19 June, 2021). (In Russian).

Timofeev, I. et al. (2020). Ne odichat' v «osypayushchemsya mire» [Staying Sane in a Crumbling World], Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» [Valdai Discussion Club Report]. 27 p. (In Russian).

Shahin V. (2020). The Risks behind Macron's Paris Consensus // DGAP, 8 December. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/risks-behind-macrons-paris-consensus> (accessed: 19 June, 2021)

Zueva, K.P., Timofeev, P.P. (2018) Vneshnyaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: pragmatizm pod maskoi atlantizma? [Foreign Policy of the President of France E. Macron: Pragmatism behind the Mask of Atlantism?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 62. No. 12. P. 83-91. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91

А. Д. ЛИСЕНКОВА
АДАПТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ТЕНДЕНЦИЯМ КАК
ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПРИМЕРЕ АЛДЕ И СВДП

Аннотация. Данная статья посвящена изменениям повестки Альянса либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) и Свободной демократической партии (СвДП) Германии под влиянием экологических трансформаций в Европейском союзе. Защита окружающей среды и борьба с изменением климата вышли на передний план в избирательных кампаниях в Европейский парламент в 2019 г. и Бундестаг в 2021 г. Факторами, которые поспособствовали данной тенденции, стали: экологические амбиции Европейского союза и одного из его неформальных лидеров Германии, нормативно-правовая гармонизация с Парижским соглашением по климату и европейской «Зелёной сделкой», а также озабоченность граждан проблемами окружающей среды. Это повлекло за собой адаптацию к экологическим тенденциям со стороны обеих партий с акцентом на проблеме изменения климата. Целью исследования является выявление результатов адаптации к экологическим тенденциям в ЕС третьей по популярности европейской партии АЛДЕ. Для определения национальных особенностей используется пример СвДП как члена АЛДЕ. В тексте сравниваются манифесты и программы партий, анализируются результаты выборов, опросы общественного мнения и материалы партийных Конгрессов. В результате автор проанализировала эволюцию экологической повестки обеих партий, а также выявила особенности конкуренции партий с Европейской партией зелёных и «Союзом 90/Зелёные».

Ключевые слова: Альянс либералов и демократов за Европу, Свободная демократическая партия, Европейский парламент, Бундестаг, окружающая среда, изменение климата, выборы.

Автор: Лисенкова Алена Денисовна, аспирант, факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: alena.denisovna@yandex.ru

ALENA LISENKOVA
ADAPTATION OF THE EUROPEAN UNION TO ENVIRONMENTAL TRENDS AS A
FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF POLITICAL PARTIES: A CASE-STUDY OF THE
ALDE AND FDP

Abstract. This article is devoted to the development of the Alliance of Liberals and Democrats for Europe (ALDE) and the Free Democratic Party (FDP) of Germany under the influence of environmental transformations in the European Union. Environmental protection and the fight against climate change came to the fore in the election campaigns for the European Parliament in 2019 and the Bundestag in 2021. This has been influenced by global environmental ambitions of the EU and Germany as one of EU leaders, institutional transformations at both levels of governance, harmonization of laws to the Paris Agreement and the European Green Deal, as well as the citizens' concerns about environmental issues. It has led to adaptation to these environmental trends by both parties, with the main focus on the most popular issue of climate change. The main aim of the article is to characterize the results of adaptation of the ALDE as the third most popular European party to the environmental trends in the EU. A case study of the FDP as a member of ALDE is used for determination of national features. The text compares the manifestos and programmes of parties, analyzes the election results, public opinion polls, and data of party Congresses. As a result, the author characterizes the development of the environmental agenda of both parties, determines its place in times of the coronavirus

pandemic, and also analyzes the competition parties with the European Green Party and the Alliance 90/ The Greens.

Keywords: Alliance of Liberals and Democrats for Europe, Free Democratic Party, European Parliament, Bundestag, environment, climate change, elections.

Author: Alena Lisenkova, Postgraduate student at the School of International Relations in Saint Petersburg State University, e-mail: alena.denisovna@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

С 1979 г. наднациональные Европейская народная партия (ЕНП) и Партия европейских социалистов (ПЕС) являются самыми крупными и влиятельными партиями Европарламента. Их история восходит ещё к партийной федерации (у христианских-демократов) и конфедерации (у социал-демократов), так как понятие «политическая партия на европейском уровне» было впервые признано только в Маастрихтском договоре. [Клочкова]

С 1999 г. ЕНП и ПЕС занимают в Европейском парламенте первое и второе место, соответственно. Несмотря на то, что по итогам выборов 2019 г. партии сохранили свои лидерские позиции, группы, формируемые ЕНП и ПЕС, получили наименьший процент голосов за всю свою историю, а сумма их делегатов перестала превышать половину членов парламента. Кроме того, впервые какая-либо ещё группа («Обновляя Европу», в которую входят Альянс либералов и демократов за Европу и Европейская демократическая партия) получила более 100 мест. Даже с учётом роста самого парламента, в процентном соотношении лучшего результата добивались только «Европейские демократы» (15.37%) в 1979 г. Соответственно, набрав 14.38% голосов и получив благодаря этому 108 мест в Европейском парламенте, группа «Обновляя Европу» показала наилучший результат с 1984 г. среди конкурентов двух традиционных лидеров.

Снижение популярности ЕНП и ПЕС обусловлено рядом факторов: Brexit, экономическим и миграционным кризисами, проблемами, с которыми столкнулись правящие партии/коалиции на национальном уровне (в частности блок «Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз» (ХДС/ХСС) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ); а также растущей озабоченностью защитой окружающей среды и борьбой с изменением климата, в то время как в той же ФРГ ни ХДС/ХСС, ни СДПГ в 2019 г. не уделили последней проблеме должного внимания [Зонова, с. 63-66; Главное о результатах выборов...].

Фрагментация в Европейском парламенте произошла из-за роста поддержки Альянса либералов и демократов за Европу (АЛДЕ), Европейской партии зелёных («Европейские зелёные»), Европейского свободного альянса, Европейской демократической партии (ЕДП), национальных «лево-зелёных» партий, а также популистов и крайне правых, преимущественно объединённых теперь в Партию идентичности и демократии, которые стремились сфокусироваться на недооценённых ЕНП и ПЕС темах.

Одним из таких направлений стали защита окружающей среды и борьба с изменением климата. Экологические амбиции ЕС выражаются в стремлении к мировому лидерству. Прежде всего, это подтверждается высокими обязательствами, которые возлагает на себя союз, в том числе, в рамках Парижского соглашения по климату. [Oberthür, Groen, p. 3]. Институциональная система ЕС соответствует данным стремлениям, включая в себя сразу два профильных генеральных директората (по климату и по окружающей среде), наибольший из тематических комитетов Европарламента (по окружающей среде, здравоохранению и безопасности продуктов питания) и др. Возросла и озабоченность граждан. В 2020 г. 94% опрошенных в ЕС отметили, что глобальные

экологические проблемы и особенно изменение климата затрагивают их лично. [Special Eurobarometer 501..., p.112]

Целью данной статьи является характеристика результатов адаптации третьей по популярности европейской партии, АЛДЕ, к экологическим тенденциям в ЕС. Для определения национальных особенностей используется пример Свободной демократической партии (СвДП) Германии как одного из участников АЛДЕ. Автор характеризует эволюцию развития экологической повестки обеих партий, определяет её место в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), а также исследует конкуренцию с Европейской партией зелёных и «Союзом 90/Зелёные». Для этого было проведено сравнение предвыборных манифестов и программ партий, а также проанализированы опросы общественного мнения, результаты выборов и материалы партийных Конгрессов.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КУРСА АЛДЕ

Существенный рост позиций группы «Обновляя Европу», в которую входят ЕДП и АЛДЕ, получен благодаря наиболее удачному выступлению на выборах Альянса. Одной из причин такого результата стала существенная трансформация экологической риторики партии, хотя ранее данная повестка не являлась приоритетной.

Сравнительный анализ предвыборных манифестов 2014 и 2019 гг. показал, что изменение климата превалировало над другими экологическими проблемами в обоих текстах, но документ 2019 г. отличался конкретными предложениями (сокращение выбросов на 55%, что больше действовавших тогда 40%). Одновременно высказывалась поддержка уже установленным мерам, в т.ч. Целям устойчивого развития ООН, Системе торговли выбросами. Новыми темами, наряду с упоминавшимися в 2014 г. устойчивым сельским хозяйством и переходом к низкоуглеродной экономике, стали проблема загрязнения пластиком, здоровье океана и др. [Manifesto - A Europe that..., p.1-8; Freedom, opportunity, prosperity..., p.1-12]

М. Вестагер, кандидат от АЛДЕ, выступая на дебатах *Spitzenkandidaten* (ведущих кандидатов от партии на пост Президента Европейской комиссии), как и ее коллега С. Келлер от «Европейских зелёных», сделала большой акцент на экологических проблемах. Она упомянула изменение климата во вступительном монологе, а затем затронула экологические аспекты в миграционной и внешнеполитической рубриках. [Debate of the candidates...] В её риторике популярная экоповестка была связана с другими проблемами, вызывающими наибольшее беспокойство на национальном (безработица) и наднациональном (миграция) уровнях.

Подобная активность привела к укреплению позиций партии в странах, население которых уделяет большое внимание проблемам экологии, Бельгии, Дании, Люксембурге, Нидерландах, Финляндии, Чехии и Эстонии, и позволила АЛДЕ получить более 80 мест в парламенте. Согласно опросам, среди национальных проблем вопросы окружающей среды, климата и энергетики на первое место поставили граждане Бельгии, Германии, Дании, Нидерландов и Швеции. Тогда как среди наднациональных отдельно изменение климата превалирует в Дании, Финляндии, Франции и Швеции. В Люксембурге это второе и третье места. От Франции к «Обновляя Европу» присоединился сразу 21 депутат, хотя не все представляемые ими национальные партии — члены АЛДЕ. Результаты выборов в Швеции также высоки (третье место).

При этом, с 2018 г. экологическая ориентация сильнее всего выросла в Нидерландах и Дании [Special Eurobarometer 486..., p.5-18]. В частности, ряд исследователей (А. Вихма и др.) считают, что Датская народная партия потеряла часть своих мест в сравнении с созывом 2014 г. именно из-за недостаточного внимания к проблеме изменения климата [Vihma, Reischl, Andersen, Berglund, p. 32,

36]. При сравнении составов делегации Дании в 2014 и 2019 гг., становится понятно, что большая часть потерянных мест отошла именно к АЛДЕ. Тогда как интерес избирателей к Альянсу только косвенно связан с происхождением М. Вестагер, на национальном уровне члена «Радикальной Венстре» (Социал-либеральной партии).

После выборов, даже во время пандемии COVID-19, АЛДЕ продолжил курс на развитие экологической повестки. Осенью 2020 г. Европейская комиссия предложила сократить выбросы на 55% к 2030 г., но входящие в Европейский парламент АЛДЕ, вместе с ЕДП и партиями, формирующими группы «Зелёные — Европейский свободный альянс», «Левые в Европейском парламенте — ЕОЛ/ЛЗС» и Прогрессивный альянс социалистов и демократов, проголосовали за цель в 60%. Европейская народная партия высказалась против. [Oroschakoff] Учитывая процедурные особенности в процессе принятия решений в Европейском союзе, где помимо Европарламента задействован также Совет ЕС, итоговая отметка в 55% была сохранена.

Предлагаемые партиями показатели коррелируют с традиционным отношением групп, формируемых Европейской народной партией, Партией европейских консерваторов и реформистов и Партией идентичности и демократии к числу «динозавров», подразумевая недостаточное внимание к проблеме климата. [Defenders, Delayers, Dinosaurs..., p.4] В 2019 г. Ф. Тиммерманс, ныне ответственный в Европейской комиссии за европейскую «Зелёную сделку» отметил: «...Вебер [кандидат на пост Президента Европейской комиссии от Европейской народной партии в 2019 г.] и ЕНП — динозавры, которые не смогли добиться результатов за последние пять лет». [Timmermans]

«Обновляя Европу» в последние годы становится ближе к «защитникам» климата, нежели к «тормозящим». Данную закономерность отмечают эксперты независимой организации VoteWatch Europe, которые сделали вывод, что рост внимания к экологической проблематике может привести АЛДЕ к союзам с социал-демократами, «зелёными», но не христианскими демократами или скептиками. [Climate: How Do MEPs..., p.6]

Приоритет проблемы климатических изменений прослеживается в риторике Конгрессов партии (в 2017 г. в Амстердаме, в 2019 г. в Афинах и в 2020 г. онлайн). В 2020 г. список приоритетов из изменения климата, миграционного и экономического кризисов, Brexit и роста популизма пополнил COVID-19. [ALDE input to the...]

В сравнении с «Европейскими зелёными» АЛДЕ более сдержан, пытается сочетать экологическую ответственность с экономическим развитием и социальным прогрессом для устойчивого развития, тогда как «зелёные» неоднократно (например, М. Вебером в 2019 г.) обвинялись в завышении целей. [Debate of the candidates...] В 2021 г. Альянс поддержал блокирование на Конференции Президентов инициативы по проведению пленарного голосования по остановке строительства газопровода «Северный поток-2». [Taylor] В свою очередь, группа «Зелёные – Европейский свободный альянс» в 2019 г. подвергла ответной критике нежелание АЛДЕ (и ряда других партий) голосовать по резолюции, касающейся сохранения пострадавших от пожара тропических лесов Амазонии. [What's coming up in...]

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СВДП К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ В ГЕРМАНИИ И ЕС

ФРГ традиционно считается неформальным лидером Европейского союза, потому пример её Свободной демократической партии Германии как члена АЛДЕ показателен. Исторически, СвДП одна из основательниц Федерации либеральных и демократических партий Европы (позднее АЛДЕ) в 1976 г. В последние годы наблюдается положительная динамика поддержки СвДП. В 2013 г. свободные демократы не прошли 5% барьер, а уже в 2017 партия получила 80 мест в

Бундестаге, одновременно количество мест в Европарламенте выросло с 3 до 5. [European Parliament election 2019; 2017 Bundestag Election: final...]

На европейских выборах шансы для национальных партий коррелируют с концепцией выборов «второго порядка» К. Райфа и Г. Шмитта, согласно которой выборы в Европарламент вторичны в сравнении с национальными парламентскими выборами. На них влияют внутригосударственные циклы и проблемы, присутствуют более низкая явка и увеличивается шанс для малых партий. [Reif, Schmitt, p. 8-10] В 2017 г. на выборах в Бундестаг явка составила — 76.2%, тогда как в 2019 г. в Европарламент уже 61.4%. Кроме того, на момент европейских выборов была середина срока созыва Бундестага, сопровождавшаяся проблемами в коалиции ХДС/ХСС и СДПГ. В то же время, считавшийся долгое время малой партией «Союз 90/Зелёные» впервые в своей истории получил второе место после ХДС/ХСС как раз из-за популярности экологических проблем. Согласно опросу 2019 г., они оказались на первом месте для граждан среди важных национальных проблем. [Special Eurobarometer 486...,p.8] При этом годом ранее 50% респондентов посчитали, что о климате заботится только «Союз 90/Зелёные». [ARD-Deutschlandtrend..., p.7] Среди наднациональных проблем в 2019 г. изменение климата было для граждан страны также в приоритете, уступая только миграции. [Special Eurobarometer 486...,p.14] Последнее обосновывает прирост антииммигрантской «Альтернативы для Германии». В сравнении с «зелёными» СвДП получила на 16 мест меньше, хотя в 2017 г. обогнала их на 13 мест.

Исторически СвДП не обращала большого внимания на экологическую проблематику, хотя и включала данную повестку в программы. Одним из ключевых противоречий партии с экологическим курсом страны является «энергетический поворот» (отказ от углеводородного топлива и ядерной энергетики в пользу возобновляемых источников энергии), который расходится с взглядами партии на социальную рыночную экономику. В 2009 г. СвДП, как и партнёр по «чёрно-жёлтой коалиции» ХДС/ХСС, выступала против поэтапного отказа от атомной энергетики. [The German National Election..., p.62] После трагедии на японской атомной электростанции (АЭС) «Фукусима-1» СвДП неохотно поддержала его, посчитав вынужденной мерой [FDP distanziert sich von...], намерение было подтверждено в программе 2013 г. Критически партия относится и к Закону о возобновляемых источниках энергии, объясняя это нежеланием плановой экономики, фиксированных цен на электроэнергию и чрезмерных субсидий как наследия «красно-зелёной» коалиции (СДПГ и «Союз 90/Зелёные»). [Bürgerprogramm 2013..., p.15, 74]

В 2019 г. на открытии Конгресса, где была утверждена программа на европейские выборы, лидер СвДП К. Линднер заострил внимание на проблемах популизма, национализма, прав человека, Brexit и лишь в конце обратился к климату, ограничившись критикой дорогостоящих методов по отказу от угольной энергетики к 2038 г., настаивая на достаточности и эффективности Системы торговли выбросами. [Diese Europawahl wird eine...] Несмотря на характерный для немецких избирателей интерес к экологии, в программе раздел по борьбе с изменением климата является самым маленьким, а другие экологические направления интегрированы в остальные разделы. [Europas Chancen nutzen...,p.86-95]

Переориентация СвДП на климатическую повестку идёт медленнее, чем у АЛДЕ. В 2014-2015 гг. экологические проблемы не входили в шесть основных заявленных целей. Зато в списке приоритетных социально-политических проблем от 2020 г. изменение климата фигурирует наравне с COVID-19. [Leitbildprozess; Beschluss des Bundesvorstands der...] В результате, тот факт, что граждане ассоциируют экологическую повестку преимущественно с «Союзом 90/Зелёные», не случаен и

основан не только на тематической ориентации партии, но и на меньшем внимании к данному вопросу других партий (в частности, от СвДП).

Рост озабоченности экологическими проблемами в Германии привёл к пику их популярности в сентябре 2019 г. Затем последовал спад в марте 2021 г. из-за COVID-19, за которым последовал новый рост с промежуточным наиболее высоким результатом в июне 2021 г. Граждане отводят им второе место после пандемии, интерес к которой снижается. [Was ist Ihrer Meinung...] Это подтверждает популярность «Союза 90/Зелёные», который на май 2021 г. опережает ХДС/ХСС на 2%. Согласно опросам, за «зелёных» проголосовали бы 26%, а за либерал-демократов только 11%. [Welche Partei würden Sie...] Данная отметка только на 0.3% выше, чем результаты партии на выборах в 2017 г.

В 2021 г. национальные партии серьёзнее подходят к проблемам изменения климата. Так, «Левая партия» даже назвала программу «Время действовать. За социальную безопасность, мир и климатическую справедливость!». В то время как СвДП, несмотря на упоминание климата уже в преамбуле, по-прежнему придерживается традиционных взглядов, критикуя поэтапный отказ от угольной и атомной энергетики, настаивая на социальной рыночной экономике и конкуренции, предлагая инновации вместо запретов. Партия критикует отказ от двигателей внутреннего сгорания с надбавкой к тарифам в соответствии с Законом о возобновляемых источниках энергии, взамен предлагая расширить Систему торговли выбросами. С точки зрения партии, это станет стимулом для сокращения выбросов, ввиду дороговизны сертификатов. К другим заявленным экологическим приоритетам СвДП можно отнести расширение лесных площадей в мире и экономику замкнутого цикла. [Nie gab es mehr...,p.22, 49, 50, 67]

В период COVID-19 экологические проблемы не перестают быть в центре внимания ЕС и Германии. Экологическая повестка требует адаптации национальных и европейских партий, претендующих на упрочнение позиций. В 2019 г. АЛДЕ преумножила и без того весомые позиции практически вдвое. Одной из причин успеха является её ориентация на экологию с акцентом на изменении климата. Партии удалось видоизменить курс, приблизившись к наиболее экологически ориентированной Европейской партии зелёных.

СвДП меняется медленней. После выборов 2019 г. она улучшила свои позиции, получив три дополнительных места, но это достаточно скромно. Партия в большей мере выступает не в поддержку экологических реформ, а с критикой ряда действующих климатических мер, таких как отказ от атомной и угольной энергетики. В результате, место партии, получающей голоса за счёт экологической ориентации, занято «Союзом 90/Зелёные», который перестаёт быть малой партией и на выборах 2021 г. в Бундестаг впервые претендует на то, чтобы стать второй или даже первой силой. Другие немецкие партии после успеха «зелёных» на выборах в Европарламент тоже начали адаптацию, но их дальнейший рост зависит и от трансформаций блока «Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз» (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Список литературы

Зонова Т.В. Выборы 2019 года: еврооптимисты против евроскептиков // Современная Европа. 2019 Т. 3. № 89. С. 62–69. DOI:10.15211/soveurope320196269

Клочкова Ю.А. Формирование партийной системы европейского союза. 2.09.2021. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/454> (дата обращения: 02.09.2021).

Ригерт Б., Коваль И. Главное о результатах выборов в Европарламент. 27.05.2019. URL: <https://p.dw.com/p/3J9Hr> (дата обращения: 16.05.2021).

ALDE input to the Conference on the Future of Europe. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/aldeparty/pages/3968/attachments/original/1605781369/001__ALDE_input_to_the_Conference_on_the_Future_of_Europe.pdf?1605781369 (accessed: 27.05.2021).

ARD-Deutschlandtrend. November 2018. Eine Studie zur politischen Stimmung im Auftrag der ARD-Tagesthemen und der Tageszeitung DIE WELT. Berlin: Infratest dimap, 2018. 14 S.

Bachl M., Brettschneider F. The German National Election Campaign and the Mass Media // German Politics. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 51-74. DOI:10.1080/09644008.2011.554100

Beschluss des Bundesvorstands der FDP, Berlin, 18. Mai 2020. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2020-05/8614-2020-05-18-buvo-freiheit-und-verantwortung-fur-die-zukunft.pdf> (accessed: 21.05.2021).

Bürgerprogramm 2013. Programm der Freien Demokratischen Partei zur Bundestagswahl 2013. Berlin: Altmann-druck GmbH, 2013. 104 S.

Climate: How Do MEPs Vote? APRIL 2021. Brussels: VoteWatch Europe, 2021. 26 p.

Debate of the candidates for the presidency of the European Commission. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c8WBM9ZAmTk> (accessed: 26.05.2021).

Defenders, Delayers, Dinosaurs. Ranking of EU Political Groups & National Parties on Climate Change. Brussels: Climate Action Network Europe, 2019. 38 p.

Diese Europawahl wird eine Gestaltungswahl für die Zukunft Europas. URL: <https://www.fdp.de/diese-europawahl-wird-eine-gestaltungswahl-fuer-die-zukunft-europas> (accessed: 27.05.2021).

Europas Chancen nutzen. Das Programm der Freien Demokraten zur Europawahl 2019. Berlin: FDP-Bundesgeschäftsstelle, 2019. 150 S.

European Parliament election 2019. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/europawahlen/2019/ergebnisse/bund-99.html> (accessed: 02.09.2021).

FDP distanziert sich von der Energiewende. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13416271/FDP-distanziert-sich-von-der-Energiewende.html> (accessed: 26.05.2021).

Timmermans F. (TimmermansEU). «We need to act urgently on climate change. The longer we wait, the more people will suffer. And Weber and the EPP are dinosaurs who have failed to deliver in the past five years. Its Time to act on climate change.» // Twitter. 15.05.2019. URL: <https://twitter.com/timmermanseu/status/1128755871637495809?lang=ru> (accessed: 26.05.2021).

Freedom, opportunity, prosperity: the Liberal Vision for the Future of Europe. Madrid: ALDE Party, 2018. 12 p.

Leitbildprozess. URL: <https://www.fdp.de/seite/leitbildprozess> (accessed: 28.05.2021).

Manifesto - A Europe that Works. London: ALDE Party, 2013. 8 p.

Nie gab es mehr zu tun. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021. Berlin: FDP-Bundesgeschäftsstelle, 2021. 75 S.

Oberthür S., Groen L. The European Union and the Paris Agreement: Leader, Mediator, or Bystander? // WIREs Climate Change. 2017. Vol. 8. No. 1. P.1-8. DOI: 10.1002/wcc.445

Oroschakoff K. European Parliament backs 2030 emissions cuts of 60 percent // Politico. 7.10.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/european-parliament-backs-2030-emissions-cuts-of-60-percent/> (accessed: 20.03.2021).

Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8. No. 1. P. 3-44.

Special Eurobarometer 486 «Europeans in 2019». Brussels: Kantar, 2019. 170 p.

Special Eurobarometer 501: Attitudes of European Citizens towards the Environment. Brussels: Kantar, 2020. 160 p.

Taylor Kira. Mainstream parties block ECR resolution to force vote on Nord Stream 2 // EurActiv. 30.04.2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/mainstream-parties-block-ecr-resolution-to-force-vote-on-nord-stream-2/> (accessed: 27.05.2021).

Vihma A., Reischl G., Andersen A., Berglund S. Climate Change and Populism: Comparing the Populist Parties' Climate Policies in Denmark, Finland and Sweden. Ed.64. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2020. 104 p.

Was ist Ihrer Meinung nach gegenwärtig das wichtigste Problem in Deutschland? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1062780/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-in-deutschland/> (accessed: 16.06.2021).

Welche Partei würden Sie wählen, wenn am Sonntag (30. Mai 2021) Bundestagswahl wäre? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/953/umfrage/aktuelle-partiepraferenz-bei-bundestagswahl/> (accessed: 27.05.2021).

What's coming up in Parliament? Greens/EFA priorities – plenary session 16-19 September 2019. Hungary – Rule of law. URL: <https://www.greens-efa.eu/en/article/news/whats-coming-up-in-parliament-8510> (accessed: 26.05.2021).

2017 Bundestag Election: final result. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/en/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html (accessed: 02.09. 2021).

References

ALDE input to the Conference on the Future of Europe. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/aldeparty/pages/3968/attachments/original/1605781369/001_-_ALDE_input_to_the_Conference_on_the_Future_of_Europe.pdf?1605781369 (accessed: 27 May, 2021).

ARD-Deutschlandtrend (2018). November 2018. Eine Studie zur politischen Stimmung im Auftrag der ARD-Tagesthemen und der Tageszeitung DIE WELT. Berlin: Infratest dimap. 14 S.

Bachl, M., Brettschneider, F. (2011) The German National Election Campaign and the Mass Media // *German Politics*. No 1. P. 51-74. DOI:10.1080/09644008.2011.554100

Beschluss des Bundesvorstands der FDP. Berlin, 18. Mai 2020. URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2020-05/8614-2020-05-18-buvo-freiheit-und-verantwortung-fur-die-zukunft.pdf> (accessed: 21 May, 2021).

Bürgerprogramm 2013. Programm der Freien Demokratischen Partei zur Bundestagswahl 2013 (2013). Berlin: Altmann-druck GmbH. 104 S.

Climate: How Do MEPs Vote? APRIL 2021 (2021). Brussels: VoteWatch Europe. 26 p.

Debate of the candidates for the presidency of the European Commission. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c8WBM9ZAmTk> (accessed: 26 May, 2021).

Defenders, Delayers, Dinosaurs. Ranking of EU Political Groups & National Parties on Climate Change (2019). Brussels: Climate Action Network Europe. 38 p.

Diese Europawahl wird eine Gestaltungswahl für die Zukunft Europas. URL: <https://www.fdp.de/diese-europawahl-wird-eine-gestaltungswahl-fuer-die-zukunft-europas> (accessed: 27 May, 2021).

Europas Chancen nutzen. Das Programm der Freien Demokraten zur Europawahl 2019 (2019). Berlin: FDP-Bundesgeschäftsstelle. 150 S.

European Parliament election 2019. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/europawahlen/2019/ergebnisse/bund-99.html> (accessed: 2 September, 2021).

FDP distanziert sich von der Energiewende. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article13416271/FDP-distanziert-sich-von-der-Energiewende.html> (accessed: 26 May, 2021).

Timmermans, F. (TimmermansEU) (2019). «We need to act urgently on climate change. The longer we wait, the more people will suffer. And Weber and the EPP are dinosaurs who have failed to deliver in the past five years. Its Time to act on climate change.», Twitter, 15 May. URL: <https://twitter.com/timmermanseu/status/1128755871637495809?lang=ru> (accessed: 26 May, 2021).

Freedom, opportunity, prosperity: the Liberal Vision for the Future of Europe (2018). Madrid: ALDE Party. 12 p.

Klochkova, Yu. (2021). Formirovanie partijnoj sistemy evropejskogo soyuza [Formation of the political party systems of the European Union]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/454> (accessed: 2 September, 2021). (In Russian).

Leitbildprozess. URL: <https://www.fdp.de/seite/leitbildprozess> (accessed: 28 May, 2021).

Manifesto - A Europe that Works (2013). London: ALDE Party. 8 p.

Nie gab es mehr zu tun. Das Wahlprogramm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021 (2021). Berlin: FDP-Bundesgeschäftsstelle. 75 S.

Oberthür, S., Groen, L. (2017). The European Union and the Paris Agreement: Leader, Mediator, or Bystander?, *WIREs Climate Change*, No 1. P. 1-8. DOI: 10.1002/wcc.445

Oroschakoff, K. (2020). European Parliament backs 2030 emissions cuts of 60 percent // Politico. 7 October. URL: <https://www.politico.eu/article/european-parliament-backs-2030-emissions-cuts-of-60-percent/> (accessed: 20 March, 2021).

Reif, K., Schmitt, H. (1980). Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // *European Journal of Political Research*. No 17. P. 3-44.

Rigert, B., Koval, I. (2019). Glavnoe o rezul'tatah vyborov v Evroparlament [Main about results of the European elections]. URL: <https://p.dw.com/p/3J9Hp> (accessed: 16 May, 2021). (In Russian).

Special Eurobarometer 486 «Europeans in 2019» (2019). Brussels: Kantar. 170 p.

Special Eurobarometer 501: Attitudes of European Citizens towards the Environment (2020). Brussels: Kantar. 160 p.

Taylor, K. (2021). Mainstream parties block ECR resolution to force vote on Nord Stream 2, EurActiv, 30 April. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/mainstream-parties-block-ecr-resolution-to-force-vote-on-nord-stream-2/> (accessed: 27 May, 2021).

Vihma, A., Reischl, G., Andersen, A., Berglund, S. (2020) Climate Change and Populism: Comparing the Populist Parties' Climate Policies in Denmark, Finland and Sweden. Ed.64. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. 104 p.

Was ist Ihrer Meinung nach gegenwärtig das wichtigste Problem in Deutschland? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1062780/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-in-deutschland/> (accessed: 16 June, 2021).

Welche Partei würden Sie wählen, wenn am Sonntag (30. Mai 2021) Bundestagswahl wäre? URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/953/umfrage/aktuelle-partiepraferenz-bei-bundestagswahl/> (accessed: 27 May, 2021).

What's coming up in Parliament? Greens/EFA priorities – plenary session 16-19 September 2019. Hungary – Rule of law. URL: <https://www.greens-efa.eu/en/article/news/whats-coming-up-in-parliament-8510> (accessed: 26 May, 2021).

Zonova, T.V. (2019). Vybory 2019 goda: evrooptimisty protiv evroskeptikov [Elections of 2019: Eurooptimists vs Eurosceptics] // *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*. No 3 (89). P. 62-69. (In Russian). DOI:10.15211/soveurope320196269
2017 Bundestag Election: final result. URL:
https://www.bundeswahlleiter.de/en/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2017/34_17_endgueltiges_ergebnis.html (accessed: 2 September, 2021).

Ю.Ю. КОЛОТАЕВ
ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ЦИФРОВЫМ УГРОЗАМ В ЕС

Аннотация. Современное информационное пространство характеризуется наличием множественных угроз, связанных с распространением вредоносного и ложного контента в сети Интернет и социальных сетях. Дезинформация и фейковые новости становятся элементом цифровой повседневности, однако в условиях появления экзистенциальных угроз наличие ложной информации может принципиально усложнить функционирование общества. 2020 год продемонстрировал это на примере пандемии COVID-19 и последовавшей на её фоне инфодемии. Неопределённость в совокупности с дезинформирующим потенциалом цифровых сетей привели к подрыву доверия к официальным властным институтам в разных регионах мира. Одним из подобных регионов стала Европа, в которой противодействие дезинформации происходило сразу на нескольких уровнях. На наднациональном уровне этой деятельностью занимался Европейский союз (ЕС), разработавший специальный подход к борьбе с дезинформацией. Данная статья направлена на изучение опыта ЕС в представленной области, выявление положительного опыта и имеющихся противоречий. Исследование основано на системной логике, а также концепции стрессоустойчивости, являющейся одновременно и теоретическим подходом, и логикой управленческой практики. Изученный европейский опыт противодействия цифровым угрозам в контексте пандемии выявил, что основой стратегии ЕС является вовлечение различных групп интересов в процесс саморегуляции и адаптации под угрозу. Вместе с тем Евросоюз сталкивается с проблемами и искажениями, обусловленными принятой стратегией. К ним относятся политизированность европейского подхода к дезинформации, экстернализация угроз и явная нормативная детерминанта в действиях. Имеющаяся динамика демонстрирует, что ЕС движется к закреплению имеющихся наработок в сфере борьбы с дезинформацией на законодательном уровне, но на данный момент сохраняется добровольный характер имеющихся практик, а также нехватка четкого разграничения ответственности национального и наднационального уровней управления.

Ключевые слова: дезинформация, фейки, инфодемия, Европейский союз, пандемия, цифровые угрозы, стрессоустойчивость

Автор: Колотаев Юрий Юрьевич, аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yury.kolotaev@mail.ru

YURY KOLOTAEV
DISINFORMATION IN TIMES OF PANDEMIC:
EXPERIENCE OF THE EU IN TACKLING NEW DIGITAL THREATS

Abstract. The information space features multiple threats associated with the spread of harmful and deceptive content through social networks. Disinformation and fake news are becoming an integral part of digital life. The existence of false and misleading information can fundamentally impede the functioning of society. The COVID-19 pandemic and subsequent infodemic have proved this. Uncertainty undermined trust in official institutions in different parts of the world, including Europe. In this region digital threats are countered at several levels at once. At the supranational level, the European Union (EU) developed a special approach to tackle disinformation. This article analyses how the EU handles this threat and what are the strengths and limitations of the EU's strategy. The study draws upon system logic and resilience theory. The EU's actions in countering digital threats in the context of the pandemic revealed that the EU strategy is primarily based on the

involvement of various stakeholders in self-regulation and adaptation to the threat. At the same time, the EU experiences several negative factors inherent to the strategy. These include the politicization of the EU's approach to disinformation, the externalization of threats, and an explicit normative component in the EU's action. Nevertheless, the EU is striving to make the already existing achievements in combating disinformation legally binding. Still, existing practices and regulations remain non-binding and a clear division of responsibilities between the national and supranational levels is still lacking.

Keywords: disinformation; fakes; infodemic; European Union; pandemic; digital threats; resilience

Author: Yury Kolotaev, PhD student, School of International Relations, Saint Petersburg State University, e-mail: yury.kolotaev@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

С начала пандемии COVID-19 быстрее, чем сам вирус, распространялась дезинформация о нём. Интенсивность и разнообразие ложных сведений, способных потенциально нанести вред здоровью граждан или подорвать уровень доверия к действиям властей, породили такое явление как инфодемия. Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), инфодемия представляет собой ситуацию, когда циркулирует *«слишком большой объем ложной и вводящей в заблуждение информации в цифровой и физической среде во время вспышки болезни»* [Infodemic]. Речь прежде всего идёт об ошибочных сведениях, опасных слухах, конспирологических теориях и мошенничестве, связанных со здравоохранением.

Инфодемия была признана угрозой сразу на нескольких уровнях. Вместе с ВОЗ на проблему обратили внимание и другие организации, входящие в систему ООН [The Pandemic and the Infodemic; UN tackles 'infodemic' of misinformation]. Распространение дезинформации о COVID-19 было воспринято всерьёз и на региональном уровне. Европейский союз (ЕС) отреагировал на угрозу в контексте уже имеющейся стратегии противодействия дезинформации. В своём заявлении Заместитель председателя Европейской комиссии Вера Йоурова указала, что «пандемия COVID-19 — это просто напоминание об огромной проблеме различных форм дезинформации и цифровых мистификаций» [Speech of Vice President Věra Jourová].

Несмотря на всеохватывающий и негативный характер инфодемии, ЕС ещё до появления угрозы занимался разработкой своей собственной стратегии противодействия дезинформации. Вместе с тем, коронавирус и ложные сведения о нём продемонстрировали разнообразие и большую сложность самой проблемы, что заставило ЕС адаптироваться под изменившиеся условия.

В рамках данной статьи оцениваются характерные черты трансформации политики ЕС по противодействию дезинформации в контексте инфодемии. Статья направлена на определение ключевых особенностей имеющегося у институтов ЕС опыта в противодействии цифровым угрозам в условиях пандемии. Исследование особенно акцентирует внимание на сочетании динамики и преемственности, которая наблюдается в действиях ЕС.

Для наблюдения за этим сочетанием автором используется системный анализ. Теоретической основой исследования является концепция стрессоустойчивости (resilience theory) [Chandler, Coaffee]. Стрессоустойчивость является одной из основных концепций управления в ЕС, проистекающих из представлений о реакциях на вызовы, а также способности системы адаптироваться к различным угрозам. Отражение имеющихся опасностей в ключе системного воздействия позволяет сфокусироваться на ресурсах, используемых для сохранения устойчивости сообщества.

ПОДХОД ЕС К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ИНФОДЕМИИ КАК СИНТЕЗ ИМЕЮЩЕГОСЯ ОПЫТА И ОТВЕТА НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Сама проблема пандемии и инфодемии была чётко артикулирована в заявлении членов Европейского Совета в марте 2020 [Joint statement]. В заявлении указывалось, что противодействие дезинформации – это один из стратегических приоритетов ЕС в борьбе с ковидом. При этом к началу 2020 г. ЕС уже имел комплексную стратегию и план мер против дезинформации, ставший результатом многолетней политики, которая была начата ещё в 2015 г. с создания Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force). В дальнейшем подход Евросоюза к противостоянию информационной угрозе последовательно прошёл несколько этапов развития. В частности, в 2018 г. был разработан План противодействия дезинформации [European Commission, 2018], на основе которого в дальнейшем появилась система быстрого реагирования, были закреплены параметры действия Кодекса практик онлайн-платформ [Code of Practice on Disinformation], а также развиты другие инициативы в сфере медиаграмотности [European Digital Media Observatory].

С точки зрения системных свойств ЕС, предпринятые ранее меры можно охарактеризовать как «адаптивные», т.к. им свойственен акцент на внутреннем потенциале союза и его граждан [Romanova, Sokolov, Kolotaev]. Они стремятся черпать средства устранения угрозы из ресурсов системы, а именно из навыков и способностей граждан, а также из самостоятельных действий платформ, на которых дезинформация распространяется. Однако не всем уровням ЕС свойственна именно адаптивная модель. Так, среди стран-членов (в частности, государств Центральной и Юго-Восточной Европы) наблюдается частое использование патерналистских мер [Pitruzzella and Pollicino]. Аналогичное стремление к ограничительному характеру действий можно наблюдать и в рамках таких органов Евросоюза, как Европейская служба внешних связей [Romanova, Sokolov, and Kolotaev].

В контексте пандемии ЕС был вынужден дополнить свою стратегию в соответствии с новыми вызовами. Если ранее дезинформация была связана с *выборами и информационными вбросами*, то теперь с *ложными сведениями о вирусе, методах лечения, вакцине или действиях властей*. Соответственно ответные меры на дезинформацию стали составной частью общеевропейской стратегии борьбы с пандемией и одновременно вошли в комплекс уже существующих мер по борьбе с фейками. Ключевым документом стало Совместное сообщение Европейской комиссии от 10 июня 2020 г. под названием «Борьба с дезинформацией о COVID-19» [European Commission. Joint Communication Tackling COVID-19 Disinformation]. В Сообщении отмечалось 6 направлений работы: *коммуникация, кооперация, прозрачность, свобода слова, гражданская инициатива и общественная осведомлённость*.

Расставленные акценты указывают, что ЕС принципиально не отказался от адаптивного решения проблемы. Ресурсы, к которым обращается интеграционное объединение, связаны с внутренним потенциалом открытого и демократичного общества. Каждое из обозначенных направлений предлагает свои механизмы, объединённые в четыре наиболее принципиальных решения по противодействию инфодемии и дезинформации:

1. Акцент на гражданских инициативах и фактчекинге. Исходя из системной логики, ключевым звеном в европейской стратегии выступают сами граждане, активно способствующие нераспространению дезинформации. Особая роль отводится медиаграмотности, которая должна развиваться через сеть национальных и наднациональных информационных центров, объединённых единой европейской структурой [European Digital Media Observatory].

2. Увеличение ответственности платформ за предоставляемый контент. Созданный ещё до пандемии кодекс стандартов, прежде всего этических, остался направляющим инструментом для цифровых платформ. Из всех задействованных сторон именно на них и ложится основной объем ответственности за противодействие дезинформации. Платформы обязаны в сложившейся ситуации заниматься модерацией и отчитываться перед ЕС в соответствии с кодексом практик за проделанный комплекс мер.

3. Создание внутренней системы быстрого предупреждения о потенциальных информационных атаках. Подобная система должна позволить странам ЕС взаимодействовать и обмениваться информацией для борьбы с инфодемией и фейками в оперативном режиме. На текущий момент этот механизм является наименее транспарентным.

4. Расширение стратегических коммуникаций. Основная ответственность за это направление лежит на Европейской комиссии и Европейской службе внешних связей. Сюда относится и постоянное информирование граждан ЕС, и создание доступных информационных ресурсов. Наиболее важным аспектом при этом становится поддержка проводимых Евросоюзом и странами-членами мер.

Исходя из представленных мер, ЕС выстраивает структуру своих действий с опорой на «мягкие» или добровольные инструменты. В большей степени представленные действия дублируют уже разработанные механизмы, помещая их в условия инфодемии. В системном отношении центром стратегии предпринимаемых мер становится взаимодействие трёх уровней действий: институты ЕС – платформы – граждане. При этом все три уровня стремятся находиться в одной горизонтальной плоскости. Именно такое соотношение уровней отражает адаптивность стратегии ЕС. В контексте системной стрессоустойчивости взаимное дополнение трёх уровней имеет потенциал создать наиболее гармоничное сочетание для сообщества, чтобы не просто справляться с информационным воздействием, но и иметь возможность эволюционировать.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕДПРИНЯТЫХ ЕС ДЕЙСТВИЙ

Вместе с тем перечень мер имеет несколько характерных особенностей, заставляющих сомневаться в полноценной эффективности политики ЕС по противодействию дезинформации в контексте пандемии.

Одной из ключевых черт, ослабляющих противодействие инфодемии, становится отсутствие в трёхуровневой логике взаимодействия (институты ЕС – платформы – граждане) чёткой роли для государств-членов Евросоюза. Несмотря на обращение и призывы к кооперации, остаётся не совсем ясным конечное сочетание действий национального и наднационального уровня. В контексте пандемии это дополняется отсутствием на начальном этапе распространения коронавируса в Европе скоординированного ответа и спланированных действий. Приоритет национальной безопасности над стандартами ЕС вызвал немало опасений о сохранении европейской солидарности и в контексте других угроз, к примеру миграции [Матюхова, с. 94-95]. Однако даже по мере восстановления взаимодействия стран-членов внутри интеграционного объединения, вопрос о роли государств при противодействии дезинформации остался открытым.

Этот вопрос является особенно сложным из-за того, что реальные и юридически обязывающие действия могут быть приняты на текущий момент только в отдельных государствах [Pitruzzella, Pollicino]. Как указывалось ранее, на наднациональном уровне предпринятые меры носят гибкий характер, что вызывает критику прежде всего кодекса практик. Будучи единственным средством регуляции и координации действий с платформами в этой области, ему недостаёт чётких стандартов и правил для мониторинга действий платформ. Именно в этой связи на сегодняшний день

речь идёт о создании новой редакции кодекса практик [Code of Practice on Disinformation]. Основные надежды на создание реальных обязательств возложены на принятие нового закона о цифровых услугах (Digital Services Act), предложенного Европейской комиссией и представленного на рассмотрение в Европейский парламент и Совет Европейского союза в конце 2020 г. [European Commission. Proposal for a Regulation].

Перечисленные противоречия имеют внутрисистемный характер. Однако важно обратить внимание, что существует и набор значительных «внешних» противоречий. К наиболее фундаментальным из них относится:

Частая политизация, определяющая дезинформацию как в большей степени *политически мотивированную проблему*. Это связано с преобладанием политики ЕС. Начатая ещё в 2015 г., она изначально концентрировалась именно на политических противоречиях, порождающих фейковые новости. В сущности, это категорически противоречит ситуации инфодемии, когда основным источником информации являются сами граждане ЕС, не обладающие исчерпывающими данными. Несмотря на вариативность распространяемых в сети ложных сведений, отмеченную в Совместном сообщении по дезинформации в период пандемии [European Commission. Joint Communication Tackling COVID-19 Disinformation], политическая мотивация намного чаще привлекает внимание ЕС, о чём свидетельствует и второе принципиальное противоречие;

Экстернализация проблемы, указывающая на *преимущественно внешний характер угрозы дезинформации*. Больше всего в политике Евросоюза очевиден акцент на российском и китайском информационном влиянии. При этом, если ранее в числе основных информационных оппонентов ЕС воспринимал Россию, то теперь перечень источников фейков разрастается. Это ведёт к тому, что упускается та часть дезинформации, которая генерируется внутри ЕС. Данная проблема была характерна ещё в период выборов в Европейский парламент в 2019 г. Теперь же она имеет конкретное проявление и в условиях инфодемии.

Нормативный аспект, *выраженный в подчёркнутой «демократичности» мер и их связи с логикой демократического управления*. ЕС, исходя из характерной для него политической линии (выраженной в позиционировании себя с точки зрения «нормативной силы»), выстраивает противодействие дезинформации на основе примата свободы слова. При явных достоинствах, связанных с уважением прав граждан, нормативная линия имеет и косвенное влияние, превращающее борьбу с дезинформацией в проблему, завязанную на характере политического режима.

Три указанных характеристики усложняют в разной степени эффективное противодействие дезинформации. Они, в частности, нарушают и установленную адаптивность политики ЕС. Главная проблема выражена в том, что политизация, экстернализация и нормативность несвойственны изначальной проблеме инфодемии. Но включение проблемы фейковой информации о пандемии в существующую модель действий привело к перенесению существовавших ранее паттернов поведения Евросоюза в плоскость новой угрозы. Сочетание сложившейся парадигмы с существующими внутренними и внешними противоречиями выявляет сложные внутрисистемные связи, характеризующие информационный ландшафт ЕС в условиях пандемии. Таким образом, вопросы стрессоустойчивости системы ставятся в зависимость не только от выработанной стратегии (носящей адаптивные характеристики), но и от практического её воплощения (выражающейся в определённой доли непоследовательности).

Важно обратить внимание и на дальнейшие перспективы. Фактор пандемии и инфодемии хоть и оказал значительное воздействие на трансформации понимания угрозы, но последние меры, принимаемые в этом направлении, указывают, что проблема дезинформации продолжает политизироваться. В принятом в конце 2020

г. Планы действий европейской демократии [European Commission. Communication] акцент вновь делается на внешнем воздействии, а также вопросах защиты избирательных процессов в странах-членах ЕС. При этом, в европейской политике начинают появляться показатели патерналистского или оградительного подхода к обеспечению стрессоустойчивости системы, выраженного в положениях, предусматривающих возможность введения санкций за информационные операции против Европейского Союза [Eszter].

Таким образом, инфодемия выявила в действиях ЕС несколько фундаментальных и острых противоречий, заложенных в политику противодействия дезинформации ещё на начальном этапе. Имеющийся в распоряжении ЕС комплекс мер был подстроен под новую угрозу, но вместе с этим угроза требует более широкой работы, чем адаптация старых мер. Необходимо и определённое переосмысление положения угрозы в системном контексте, позиционируя её не как внешнее свойство, а как часть единого информационного пространства.

Исходя из европейской политики в области противодействия дезинформации, можно сделать вывод, что в условиях пандемии национальные и наднациональные акторы ищут пути снизить не только прямую угрозу распространения вируса, но и пытаются обезопасить информационное пространство. ЕС пытается использовать проблему инфодемии как повод для дальнейшей интеграции и сплочения союза, т.к. включает отдельные формы противодействия дезинформации в компетенции наднационального уровня.

С точки зрения Евроюста, решением в борьбе с дезинформацией является симбиоз институтов ЕС – гражданского общества – платформ, т.е. вовлечение различных «стейкхолдеров» в процесс устранения угрозы. Но дисбаланс в пользу любой из вовлечённых сторон может привести к доминированию коммерческих интересов, цензуре или неэффективности. ЕС, понимая важность баланса, тем не менее, возлагает значительные обязательства на одну из сторон, а именно на онлайн-платформы. Вместе с тем в единой европейской стратегии отсутствует чёткое место и ответственность национальных регуляторов.

Другой значимой проблемой остаётся узкое понимание информационных угроз. Для большей эффективности необходимо, чтобы дезинформация понималась в широком смысле и не соотносилась лишь с отдельным источником, которым в контексте ЕС чаще всего становится Россия.

Общие результаты текущей деятельности Евросоюза указывают, что с системной точки зрения интеграционное объединение стремится уделить большее внимание адаптивному и саморегулирующемуся формату противодействия дезинформации. Этот подход, разработанный ещё до пандемии, носит долгосрочный характер. Но инфодемия показала, что ЕС нуждается и в более оперативных механизмах регулирования информационных угроз, что может привести к интеграции патерналистских практик в европейскую стратегию в дальнейшем.

В итоге, несмотря на наличие противоречий в политике ЕС, важно, что дезинформация как вызов для европейской системы закрепилась в политической и общественной повестке. Ключевым риском здесь остаётся сохранение фейков в качестве дискурсивного штампа, экстернализирующего угрозу. Но в противовес этому ЕС (как и другим национальным и наднациональным акторам) необходимо стремиться к систематическому и взвешенному пониманию дезинформации, т.к. в информационную эпоху подобные угрозы будут лишь множиться, а инфодемия – это лишь одна из их вариаций.

Список литературы

Матюхова Е. И. Миграционный вызов ЕС в условиях пандемии COVID-19: проявление солидарности или угроза сплоченности? // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. №. 4. С. 94-107. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>

Chandler D., Coaffee J. The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge, 2017. 420 p. <https://doi.org/10.4324/9781315765006>

Code of Practice on Disinformation // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/code-practice-disinformation> (accessed: 18.05.2021).

Eszter Z. EU Commission plans sanctions on disinformation // EUobserver. 04.12.2020. URL: <https://euobserver.com/political/150279> (accessed: 19.05.2021).

European Commission. Communication *On the European Democracy Action Plan*. COM/2020/790 Final. Brussels, 03.12.2020.

European Commission. Joint Communication *Action Plan Against Disinformation*. Join/2018/36 Final. Brussels, 5.12.2018.

European Commission. Joint Communication *Tackling COVID-19 Disinformation - Getting the Facts Right*. Join/2020/8 Final. Brussels, 10.6.2020.

European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council *On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive*. 2000/31/EC COM/2020/825 Final. Brussels, 15.12.2020.

European Digital Media Observatory // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-digital-media-observatory> (accessed: 18.05.2021).

Infodemic // World Health Organisation. URL: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (accessed: 17.05.2021).

Joint statement of the Members of the European Council. Brussels, 26.03.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf> (accessed: 18.05.2021).

Pitruzzella G., Pollicino O. *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective*. Milan: Bocconi University Press, 2020. 174 p.

Romanova T.A., Sokolov N.I., Kolotaev Y.Y. *Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania // Baltic Region*. 2020. Vol.12. P. 53–67. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-4>

Speech of Vice President Věra Jourová on countering disinformation amid COVID-19 «From pandemic to infodemic» // European Commission. 04.06.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1000 (accessed: 17.05.2021).

The Pandemic and the Infodemic: Disinformation in the Modern Age // UNESCO. 01.09.2020. URL: <https://en.unesco.org/news/pandemic-and-infodemic-disinformation-modern-age> (accessed: 17.05.2021).

UN tackles «infodemic» of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis // United Nations Department of Global Communications. 31.03.2020. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-‘infodemic’-misinformation-and-cybercrime-COVID-19> (accessed: 17.05.2021).

References

Chandler, D., Coaffee, J. (2017). The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge. 420 p. <https://doi.org/10.4324/9781315765006>

Code of Practice on Disinformation, European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/code-practice-disinformation> (accessed: 18.05.2021).

Eszter, Z. (2020). EU Commission plans sanctions on disinformation, EUobserver. 04 December. URL: <https://euobserver.com/political/150279> (accessed: 19.05.2021).

European Commission (2018). Joint Communication *Action Plan Against Disinformation*. Join/2018/36 Final. Brussels, 5 December.

European Commission (2020). Communication *On the European Democracy Action Plan*. COM/2020/790 Final. Brussels, 03 December.

European Commission (2020). Joint Communication *Tackling COVID-19 Disinformation - Getting the Facts Right*. Join/2020/8 Final. Brussels, 10 June.

European Commission (2020). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council *On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC*. COM/2020/825 Final. Brussels, 15 December.

European Digital Media Observatory, European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-digital-media-observatory> (accessed: 18.05.2021).

Infodemic // *World Health Organisation*. URL: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (accessed: 17 May, 2021).

Joint statement of the Members of the European Council. Brussels, 26 March 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf> (accessed: 18 May, 2021).

Matiukhova, E.I. (2020). Migracionnyj vyzov ES v usloviyah pandemii COVID-19: proyavlenie solidarnosti ili ugroza splochnosti? [Migration Challenges in the EU Amid the COVID-19 Pandemic: Fostering Solidarity or Threatening the Cohesion?] // *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]*. No. 4. P. 94-107. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/afij-2020-4-94-107>

Pitruzzella, G., Pollicino, O. (2020) *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective*. Milan: Bocconi University Press. 174 p.

Romanova, T.A., Sokolov, N.I., Kolotaev, Y.Y. (2020) Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania // *Baltic Region*. Vol.12. P. 53–67. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-4>

Speech of Vice President Věra Jourová on countering disinformation amid COVID-19 «From pandemic to infodemic», European Commission. 04 June 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1000 (accessed: 17.05.2021).

The Pandemic and the Infodemic: Disinformation in the Modern Age, UNESCO. 01 September 2020. URL: <https://en.unesco.org/news/pandemic-and-infodemic-disinformation-modern-age> (accessed: 17.05.2021).

UN tackles «infodemic» of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis, United Nations Department of Global Communications. 31 March 2020. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-‘infodemic’-misinformation-and-cybercrime-COVID-19> (accessed: 17.05.2021).

О.Ю. ВИХРОВА
ПРЕДПОСЫЛКИ АТОМИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС В
УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В 2020 году характерной чертой, присущей всем медиасистемам стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стала инфодемия, в условиях которой в фокус ведущих общественно-политических СМИ государств попадали, прежде всего, вопросы, касающиеся распространения COVID-19 на территории стран и регионов, а также связанные с этим фактом фейки (fakenews), порождаемые слухами, страхами и городскими легендами. Это явление не только не способствовало объединению информационных пространств государств-участников вокруг общей интеграционной тематики, но и привело к тому, что новостные повестки стран сузились до масштаба национальных, а евразийская тематика практически исчезла из ведущих средств массовой информации стран ЕАЭС. С целью выяснить, что представляла собой интеграционная повестка наиболее востребованных у аудитории России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии телевизионных каналов, а также печатных и онлайн-изданий до «COVID-искажения», в рамках предлагаемого исследования проведен контент-анализ 75 ведущих средств массовой информации стран-участниц с 1 октября по 31 декабря 2019 года. Этот период был выбран, так как в IV квартале еще отсутствовали события, оказывающие существенное влияние или искажающие повестку на протяжении длительного времени, как это произошло во второй половине I и II квартале 2020 года. Анализ предпосылок атомизации информационных пространств государств, предлагаемый в данной статье, был призван установить, оказала ли пандемия коронавирусной инфекции существенное значение на процессы национализации дискурса стран молодого интеграционного объединения или только усилила тенденции, главенствующие в медиапространстве ЕАЭС до пандемии.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, евразийская повестка, медиасистемы стран ЕАЭС, евразийская интеграция в СМИ.

Автор: Вихрова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, директор Центра евразийских медиаисследований факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: eurasiamsu@gmail.com

O. VIKHROVA
PREREQUISITES FOR THE ATOMIZATION OF THE EAEU INFORMATION SPACE
AMID THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. From the end of the first to the fourth quarter of 2020, infodemic became a characteristic feature inherent in all media systems of the countries of the Eurasian Economic Union, when primarily the issues related to the spread of COVID-19 in the countries and regions were in the focus of the leading social and political media of the states, as well as fakenews associated with this fact, generated by rumors, fear and urban legends. This phenomenon not only did not contribute to the unification of the information spaces of the member states around a common integration subject, but also led to the fact that the news agendas of the countries were narrowed to the national scale, and the Eurasian topics almost disappeared from the leading mass media of the Union countries. In order to find out what was the integration agenda of the most popular TV channels, as well as print and online publications, among the audience of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan before Covid-distortion, the content of 75 leading media of the member countries from October 1 to December 31, 2019 was analysed within the proposed study. This period was chosen since in Q4 there were no events that had a

significant impact or distorting the agenda for a long time, as happened in Q1 and Q2 2020. The analysis of the prerequisites for the atomization of the information spaces of the states proposed in this article was intended to establish whether the coronavirus pandemic had a significant impact on the processes of nationalization of the agendas of the countries of the young integration association or only strengthened the trends prevailing in the media space of the Union before the pandemic.

Keywords: EAEU, Eurasian Economic Union, Eurasian integration, EAEU media coverage, Eurasian integration in mass media, infodemic.

Author: Olga Vikhrova, PhD in Philology, CEO of the Eurasian Media Studies Center, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, e-mail: eurasiamsu@gmail.com

Впервые термин «инфодемия» был предложен журналистом The Washington Post Дэвидом Роткопфом в 2003 г. в статье, посвященной влиянию атипичной пневмонии на мировое информационное пространство. Значение этого термина автор пояснял как «факты, смешанные со страхом, спекуляциями и слухами, которые быстро преувеличиваются, передаются по всему миру с помощью современных информационных технологий и могут повлиять на национальную и международную экономику, политику и безопасность способами, которые совершенно несоразмерны реалиям происходящего» [Rothkopf]. Но в активное употребление слово вошло в 2020 году – в период глобального распространения коронавирусной инфекции. «Мы не просто боремся с эпидемией, мы боремся с инфодемией», – заявил генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Гебрейесус на встрече экспертов по внешней политике и безопасности в Мюнхене в середине февраля 2020 г., имея в виду ложные новости, которые «распространяются быстрее и легче чем сам вирус» [The United Nations ...]. В сентябре, после того, как ВОЗ призвал государства разработать планы действий по борьбе с инфодемией через содействие своевременному распространению достоверной информации и пресечению циркуляции ложных слухов о COVID-19, термин получил широкое распространение и вошел в речевой обиход массовой аудитории. По определению ВОЗ «инфодемия» — это чрезмерный объем информации о какой-либо проблеме, который затрудняет поиск ее решения. Данная информация может включать дезинформацию и слухи в период чрезвычайной ситуации в области здравоохранения. «Инфодемия может препятствовать эффективным ответным мерам со стороны общественного здравоохранения и вызывать замешательство, а также недоверие среди людей» [The United Nations ...].

Одной из первых на призыв к борьбе с инфодемией в контексте «общеввропейского ответа на пандемию COVID-19» откликнулась Европейская комиссия: «Пандемия коронавируса сопровождалась массивной волной ложной и вводящей в заблуждение информации, а также попытками иностранных игроков повлиять на внутренние дебаты в ЕС. <...> Европейский Союз и государства-члены полны решимости противодействовать усилиям субъектов, которые пытаются использовать кризис и распространяют пропаганду. Основываясь на плане действий по борьбе с дезинформацией от 2018 года, требуются более скоординированные действия в соответствии с нашими демократическими ценностями» [Tackling coronavirus...].

Страны Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия) уже на начальном этапе объединили усилия для борьбы с коронавирусной инфекцией и ее последствиями. «Поручаем правительствам, центральным (национальным) банкам государств – членов ЕАЭС и ЕЭК осуществлять скоординированные меры по профилактике и предотвращению распространения коронавирусной инфекции, укреплению нашего экономического

сотрудничества, сохранению стабильности функционирования внутренних, в том числе продовольственного, рынков, поддержке граждан наших государств и бизнеса для преодоления негативных последствий пандемии COVID-19.» - гласит совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета в связи с пандемией COVID-19 [Совместное заявление ...].

Но активизация реального взаимодействия государств ЕАЭС лишь в незначительной степени отразилась на интеграционной повестке в СМИ государств-участниц. Несмотря на предпринимаемые правительствами совместные действия, в I-IV кварталах 2020 г. в фокус ведущих общественно-политических СМИ стран ЕАЭС попадали, прежде всего, вопросы, касающиеся распространения COVID-19 на территориях отдельно взятых государств, а также связанные с этим фактом фейки (fakenews). Данное явление не только не способствовало объединению информационных пространств государств-участников вокруг общей интеграционной тематики, но и привело к тому, что новостные повестки стран сузились до масштаба национальных, а евразийская проблематика из них практически исчезла.

Ввиду наблюдавшегося в период пандемии COVID-19 внутри Евразийского экономического союза тематического информационного вакуума особого внимания заслуживает вопрос количественной оценки формируемой СМИ стран-участниц контент-базы для закрепления имиджа молодого регионального объединения в сознании аудитории, а также научный анализ тематической структуры евразийской повестки в допандемийный период. Анализ предпосылок для атомизации информационных пространств государств позволит установить, имела ли пандемия коронавирусной инфекции существенное значение для процессов национализации повесток стран молодого интеграционного объединения или она лишь усилила негативные тенденции, главенствующие в медиапространстве ЕАЭС до пандемии.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы участия и влияния СМИ на эффективность интеграционных процессов уже более двух десятилетий являются объектами исследований зарубежных ученых [Bruter, 2005; Latzer, 2006; Bijmans & Altides, 2007; Pfetsch, 2008; Menéndez Alarcón, 2010; DeVreese & Kandyla, 2011; Lohner, 2011; Polonska-Kimunguyi & Kimunguyi, 2011; Clement, 2015; Kevin, 2015; Fetoshi, 2017 и др.] Однако вопросы региональной интеграции на постсоветском пространстве в подавляющем большинстве работ отечественных исследователей с момента распада СССР по настоящее время рассматриваются в других контекстах.

Теоретические вопросы, касающиеся участия СМИ в формировании макрорегионов на постсоветском пространстве, напрямую или косвенно затрагиваются в работах российских и белорусских исследователей, посвященных информационной политике, а также медиапространствам стран СНГ и ЕАЭС [Струговец, 2011; Темирбулатов, Гурушкин, 2013; Попов, 2015; Венедиктов, 2016; Калюга, 2016; Гальцина, 2017; Дасаева, 2017; Поддубская, 2018; Вартанова, 2019; Венедиктов, 2019; Потребин, 2019; Вихрова, 2020].

Хотя сегодня страны объединены доступом в интернет и ИКТ, значительно облегчающим информационный обмен, медиасистемы государств длительное время развивались независимо друг от друга. До 1991 г. СМИ и журналистика Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России выстраивались на основании схожих принципов финансирования, редакционных стандартов и системах организации. Но спустя 3 десятилетия после распада СССР медиасистемы каждого из государств представляют совершенно разные модели, а изучение интеграционной повестки требует подробного эмпирического исследования отдельных групп национальных средств массовой информации. С целью выяснить, какие тематические компоненты

образа ЕАЭС и в каком объеме до пандемии предлагались массовой аудитории стран-участниц, был проведен количественный и качественный анализ новостного контента ведущих телеканалов, а также печатных и онлайн СМИ государств-участников в IV квартале 2019 г. Данный период является репрезентативным, так как в выбранные месяцы в государствах-членах ЕАЭС отсутствовали какие-либо события, оказывающие существенное влияние на повестку или искажающие ее на протяжении длительного времени.

Чтобы выявить тематические доминанты в освещении евразийской интеграции ведущими общественно-политическими СМИ до пандемии COVID-19, были сформулированы следующие задачи:

- посредством частотного и тематического анализа новостного контента ведущих телеканалов, а также печатных и онлайн СМИ государств-участников выявить, какие компоненты *образа интеграционного объединения*, влияющие на восприятие ЕАЭС населением стран, и в каком объеме, предлагались аудитории до I квартала 2020 г.

- создать классификатор, обеспечивающий комплексное представление о *тематической структуре евразийской повестки*, формируемой СМИ государств-участников до пандемии COVID-19;

- на основании полученных результатов оценить, *какую роль СМИ играли в закреплении евразийской повестки* в информационном пространстве государств-участников до инфодемии.

В рамках исследования были проанализированы материалы новостных программ, разделов/блоков 75 ведущих общественно-политических СМИ стран ЕАЭС за период с 1 октября по 31 декабря 2019 года. В выборку вошли: 25 телеканалов России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии; 25 печатных и 25 онлайн-СМИ стран Союза.

ЕАЭС В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ТЕЛЕКАНАЛОВ СТРАН СОЮЗА

Несмотря на возрастающую роль онлайн-СМИ в формировании национальных повесток стран ЕАЭС, телевидение по-прежнему остается одним из ведущих типов средств массовой информации в государствах постсоветского пространства. Новостной контент, предлагаемый аудитории ведущими национальными новостными телеканалами, значительно влияет на ее восприятие окружающей действительности. Особенно, когда речь идет об информации, касающейся политической и экономической ситуации в стране и мире.

Около 96% населения России имеет дома хотя бы один телевизор, а смотрят его ежедневно 50-65% граждан [Отчет Роспечати...]. При этом из пяти государств-членов ЕАЭС в России быстрее всех снижаются показатели аудитории телевидения и осуществляется отток рекламных бюджетов в интернет. Средняя еженедельная аудитория телевидения в Кыргызстане составляет 92,6% населения, а как основной источник информации его по-прежнему используют свыше 60% граждан [Медиапредпочтения...]. Хотя в Казахстане доля аудитории, которая предпочитает получать новостную информацию из интернет-ресурсов, за последние пять лет увеличилась с 28% до 59 %, наиболее предпочтительным типом СМИ по-прежнему остается телевидение [Alinbekova, с.54].

В настоящее время число инфоповодов, напрямую или косвенно связанных с Евразийским экономическим союзом, а также количество упоминаний объединения в новостных программах российских телеканалов является незначительным (табл. 1). Средний показатель для ведущих российских телеканалов – 2,6 новостей в месяц, для Казахстана – 3,6, для Киргизии – 0,9.

Таблица 1. Частота упоминаний ЕАЭС в новостных программах российских телеканалов, IV квартал 2019 г.

2019	Количество материалов, штук				
	Первый	НТВ	Россия 1	ТВ Центр	5 канал
Октябрь	5	3	3	2	1
Ноябрь	1	3	3	0	1
Декабрь	3	3	3	3	5
Сумма	9	9	9	5	7

Источник: составлено автором.

При этом в общем объеме посвященного ЕАЭС новостного контента российских телеканалов можно выделить четыре тематические доминанты: 1) встречи лидеров государств Евразийского экономического союза, на которые приходится 49,2% материалов; 2) перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения и укрепление связей с внешними партнерами (17,8%); 3) законодательное регулирование (17,4%), а также 4) отдельные заявления лидеров стран ЕАЭС в сочетании с комментариями и оценками экспертов по интеграционной тематике (15,6%).

Несколько отличаются показатели основного государственного телеканала Белоруссии («Беларусь 1») и армянского «Н1»: 78 и 66 материалов за IV квартал соответственно. Однако на фоне «нулевых» показателей «Беларусь 2» и «Беларусь 3», а также подтверждающих общую картину невысоких показателей остальных телеканалов Армении, данные параметры не оказывают на общую статистическую картину существенного влияния (табл. 2-3). Средний показатель для Белоруссии – 10,5, для Армении – 8,3 новостных материала в месяц.

Таблица 2. Частота упоминаний ЕАЭС в новостных программах белорусских телеканалов, IV квартал 2019 г.

2019	Количество материалов, штук				
	Беларусь 1	Беларусь 2	Беларусь 3	ОНТ	СТВ
Октябрь	29	0	0	18	12
Ноябрь	22	0	0	15	10
Декабрь	27	0	0	12	12
Сумма	78	0	0	45	34

Источник: составлено автором

Таблица 3. Частота упоминаний ЕАЭС в новостных программах телеканалов Армении, IV квартал 2019 г.

2019	Количество материалов, штук				
	Н1	ШАНТ	Армения	Кентрон	Пятый канал
Октябрь	24	15	6	7	5
Ноябрь	19	6	3	2	0
Декабрь	23	5	6	3	0
Сумма	66	26	15	12	5

Источник: составлено автором.

Тематическая структура посвященного ЕАЭС новостного контента белорусских телеканалов за период 01.10.2019 – 31.12.2019 гг., если не повторяет, то

представляет собой несущественно измененную модель, предлагаемую российскими медиа. Детализация представлена в таблице 4.

Таблица 4. Тематическая структура посвященного ЕАЭС новостного контента телеканалов Белоруссии, период 01.10.2019 – 31.12.2019

Тематика	% материалов				% , который тематика занимает в общем объеме новостного контента телеканалов, посвященного ЕАЭС
	<i>Беларусь 1</i>	<i>ОНТ</i>	<i>СТВ</i>	<i>Мир</i>	
Встречи лидеров государств ЕАЭС	50,2	43,4	40,5	49,5	48,5
Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами	15	12	27,6	14,3	14,2
Законодательное регулирование	1,5	5,1	3,0	3,4	7,8
Отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов	33,3	29,5	28,9	32,8	29,5

Источник: составлено автором.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Армении (табл.5)

Таблица 5. Тематическая структура новостного контента телеканалов Армении, посвященного ЕАЭС, период 01.10.2019 – 31.12.2019

Тематика	% материалов					% , который тематика занимает в общем объеме новостного контента телеканалов, посвященного ЕАЭС
	<i>Н1</i>	<i>ШАНТ</i>	<i>Армения</i>	<i>Кентрон</i>	<i>Пятый канал</i>	
Встречи лидеров государств ЕАЭС	31,8	34,6	46,7	50,0	40,0	40,6
Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами	21,2	19,2	26,7	8,3	40,0	23,1

Законодательное регулирование	19,8	19,2	20,0	25,0	20,0	20,8
Отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов	24,2	23,1	6,7	16,7	0,0	14,1
Кадровые назначения в структурах ЕАЭС	3,0	3,9	0,0	0,0	0,0	1,4

Источник: составлено автором.

Частота упоминаний ЕАЭС в новостных программах телеканалов Казахстана в рамках исследуемого периода варьируется от 3 до 26. При этом наибольшее количество материалов предлагает телеканал «Хабар 24», наименьшее – «КТК». Проанализированные «Евразия», «Хабар» и «Atameken Business» предлагают аудитории 6, 8 и 11 материалов соответственно. В тематической структуре евразийской повестки преобладают материалы, посвященные перспективам развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укреплению связей с внешними партнерами (в частности, созданию зон свободной торговли). На них приходится 51% новостных сюжетов. Еще 23,5% занимает тема законодательного регулирования, 13,4% – встречи лидеров стран-участниц и 12,1% – отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, а также комментарии и оценки экспертов.

В Киргизии в IV квартале 2019 года материалы, посвященные ЕАЭС, появились только на КТРК (4 штуки), а также телеканалах «МИР» и «НТС» - 1 и 3 соответственно. Тематическая структура дублирует представленные выше, однако целесообразным, в силу незначительного числа материалов, является объединение сегментов «Комментарии и оценки экспертов» и «Перспективы развития отношений стран-участников» в блок «Взаимная торговля между странами ЕАЭС» основании включения во все предлагаемые СМИ материалы статистических данных по товарообороту.

Таким образом, несмотря на возможности, которые по-прежнему обеспечивает охват аудитории ТВ и декларируемую заинтересованность властей в продвижении евразийской повестки на государственных уровнях, среднее количество новостных уникальных инфоповодов за IV квартал 2019 г. ни для одного из рассматриваемых блоков национальных телеканалов не превышает 10 (для сравнения, среднее число упоминаний ЕС и США за период в 1 неделю в новостных программах «Первого канала» составляют 6 и 49 соответственно). Небогатой является и тематическая структура «евразийского новостного контента» национальных телеканалов. «Встречи лидеров государств-участников ЕАЭС», а также «Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения и укрепление связей с внешними партнерами» являются тематическими доминантами в новостных блока телеканалов Армении, Казахстана, России и Белоруссии. В Республике Киргизия на первый план выходит освещение вопросов, связанных с законодательным регулированием. Тематический спектр для 4 из 5 анализируемых национальных телеканалов получился единым, что, с одной стороны, способствовало облегчению создания единого для всех стран классификатора и группировки инфоповодов, а с другой – является иллюстрацией угрожающей ограниченности контекстов, в которых освещается тематика молодого регионального объединения.

ЕАЭС В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Роль печатных СМИ в формировании национальных повесток в ЕАЭС отличается от страны к стране. В то время как российские печатные медиа из года в

год стремительно теряют аудиторию, войдя в 2020 г. с показателем 71% и уступая радио (86%) [Попонов], газеты Беларуси стараются адаптироваться к цифровым форматам, но далеко не всегда эффективно справляются с конкуренцией с социальными медиа, оперативно взявшими на себя роль основных источников информации для населения в условиях политического кризиса. При этом Киргизия и Казахстан находятся в стадии «переходного периода», характерного для Беларуси 2017-го г., когда показатели потребления контента печатных и онлайн-СМИ были практически равны между собой, хотя и значительно уступали популярности телевидения.

Количество новостных материалов печатных СМИ, в которых фигурируют связанные с ЕАЭС события, а также встречаются упоминания регионального объединения, превышает число предлагаемых зрителям телеканалов сюжетов, однако также является незначительным и недостаточным для формирования медийного портрета ЕАЭС и закрепления его в сознании массовой аудитории (табл. 6). Исключение составляет официальный печатный орган правительства РФ «Российская газета», в которой также публикуются указы и распоряжения парламента и президента республики, постановления правительства, новые законы и сообщения об изменениях в высших органах власти. Средний показатель количества тематических материалов для российских печатных СМИ составляет 19,8; для белорусских – 8,3; Казахстана – 20,5; Армении - 5,5; Киргизии – 0,7. Анализируемые печатные СМИ представлены в таблице 6.

Таблица 6. Частота упоминаний ЕАЭС в новостном контенте печатных СМИ ЕАЭС, IV квартал 2019 г.

Россия		Белоруссия		Казахстан		Армения		Киргизия	
Печатные СМИ	Кол-во публ.	Печатные СМИ	Кол-во публ.	Печатные СМИ	Кол-во публ.	Печатные СМИ	Кол-во публ.	Печатные СМИ	Кол-во публ.
Ведомости	36	СБ. Беларусь сегодня	52	Время	64	АйканакЖаманак	40	Комсомольская правда в РК	2
Коммерсант	42	Республика	22	Егемен Қазақстан	11	Жоговурд	16	Кыргыз Туусу	0
Известия	59	Народная газета	8	Курсив	84	Аравот	22	Aziya News	0
Российская газета	160	Сельская газета	6	Литер	26	Паст	4	Жаны Ордо	0
Комсомольская правда	0	Звезда	37	Экспресс К	23	Жаманак	0	Super Info	0

Источник: составлено автором.

Тематическая структура посвященного ЕАЭС новостного контента печатных СМИ за анализируемый период также не отличается разнообразием. Число контекстов, в которых освещается тематика Евразийского экономического союза, как и в случае с телеканалами является ограниченным. В фокусе внимания печатных СМИ Российской Федерации находятся, в первую очередь, вопросы, посвященные законодательному регулированию. Журналисты Белоруссии и Армении выстраивают евразийскую повестку вокруг встреч лидеров государств Союза, а печатные СМИ Казахстана основываются на инфоповодах, связанных с перспективами развития отношений стран-участников интеграционного объединения (табл.7)

Таблица 7. Тематическая структура новостного контента печатных СМИ, посвященного ЕАЭС, период 01.10.2019 – 31.12.2019.

Тематика	%, который тематика занимает в общем объеме посвященного ЕАЭС новостного контента печатных СМИ				
	<i>Россия</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Армения</i>	<i>Киргизия</i>
Встречи лидеров государств ЕАЭС	5,8	42,8	8,1	36,9	50,0
Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами	27,5	8,5	44,6	18,9	50,0
Законодательное регулирование	48,4	14,4	39,8	8,4	0
Отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов	18,3	34,3	7,5	32,3	0
Кадровые назначения в структурах ЕАЭС	0	0	0	3,5	0

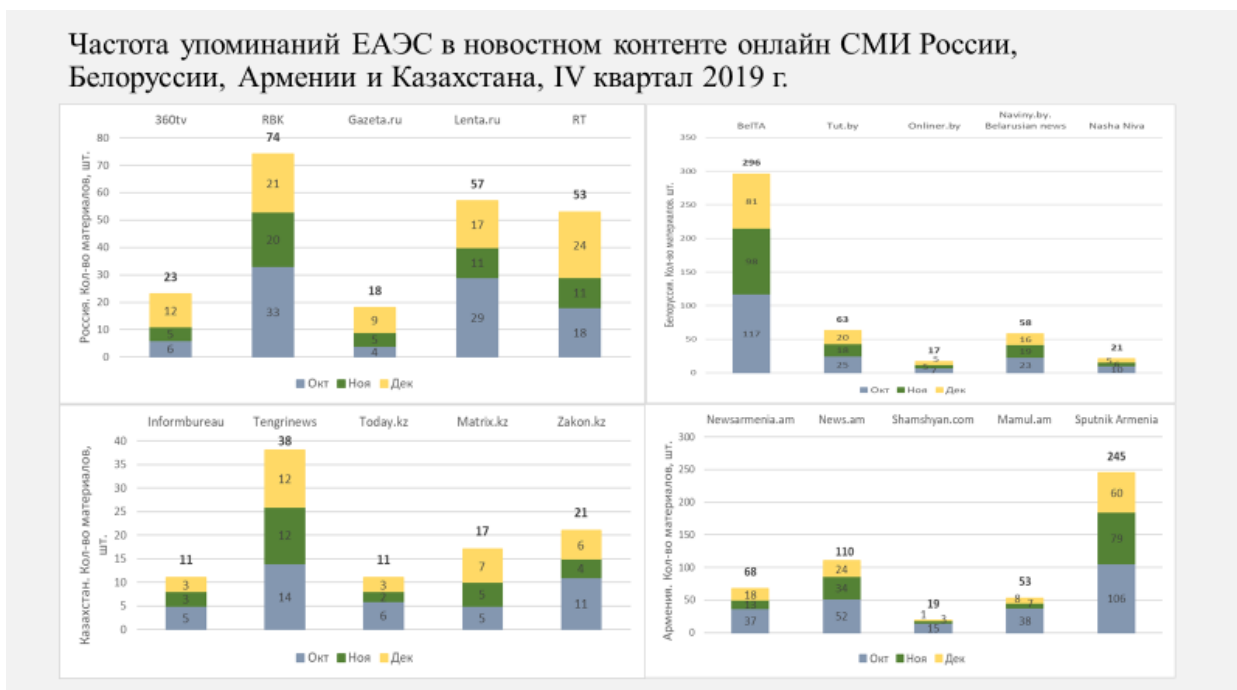
Источник: составлено автором.

ЕАЭС В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ

Так как онлайн-СМИ в настоящее время занимают доминирующую позицию на медиарынках стран ЕАЭС, а в государствах, которые находятся в состоянии «перехода», тенденции по перетеканию аудитории в интернет все более усиливаются, целесообразно остановиться на евразийской повестке в новостных онлайн-медиа более подробно.

Средний месячный показатель частоты упоминаний ЕАЭС ведущими онлайн-изданиями стран варьируется от 1,6 до 33 (средний показатель для ведущих российских онлайн СМИ – 15,0 материалов в месяц, для белорусских – 30,3; для казахстанских – 6,5; Армения – 33; Киргизия – 1,6.) Несмотря на столь существенный разрыв, даже показатели Республики Армения и Республики Беларусь нельзя назвать достаточными для наполнения тематическим контентом новостной онлайн-медиа среды (рис.1).

Рис. 1. Частота упоминаний ЕАЭС в новостном контенте ведущих общественно-политических онлайн-изданий России, Белоруссии, Армении и Казахстана, период 01.10.2019 – 31.12.2019.

Частота упоминаний ЕАЭС в новостном контенте онлайн СМИ Республики Киргизия в IV квартале 2019 года является очень низкой. Материалы встречались в Cactus Media (3 штуки), 24.kg (14), Kabar.kg (1) и Akipress.org (1).

Тематическую структуру посвященного ЕАЭС новостного контента интернет-СМИ стран-членов ЕАЭС за анализируемый период можно представить следующим образом (табл. 8)

Таблица 8. Тематическая структура посвященного ЕАЭС новостного контента интернет-СМИ, период 01.10.2019 – 31.12.2019.

Тематика	% , который тематика занимает в общем объеме посвященного ЕАЭС новостного контента печатных СМИ				
	Россия	Белоруссия	Казахстан	Армения	Киргизия
Встречи лидеров государств ЕАЭС	5,4	37,5	8,4	28,4	0,0
Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами	34,1	39,2	38,9	24,6	16,6
Законодательное регулирование	44,9	6,9	43,0	9,9	5,6
Отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов	13,5	14,5	9,7	33,4	0
Кадровые назначения в структурах	2,1	1,9	0	3,7	0

ЕАЭС					
Взаимная торговля между странами ЕАЭС	0	0	0	0	77,8

Источник: составлено автором.

В рамках данного исследования рассматривались только зарегистрированные онлайн-СМИ государств участников, но необходимо отметить, что на информационное пространство государств и, в частности, на евразийскую повестку, в значительной степени влияют социальные медиа – в частности, популярные у аудитории России, Казахстана и Белоруссии Telegram-каналы.

Несмотря на наличие ряда исследований, содержащих как теоретическое обоснование необходимости информационного сопровождения интеграционных процессов на евразийском пространстве [Вартанова, 2019; Вихрова, 2020 и др.], так и практическую оценку его влияния на успех других региональных проектов [Kandyla & DeVreese, 2011; Triga V., Vadratsikas K., 2016-2018 и др.], показатели, полученные в результате контент-анализа, демонстрируют, что деятельность СМИ по информсопровождению евразийской интеграции до пандемии COVID-19 можно оценить как нерегулируемую, нестимулируемую извне и низкоэффективную. Частота упоминаний ЕАЭС ведущими СМИ государств-участников является крайне низкой (среднемесячный показатель для телеканалов стран – 5 новостей, для онлайн СМИ – 17 материалов), а число контекстов, в которых освещается тематика молодого регионального объединения, в большинстве государств объединения не превышает пяти. Встречи глав государств, перспективы развития отношений стран-участниц и укрепление связей с внешними партнерами, законодательное регулирование, а также официальные заявления лидеров стран ЕАЭС составляют свыше 90% тематической повестки государств Союза.

Таблица 9. Тематическая структура евразийской повестки в национальном информационном пространстве ЕАЭС за период 01.10.2019 – 31.12.2019

Тематика	% СМИ, в которых встречается					% , который тематика занимает в общем числе публикаций СМИ о ЕАЭС				
	Рос сия	Белору ссия	Казахс тан	Арме ния	Кирги зия	Рос сия	Белору ссия	Казахс тан	Арме ния	Кирги зия
Встречи лидеров государств ЕАЭС	78.6	100	100	100	37.5	21.1	42.9	10.1	29.1	15.0
Перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами	78.6	100	100	100	50	26.4	20.6	43.9	24.7	17.8
Законодательное регулирование	85.7	85.7	86.67	92.9	50	36.1	9.7	37.1	12.0	27.5
Отдельные	64.2	100	93.33	92.9	-	15.6	25.5	8.9	31.0	-

заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов										
Кадровые назначения в структурах ЕАЭС	7.1	60	-	64.3	-	0.8	1.3	-	3.2	-
Взаимная торговля между странами ЕАЭС	-	-	-	-	62.5	-	-	-	-	39.7

Источник: составлено автором.

«Единая» евразийская повестка стран Союза в период исследования характеризовалась следующей тематической структурой:

- встречи лидеров государств интеграционного объединения - 28,7% всех новостных материалов ведущих общественно-политических СМИ стран-участников,
- перспективы развития отношений стран-участников интеграционного объединения, а также укрепление связей с внешними партнерами – 27%,
- законодательное регулирование – 19%,
- отдельные заявления и высказывания лидеров стран ЕАЭС, комментарии и оценки экспертов - 16,4%.

Еще порядка 8,9 % новостных материалов ведущих общественно-политических СМИ стран-участников приходилось на кадровые изменения и статистику взаимной торговли между странами, активно освещаемую в Киргизии.

При этом в массиве проанализированных публикаций единичными были материалы, созданные с целью познакомить потребителя контента с позитивными аспектами евразийской интеграции, влияющими на повседневную жизнь населения стран-участниц ЕАЭС. Большинство публикаций и сюжетов полностью соответствовали формату *hardnews* (сухая, фактологическая подача новостей, близкая к официозу) и содержали обезличенную информацию, не представляющую интереса для неподготовленной массовой аудитории.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что инфодемия в странах Союза не оказала существенного влияния на евразийскую повестку, а лишь усугубила тематический информационный вакуум, доведя его до состояния близкого к абсолютному, а также подчеркнула апатию журналистов к интеграционной тематике.

С целью наполнения национальных информационных пространств контентом, ориентированным на популяризацию интеграционных идей среди населения, целесообразной представляется разработка и внедрение на пространстве Союза отдельных элементов единой информационной политики. На текущем этапе ЕАЭС далеко до создания и наднационального регулирования единого информационного пространства, но уже сегодня логика функционирования согласованной информационной политики может выстраиваться по принципу объединения различных участников вокруг конкретных проектов, в том числе, и ориентированных на решение задач по повышению эффективности информационного сопровождения интеграционных процессов. Эти проекты могут распространяться на различные территориальные уровни – региональный (субъекты в государствах-членах ЕАЭС), национальный или евразийский, но координация такой работы на любом из них требует четкого понимания логики функционирования и тщательного предварительного изучения медиасистем каждого из государств.

Список литературы

Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: Медиа Мир, 2014. 280 с.

Венидиктов С.В. Евразийское информационное пространство: унификация или координация? // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 60-65.

Венидиктов С. В. Система медиаинформационного взаимодействия в ЕАЭС: адаптация внешних моделей Международная журналистика – 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г./ Минск : БГУ, 2019. С. 14-23.

Дасаева Т. Н. Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы (по материалам газеты «СБ. Беларусь сегодня») Международная журналистика-2017: идея интеграции интеграций и медиа: материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 16 февраля 2017 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. - С. 83-89.

Вихрова О.Ю. СМИ и информационная безопасность ЕАЭС // Электронный научный журнал. МедиаСкоп. 2020. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2613>(дата обращения: 29.05.2021)

Вихрова О.Ю. Информационное сопровождение евразийской интеграции: освещение российскими СМИ // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: журналистика. 2020. №6. С. 5-26. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.136159

Гальцина Д.А. Национальные особенности освещения вопросов евразийской интеграции в СМИ государств-участников ЕАЭС // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1(67). Ч. 2. С. 17-21.

Калюга А.А. Информационная политика в странах СНГ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 91-100.

Медиапредпочтения населения Кыргызстана. URL: <https://soros.kg/wp-content/uploads/2017/12/Otchet-Mediapredpochteniya-naseleniya-KR-8-volna.pdf> (дата обращения: 25.02.2021)

Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН Сер. Политология. 2019.Т. 21. № 1. С. 7—33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33.

Осавелюк Е.А. Роль средств массовой информации в обеспечении информационной безопасности России на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3(8). С. 93-105.

Поддубская Т.А. Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» на информационном пространстве стран СНГ // Преподаватель XXI век. 2018. № 2-2. С. 260-270.

Попов С.Ю. СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1. С.101-105.

Попонов М. Рынок прессы 2020 (11.11.2020) // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/4a3/Mediascope_Publishing_Expo_2020.pdf (дата обращения: 29.05.2021)

Потребин А. В. Единое информационное пространство ЕАЭС: проблемы и направления формирования Международная журналистика – 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. Минск : БГУ, 2019. С. 235-243.

Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета в связи с пандемией COVID-19 // ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-1.aspx> (дата обращения: 17.06.2021)

Струговец В.М. Информационная политика СНГ: взгляд в прошлое, перспектива на будущее // Власть. 2011. № 6. С.119-122.

Темирбулатов А.М., Гурушкин П.Ю. Формирование общего масс-медиа пространства и особенности информационного сотрудничества стран СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2013. № 4. С. 185-188.

Bijmans P., Altides C. 'Bridging the Gap' between EU Politics and Citizens? The European Commission, National Media and EU Affairs in the Public Sphere // Journal Of European Integration. 2007. Vol. 29. Issue 3. P. 323-340. DOI:10.1080/07036330701442315

Bruter M. News, Symbols, and European Identity // Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity Oxford: Palgrave Macmillan, 2005. P.122-133. DOI: 10.1057/9780230501539.

Churchill E.-M. The mass media and regional integration in Africa // Africa Media Review. 1991. Vol.5. №1. P.17-35.

Clement A. A. Reporting on the 'ever closer union': narrative framing in national news medias and resistance to EU integration. Eastern Journal Of European Studies. 2015. № 6(1). P. 123-135.

De Vreese C., Kandyla A. News media representations of a common EU foreign and security policy. A cross-national content analysis of CFSP coverage in national quality newspapers // Comparative European Politics. 2011. № 9(1). P. 52-75. DOI:10.1057/cep.2009.10

Didiugwu I.F. The mass media and the challenges of regional integration // Africa. 5th European Conference on African Studies «African Dynamics in a Multipolar World». Lisbon: Centro de Estudos Internacionais do Instituto Universitário de Lisboa (ISCTE-IUL), 2014. P.710-751

Eilders C., Voltmer K. Zwischen Deutschland und Europa // Medien & Kommunikationswissenschaft. 2003. Vol. 51. Iss. 2. P. 250-270. DOI:10.5771/1615-634x-2003-2-250

Eriksen, E.O., Fossum, J.E. Democracy in the European Union. Integration through deliberation? // London, New York: Routledge, 2000. P. 1-28.

Fetoshi A. The Role of Media in European Integration. Process - Kosovo Case // Journal of Mass Communication & Journalism. 2017. Vol 7. Iss. 3. P. 1-6. DOI: 10.4172/2165-7912.1000338

Gerhards J. Westeuropäische Integration und die Schwierigkeiten der Entstehung einer europäischen Öffentlichkeit // Zeitschrift für Soziologie. 1993. №22 (2). P. 96-110.

Kevin D. Europe in the media: A comparison of reporting, representation, and rhetoric in national media systems in Europe. Routledge, 2015. 224 p.

Latzer M., Sauerwein F. Europäisierung durch Medien: Ansätze und Erkenntnisse der Öffentlichkeitsforschung // Europäische Öffentlichkeit und medialer Wandel. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. P. 10-44. DOI: 10.1007/978-3-531-90272-2_1

Lohner J. Die Europäische Union in der Regionalpresse: Inhalte und journalistische Praxis aktueller Berichtserstattung. Berlin: LIT Verlag, 2011. 200 S.

Mang'era S.D. Media and Regional Integration: A Case Study of the East Africa Community. University of Nairobi, Institute of Diplomacy and International Studies. Research project. 2014. 100 p. URL: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/62648/Mang'era_Media%20And%20

Regional%20Integration%20A%20Case%20Study%20Of%20The%20East%20Africa%20Community.pdf?sequence=3 (accessed 29.05.2021)

Menendez Alarkon A.V. Representation of the European Union: Comparing Newspaper Coverage in France, Spain and the United Kingdom // *International Journal of Communication*. 2010. № 4. P. 398-415.

Pfetsch B. Agents of transnational debate across Europe: The press in emerging European public sphere // *Javnost–The Public*. 2008. Vol.15. № 4. P. 21 – 40

Polonska-Kimunguyi E., Kimunguyi P. The making of the Europeans: Media in the construction of pan-national identity // *International Communication Gazette*. 2011. № 73(6). P. 507-523. DOI:10.1177/1748048511412283

Rothkopf D. When The Buzz Bites Back. *The Washington Post*, 11 May 2003. // *Washingtonpost*. URL:

<https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/05/11/when-the-buzz-bites-back/bc8cd84f-cab6-4648-bf58-0277261af6cd/> (accessed: 17.06.2021)

Tetty, W.J. The media and democratization in Africa: contributions, constraints and concerns of the private press // *Media, Culture & Society*. 2001. № 23.1. P.5-31. DOI: 10.1177/016344301023001001

The United Nations Department of Global Communications (DGC), UN.org, 28 Mar. 2020 // UN. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-COVID-19> (accessed: 17.06.2021)

Tackling coronavirus disinformation // *Europa.eu*. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/fighting-disinformation/tackling-coronavirus-disinformation_en (accessed: 17.06.2021)

Triga V., Vadratsikas K. The Impact of Media Representations of the EU and its Policies on European Identity. Department of Communication and Internet Studies, Cyprus University of Technology for the COHESIFY project, 2016-2018. 17 p. URL: http://www.cohesify.eu/downloads/Cohesify_Research_Paper_3.pdf (accessed 29.05.2021)

References

Vartanova, E.L. (2014). Postsovetskie transformacii rossijskih SMI i zhurnalistiki [Post-Soviet Transformations of Russian Media and Journalism]. M.: Media Mir. 280 p.

Venidiktov, S.V. (2016). Evrazijskoe informacionnoe prostranstvo: unifikacija ili koordinacija? [Eurasian Information Space: Unification or Coordination?] // *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija [Scientific result. Social and Humanities Research]*. No. 1 (7). P. 60-65.

Venidiktov, S. V. (2019). Sistema mediainformacionnogo vzaimodejstvija v EAJeS: adaptacija vneshnih modelej [The system of media information interaction in the EAEU: adaptation of external models] // *Mezhdunarodnaja zhurnalistika – 2019: evrazijsko-atlantskoe partnerstvo i media : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 21 fevr. 2019 g. [International Journalism 2019: Eurasian-Atlantic Partnership and Media]*. Minsk : BGU. P. 14-23.

Dasaeva, T. N. (2017). Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: problemy i perspektivy (po materialam gazety «SB. Belarus' segodnja») [Eurasian Economic Union: Problems and Prospects (based on materials from the newspaper «SB. Belarus Segodnya»)] // *Mezhdunarodnaja zhurnalistika-2017: ideja integracii i media: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 16 fevralja 2017 g. [International Journalism 2019: Eurasian-Atlantic Partnership and Media]*. Minsk : Izd. centr BGU. P. 83-89.

Vihrova, O.Ju. (2020). SMI i informacionnaja bezopasnost' EAJeS, Jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Mass media and information security of the EAEU]. *Mediaskop*. No. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2613> (accessed: 29 May,2021) (In Russian)

Vihrova, O.Ju. (2020). Informacionnoe soprovozhdenie evrazijskoj integracii: osveshhenie rossijskimi SMI [Information support for Eurasian integration: coverage by Russian media] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [MSU Vestnik]*. No 6. P. 5-26. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.136159

Gal'cina, D.A. (2017). Nacional'nye osobennosti osveshhenija voprosov evrazijskoj integracii v SMI gosudarstv-uchastnikov EAJeS [National Features of Coverage of the Issues of Eurasian Integration in the Mass Media of the EAEU Member States] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]*. No 1(67). P. 17-21.

Kaljuga, A.A. (2016). Informacionnaja politika v stranah SNG [Information policy in the CIS countries] // *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija [Human Science: Humanities Studies]*. No 4. P. 91-100.

Mediapredpochtenija naselenija Kyrgyzstana [Media preferences of the population of Kyrgyzstan]. URL: <https://soros.kg/wp-content/uploads/2017/12/Otchet-Mediapredpochteniya-naseleniya-KR-8-volna.pdf> (accessed: 25.02.2021) (In Russian)

Meshkova, T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Ju.K. (2019). EAJeS v menjajushhemsja geopoliticheskom kontekste: priority mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities for International Cooperation] // *Vestnik RUDN Ser. Politologija [RUDN Bulletin. Political science]*. No 1. P. 7—33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33.

Osaveljuk, E.A. (2016). Rol' sredstv massovoj informacii v obespechenii informacionnoj bezopasnosti Rossii na evrazijskom prostranstve [The role of the media in ensuring Russia's information security in the Eurasian space] // *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, jekonomika, pravo [International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law]*. No 3(8). P. 93-105.

Poddubskaja, T.A. (2018). Mezhgosudarstvennaja teleradiokompanija «Mir» na informacionnom prostranstve stran SNG [Interstate TV and Radio Company «Mir» in the information space of the CIS countries] // *Prepodavatel' HHI vek [Teacher, the XXI century]*. No 2-2. P. 260-270.

Popov, S.Ju. (2015). SMI kak instrument informacionnoj politiki Sojuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Mass media as an instrument of information policy of the Union State of Russia and Belarus] // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*. No 3-1. P.101-105.

Poponov, M. Rynok pressy 2020 (11.11.2020) [Press market 2020] // *Mediascope*. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/4a3/Mediascope_Publishing_Expo_2020.pdf (accessed: 29 May, 2021) (In Russian)

Potrebin, A. V. (2019). Edinoe informacionnoe prostranstvo EAJeS: problemy i napravlenija formirovanija [Common information space of the EAEU: problems and directions of formation] // *Mezhdunarodnaja zhurnalistika – 2019: evrazijsko-atlanticheskoe partnerstvo i media : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 21 fevr. 2019 g. [International Journalism 2019: Eurasian-Atlantic Partnership and Media]*. Minsk: BGU. P. 235-243.

Sovmestnoe zavajlenie chlenov Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta v svjazi s pandemiej COVID-19 [Joint statement by the members of the Supreme Eurasian Economic Council in connection with the COVID-19 pandemic] // EAJeS. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-1.aspx> (accessed: 17 June, 2021) (In Russian)

Strugovec, V.M. (2011). Informacionnaja politika SNG: vzgljad v proshloe, perspektiva na budushhee [CIS Information Policy: A Look into the Past, Prospects for the Future] // *Vlast' [Power]*. No 6. P. 119-122.

Temirbulatov, A.M., Gurushkin P.Ju. (2013) Formirovanie obshhego mass-media prostranstva i osobennosti informacionnogo sotrudnichestva stran SNG [Formation of a

common mass media space and features of information cooperation of the CIS countries] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*. No 4. P. 185-188.

Bijsmans, P., Altides, C. (2007). «Bridging the Gap» between EU Politics and Citizens? The European Commission, National Media and EU Affairs in the Public Sphere // *Journal Of European Integration*. Vol. 29. Iss. 3. P. 323-340. DOI:10.1080/07036330701442315

Bruter, M. (2005). News, Symbols, and European Identity, Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity. Oxford: Palgrave Macmillan. P.122-133. DOI: 10.1057/9780230501539.

Churchill, E.-M. (1991). The mass media and regional integration in Africa // *Africa Media Review*. Vol.5. No 1. P.17-35.

Clement, A.A. (2015). Reporting on the 'ever closer union': narrative framing in national news medias and resistance to EU integration // *Eastern Journal Of European Studies*. No 6(1). P. 123-135.

De Vreese, C., Kandyla, A. (2011). News media representations of a common EU foreign and security policy. A cross-national content analysis of CFSP coverage in national quality newspapers // *Comparative European Politics*. No 9(1). P. 52-75. DOI:10.1057/cep.2009.10

Didiugwu, I.F. (2014). The mass media and the challenges of regional integration, Africa. 5th European Conference on African Studies «African Dynamics in a Multipolar World». Lisbon: Centro de Estudos Internacionais do Instituto Universitário de Lisboa (ISCTE-IUL). P.710-751

Eilders, C., Voltmer, K. (2003). Zwischen Deutschland und Europa // *Medien & Kommunikationswissenschaft*. Vol. 51. Iss. 2. S. 250-270. DOI:10.5771/1615-634x-2003-2-250

Eriksen, E.O., Fossum, J.E. (2000). Democracy in the European Union. Integration through deliberation? London / New York: Routledge. P. 1-28.

Fetoshi, A. (2007). The Role of Media in European Integration // *Process - Kosovo Case, Journal of Mass Communication & Journalism*. Vol 7. Iss. 3. P. 1-6. DOI: 10.4172/2165-7912.1000338

Gerhards, J. (1993). Westeuropäische Integration und die Schwierigkeiten der Entstehung einer europäischen Öffentlichkeit // *Zeitschrift für Soziologie*. No 22 (2). P. 96-110.

Kevin, D. (2015). Europe in the media: A comparison of reporting, representation, and rhetoric in national media systems in Europe. Routledge. 224 p.

Latzer, M., Sauerwein F. (2006) Europäisierung durch Medien: Ansätze und Erkenntnisse der Öffentlichkeitsforschung, *Europäische Öffentlichkeit und medialer Wandel*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 20 p. DOI: 10.1007/978-3-531-90272-2_1

Lohner, J. (2011). Die Europäische Union in der Regionalpresse: Inhalte und journalistische Praxis aktueller Berichterstattung. Berlin: LIT Verlag. 200 s.

Mang'era, S.D. (2014). Media and Regional Integration: A Case Study of the East Africa Community. University of Nairobi, Institute of Diplomacy and International Studies. Research project. 100 p. URL: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/62648/Mang'era_Media%20And%20Regional%20Integration%20A%20Case%20Study%20Of%20The%20East%20Africa%20Community.pdf?sequence=3 (accessed 29.05.2021)

Menendez Alarkon, A.V. (2010). Representation of the European Union: Comparing Newspaper Coverage in France, Spain and the United Kingdom // *International Journal of Communication*, No 4. P. 398-415.

Pfetsch, B. (2008). Agents of transnational debate across Europe: The press in emerging European public sphere // *Javnost–The Public*. Vol.15. No 4. P. 21 – 40

Polonska-Kimunguyi, E., Kimunguyi, P. (2011) The making of the Europeans: Media in the construction of pan-national identity // *International Communication Gazette*, No 73(6). P. 507-523. DOI:10.1177/1748048511412283

Rothkopf, D. When The Buzz Bites Back. The Washington Post, 11 May 2003 // Washingtonpost. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/05/11/when-the-buzz-bites-back/bc8cd84f-cab6-4648-bf58-0277261af6cd/> (accessed: 17 June, 2021)

Tettey, W.J. (2001). The media and democratization in Africa: contributions, constraints and concerns of the private press // *Media, Culture & Society*. No 23.1. P.5-31. DOI: 10.1177/016344301023001001

The United Nations Department of Global Communications (DGC), UN.org, 28 Mar. 2020 // UN. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-COVID-19> (accessed: 17.06.2021)

Tackling coronavirus disinformation // Europa.eu. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/fighting-disinformation/tackling-coronavirus-disinformation_en (accessed: 17.06.2021)

Triga, V., Vadratsikas, K. The Impact of Media Representations of the EU and its Policies on European Identity. Department of Communication and Internet Studies, Cyprus University of Technology for the COHESIFY project, 2016-2018. 17 p. URL: http://www.cohesify.eu/downloads/Cohesify_Research_Paper_3.pdf (accessed 29.05.2021)

Раздел 4. Вызовы и трансформации пространства безопасности

П.П. ТИМОФЕЕВ ОКЕАНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ ФРАНЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Статья посвящена состоянию и перспективам развития океанического компонента безопасности Франции в период коронакризиса. На основе Белых книг и других концептуальных документов, изданных в 1994-2017 гг., проанализировано развитие военно-стратегической мысли Франции к моменту пандемии. Выявлены основные интересы, цели и задачи Франции в мировом океане, ее отношение к союзникам (США, страны ЕС/НАТО) и потенциальным соперникам (Китай, Россия) среди крупных держав. Показано текущее состояние ВМС Франции и планы их модернизации к 2025 г., в том числе с участием союзных стран из ЕС/НАТО. Изучено влияние пандемии на работу ВМС и связанных с ними структур в финансовых, организационных, теоретических вопросах. Сделан вывод о том, что в 2020-2021 гг. коронакризис стал серьезной невоенной угрозой, способной нанести ущерб развитию ВМС Франции. Она осложнила, но не остановила развитие океанического компонента безопасности. Хотя она обострила финансовый вопрос (перспектив достижения уровня в 2% ВВП расходов на оборону), нарушила некоторые организационные процессы и сорвала сроки выполнения отдельных задач (от приема новобранцев до временной отмены учений и остановки работы национального ВПК), страна продолжила курс на качественную модернизацию флота, особенно его атомного компонента, расширила подводные владения и конкретизировала военно-морские планы, особенно по наращиванию своего (и европейского) присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе. Скорее всего, Франция будет продолжать работу в этом направлении в ходе своего председательства в ЕС в первом полугодии 2022 г.

Ключевые слова: Франция, флот, ВМС, заморские территории, мировой океан, пандемия, COVID-19.

Автор: Тимофеев Павел Петрович, кандидат политических наук, зав. сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, e-mail: p.timofeyev@gmail.com.

PAVEL TIMOFEEV FRENCH NAVAL SECURITY COMPONENT: EVOLUTION IN THE PANDEMIC PERIOD

Abstract. The article is devoted to the current state and prospects of the development of the naval component of France's security during the pandemic COVID-19. Having studied French White Books and other conceptual documents published in 1994-2017, the author analyzed the development of military-strategic thought in France by the time of the pandemic. He reveals the main interests, goals and objectives of France in the world's oceans, its attitude to allies (USA, EU / NATO countries) and potential rivals (China, Russia) among the major powers. The author also shows the current state of the French Navy and plans for its modernization by 2025, including the participation of allied EU / NATO countries. Having studied the impact of the pandemic on the work of the French Navy and related structures in financial, organizational, theoretical issues, the author concludes that in 2020-2021 the pandemic has become a serious non-military threat that could harm the development of the French Navy: it complicated, but did not stop the development of the naval component of France's security. On the one hand the pandemic aggravated the financial issue (the prospects for achieving a level of 2% of GDP in defense spending) and disrupted some organizational processes and the timing of certain

tasks (from hiring new naval recruits to temporarily canceled maritime exercises and stopping the work of the national military-industrial complex). On the other hand France continued its course towards a qualitative modernization of the Navy, especially its atomic component, expanded its underwater possessions and concretized naval plans, especially concerning the increase of French and European presence in the Indo-Pacific region. Most likely, France will continue to work in this direction during its EU presidency in the first half of 2022.

Keywords: France, fleet, Navy, overseas territories, world ocean, pandemic, COVID-19.

Author: Pavel Timofeev, Ph.D. (Pol.Sc), Head of sector for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies, IMEMO RAS, e-mail: p.timofeyev@gmail.com.

Одна из особенностей международного положения Франции состоит в том, что последняя является не только единственной ядерной державой Евросоюза¹¹, но и крупнейшим в ЕС владельцем заморских владений, расположенных в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, что позволяет Парижу претендовать на участие в решении региональных вопросов, географически удалённых от Европы. Хотя в этих владениях проживает лишь 1,6 млн жителей (менее 1% населения страны), на эти территории приходится 93% исключительной экономической зоны Франции. Как отмечается в принятой в феврале 2017 г. французской стратегии по вопросам моря и побережья, 97% территориальных вод Франции относятся к ее заморским владениям. Французское морское пространство площадью 11 млн кв.км является вторым в мире [Stratégie nationale..., p.10]. Опираясь на эти ресурсы, Франция стремится не только заявлять о себе как о «второй морской державе мира», «первой морской державе Европы», но анонсировать строительство «европейской морской мощи», в котором Франция намерена занять лидирующую роль [Macron renforce...]. В статье рассматривается вопрос о том, какие значимые процессы происходили с океаническим компонентом безопасности (ВМС и соответствующие структуры) Франции в период пандемии 2020-2021 гг. и куда нацелено его развитие в ближайшие будущее.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, СОСТОЯНИЕ И ПЛАНЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВМС ФРАНЦИИ К 2021 Г.

21 января 2021 года министр обороны Франции Ф. Парли представила новый концептуальный документ – «Дополнение к стратегическому докладу-2017» (далее – ДСД-2021) [Actualisation stratégique...]. Это пятый программный документ, принятый во Франции после окончания биполярности (и первый после начала пандемии), определяющий основные параметры военной политики страны. Его предшественниками были Белые книги по обороне и безопасности (далее - БК) 1994, 2008 и 2013 г., а также Стратегический доклад (далее – СД) 2017 г. Сравнительный анализ этих документов позволяет проследить эволюцию французской стратегической мысли по вопросу о роли ВМФ в обеспечении безопасности страны.

Развитие этой мысли во многом определяли особенности миропорядка последних 30 лет. Уже в БК-1994 г., где с удовлетворением констатировалось отсутствие у Франции какого-либо противника, выражалось опасением тем, что конец биполярности стал одновременно началом периода нестабильности и неопределенности. Были названы основные вызовы: региональные конфликты, распространение ОМУ, терроризм и экстремизм, общий дисбаланс в мировом

¹¹ Основным носителем ядерного щита Франции являются 4 ПЛАРБ типа «Триумфан», каждая способная нести до 16 баллистических ракет с ядерной боеголовкой М-51. Вторым носителем ядерного оружия являются истребители «Рафаль» наземного и морского базирования.

развитии. В БК-2008 г. перечень этих вызовов сохранился, но акцент был сделан уже на проблемах джихадизма и опасность возникновения «конфликтной дуги» от Средиземноморья к Азии. В 2013 г. Франция с тревогой указывала на экономический кризис в ЕС, рост влияния Китая на мировую экономику и на начало разворота США в Азию, а также на арабские революции. В СД-2017, принятом уже при президенте Э. Макроне, выражалось беспокойство началом деградации миропорядка в результате соперничества держав, появлением новых горячих точек на южных и юго-восточных рубежах ЕС, а также перемещением межгосударственного соперничества в новые сферы, включая интернет и космос. В этом плане ДСД-2021 делает акцент на вызов пандемии как кризиса, усугубившего разрывы в мире, и на дальнейший рост соперничества и уровня конфликтности между державами.

Это определяет цели ВМС Франции. В целом французская стратегия подразумевает применение своих вооруженных сил, включая флот, для достижения четырех целей: 1) защита национальной территории и морских пространств, 2) обеспечение безопасности в Европе и в прилегающих к ней регионах; 3) защита интересов Франции в столкновении с негосударственными и государственными акторами в регионах мира; 4) проведение операций миротворческого характера по всему миру.

Применение ВМС, как прописано в БК-2008 и 2013 г., возможно в рамках шести стратегических функций: разведка и прогнозирование (в т.ч. сбор информации с помощью плавучих платформ), ядерное сдерживание (за это отвечают 4 ПЛАРБ), защита территории и пространств (силы, участвующие, например, в борьбе с пиратами), предупреждение (морские контингенты, размещенные на базах) и вторжение (авианесущие ударные группировки). Из СД-2017 следовало, что ВМС не только является одним из двух (наряду с ВВС) компонентов, отвечающих за ядерное устрашение, но может применяться для защиты национальной территории и морских пространств страны, а также для ответа на кризис в ближайшем окружении Франции. В ДНД-2021 подтверждается, что подводные ядерные силы также гарантируют свободу действий обычных сил. В условиях деградации миропорядка ДСД не исключает гипотезу участия французских вооруженных сил (а значит, и ВМС) в прямом столкновении, «крупном конфликте», между великими державами. Отсюда следует вывод, что французские силы должны сохранить способность осуществлять вторжение.

Стремясь к контролю за морскими путями, Франция выделяет ряд приоритетных регионов. Еще в 1994 г. таковыми была названа ось Средиземноморье – Красное море – южная часть Индийского океана, поскольку через них проходят торговые пути, обеспечивающие львиную долю энергопоставок для Франции, а также импорта и экспорта для ЕС. В 2008 г. речь шла о зонах «от Мавритании до Пакистана» и от «Атлантики до Индийского океана». К ним были добавлены Карибский бассейн и воды у западной Африки, важны как с точки зрения французского присутствия, так и в плане борьбы с наркотрафиком. В 2013 г. помимо этого акцент был сделан конкретно на заморских владениях Франции в Атлантике (Сен-Пьер и Микелон, Антильские острова, Гвиана), в Индийском (Реюньон и Майотта) и в Тихом океане (Новая Каледония, Полинезия, Уоллис-и-Футуна). В докладе 2017 г. прямо говорилось: «Энергобезопасность Франции основывается на атомной энергетике, для которой нужен уран. Это предполагает безопасность морских путей, проливов и наземной инфраструктуры, стабилизацию зон производства урана» [Revue stratégique..., p.32] - то есть транспортных магистралей, связывающих Европу прежде всего с Австралией, Казахстаном и Канадой. А в 2021 г. подчеркивалось значение Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как области, где усиливаются межгосударственные трения, где проходит 30% торговли между Европой и Азией, и где находятся французские владения. Тем самым, мы видим, что в Париже зонами

особого внимания видят пространство от западной Атлантики через Средиземное и Красное море/Персидский залив до Индопацифики. Сегодня французские силы присутствуют помимо метрополии в заморских владениях, на базах в Кот-д'Ивуаре, Джибути и ОАЭ, в Габоне и Сенегале, временно - в Ираке и в Ливане. Тем не менее, в ИТР силы Франции невелики – около 7 тыс.военных (у США – 300 тыс.), мало также самолетов и кораблей.

В этих условиях Франция продолжает делать ставку на союзные отношения с США и с ведущими европейскими державами – прежде всего с Германией, Великобританией, а также с Италией, Испанией и другими странами – партнерами по ЕС и НАТО. С 1994 по 2017 гг. подчеркивалось, что США являются единственной сверхдержавой, чьи военные и морские возможности находятся далеко впереди всех остальных. В 2021 г., хотя и отмечалось, что США остаются для Франции ведущим партнером в вопросах безопасности, было сказано, что дальнейший курс США (на тот момент – после избрания Джо Байдена) неясен, и стремление Вашингтона отдалиться от Европы вызывает у европейцев тревогу. Германия фигурирует во французских документах как ключевой партнер в формировании европейского «полюса силы» в целом, тогда как Великобритания, даже несмотря на Брекзит, рассматривается как ключевой партнер в вопросах создания экспедиционных сил, авианосных ударных групп, строительства ракет морского базирования и проч. В ДСД-2021 выделяется роль Италии как партнера по созданию судостроительного предприятия *Naviris*. Из неевропейских стран с 1994 г. желательным партнером видится Япония, в БК-2017 выделялась роль Австралии, а в ДСД-2021 к ним добавлена Индия – что, собственно, указывает на интерес Франции к т.н. четырехстороннему партнерству QUAD.

На этом фоне Франция настороженно смотрит на Китай и Россию. Уже в БК-1994 г. было замечено, что амбициозная политика КНР «вызывает вопросы». В 2008-2017 гг. отмечался не только рост экономической мощи Китая как одного из полюсов глобализации, но и его наращивание военного могущества – в т.ч. в Индийском океане и в Средиземном море, что требовало поддержания «требовательного стратегического диалога» - особенно в Африке и ИТР. В ДСД-2021 Китай назван уже экономическим конкурентом, системным соперником ЕС, и в то же время – важным внешнеполитическим партнером.

Аналогично эволюционирует статус России. Если в 1994 г. отмечалось, что Россия является не угрозой, а лишь «фактором неопределенности и рисков», то в 2008 и 2013 гг. подчеркивалось возвращение России на мировую арену, включая наращивание военного потенциала. С одной стороны, Франция выражала по этому поводу некоторые опасения, с другой – подчеркивала необходимость тесного сотрудничества с Россией на уровне ЕС и НАТО. С 2017 г. в документах Франции выражено нарастание тревоги в отношении роста российской военной мощи, в т.ч. в Средиземноморье, в Черном море и на Балтике, и рекомендуется уравнивать «твердость» с «диалогом». ДСД-2021 закрепляет этот вектор.

Для осуществления разнообразных задач ВМС Франции делает акцент на конкретные виды судов. В БК-1994 г. отмечалась тенденция к сокращению сил флота: 175 судов в 1981 г. и 113 в 1993 г., сокращение программ по строительству двух типов подлодок (ПЛАРБ и ПЛАТ). Указывалось, что ВМС Франции должны включать сотню кораблей, основу сил должна составлять морская авиация и подводный флот. В 2008 и 2013 гг. уточнялось, что основу ВМС составляют 4 ПЛАРБ, 6 ПЛАТ, авианосец, 18-21 фрегат разных типов, 3-4 УДК и проч. В документах 2017 и 2021 г. точных данных по этой теме не указано. Одновременно с этим указаны акценты на модернизацию кораблей. Например, в 2008 г. речь шла об установке на ПЛАРБ новой МБР М-51 и об идее строительства второго авианосца; в 2017 г. – о радарном покрытии сети *Spationav*, спутниковом наблюдении, обработке

данных и создании дронов, создании новой противокорабельной ракете. ДСД-2021 продолжает эту тенденцию: подчеркивается важность использования технических инноваций (сеть 5G, искусственный интеллект, системы сбора данных, квантовая информатика), механизмов проникновения ВМС в запретные зоны формата A2/AD, в качестве задач указывается ввод в строй средних фрегатов обороны и наступления, в 2021-2025 гг. - 4-х первых ПЛАТ типа «Барракуда» и строительство к 2038 г. второго авианосца нового поколения. Модернизацию ВМС традиционно предполагается осуществлять совместно с союзниками по ЕС/НАТО.

В целом французские планы в области развития ВМС претерпели за минувшие 30 лет эволюцию в сторону наращивания мощи. Стремясь к расширению своего присутствия не только в традиционных сферах (Средиземноморье), но и в ИТР, Франция не скрывает, что рассчитывает опираться при этом на серьезный военно-морской потенциал.

Задачи на будущее – обновление кораблей (авианосца, подлодок, фрегатов, сторожевиков) и морской авиации, средств наблюдения (радары, спутники, дроны), оружия (вместе с Британией начаты работы над ракетой, которая сменит противокорабельную ракету «Экзосет»), причем все это должно работать по стандартам НАТО. В частности, Франция активно работает с Италией над созданием многоцелевых фрегатов типа *FREMM* и танкеров *FLOTLOG*, а с Германией – над самолетом морского патрульного самолета *PATMAR*. Париж стремится иметь возможность одновременно выводить на море 2-3 морские группировки, которые бы включали ударные силы (авианосец и 1-2 вертолетоносца-дока) и сопровождение (до 6-8 фрегатов, 1 сторожевик, 1-2 ПЛАТ, 1-2 танкера, морскую авиацию (до 3-5 патрульных самолетов ATL2)). О состоянии французских планов в этом вопросе говорит таблица 1.

Таблица 1. Состояние базовых единиц французского ВМФ на 2019 г. и планы на 2025 г.

Типы судов и авиации	Состояние на 2019 г., шт.	План на 2025 г., шт.	Ожидаемый прирост, ед.
I. Подводные лодки			
ПЛАРБ ¹²	4 (тип «Триумфан»)	4	0
ПЛАТ ¹³	6 (тип «Рубин»)	6 (2 типа «Рубин» + 4 типа «Барракуда»)	0
II. Основные надводные корабли			
Атомный авианосец с авиагруппой на борту	1 («Шарль де Голль»)	1 («Шарль де Голль»)	0
УДК ¹⁴	3 (тип «Мистраль»)	3 (тип «Мистраль»)	0
Фрегаты, в т.ч.	17, в т.ч.	17, в т.ч.	0
Фрегаты ПВО ¹⁵	2 (тип «F70»)	0	- 2
Противолодочные фрегаты ¹⁶	3 (тип «F70»)	0	- 3

¹² ПЛАРБ - подводная лодка атомная с ракетами баллистическими (фр. SNLE).

¹³ ПЛАТ - подводная лодка атомная торпедная (фр. SNA).

¹⁴ УДК – универсальный десантный корабль/ десантный вертолетоносец (фр. BPC, также PNA).

¹⁵ Фрегаты противозушной обороны (фр. FAA) - фрегаты водоизмещением 5000 т, вступившие в строй в 1988 («Кассар») и в 1991 г. («Жан Бар»). Срок службы до 2022 г., подлежат замене многоцелевыми фрегатами (FREMM).

Фрегаты воздушного прикрытия ¹⁷	2 (тип «Горизонт»)	2 (тип «Горизонт»)	0
Фрегаты типа «Лафайет» ¹⁸	5	5, в т.ч. 3 с продленным сроком службы	0
Многоцелевые фрегаты ¹⁹	5 (тип «Аквитания»)	8 (тип «Аквитания»)	+3
Среднеразмерные фрегаты (фрегаты обороны и наступления) ²⁰	0	2	+2
III. Вспомогательные надводные корабли			
Малые фрегаты/ корветы ²¹	6 (тип «Флореаль»)	6	0
Сторожевики ²² , в т.ч.	16, в т.ч.	18, в т.ч.	+2
Легкие сторожевики (тип «Антильские острова-Гвиана») ²³	2	3	+1
Прочие сторожевики старых типов	14	15	+1
Многоцелевые корабли/ Корабли поддержки и обеспечения в заморских владениях ²⁴	3 (тип «Д'Антрекастё»)	4	1

¹⁶ Противолодочные фрегаты (фр. FASM) - фрегаты водоизмещением 4910 т, вступившие в строй в 1986-1990 гг. («Примоге», «Ламотт-Пике», «Латуш-Тревиль»). Срок службы до 2019-2021 гг., подлежат замене многоцелевыми фрегатами.

¹⁷ Фрегаты воздушного прикрытия (фр. FDA) – более современный и крупный - с водоизмещением 7050 т - аналог фрегатов ПВО. Вступили в строй в 2010 («Форбен») и 2011 гг. («Шевалье Поль») годах, заменив устаревшие ракетные фрегаты типа С60.

¹⁸ Фрегаты типа «Лафайет» (фр. FLF) – легкие (водоизмещением 3800 т) ракетные фрегаты малой радиолокационной заметности, построенные с использованием технологии «Стелс». Вступили в строй в 1996 («Лафайет»), 1997 («Сюркуф» и «Курбе»), 1999 («Аконит») и 2001 гг. («Гепрат»).

¹⁹ Многоцелевые фрегаты (фр. FREMM) – новейшие фрегаты широкого спектра названия (ПВО и ПЛО, уничтожение надводных и наземных целей) водоизмещением 6040 т. с тактическими крылатыми ракетами. Вступили в строй в 2015 («Аквитания»), 2016 («Прованс»), 2017 («Лангедок»), 2018 («Овернь») и 2019 гг. («Бретань»). К 2025 г. предполагается спустить еще 3 корабля («Нормандия», «Эльзас», «Лотарингия»).

²⁰ Среднеразмерные фрегаты (фр. FTI)/ фрегаты обороны и наступления (фр. FDI) – легкие современные фрегаты водоизмещением 4460 т., призванные заменить в будущем фрегаты класса «Лафайет».

²¹ Малые фрегаты/ корветы (фр. frégate de surveillance) типа «Флореаль» – легкие (водоизмещением 2950 т) боевые корабли, выполняющие задачи обороны побережья. Вступили в строй в 1992-1994 г.

²² Сторожевики (фр. patrouilleur) – легкие (водоизмещением около 300-3000 т) патрульные корабли, предназначенные для выполнения охранных и полицейских задач в прибрежных водах.

²³ Сторожевики типа «Антильские острова – Гвиана» – легкие патрульные корабли водоизмещением 700 т, построенные для проведения морских наблюдений, борьбы с контрабандой и с загрязнением моря, в т.ч. на мелководье в латиноамериканских владениях Франции. Вступили в строй в 2017 г.

²⁴ Многоцелевые корабли (фр. B2M) / Корабли поддержки и обеспечения в заморских владениях (фр. BSAOM) – легкие вспомогательные суда открытого моря водоизмещением 2300 т, выполняющие военные и гражданские задачи в заморских владениях Франции. Вступили в строй в 2016-2017 гг.

Корабли поддержки и обеспечения для метрополии ²⁵	2 (тип «Луара»)	4	2
Корабли минирования и разминирования ²⁶	15 (в т.ч. 11 минных тральщиков + 4 плавучих базы для водолазов-сапёров)	12 (в т.ч. 5 минных тральщиков + 2 транспортных судна + 3 плавучих базы для водолазов-сапёров + 4 подводных дрона)	- 3
Корабли заправки и обеспечения	3 (старого поколения)	3 (в т.ч. 1 старого поколения + 2 нового)	0
IV. Морская авиация			
Патрульные противолодочные самолеты «Бреге Атлантик 2»	22	18 (модернизированные)	-4
Самолеты морского наблюдения	13	11 (8 типа «Фалькон» + 3 новых)	-2
Средние/тяжелые корабельные вертолеты	36 (в т.ч. 22 типа N90 NFH)	27 (все – типа NH 90 NFH)	-9
Легкие вертолеты	45	45	0
Боевые самолеты, в т.ч.	254, в т.ч.	253, в т.ч.	-1
Многоцелевые истребители типа «Рафаль» ²⁷	143 (в т.ч. 41 типа «Рафаль-М»)	171 (в т.ч. 42 типа «Рафаль-М»)	+28 (в т.ч. +1 «Рафаль-М»)
Многоцелевые истребители типа «Мираж-2000» ²⁸	111	0	-111

Источник: составлено автором по [Loi..., p.52].

Эту программу модернизации ВМС трудно назвать амбициозной, не в последнюю очередь – по финансовым причинам. Основной акцент здесь сделан не столько на количественное увеличение судов и авиации, сколько на их качественное обновление (особенно это видно по подлодкам, фрегатам и морской авиации), с тем чтобы иметь по всем компонентам ВМС корабли и авиацию наиболее новых поколений для успешных действий в интересующих Францию районах мирового океана.

²⁵ Корабли поддержки и обеспечения в открытом море (фр. BSAH) / Корабли поддержки и обеспечения для метрополии (фр. BSAM) - легкие вспомогательные суда открытого моря водоизмещением 2950 т для выполнения военных задач и проведения поисково-спасательных операций в европейской акватории Франции. Вступили в строй в 2018-2019 гг.

²⁶ Корабли минирования и разминирования выполняют различные задачи: минные тральщики типа «Эридан» (фр. СМТ) ведут поиск и уничтожение морских мин, на плавучих базах типа «Вулкан» (фр. VBPD) размещаются водолазы-сапёры и пр.

²⁷ Дассо «Рафаль» - французский многоцелевой истребитель четвёртого поколения, принятый на вооружение ВМС и ВВС Франции в 2004 и 2006 гг., соответственно, для замены «Миражей». Палубная модификация носит название «Рафаль-М».

²⁸ Дассо «Мираж»-2000 - французский многоцелевой истребитель IV поколения, стоявший на вооружении ВВС Франции в 1984-2007 гг.

РАЗВИТИЕ ВМС ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ 2020-2021 ГГ.

Влияние пандемии коронавируса, охватившей мир в начале 2020 г., на ВМС Франции трудно оценить однозначно. С одной стороны, она заострила финансовые вопросы и осложнила работу флота, высветив «узкие места» в его деятельности. С другой стороны, флот и связанные с ним ведомства продолжили свою работу по основным направлениям. Рассмотрим конкретные примеры.

Во-первых, *продолжается исполнение Закона о военном планировании (ЗВП)*, принятого 13 июля 2018 г. на 2019-2025 годы. Несмотря на тяжелые финансовые расходы страны во время пандемии, военные кредиты сохранили поступательную динамику (+1,7 млрд евро ежегодно, а с 2023 г. – по 3 млрд евро) с тем, чтобы достичь планки в 2% ВВП на военные расходы к 2025 г. См. таблицу 2.

Таблица 2. Динамика военных расходов Франции в 2019-2025 гг.

Годы/ сумма	2019	2020	2021	2022	2023	Всего за 2019- 2023	2024	2025
Бюджетны е расходы по статье «Оборона»	35,9	37,6	39,3	41,0	44,0	197,8	Сумма будет уточняться в 2021 с учетом макроэкономическо й ситуации	

Источник: составлено автором по [Loi..., p.1].

Правда, ухудшение макроэкономической ситуации во Франции укрепило скептицизм о возможности для Франции достичь уровня военных расходов на уровне 2%. Парламентская комиссия по вопросам обороны 3 июня 2020 г. пришла к выводу, что непредвиденная рецессия 2020 г. внесет коррективы в ЗВП, что ставит под большое сомнение достижение планки в 2% ВВП расходов на оборону к 2025 году, запланированное в 2019 г. [Rapport..., p.39]. Но в марте 2021 г. министр обороны Франции Ф. Парли заявила, что не видит необходимости в актуализации планов на 2024–2025 гг. [Actualisation de la loi...] – скорее всего, этот вопрос встанет уже после президентских выборов 2022 г.

Во-вторых, *пандемия внесла серьезные коррективы в службу ВМФ Франции в 2020 году, выявив кризисным путем потенциально уязвимые места*. Вся французская армия, включая ВМФ, были временно переориентированы на решение невоенных задач: армия и флот (особенно медики) с марта 2020 г. были брошены на оказание помощи населению. Суда ВМС и самолеты морской авиации использовались для эвакуации населения с Корсики в Марсель, для транспортировки масок и антисептиков на Антильские острова, на Майотту и во Французскую Полинезию [Rapport..., p.12, 17-18]. А уже в апреле 2020 г. французский флот сам оказался в эпицентре пандемии: рассадником заболевания стал флагман – авианосец «Шарль де Голль» (заболели 60% экипажа). Командованию флота пришлось снять судно с выполнения боевых задач в Средиземноморье (операция «Шаммаль» по борьбе с ИГИЛ в Ираке) и вернуть в порт приписки Тулон [Rapport..., p.20-21]. Наконец, из-за пандемии остановились многие организационные процессы и были сорваны сроки выполнения ряда задач. Примерно на 2 месяца был остановлен призыв новобранцев, на время закрылись военно-морские училища, почти на месяц был отложен ряд учений и испытаний, включая испытания новой ПЛАТ «Сюффрен», что тормозило оперативную подготовку французских ВМС. Уход части работников военных предприятий на самоизоляцию как минимум на 2 недели фактически остановил работы национального ВПК [Rapport..., p.26-27, 30]. Очевидно, в будущем расширится роль армии (и флота) в урегулировании

невоенных задач, также будут разработаны более передовые способы санитарной защиты личного состава на кораблях [De Fougières].

В-третьих, несмотря на пандемию, *руководство Франции продолжило курс на модернизацию атомного флота* с учетом ориентиров, прописанных в ЗВП. Сначала в апреле 2020 г. – впервые за 10 лет - состоялись первые испытания новой атомной подлодки «Сюффрен», представляющей новое поколение ПЛАТ «Барракуда» (оно призвано заменить действующее поколение ПЛАТ «Рубин», построенное в 1980-е гг.). По этой программе стоимостью свыше 9 млрд евро намечено строительство шести ПЛАТ в 2020-х гг. [Bauer]. Затем в декабре 2020 г. Э. Макрон объявил о строительстве в скором будущем нового авианосца, который к 2038 г. придет на смену «Шарлю де Голлю». Его преемник будет в 1,5 раза крупнее, будет иметь более мощную атомную установку и нести более серьезную авиационную нагрузку – истребители нового поколения SCAF. Если новый авианосец будет построен до 2038 г., то несколько лет на вооружении Франции одновременно будут стоять два авианосца [Guibert]. Наконец, в феврале 2021 г. Ф. Парли заявила о начале работы над концепцией ПЛАРБ 3-го поколения – подводных стратегических ракетносцев, основных носителей ядерного оружия Франции. Четыре подлодки 3-го поколения, призванные сменить действующие ПЛАРБ типа «Триумфан», должны быть мощнее, тише, но также нести 16 ракет с боеголовкой М-51, которая будет модернизироваться [Merchet]. Тем самым ключевая идея ядерной безопасности Франции – наличие в строю четырех подлодок, с тем чтобы как минимум одна из них могла гарантировать нанесение ответного ядерного удара, остается неизменной.

В-четвертых, пандемия не помешала Франции *продолжить взаимодействие с союзниками в Средиземноморье и в ИТР*. С учетом ориентации ВМФ Франции на стандарты НАТО и курса на совместное производство военной техники и кооперации с партнерами по ЕС/НАТО (Германия, Италия), неудивительно, что Париж не просто рассчитывает на военное сотрудничество с ними, но и полагает, что его ВМС будут играть в этом партнерстве ведущую роль. Франция отправила в мае 2020 г. два корабля для продолжения операции «Ирины» против сомалийских пиратов и еще два корабля – для охраны Ормузского пролива в рамках операции «Агенор» [Rapport..., p.25], не упустила случая продемонстрировать флаг в августе 2020 г. в греко-турецком конфликте, отправив на Кипр – для поддержки Афин и Никосии – два корабля – вертолетоносец «Гром» (Tonnerre), который до этого шел в Ливан с гуманитарной помощью, и фрегата «Лафайет» [Lagneau]. Кроме того, Франция приняла участие в II морских маневрах «Лаперуз» в Бенгальском заливе (5-7 апреля 2021). Если в первых таких маневрах в 2019 г. участвовал авианосец «Шарль де Голль», то во вторых - все тот же вертолетоносец «Гром» и фрегат «Сюркуф». Задачи маневров в краткосрочном плане сводились к отработке взаимодействия, а в долгосрочном – к тому, чтобы подтвердить единство группы QUAD перед лицом Китая [La Pérouse...].

В-пятых, с периодом пандемии совпало *расширение подводных владений Франции*. 11 июня 2020 г. ООН удовлетворила заявку Франции, поданную в 2009 г. на расширение ее подводных владений за пределами территориальных вод в Индийском океане - у Реюньона и островов Сен-Поль и Амстердам. Речь идет о признании за французами шельфа площадью 151 тыс. кв.км (1/4 ее территории в Европе), что позволяет Парижу рассчитывать на разведку залежей углеводородов, минералов, металлов и биологических ресурсов [Summary...; Le domaine...]. Симптоматично, что менее чем через месяц в новом правительстве Ж. Кастекса был воссоздан пост Министра по вопросам моря (ранее он существовал лишь в 1981-1991 гг.) – этот портфель достался г-же А. Жирарден, ранее руководившей Министерством по делам заморских территорий Франции. С учетом создания нового министерства, а также того, что Э. Макрон уже не раз высказывался о том, что «XXI

век станет веком моря» (причем этот тезис поддерживала даже несистемная ультраправая и крайне-левая оппозиция), Париж, похоже, намерен серьезно вкладываться в развитие как экономической эксплуатации морских пространств, так и своей океанической безопасности [Lamothe].

В-шестых, в период пандемии Париж конкретизировал свои планы в ИТР. Выше говорилось, что в январе 2021 г. вышло Дополнение к стратегическому докладу-2017. В этом документе прописано намерение Франции вносить вклад в безопасность региона, сохраняя там свободу навигации и полетов [Revue stratégique..., p.65]. Для этого Париж намерен углублять сотрудничество с Индией, Австралией и Японией, поддерживать форматы региональной кооперации - В апреле 2021 г. вышел документ - «Партнеры Франции в ИТР», в котором снова прописывался курс на сближение со странами QUAD и ACEAN с явным антикитайским креном. Отметим механизм военного сотрудничества Франции с Австралией и Новой Зеландией - FRANZ, вступление Франции в декабре 2020 г. в Индоокеанскую ассоциацию (IORA), соглашение о партнерстве 28 января 2021 г. с Тихоокеанским сообществом, поддержку ACEAN, Индоокеанского морского симпозиума (IONS), Встреч министров обороны стран Южной Пацифики (SDPMM) [Partenariats..., p.6]. Франция, вместе с ФРГ и Нидерландами, стояла у истоков разработки стратегии ЕС по ИТР, принятой в апреле 2021 г. [Council conclusions...], приветствуя подключение к ИТР партнеров по ЕС. Похоже, что ИТР станет одним из приоритетов председательства Франции в ЕС в первом полугодии 2022 г. Франция преследует в ИТР как сугубо экономические цели, так и стремится укреплять влияние ЕС и Запада (то, что в Париже называют «мультилатерализм») через распространение ценностей демократии.

Пандемия, охватившая Францию, включая ее ВМС и связанные госструктуры, осложнила, но не остановила развитие океанического компонента безопасности страны, имеющей весьма амбициозные планы по расширению своего и европейского присутствия в ключевых районах мирового океана, включая Западную Атлантику и Средиземноморье, Красное море и Персидский залив, Индо-Тихоокеанский регион. Основные трудности, принесенные пандемией, заключались в следующем. Во-первых, под вопрос оказалась поставлена динамика движения страны к достижению планки в 2% ВВП расходов на оборону к 2025 г. (скорее всего, ответ на этот вопрос станет ясен после президентских выборов 2022 г.). Во-вторых, в обстановке ЧС были нарушены некоторые организационные процессы и сорваны сроки выполнения некоторых задач. В частности, ВМС были переброшены на решение санитарных задач, авианосец «Шарль де Голль», ставший рассадником коронавируса, снят с выполнения боевых задач в Средиземноморье, приостановлен ряд процессов – от призыва новобранцев и проведения учений до работы национального ВПК. Это показало, что пандемия, даже будучи невоенной угрозой, способна вскрыть уязвимые места в работе ВМС и связанных структур. В то же время созданные трудности критически не повлияли на функционирование военно-морского комплекса Франции. Страна продолжила курс на качественную модернизацию флота, особенно его атомного компонента, с тем чтобы иметь возможность выводить на море 2-3 морские группировки; французские суда по-прежнему выполняют задачи в Средиземноморье и в ИТР; расширяя подводные владения, Париж продолжает конкретизировать свои военно-морские планы. Одной из основных военно-политических целей Французской республики становится наращивание своего (и европейского) присутствия в ИТР – и Франция, скорее всего, будет прилагать к этому усилия, используя свое председательство в ЕС в первом полугодии 2022 г.

Список литературы

Actualisation de la loi de programmation militaire: le Parlement écarté, une faute politique // La Tribune, 22.03.2021. URL: <https://www.latribune.fr/opinions/actualisation-de-la-loi-de-programmation-militaire-le-parlement-ecarte-une-faute-politique-880489.html> (accessed: 20.06.2021).

Actualisation stratégique - 2021 // Ministère des Armées. 10.02.2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (accessed: 20.06.2021).

Bauer A. Le premier sous-marin français de classe Barracuda plonge avec succès // Les Echos. 29.04.2020. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/defense-le-premier-barracuda-francais-plonge-avec-succes-en-mer-1199320> (accessed: 20.06.2021).

Council conclusions on an EU Strategy for cooperation in the Indo-Pacific // Council of the European Union, 16.04.2021. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7914-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 20.06.2021).

De Fougères Mahaut. Quel rôle pour les armées dans la crise du COVID-19? // Institut Montaigne. 26.03.2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/quel-role-pour-les-armees-dans-la-crise-du-COVID-19> (accessed: 20.06.2021).

Guibert N. Un nouveau porte-avions à propulsion nucléaire, une fois et demie plus grand que le « Charles-de-Gaulle », sera opérationnel en 2038 // Le Monde, 08.12.2020. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/12/08/le-porte-avions-charles-de-gaulle-aura-un-successeur-a-propulsion-nucleaire-annonce-emmanuel-macron_6062641_3210.html (accessed: 20.06.2021).

La Pérouse 2021 croise dans le golfe du Bengale // Ouest France, 07.04.2021. URL: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2021/04/06/la-perouse-2021-22022.html> (accessed: 20.06.2021).

Lagneau L. M. Macron a décidé de renforcer « temporairement » la présence militaire française en Méditerranée orientale // Opex360, 13.08.2020. URL: <http://www.opex360.com/2020/08/13/m-macron-a-decide-de-renforcer-temporairement-la-presence-militaire-francaise-en-mediterranee-orientale> (accessed: 20.06.2021).

Lamothe Jérémie. Gouvernement Castex : un ministère de la mer, pour quoi faire? // Le Monde, 09.07.2020. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/07/09/gouvernement-castex-un-ministere-de-la-mer-pour-quoi-faire_6045758_823448.html (accessed: 20.06.2021).

Le domaine sous-marin de la France va s'agrandir de plus de 150.000 km² // Ifremer, 11.06.2020. URL: https://www.ifremer.fr/Espace-Presse/Communiqués-de-presse/Le-domaine-sous-marin-de-la-France-va-s-agrandir-de-plus-de-150.000-km2#_ftn1 (accessed: 20.06.2021).

Loi no 2018-607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Ministère des Armées, 26.09.2018. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/articles/le-president-de-la-republique-promulgue-la-loi-de-programmation-militaire-2019-2025> (accessed: 20.06.2021).

Macron renforce la flotte maritime française et revendique le « leadership » dans l'UE // Le Figaro. 03.12.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/macron-renforce-la-flotte-maritime-francaise-et-revendique-le-leadership-dans-l-ue-20191203> (accessed: 20.06.2021).

T Sous-marins: le coût des SNLE français est secret // L'Opinion, 19.02.2021. URL: <https://www.lopinion.fr/blog/secret-defense/marins-cout-snle-francais-est-secret-237029> (accessed: 20.06.2021).

Partenariats de la France dans l'Indopacifique // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères, Avril 2021. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/fr_a4_indopacifique_16p_2021_v7_cle4ebee1.pdf (accessed: 20.06.2021).

Rapport d'information portant restitution des travaux de la commission de la défense nationale et des forces armées sur l'impact, la gestion et les conséquences de la pandémie COVID-19 // Assemblée Nationale, 03.06.2020. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_def/115b3088_rapport-information.pdf (accessed: 20.06.2021).

Revue stratégique de défense et de sécurité nationale - 2017 // Ministère des Armées. 22.12.2017. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/politique-de-defense/revue-strategique-2017/revue-strategique> (accessed: 20.06.2021).

Stratégie nationale pour la mer et le littoral - 2017 // Ministère de la Mer. 23.02.2017. URL: https://mer.gouv.fr/sites/default/files/2020-11/17094_Strategie-nationale-pour-la-mer-et-le-littoral_fev2017.pdf (accessed: 20.06.2021).

Summary of recommendations of the Commission on the limits of the continental shelf in regard to the partial submission made by France in respect of La Réunion island and Saint-Paul and Amsterdam islands on 8 May 2009 // UN Commission on the Limits of the Continental Shelf, 04.03.2020. URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/fra40_09/2020_03_04_COM_SU_MREC_FRA2.pdf (accessed: 20.06.2021).

References

Actualisation de la loi de programmation militaire: le Parlement écarté, une faute politique // *La Tribune*, 22.03.2021. URL: <https://www.latribune.fr/opinions/actualisation-de-la-loi-de-programmation-militaire-le-parlement-ecarte-une-faute-politique-880489.html> (accessed: 20 June, 2021).

Actualisation stratégique – 2021 // *Ministère des Armées*, 10.02.2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (accessed: 20 June, 2021).

Bauer, A. (2020). Le premier sous-marin français de classe Barracuda plonge avec succès, *Les Echos*, 29 April. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/defense-le-premier-barracuda-francais-plonge-avec-succes-en-mer-1199320> (accessed: 20 June, 2021).

Council conclusions on an EU Strategy for cooperation in the Indo-Pacific // *Council of the European Union*, 16.04.2021. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7914-2021-INIT/en/pdf> (accessed: 20 June, 2021).

De Fougères Mahaut (2020). Quel rôle pour les armées dans la crise du COVID-19? // *Institut Montaigne*, 26 March. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/quel-role-pour-les-armees-dans-la-crise-du-COVID-19> (accessed: 20 June, 2021).

Guibert, N. (2020). Un nouveau porte-avions à propulsion nucléaire, une fois et demie plus grand que le « Charles-de-Gaulle », sera opérationnel en 2038 // *Le Monde*, 08 December. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/12/08/le-porte-avions-charles-de-gaulle-aura-un-successeur-a-propulsion-nucleaire-annonce-emmanuel-macron_6062641_3210.html (accessed: 20 June, 2021).

La Pérouse 2021 croise dans le golfe du Bengale // *Ouest France*, 07.04.2021. URL: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2021/04/06/la-perouse-2021-22022.html> (accessed: 20 June, 2021).

Lagneau, L. (2020). M. Macron a décidé de renforcer « temporairement » la présence militaire française en Méditerranée orientale // *Opex360*, 13 August. URL:

<http://www.opex360.com/2020/08/13/m-macron-a-decide-de-renforcer-temporairement-la-presence-militaire-francaise-en-mediterranee-orientale> (accessed: 20 June, 2021).

Lamothe, J. (2020). Gouvernement Castex: un ministère de la mer, pour quoi faire? // *Le Monde*, 09 July. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/07/09/gouvernement-castex-un-ministere-de-la-mer-pour-quoi-faire_6045758_823448.html (accessed: 20 June, 2021).

Le domaine sous-marin de la France va s'agrandir de plus de 150.000 km² // *Ifremer*, 11.06.2020. URL: https://wwz.ifremer.fr/Espace-Presses/Communiqués-de-presses/Le-domaine-sous-marin-de-la-France-va-s-agrandir-de-plus-de-150.000-km2#_ftn1 (accessed: 20 June, 2021).

Loi no 2018-607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // *Ministère des Armées*, 26.09.2018. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/articles/le-president-de-la-republique-promulgue-la-loi-de-programmation-militaire-2019-2025> (accessed: 20 June, 2021).

Macron renforce la flotte maritime française et revendique le «leadership» dans l'UE // *Le Figaro*, 03.12.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/macron-renforce-la-flotte-maritime-francaise-et-revendique-le-leadership-dans-l-ue-20191203> (accessed: 20 June, 2021).

Merchet, J.-D. (2021). Sous-marins: le coût des SNLE français est secret // *L'Opinion*, 19 February. URL: <https://www.lopinion.fr/blog/secret-defense/marins-cout-snle-francais-est-secret-237029> (accessed: 20 June, 2021).

Partenariats de la France dans l'Indopacifique // *Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères*, April 2021. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/fr_a4_indopacifique_16p_2021_v7_cle4ebee1.pdf (accessed: 20 June, 2021).

Rapport d'information portant restitution des travaux de la commission de la défense nationale et des forces armées sur l'impact, la gestion et les conséquences de la pandémie COVID-19 // *Assemblée Nationale*, 03.06.2020. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_def/115b3088_rapport-information.pdf (accessed: 20 June, 2021).

Revue stratégique de défense et de sécurité nationale – 2017 // *Ministère des Armées*, 22.12.2017. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/politique-de-defense/revue-strategique-2017/revue-strategique> (accessed: 20.06.2021).

Stratégie nationale pour la mer et le littoral-2017 // *Ministère de la Mer*, 23.02.2017. URL: https://mer.gouv.fr/sites/default/files/2020-11/17094_Strategie-nationale-pour-la-mer-et-le-littoral_fev2017.pdf (accessed: 20 June, 2021).

Summary of recommendations of the Commission on the limits of the continental shelf in regard to the partial submission made by France in respect of La Réunion island and Saint-Paul and Amsterdam islands on 8 May 2009 // *UN Commission on the Limits of the Continental Shelf*, 04.03.2020. URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/fra40_09/2020_03_04_COM_SU_MREC_FRA2.pdf (accessed: 20 June, 2021).

И.А. КРАМНИК
НОВЫЙ ОБЛИК ВМС США: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Военно-морские силы США остаются сильнейшим флотом Западного мира, несущим на себе основное бремя обеспечения американского глобального военного присутствия. Вместе с тем в последние годы американский флот столкнулся с рядом негативных тенденций, совокупность которых можно назвать кризисом. Крупнейший в истории ВМС США коррупционный скандал, затронувший значительную часть старшего и высшего офицерского состава, падение уровня боевой подготовки, проблемы с обновлением корабельного состава и ряд других процессов заставляют говорить об исчерпании предыдущей модели роста, основанной на поддержании качественного и количественного превосходства ВМС США над флотами других стран. Дополнительной сложностью оказалось возобновившееся соперничество великих держав, США оказались не готовыми выполнять задачи в данных условиях, во многом утратив потенциал действий «флота против флота». Вызовом стал и резкий рост военно-морских возможностей КНР, чей флот в 2019 году превзошел ВМС США по численности кораблей основных классов.

Поиски выхода начались еще в период администрации Барака Обамы, Дональд Трамп обозначил курс на увеличение размеров флота, и осенью 2020 года был представлен новый план кораблестроения и перспективное видение структуры ВМС США под названием Battle Force 2045. Одновременно эпидемия коронавируса, начавшаяся в 2020 году, стимулировала поиски новых форм взаимодействия, включая рост внимания к безэкипажной/беспилотной технике – не только в США, но и во всем мире.

Помимо уже упомянутых вызовов – пандемия, возвращение соперничества великих держав и рост военно-морского могущества КНР – свою роль сыграл и экономико-технологический фактор. Дальнейший прогресс на пути создания кораблей со все большими возможностями стал слишком дорог, при этом развитие систем вооружения не гарантирует устойчивость корабля в случае применения противником современных и перспективных средств поражения, таких как сверхзвуковые и гиперзвуковые ракеты.

Ключевые слова: ВМС США; Корпус морской пехоты; ВМС НОАК; ВМФ СССР; господство на море; проецирование мощи; морская мощь.

Автор: Крамник Илья Александрович, младший научный сотрудник Центра Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, e-mail: ikramnik@imemo.ru.

ILYA KRAMNIK
THE US NAVY'S NEW LOOK: EVOLUTION AND PERSPECTIVES

Abstract. The US Navy remains the strongest navy in the Western world, bearing the burden of maintaining a global US military presence. In recent years, however, the US Navy has faced a set of negative trends, the sum of which can be called a crisis. The combination of these trends suggests the exhaustion of the previous growth model, based on maintaining the qualitative and quantitative superiority of the US Navy over the other navies of the world.

An added challenge was the renewed great power rivalry, for which the US was unprepared, having lost much of its ocean warfighting capabilities. This required the return of some Cold War-era systems to the ships and submarines. The challenge has also been the surge in China's naval capabilities, whose fleet has surpassed the US Navy in 2019 in the number of major warships. The search for a solution began during the Barack Obama administration, then Trump outlined a course to increase the fleet's size, and a new long-

term vision for the US Navy's structure, called *Battle Force 2045*, was unveiled in the autumn of 2020. At the same time, the COVID'19 pandemic, which began in 2020, has stimulated the search for new forms of interaction, including an increased focus on unmanned/optionally manned systems - not only in the USA, but around the world. In part, this situation can be seen as an amusing bit of coincidence - of course, the trend towards increased distance warfare capabilities had been in place even earlier, but in 2020, several factors converged to make the «drone trend» even more urgent.

In addition to those already mentioned - the pandemic, the return of great power rivalry and China's naval rising - economic and technological factors also played a part. Further advances towards more capable ships have become too expensive, while the improvement in weapon systems does not guarantee the survivability of the ship in the event of an adversary using sophisticated weapons, such as new generation supersonic and hypersonic missiles.

The author analyses the evolution of the US Navy, arguing for the possibility of changes to the Navy and Marine Corps structure over the mid-term in light of the identified trends.

Keywords: US Navy, US Marine Corps, PLA Navy, Soviet Navy, Sea control; Force Projection; Sea Power.

Author: Ilya Kramnik. Junior Research Fellow of IMEMO Center for North American Studies. E-mail: ikramnik@imemo.ru.

В последние годы американский флот столкнулся с рядом негативных тенденций, совокупность которых можно назвать кризисом. Это коррупционный скандал, известный как «Дело толстого Лео», только непосредственно затронувший несколько сотен старших и высших офицеров флота [LaGrone, 2019], падение уровня боевой подготовки, выразившееся в росте аварийности и зафиксированное в соответствующих документах [Department of the Navy Memorandum], и наконец, проблемы с обновлением корабельного состава, отразившееся в серии неудачных проектов кораблей нового поколения [Larter], заставляя говорить об исчерпании предыдущей модели роста, основанной на поддержании качественного и количественного превосходства ВМС США над флотами других стран.

Возобновившееся соперничество великих держав требует от военного руководства оперативных решений. Это, в частности, привело к возвращению в арсенал некоторых систем времен холодной войны [McLeary]. Вызовом стал и резкий рост военно-морских возможностей КНР, чей флот в 2019 году превзошел ВМС США по численности кораблей основных классов.

Поиски выхода начались еще в период администрации Барака Обамы, Трамп обозначил курс на увеличение размеров флота, и осенью 2020 года был представлен новый план кораблестроения и перспективное видение структуры ВМС США под названием *Battle Force 2045* [Eckstein. SECDEF Esper Calls ...]. Одновременно начавшаяся в 2020 году эпидемия коронавируса стимулировала поиски новых форм взаимодействия, включая рост внимания к безэкипажной/беспилотной технике не только в США, но и во всем мире. В определенной мере эту ситуацию можно считать забавным совпадением – конечно же, тренд на усиление дистанционных средств и методов ведения войны обозначился еще раньше, но в 2020 году сошлось одновременно несколько факторов, повысивших актуальность «беспилотных тенденций».

Не исключено, что *Battle Force 2045* станет точкой отсчета для радикального изменения структуры ВМС США, не менее значимого, чем трансформация 1980-х годов. Итогом этих изменений должно стать сокращение удельного веса традиционных главных сил флота – авианосцев и тяжелых неавианесущих кораблей. Ожидается заметный рост доли подводного флота, легких сил, в том

числе беспилотных/безэкипажных/опционально обитаемых систем. Применение этих сил потребует новых решений в части структуры боевых групп и систем управления.

Автор анализирует эволюцию планов развития ВМС США, обосновывая вероятность существенных изменений структуры флота и корпуса морской пехоты в среднесрочной перспективе с учетом обозначенных тенденций.

ПРЕДЕЛЫ РОСТА

После окончания Второй мировой и начала холодной войны ВМС США пережили несколько циклов роста и спада. Последнее существенное увеличение состава флота пришлось на 1980-е гг., и было вызвано к жизни планами строительства т.н. «600-корабельного флота» при Рональде Рейгане [Lehman, p. 148]. С 1981 по 1987 гг. численность флота возросла с 521 до 594 кораблей (см. табл. 1), при этом качественный состав флота также серьезно изменился: начался ввод в строй кораблей 3-го послевоенного поколения, к концу 1980-х гг. составлявшего значимую часть боеготовых сил ВМС США. Не стоит при этом забывать, что трансформация ВМС США в этот период, которую в основном принято связывать с именами президента Рональда Рейгана, его министра обороны Каспара Уайнбергера и министра ВМС Джона Лемана, была бы невозможна без «задела», оставленного предшествующими администрациями. Ключевые проекты, обеспечившие наращивание численного состава ВМС США в 1980-х гг. – начиная с ракетоносцев типа «Огайо» и заканчивая фрегатами типа «Оливер Х. Перри», были разработаны в период 1960-70-х гг. При этом ключевым стимулом, побудившим США к резкому наращиванию флота, стал резкий рост возможностей ВМФ СССР в 1960-70-х гг., и осознанная в США к середине 1970-х гг. способность советских сил оспорить господство на море [Lehman, p. 148]. Эта угроза выглядела все более убедительно по мере того, как ВМФ СССР расширял свое присутствие в отдаленных от советских границ районах мирового океана [Lehman, p. 401].

«Рейгановский» рост не продлился долго, сокращения начались на фоне потепления отношений с СССР уже в 1988 г., а в начале 1990-х гг. приняли обвальный характер. Пиковая численность ВМС США в ходе реализации данной программы была достигнута в 1987 г. – 594 вымпела, включая 223 боевых надводных корабля, но уже в 1992 г. общая численность флота составила 471 корабль, в том числе 156 боевой надводный корабль (БНК) (см. табл. 1).

Табл. 1: Динамика численности ВМС США в конце 1970-х – начале 1990-х годов, по финансовым годам

Дата	30.09.79	30.09.80	30.09.81	30.09.82	30.09.83	30.09.84	30.09.85
Линейные корабли	-	-	-	-	1	2	2
Авианосцы	13	13	12	13	13	13	13
Крейсера	28	26	27	27	28	29	30
Эсминцы	97	94	91	89	71	69	69
Фрегаты	65	71	78	86	95	103	110
Многоцелевые ПЛ	80	82	87	96	98	98	100
ПЛАРБ	41	40	34	33	34	35	37
Корабли управления	-	3	4	4	4	4	4
Тральщики	25	25	25	25	21	21	21
Патрульные корабли	3	3	1	4	6	6	6
Десантные корабли	67	63	61	61	59	57	58
Вспомогательные	114	110	101	117	103	120	121
Всего БНК	190	191	196	202	195	203	211

Всего основных классов	533	530	521	555	533	557	571
Дата	30.09.86	30.09.87	30.09.88	30.09.89	30.09.90	30.09.91	30.09.92
Линейные корабли	3	3	3	4	4	1	-
Авианосцы	14	14	14	14	13	15	14
Крейсера	32	36	38	40	43	47	49
Эсминцы	69	69	69	68	57	47	40
Фрегаты	113	115	107	100	99	93	67
Многоцелевые ПЛ	101	102	100	99	93	87	85
ПЛАРБ	39	37	37	36	33	34	30
Корабли управления	4	4	4	4	4	4	4
Тральщики	21	22	22	23	22	22	16
Патрульные корабли	6	6	6	6	6	6	6
Десантные корабли	58	59	59	61	59	61	58
Вспомогательные	123	127	114	137	137	112	102
Всего БНК	217	223	217	212	203	188	156
Всего основных классов	583	594	573	592	570	529	471

Источник: составлено автором по [US Ship Force Levels].

Трансформация ВМС США после прекращения холодной войны и распада СССР была осмыслена в новой стратегии «... С моря» (... *From the Sea*), ориентировавшей флот с противостояния СССР на региональные вызовы. Эта переориентация подразумевала радикальное изменение задач американского флота: вместо борьбы с противником в океане (действия «на море»), ему предстояло в первую очередь обеспечивать проецирование мощи на сушу (действия «с моря») [Hattendorf, p.90]. Ключевыми элементами нового подхода является видение моря как плацдарма и тыла для США и их союзников, обеспечение превосходства в управлении и оперативном маневре. Флот также сохранял свои задачи в качестве инструмента ядерного сдерживания, и, кроме того, начал рассматриваться в качестве инструмента неядерного сдерживания, включая задачи обеспечения противоракетной обороны. Эта концепция в целом доминировала в развитии ВМС США до последнего времени.

КРИЗИС ДОМИНИРОВАНИЯ

Образцовым конфликтом, фактически оказавшимся модельным для новой стратегии ВМС США, по мнению адмирала Уильяма Оуэнса, в 1991 г. командовавшего 6-м флотом, стала война в Персидском заливе, начиная с развертывания американского флота после вторжения войск Ирака в Кувейт и заканчивая применением ВМС непосредственно в ходе боевых действий. При этом сам Оуэнс отмечал, что ни одна из угроз, оценивавшихся как наиболее серьезные для американского флота в годы холодной войны, не имела никакого отношения к реальному конфликту, в котором американскому флоту пришлось участвовать. «Немногое во время операции «Буря в пустыне» соответствовало предположениям и выводам нашей морской стратегии. Вражеский флот не бросил нам вызов. Волны вражеских самолётов не атаковали наши авианосцы. Подводные лодки не угрожали потоку людей и техники через океан. Флоту не пришлось вести сражения в открытом океане, к которому он готовился в течение предыдущих 20 лет» [Owens, p.4].

Стратегия «... *From the Sea*» изменила картину угроз и задач, делая приоритетом вопросы военно-морского присутствия, в то время как господство на море в принципе не упоминалось в тексте документа. Как отмечает в своей работе по

американским военно-морским стратегиям кандидат политических наук П.Ю. Тебин, значение присутствия ВМС США в мировом океане росло в том числе в связи с сокращением числа американских баз за рубежом. ВМС США стали ключевым инструментом внешней политики, обеспечивая развитие взаимодействия с союзниками США, укрепление их безопасности и демонстрацию мощи. В целом, обеспечение присутствия и действия против берега стали ключевыми задачами ВМС США в этот период, в то время как задача обеспечения господства на море фактически ушла на второй план, за отсутствием противника, способного оспорить это господство [Тебин, с. 45].

Во второй половине 1990-х гг. американское стратегическое планирование исходило из того, что до середины 2010-х гг. в мире не возникнет силы, способной оспорить военное могущество США в глобальном масштабе, подобно тому, как это делал в ходе холодной войны Советский Союз. Соответствующий прогноз был изложен в четырехлетнем обзоре оборонной политики 1997 г. Минобороны США [Report of the Quadrennial Defense Review, p.5], где утверждалось, что США сохранят положение единственной сверхдержавы до 2015 г., а после этого периода лидерство США может быть оспорено Россией или КНР. Необходимо отметить практически абсолютное попадание данного прогноза в цель, однако на состояние ВМС США период безраздельного господства на море повлиял не лучшим образом, на чем мы остановимся отдельно.

Обеспечение глобального присутствия стало тяжким грузом для американского флота в условиях продолжающегося сокращения корабельного состава, численность которого к 2015 г. составила 271 единицу основных классов [US Ship Force Levels]. Нагрузка на действующие силы флота в этих условиях соответствовала максимальным уровням холодной войны [Тебин, с. 46], [Eckstein. No Margin Left ...]. Ситуациюотяготило отсутствие адекватной замены имеющемуся корабельному составу ввиду проблем с разработкой новых проектов надводных кораблей [Larter] и растущая нагрузка на судостроение, проявившаяся в регулярном срыве сроков и завышении цен на постройку и ремонт новых кораблей и подводных лодок [Navy Shipyards p. 8].

Соответственно в период 1990-2010-х гг. в развитии ВМС США господствовали следующие основные тенденции: сокращение численного состава ВМС США; сокращение противокорабельного и противолодочного потенциала ВМС, с дальнейшим сосредоточением на действиях против берега; привлечение ВМС к исполнению ранее не возлагавшейся на них функции обеспечения противоракетной обороны США; рост нагрузки на сократившиеся силы флота, обусловленный необходимостью поддерживать присутствие в ряде конфликтных регионов;

Совокупность обозначенных трендов привела к тому, что во второй половине 2010-х гг. ВМС США столкнулись с полноценным системным кризисом. У данного кризиса можно выделить пять основных проявлений.

Во-первых, кризис управления, охватывающий как командную, так и гражданскую иерархию. Признаком этого кризиса стало скандально известное дело «Толстого Лео», в ходе которого сотни офицеров ВМС США, в том числе десятки адмиралов, были заподозрены в коррупции. В течение 25 лет американские корабли, заходившие в порты стран Азиатско-Тихоокеанского региона, пользовались услугами различных поставщиков, аффилированных тем или иным образом с одной и той же структурой — компанией *Glenn Marine Group*. В течение длительного времени предоставляла услуги шипчандлера (от англ. Ship chandler – компания/лицо занимающееся снабжением и обслуживанием кораблей в порту – прим. авт.) — обеспечивая поставки продовольствия, воды, горючего, электроэнергии, сбор мусора, а также предоставляя иные виды снабжения и портовых услуг. Такая склонность ВМС США к компаниям, аффилированным с *Glenn Marine Group*,

объяснялась тем, что руководитель и владелец компании, сингапурский бизнесмен Леонард Гленн Фрэнсис (известный под прозвищем «толстый Леонард» — Fat Leonard) обеспечил своему бизнесу льготные условия благодаря систематическому подкупу старших офицеров 7-го флота ВМС США, в зону ответственности которого входит западная часть Тихого океана.

Возбужденное американскими правоохранителями расследование не было доведено до конца: ответственность понесли в основном исполнители низшего и среднего звена. Цепочки подозрений тянулись гораздо выше, вплоть до высших командных постов ВМС США в целом и Тихоокеанского флота в частности, но никто из многозвездных адмиралов к ответственности привлечен не был [Крамник], [LaGrone, 2019].

Кризис командной иерархии усугубился кризисом гражданской администрации флота: за четыре с небольшим года после отставки Рэя Мабуса, занимавшего должность секретаря ВМС с 2009 по 2017 гг., на этом посту сменили друг друга уже семеро чиновников – Шон Стакли, Ричард Спенсер, Томас Модли, Джеймс Макферсон, Кеннет Брейтуэйт, Томас Харкер, Карлос дель Торо. При этом при этом Спенсер и Модли успели трижды сменить друг друга.

В апреле 2020 г. оба кризиса слились в один: на фоне эпидемии коронавируса в ВМС США разразился скандал, вызванный требованием командира авианосца «Теодор Рузвельт» Бретта Крозье снять корабль с боевой службы для карантина. Это требование попало в прессу (отдельно отметим, что никто из адресатов письма Крозье не имел права делиться служебным документом с журналистами), привело к увольнению Крозье по требованию исполняющего обязанности секретаря ВМС Томаса Модли, а затем и к отставке самого Модли (уже второй) [Schogol]. Назначенный после этого на пост секретаря ВМС бывший посол в Норвегии, отставной контр-адмирал ВМС США Кеннет Брейтуэйт оставил должность в январе 2021 г. после ухода в отставку администрации Дональда Трампа.

Во-вторых, нужно отметить кризис целеполагания. Осознанная угроза со стороны растущей мощи ВМС Народно-Освободительной армии Китая, в сочетании с резким ухудшением отношений с Россией вызвала к жизни план Дональда Трампа увеличить численность ВМС США до 355 кораблей. Реализация этого плана столкнулась с препятствиями, главным из которых является недостаток финансирования. Необходимость одновременного увеличения численного состава флота и перехода на новое поколение кораблей и подлодок требует резкого увеличения бюджета ВМС, что затруднительно в свете ожесточенных дебатов в конгрессе относительно необходимости сокращения военных расходов, а также потребностей в модернизации других видов вооруженных сил [LaGrone, 2020].

В-третьих, в последние годы зримо проявляется кризис эксплуатации корабельного состава ВМС США. Его символами стали регулярные выходы на боевые службы полуисправных и небоготовых кораблей, падение навыков кораблевождения, участвовавшие инциденты, включая столкновения с человеческими жертвами, и многочисленные эксцессы, не повлекшие аварий. Это позволяет говорить о снижении боевой и технической готовности ВМС США [Department of the Navy Memorandum], [Eckstein, Warships in Maintenance ...], [Shelbourne].

На четвертое место можно поставить кризис судостроения и судоремонта. Цены на постройку и ремонт кораблей возрастают, при этом увеличиваются и сроки работ [Navy Shipyards]. При этом удорожание не гарантирует качества работ и материалов, что периодически приводит к скандалам, например, с многолетними поставками некондиционной стали для строительства подлодок [Johnson] (последний также стал поводом для расследования), и крупным происшествиям, таким, как потеря атомной подводной лодки (АПЛ) «Майами» (SSN-755) и универсального десантного корабля

Bonhomme Richard (LHD-6) в мирное время в результате пожаров на верфях [Eckstein, Warships in Maintenance...].

Результатом двух предшествующих пунктов становится пятый пункт - кризис службы. Увеличение продолжительности и снижение качества ремонта и обслуживания кораблей повышает нагрузку на остающиеся в строю боевые единицы, вынужденные регулярно бить рекорды длительности боевой службы. Интенсивное использование влечет за собой ускоренный расход ресурса оборудования и повышенную усталость экипажа, что оборачивается как ростом вероятности инцидентов, так и увеличением продолжительности обслуживания, необходимого для восстановления ресурса после похода, что усугубляет ситуацию [Тебин, с. 46], [Eckstein. No Margin Left ...].

Наконец, помимо собственного внутреннего кризиса, США к концу 2010-х гг. столкнулись с прогнозировавшимся еще в упомянутом выше QDRR'97 появлением мощного противника в лице Китая. Здесь необходимо отметить в первую очередь впечатляющий рост численности ВМС НОАК, сравнимый по темпам со строительством флотов великих держав во второй половине 1930-х гг., перед началом Второй мировой войны. В 2019 г. ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) обогнали ВМС США по числу кораблей основных классов. По сообщению исследовательской службы Конгресса, к концу 2020 г. ВМС НОАК располагали 360 кораблями в строю, против 297 американских [China Naval Modernization ... , p. 2]. При этом США, разумеется, сохраняют значительное превосходство в возможностях главных сил флота, определяемых численностью авианосцев и других боевых надводных кораблей первого ранга. Вместе с тем необходимость обеспечить глобальное присутствие не позволяет говорить о гарантированном превосходстве США над Китаем в ключевом для этого противостояния Индо-Тихоокеанском регионе. Большую часть времени главные силы ВМС США по-прежнему тратят на присутствие в иных регионах мира, включая, в первую очередь, Ближний Восток [Eckstein. No Margin Left ...]. Для поддержания этого превосходства США может оказаться необходима помощь союзников и переброска дополнительных соединений главных сил из других регионов – включая европейские воды.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не просто о росте возможностей ВМС НОАК, но о качественной трансформации китайской военной машины в целом. Смена поколений оружия коснулась также ВВС НОАК и сухопутной армии, при этом растущие возможности стратегических ядерных сил заставляют предполагать вероятный количественный скачок ядерного арсенала КНР. Наконец, новые виды оружия китайского производства, такие, как лазеры корабельного базирования, противокорабельные баллистические ракеты, противоспутниковое оружие и др. свидетельствуют о качественном росте потенциала китайской промышленности. В целом можно говорить о том, что Китай в настоящее время обладает первоклассной военной машиной, отличающейся по ряду параметров от вооруженных сил России или США, но системно им не уступающей и позволяющей считать КНР военной сверхдержавой.

ПОИСКИ ВЫХОДА

Новый облик ВМС США, призванный дать ответ на этот кризис, был сформулирован в предложенной департаментом ВМС США во главе с Кеннетом Брейтуэйтом осенью 2020 года стратегии «Боевые силы 2045» (*Battle Force 2045*) [Eckstein. SECDEF Esper Calls ...]. Ее ключевыми моментами можно назвать следующие:

Во-первых, перенос приоритетов развития флота на легкие силы и подводный флот. Основной объем строительства новых боевых единиц должен приходиться на боевые корабли 2-го ранга (фрегаты), подводные лодки, десантные корабли и

беспилотные системы – от беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) до надводных и подводных дронов разных типов и размеров. При этом расходы на атомный подводный флот отвлекут в предстоящие годы до половины, а то и больше, от общего объема расходов на военное судостроение.

Во-вторых, предложенное возвращение к строительству легких авианосцев, конструкция которых должна быть основана на конструкции универсальных десантных кораблей типа «Америка». Авианесущие возможности последних должны быть увеличены за счет сокращения десантного компонента. Предполагается, что подобные корабли, способные нести до сорока летательных аппаратов, смогут восполнить дефицит атомных авианосцев, не наращивая объемы строительства последних, а, возможно, и сократив их число.

В-третьих, принципиальное изменение роли и места Корпуса морской пехоты (КМП). Корпус получит десантные корабли нового типа *LAW – Light Amphibious Warship* (Легкий десантный корабль – прим. авт.), напоминающие по концепции танкодесантные корабли 1940-60-х годов или послевоенные средние/большие десантные корабли ВМФ СССР, до сих пор остающиеся в составе ВМФ России. Эти корабли водоизмещением до 4000 тонн и предназначенные для высадки непосредственно на побережье будут способны доставить через океан роту морской пехоты. Корабли типа *LAW* должны стать ключевым элементом в экспедиционных операциях, наряду с экспедиционными морскими базами – крупными судами-складами, несущими большое количество необходимого снаряжения и боеприпасов для действий как на суше, так и на море. Наряду с этим КМП США должен впервые в своей истории получить собственные дальнобойные ударные системы, позволяющие бороться с кораблями противника в ходе «островных» кампаний, а самолеты пятого поколения F-35B радикально повышают возможности авиации КМП, позволяя ей самостоятельно выполнять полный спектр задач от завоевания господства в воздухе до поддержки войск на поле боя.

В-четвертых, воплощение концепции распределения боевых возможностей (*Distributed Lethality*), которая предполагает распределение ударной мощи флота по большему числу более легких боевых единиц [Rowden]. В свою очередь, эти боевые единицы должны действовать совместно, обмениваясь информацией в режиме реального времени. Воплощение этой концепции предполагает приоритетное развитие систем управления и связи. В настоящее время в США разрабатывается одновременно несколько программ, цель которых – создание инфраструктуры боевой сети, «цифрового поля боя», в рамках которого возможен обмен информацией, в том числе передача целеуказания между подразделениями и отдельными боевыми единицами разных видов вооруженных сил в реальном времени.

В рамках реализации данной концепции предполагается изменить подход к проектированию и заказу новых кораблей, уменьшив объем новизны и уровень технического риска, а также ускорить списание ряда старых боевых единиц, ради высвобождения средств на разработку и реализацию перспективных проектов [Larter]. При этом, в частности, предлагалось и уменьшение числа строевых авианосцев [LaGrone, Shelbourne].

Однако эти планы и намерения пока сложно считать окончательно утвержденными с учетом позиции ряда влиятельных конгрессменов, настаивающих на необходимости поддержания потенциала «здесь и сейчас», необходимого ввиду возможного столкновения с Китаем в ближайшем будущем [LaGrone, Shelbourne]. Одновременно нельзя сбрасывать со счетов позицию левого крыла демократов, настаивающих на необходимости существенной ревизии военных расходов и их общего сокращения, что неизбежно осложнит реализацию любой программы обновления ВМС США.

В целом, если говорить об элементах нового облика американского флота, которые будут реализованы практически гарантированно, то следует иметь в виду те проекты, по которым ВМС уже заключили контракты на постройку. Это атомные авианосцы типа «Джеральд Форд», продолжение серии эсминцев типа «Арли Берк», строительство фрегатов нового поколения типа «Констеллейшн», строительство многоцелевых АПЛ типа «Вирджиния», и перспективных стратегических ракетносцев типа «Колумбия». Практически неизбежно будет реализован проект десантных кораблей типа *LAW*, как единственного инструмента, позволяющего применять силы морской пехоты достаточно гибко в условиях возможной «войны за острова» с КНР. Продолжится также развитие беспилотных аппаратов и строительство корветов типа *LCS*, постепенно избавляющихся от выявленных в начальный период эксплуатации недостатков.

С меньшей вероятностью стоит ждать реализации проектов, требующих существенных вложений. В частности, это касается легких авианосцев, альтернативой строительству которых может стать изменение подхода к использованию флота универсальных десантных кораблей, с большим упором на их авианесущие возможности.

Еще менее вероятной представляется быстрая реализация перспективных проектов, таких, как эсминец нового поколения *DDG(X)* и многоцелевая подлодка нового поколения *SSN(X)*, находящихся на достаточно ранней стадии. С учетом экономических проблем, не исключено, что реализация этих проектов сдвинется вправо – с начала-середины 2030-х на начало-середины 2040-х гг.

Предстоящее десятилетие потребует от ВМС США ответов на вопросы, в последний раз ставившиеся в 1970-1980-х гг., при этом баланс экономических возможностей и соотношение научно-технических потенциалов не гарантируют успешного поиска ответа. Независимо от того, каким окажется этот ответ, соперничество с КНР неизбежно потребует трансформации облика американского флота, которая неизбежно повлияет на представления о морской войне в мире в целом.

Ключевой чертой этого нового облика, независимо от конкретного его наполнения техникой, неизбежно станет рост роли и значения систем управления и связи, способный перевернуть представления о войне на море не меньше, чем в свое время распространение подлодок, появление авиации, ядерного оружия и управляемых ракет. Возможности радиоэлектронного вооружения кораблей становятся куда более значимы, чем технические характеристики как самих боевых единиц, так и их оружия, и эту трансформацию еще только предстоит осмыслить.

Список литературы

Крамник И.А. 30 адмиралов, Макартур и проститутки. // Lenta.ru, 16.03.2017. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/15/charmant_charmant/ (дата обращения: 12.08.2021)

Тебин П.Ю. Роль и место военно-морской стратегии в политике национальной безопасности США. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 236 с.

Department of the Navy Memorandum: USS Fitzgerald, USS John S. McCain Collision Report // USNI News, 24.11.2017. URL: <https://news.usni.org/2017/11/01/uss-fitzgerald-uss-john-s-mccain-collision-report> (accessed: 12.08.2021).

Eckstein M. Warships in Maintenance Always Face Increased Risk for Fire Damage // USNI News, 13.07.2020. URL: <https://news.usni.org/2020/07/13/warships-in-maintenance-always-face-increased-risk-for-fire-damage> (accessed: 12.08.2021).

Eckstein M. SECDEF Esper Calls for 500-Ship Fleet by 2045, With 3 SSNs a Year and Light Carriers Supplementing CVNs // USNI News, 06.10.2020. URL:

<https://news.usni.org/2020/10/06/secdef-esper-calls-for-500-ship-fleet-by-2045-with-3-ssns-a-year-and-light-carriers-supplementing-cvns> (accessed: 12.08.2021).

Eckstein M. No Margin Left: Overworked Carrier Force Struggles to Maintain Deployments After Decades of Overuse // USNI News, 12.11.2020. URL: <https://news.usni.org/2020/11/12/no-margin-left-overworked-carrier-force-struggles-to-maintain-deployments-after-decades-of-overuse> (accessed: 12.08.2021).

Hattendorf J. B., U.S. Naval Strategy in the 1990's. Newport Papers. 27, 2006. U.S. Naval War College, 2006. 288 p.

Johnson G. Feds say company provided subpar steel for US Navy subs // Defense News, 15.06.2020. URL: <https://www.defensenews.com/naval/2020/06/15/feds-say-company-provided-subpar-steel-for-us-navy-subs/> (accessed: 12.08.2021).

LaGrone S. Paying the Price: The Hidden Cost of the 'Fat Leonard' Investigation // USNI News, 24.01.2019. URL: <https://news.usni.org/2019/01/24/paying-price-hidden-cost-fat-leonard-investigation> (accessed: 12.08.2021).

LaGrone S. CNO Gilday Calls for Budget Increase to Reach 355 Ship Fleet; New Battle Force Count Won't Include Unmanned Ships // USNI News, 14.01.2020. URL: <https://news.usni.org/2020/01/14/cno-gilday-calls-for-budget-increase-to-reach-355-ship-fleet-new-battle-force-count-wont-include-unmanned-ships> (accessed: 12.08.2021).

LaGrone S., Shelbourne M. Pentagon Mulling Aircraft Carrier Reduction as Part of FY 2022 Budget Review // USNI News, 11.03.2021. URL: <https://news.usni.org/2021/03/10/pentagon-mulling-aircraft-carrier-reduction-as-part-of-fy-2022-budget-review> (accessed: 12.08.2021).

Larter D. Here's the US Navy's plan to stop its string of shipbuilding failures // Defense News, 11.01.2021. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/surface-navy-association/2021/01/11/heres-the-us-navys-plan-to-stop-its-string-of-shipbuilding-failures/> (accessed: 12.08.2021).

Lehman J. F., Jr. Command Of The Seas. Annapolis, Naval Institute Press, 2001. 417 p.

McLeary PI. They're Back: US Subs To Carry Harpoon Ship-Killer Missiles // Breaking Defense, 10.02.2021. URL: <https://breakingdefense.com/2021/02/theyre-back-us-subs-to-carry-harpoon-ship-killer-missiles/> (accessed: 12.08.2021).

Navy Sh. Actions Needed to Address the Main Factors Causing Maintenance Delays for Aircraft Carriers and Submarines. US Government Accountability Office, August 2020, 48 p.

Owens W. A., High Seas The Naval Passage to an Uncharted World. Naval Institute Press, Annapolis, 1995. 200 p.

Report of the Quadrennial Defense Review. US Department of Defense, 1997. 69 p.

US Ship Force Levels 1886-present // Naval History and Heritage Command, 17.11.2017. URL: <https://www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html> (accessed: 12.08.2021).

Rowden T. Surface Force Strategy – Return to Sea Control. Commander Naval Surface Forces, Pacific Fleet, 2020, 22 p.

Schogol J. Why it took us nearly a year to tell the full story of what happened to Navy Capt. Brett Crozier // Task&Purpose, 06.03.2021. URL: <https://taskandpurpose.com/news/navy-brett-crozier-full-story/> (accessed: 12.08.2021).

Shelbourne M. U.S. 2nd Fleet Blames Corrosion for USS Vella Gulf Mishap // USNI News, 03.03.2021. URL: <https://news.usni.org/2021/03/03/u-s-2nd-fleet-blames-corrosion-for-uss-vella-gulf-mishap> (accessed: 12.08.2021).

References

- Department of the Navy Memorandum* (2017): USS Fitzgerald, USS John S. McCain Collision Report // *USNI News*. 24 November. URL: <https://news.usni.org/2017/11/01/uss-fitzgerald-uss-john-s-mccain-collision-report> (accessed: 12 August, 2021).
- Eckstein, M.* (2020). Warships in Maintenance Always Face Increased Risk for Fire Damage // *USNI News*. 13 July. URL: <https://news.usni.org/2020/07/13/warships-in-maintenance-always-face-increased-risk-for-fire-damage> (accessed: 12 August, 2021).
- Eckstein, M.* (2020). SECDEF Esper Calls for 500-Ship Fleet by 2045, With 3 SSNs a Year and Light Carriers Supplementing CVNs // *USNI News*. 06 October. URL: <https://news.usni.org/2020/10/06/secdef-esper-calls-for-500-ship-fleet-by-2045-with-3-ssns-a-year-and-light-carriers-supplementing-cvns> (accessed: 12 August, 2021).
- Eckstein, M.* (2020). No Margin Left: Overworked Carrier Force Struggles to Maintain Deployments After Decades of Overuse // *USNI News*. 12 November. URL: <https://news.usni.org/2020/11/12/no-margin-left-overworked-carrier-force-struggles-to-maintain-deployments-after-decades-of-overuse> (accessed: 12 August, 2021).
- Hattendorf, J. B.* (2006). U.S Naval Strategy in the 1990's. // *Newport Papers*. 27, Newport, Rhode Island: U.S. Naval War College. 288 p.
- Johnson, G.* (2020). Feds say company provided subpar steel for US Navy subs // *Defense News*. 15 June. URL: <https://www.defensenews.com/naval/2020/06/15/feds-say-company-provided-subpar-steel-for-us-navy-subs/> (accessed: 12 August, 2021).
- Kramnik, I.A.* (2017). 30 admiralov, MacArthur I prostitutki [30 admirals, MacArthur and prostitutes] // *Lenta.ru*. 16 March. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/15/charmant_charmant/ (accessed: 12.08.2021).
- LaGrone, S.* (2019). Paying the Price: The Hidden Cost of the 'Fat Leonard' Investigation // *USNI News*. 24 January. URL: <https://news.usni.org/2019/01/24/paying-price-hidden-cost-fat-leonard-investigation> (accessed: 12 August, 2021).
- LaGrone, S.* (2021). CNO Gilday Calls for Budget Increase to Reach 355 Ship Fleet; New Battle Force Count Won't Include Unmanned Ships // *USNI News*. 14 January. URL: <https://news.usni.org/2020/01/14/cno-gilday-calls-for-budget-increase-to-reach-355-ship-fleet-new-battle-force-count-wont-include-unmanned-ships> (accessed: 12 August, 2021).
- LaGrone, S., Shelbourne, M.* (2021). Pentagon Mulling Aircraft Carrier Reduction as Part of FY 2022 Budget Review // *USNI News*. 11 March. URL: <https://news.usni.org/2021/03/10/pentagon-mulling-aircraft-carrier-reduction-as-part-of-fy-2022-budget-review> (accessed: 12 August, 2021).
- Larter, D.* (2021). Here's the US Navy's plan to stop its string of shipbuilding failures // *Defense News*. 11 January. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/surface-navy-association/2021/01/11/heres-the-us-navys-plan-to-stop-its-string-of-shipbuilding-failures/> (accessed: 12.08.2021).
- Lehman, J. F., Jr.* Command Of The Seas. Annapolis, Naval Institute Press, 2001. 417 p.
- McLeary, P.* (2021). They're Back: US Subs To Carry Harpoon Ship-Killer Missiles // *Breaking Defense*. 10 February. URL: <https://breakingdefense.com/2021/02/theyre-back-us-subs-to-carry-harpoon-ship-killer-missiles/> (accessed: 12 August, 2021).
- Navy, Sh.* (2020) Actions Needed to Address the Main Factors Causing Maintenance Delays for Aircraft Carriers and Submarines. US Government Accountability Office, August 2020, 48 p.
- Owens, W. A.* (1995) High Seas The Naval Passage to an Uncharted World. Annapolis: Naval Institute Press, 1995. 200 p.
- Report of the Quadrennial Defense Review. US Department of Defense, 1997. 69 p.
- US Ship Force Levels 1886-present* (2017) // *Naval History and Heritage Command*. 17 November. URL: <https://www.history.navy.mil/research/histories/ship-histories/us-ship-force-levels.html> (accessed: 12.08.2021).

Rowden T., Surface Force Strategy – Return to Sea Control. Commander Naval Surface Forces, Pacific Fleet, 2020. 22 p.

Schogol, J. (2021). Why it took us nearly a year to tell the full story of what happened to Navy Capt. Brett Crozier // *Task&Purpose*. 06 March. URL: <https://taskandpurpose.com/news/navy-brett-crozier-full-story/> (accessed: 12.08.2021).

Shelbourne, M. (2021). U.S. 2nd Fleet Blames Corrosion for USS Vella Gulf Mishap // *USNI News*. 03 March. URL: <https://news.usni.org/2021/03/03/u-s-2nd-fleet-blames-corrosion-for-uss-vella-gulf-mishap> (accessed: 12 August, 2021).

Tebin P.J. Rol i mesto voenno-morskoj strategii v politike nacionalnoi bezopasnosti SSHA [Naval strategy in the US National Security strategy]. M.: IMEMO, 2012. 236 p.

Г.Г. МАКАРЕВИЧ
ПАКИСТАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИЙСКОГО
ОКЕАНА: НОВЫЙ ПОДХОД К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ

Аннотация. В регионе Индийского океана представлены буквально все существующие традиционные и нетрадиционные угрозы. В этой связи существует необходимость формирования устойчивой архитектуры региональной безопасности, попытки построения которой предпринимались как региональными, так и глобальными игроками. Таким образом, актуальность темы статьи обусловлена значением Индийского океана как региона, в устойчивом развитии которого заинтересованы крупнейшие региональные (КНР, Индия) и внешние глобальные акторы (США). Последние годы активное участие в процессе создания архитектуры региональной безопасности пытается принимать Пакистан. Обеспокоенный возможностью военного столкновения с Индией, а также нетрадиционными угрозами (терроризм, пиратство, наркотрафик, торговля людьми), которые могут оказывать дестабилизирующее воздействие на реализацию китайско-пакистанских инфраструктурных проектов и угрожать энергетической безопасности страны, Пакистан присоединялся к глобальным инициативам, направленным на поддержание безопасности в зоне Индийского океана. Однако в последнее время Исламабад активно продвигает собственные инициативы безопасности, рассчитанные не только на противодействие существующим угрозам, но и на подъем авторитета Пакистана в качестве региональной морской державы. Две рассматриваемые в статье инициативы, международные учения «Аман» (*AMAN*) и Региональные патрули морской безопасности (*Regional Maritime Security Patrols, RMSP*) служат двум разнонаправленным, но взаимодополняющим целям: созданию пакистанской площадки противодействия угрозам с привлечением глобальных игроков и формированию системы, где ключевые вопросы безопасности региона будут решаться в первую очередь региональными державами. Автор приходит к выводу, что дальнейшие успехи пакистанских инициатив зависят от динамики развития такого объединения, как Четырёхсторонний диалог по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*), где союзником США выступает стратегический соперник Пакистана - Индия. Поскольку Исламабад не может отказаться от развития уже запущенных инициатив, их придется встраивать в систему региональной безопасности, где задавать тон будут Вашингтон и его союзники.

Ключевые слова: Пакистан, Индийский океан, морская безопасность, региональная безопасность, Аман-2021, Региональные патрули морской безопасности, Четырёхсторонний диалог по безопасности.

Автор: Макаревич Глеб Григорьевич, старший лаборант-исследователь группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, e-mail: gmakarevich@imemo.ru

GLEB MAKAREVICH
PAKISTAN IN THE INDIAN OCEAN REGIONAL SECURITY ARCHITECTURE:
A NEW APPROACH TO OLD ISSUES

Abstract. There are literally all existing traditional and non-traditional threats in the Indian Ocean Region. In this regard, there is a need to form a resilient architecture of regional security, attempts to build which were undertaken by both regional and global actors. In recent years, Pakistan has been trying to take an active part in this process. Concerned about the possibility of a military clash with India, as well as about non-traditional threats (terrorism, piracy, drug trafficking, human trafficking) that could have a destabilizing effect on the implementation of China-Pakistan infrastructure projects and

threaten the country's energy security, Islamabad joined global initiatives aimed at maintaining security in the Indian Ocean. Recently, however, Islamabad has been actively promoting its own security initiatives, designed not only to counter existing threats, but also to raise Pakistan's prestige as a regional maritime power. The two initiatives discussed in the article, the multinational naval exercise AMAN and the Regional Maritime Security Patrols (RMSP) serve two opposite, but complementary goals: to create a Pakistani-led platform for countering threats with the involvement of global actors and to form a system where key regional security issues would be addressed primarily by regional powers. The author concludes that the further success of Pakistani initiatives depends on the dynamics the Quad (Quadrilateral Security Dialogue), where the strategic rival of Pakistan, India, plays a role of the US ally. Since Islamabad cannot abandon the already launched initiatives, they will have to be embedded in a regional security system, where the United States and its allies will persevere in setting the tone.

Keywords: Pakistan, the Indian Ocean, Maritime Security, Regional Security, AMAN, RMSP, Quad.

Author: Gleb G. Makarevich, Senior Research Assistant, Group of South Asia and the Indian Ocean Region, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia, e-mail: gmakarevich@imemo.ru

ВВЕДЕНИЕ

Выход из системного кризиса, вызванного пандемией коронавируса, требует от государств взвешенной оценки имеющихся ресурсов и возможных драйверов развития. Для Пакистана таким драйвером может стать строительство портов, встраивание в систему региональных и глобальных грузоперевозок, а также в целом развитие так называемой «синей экономики», важной предпосылкой чего является наличие выхода к Индийскому океану. Однако для обеспечения бесперебойной региональной торговли страны региона Индийского океана (36 прибрежных государств и 11 государств, не имеющих выхода к морю) должны обеспечить функционирование устойчивой к кризисам системы региональной безопасности. В своей статье автор предпринимает попытку осветить участие Пакистана в существующих инициативах по поддержанию региональной безопасности, а также рассмотреть выдвинутые самим Пакистаном инициативы.

При написании статьи автор обращался к работам пакистанских специалистов по безопасности, в том числе к статьям в официальном журнале вооруженных сил Пакистана *Hilal*, изучал концептуальные документы и заявления официальных лиц, прибегал к материалам специализированной прессы.

Статья строится вокруг гипотезы, согласно которой Пакистан, несмотря на свое стремление участвовать в работе существующих региональных площадок — Военно-морской симпозиум Индийского океана (*Indian Ocean Naval Symposium, IONS*), или операциях внешних игроков — Смешанной оперативной группы 150 (*Combined Task Force 150, CTF 150*), а также Смешанной оперативной группы 151 (*Combined Task Force 151, CTF 151*), планирует поддерживать проекты, развиваемые непосредственно странами региона (и в первую очередь самим Пакистаном), поскольку они же в первую очередь и несут издержки от существующих угроз безопасности. Олицетворением такой стратегии является запуск международных учений «Аман» и Региональных патрулей морской безопасности, подразумевающих противодействие широкому спектру угроз морской безопасности силами ВМС Пакистана и присоединившихся к инициативе стран. Упор на сугубо региональный формат взаимодействия дает Пакистану не только право претендовать на лидерские позиции, но и может служить локальной альтернативой

набирающему силу Четырехстороннему диалогу по безопасности, где важнейшую роль играет внерегиональный актор — США.

Если Пакистану удастся эффективно использовать имеющиеся у страны ресурсы для достижения поставленных целей, то существует возможность значительных изменений во всей архитектуре безопасности. Понимание её особенностей необходимо для определения нынешнего места и перспектив внешней политики России, если мы принимаем во внимание растущее значение Индо-Пацифики. Игнорирование или порицание выдвинутых инициатив, напротив, воспрепятствует созданию атмосферы доверия и взаимопонимания со странами региона, что лишит Москву возможности сотрудничать с государствами Индийского океана.

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Индийский океан занимает особое место в современной мировой экономике и международной политике, поскольку через регион проходит половина контейнерных перевозок, две трети нефтепродуктов и треть насыпных грузов [Bin Saddique]. Важность его подтверждается и тем, что присутствие в Индийском океане является одним из ключевых пунктов внешнеполитической стратегии как региональных (Индия, КНР), так и глобальных игроков (США) [Khalid I.]. Стратегическую значимость Индийского океана осознали еще в биполярную эпоху: долгое время малые страны (в частности, Шри-Ланка) добивались укрепления безопасности в регионе посредством закрепления концепции «Индийского океана как зоны мира» (*Indian Ocean – a Zone of Peace, IOZOP*). Крупные региональные державы в рамках этой концепции рассчитывали на уход внешних игроков, что обеспечило бы им возможность для доминирования. Однако внешние державы (в первую очередь США) не изъявили желания покинуть Индийский океан, а Индия и КНР в свою очередь настолько упрочили свои военно-политические и экономические позиции, что малым странам ныне приходится постоянно лавировать между двумя азиатскими гигантами [Куприянов, 2019]. Региональные угрозы меж тем не потеряли своей актуальности, что требует переосмысления сложившейся архитектуры безопасности.

Хотя в Докладе Специального комитета по Индийскому океану Генассамблеи ООН 2017 года [Доклад Специального комитета...] и утверждается приоритетность так называемых «нетрадиционных угроз», не менее актуальной видится и опасность военного столкновения между государствами региона Индийского океана. Конфронтация между арабскими монархиями Персидского залива и Ирана, самое яркое выражение которой можно наблюдать в Йемене; военные конфликты на Африканском Роге; и, наконец, возможность военной эскалации между Индией и Пакистаном (с перспективой вовлечения КНР) не дают возможности говорить о том, что традиционные угрозы безопасности отошли на второй план. Более того, перечень нетрадиционных угроз (терроризм, пиратство, наркотрафик, торговля людьми) в последние годы получает новое преломление: после ряда нападений на танкеры Саудовской Аравии и ОАЭ в Ормузском проливе в июне 2019 года у экспертов появились предположения, что за нападениями якобы стоит иранский Корпус Стражей Исламской Революции (КСИР), и что нападения явились реакцией Ирана на обострение конфронтации с США и странами Залива, а также ответом на усиление санкционного давления на Тегеран [Кортунов].

Таким образом, региональная архитектура безопасности сталкивается с широким набором традиционных и нетрадиционных угроз. Самой актуальной среди них для Пакистана является, разумеется, военное столкновение с Индией. Обладающие ядерным оружием региональные державы имеют сложную историю отношений с четырьмя полноценными военными конфликтами, а ключевой вопрос

двусторонних отношений - принадлежность Кашмира - не только не близок к своему разрешению, но и регулярно дает поводы для возникновения новых кризисных ситуаций.

В контексте морской безопасности Пакистана показателен следующий пример: в ходе последнего военного обострения между Индией и Пакистаном в начале 2019 года после теракта в Пульваме²⁹ и удара ВВС Индии по лагерю группировки «Джайш-е-Мухаммад»³⁰ в Балакоте корабли ВМС Пакистана были полностью выведены из портов и рассредоточены в прибрежных районах, чтобы не допустить единовременного удара или блокировки со стороны индийских ВМС [Bhat Vinayak]. Такие действия были продиктованы географическим положением Карачи, главного порта и экономической столицы страны, а также опытом прошлых войн. Индийским ВМС неоднократно удавалось наносить ощутимый урон портовой и нефтепромышленной инфраструктуре города или демонстрировать возможность нанесения такого урона.

Не меньшее значение для Пакистана играет и реализация пилотного проекта китайской инициативы «Пояса и Пути» под названием Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), а также связанная с ним проблема энергетической безопасности Пакистана. Ключевая роль в обеспечении безопасности китайских рабочих на ведущем проекте КПЭК, порте Гвадар, возложена на ВМС Пакистана [Hasan Shazia]. От бесперебойной работы порта зависит функционирование всего экономического коридора, нацеленного на развитие пакистанской инфраструктуры и энергетического сектора страны. Поскольку Пакистан является энергодефицитной страной, импортирующей энергоресурсы в основном из стран Персидского залива, безопасность в западной части Индийского океана является важнейшим условием социально-экономического развития страны.

Военно-гражданское руководство Пакистана осознает уязвимость страны с военно-стратегической точки зрения, а также принимает во внимание важность реализации проектов КПЭК и критичность энергетической безопасности, поэтому Исламабадом стоит задача по поиску новых подходов к выстраиванию региональной архитектуры безопасности.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ ПАКИСТАНА

Существующие форматы взаимодействия по вопросам безопасности в регионе Индийского океана можно условно поделить на две группы по критерию присутствия и отсутствия внерегиональных акторов. К первой группе относятся операции Смешанной оперативной группы 150, а также Смешанной оперативной группы 151³¹, нацеленных на противодействие пиратству, наркотрафику, контрабанде и работорговле в районе Ормузского пролива, Аденского залива и Африканского Рога. Командование ВМС Пакистана не устает говорить о своей вовлеченности в данные операции, отдельно подчеркивая, что Пакистан стал первой страной из Южной Азии, присоединившейся к американской инициативе, а также указывая на факт

²⁹ 14 февраля 2019 года в округе Пульвама индийского штата Джамму и Кашмир произошел теракт, в результате которого погибло 44 служащих внутренних войск Индии. Отношения между Индией и Пакистаном обострились, для удара по предполагаемым базам боевиков на территории Пакистана Индия задействовала свои ВВС (прим. авт.).

³⁰ Группировка «Джайш-е-Мухаммад – террористическая организация в Кашмире, главной целью которой является отделение Кашмира от Индии (прим. авт.)

³¹ Международные военно-морские оперативные группы, созданные для противодействия нетрадиционным угрозам в западном регионе Индийского океана и подчиняющиеся Центральному командованию ВМС США (USNAVCENT). CTF 150 действовали в акватории Красного моря, Аденского и Оманского заливов, CTF 151 - вдоль восточного побережья Сомали (прим. авт.).

командования объединенными силами коалиции пакистанскими военными моряками [Ansari Usman].

Не сторонился Пакистан и площадок, на которых были представлены исключительно страны региона Индийского океана. Среди них Военно-морской симпозиум Индийского океана, где главную роль как основатель формата играет Индия. Симпозиум изначально предполагал создание площадки для обсуждения проблем морской безопасности среди представителей академической среды, но со второй половины 2000-х гг. в работе форума принимает участие и военно-морское командование 36 государств региона Индийского океана [Куприянов, 2020]. Однако регулярное обострение отношений между Индией и Пакистаном препятствуют активному участию Исламабада в работе симпозиума, а потому перед военно-политическим руководством Пакистана встала задача запустить собственные инициативы региональной безопасности, которые бы повысили авторитет страны на международной арене.

На наш взгляд, отдельного рассмотрения заслуживают два собственно пакистанских проекта: международные военно-морские учения «Аман» (переводится с языка урду как «мир») и Региональные патрули морской безопасности.

Учения «Аман» начали проводить в 2007 году, а в феврале 2021 года «Аман-2021» стали уже седьмыми по счету. Отметим тот факт, что для участия в мероприятии намеренно приглашается широкий круг морских держав, поскольку Пакистан стремится доказать свою особую роль в регионе посредством военно-морской дипломатии. В этом аспекте пакистанцы в целом преуспели: в учениях «Аман-2021» приняли участие 43 страны. Кроме того, пакистанские эксперты обращают внимание и на качественные показатели успешности инициативы. Отдельно отмечается, что в ходе мероприятия появилась возможность взаимодействия таких «стратегических соперников» как Россия и США, а также Ирана и стран Персидского залива [Khalid Z.]. Интерес мировых и региональных держав к пакистанской инициативе в стратегически важном для безопасности всего региона (и в особенности Пакистана) Аравийском море дает возможность Исламабаду заявить о себе как о державе, играющей значительную роль в поддержании региональной безопасности.

Иначе расставлены акценты в случае с Региональными патрулями морской безопасности. Командование ВМС Пакистана исходит из представления о необходимости решения региональных проблем безопасности региональными же игроками. При этом участие внерегиональных акторов вовсе не исключается, но ведущая роль должна оставаться за «местными» державами, поскольку создание блоков безопасности во главе с внешними игроками в прошлом якобы не способствовали развитию доверия между державами региона [Azmi Sohail]. Исламабад призывает к участию в инициативе в первую очередь страны Персидского залива (Саудовскую Аравию, Оман, ОАЭ), от сотрудничества с которыми зависит энергетическая безопасность Пакистана, но при этом не ограничивается лишь акваторией Аравийского моря: в июне 2021 года находящийся на боевом дежурстве в рамках инициативы Региональными патрулями морской безопасности фрегат ВМС Пакистана типа «Зульфикар» «Саиф» нанес визит в порт Джибути [PN Ship Visits Djibouti...], что было призвано продемонстрировать заинтересованность страны в поддержании безопасности во всем западном регионе Индийского океана.

В этом контексте вызывает интерес реакция Пакистана на возможное развитие Четырехстороннего диалога по безопасности, в состав которого входят США, Австралия, Япония и Индия. Администрация Дж. Байдена намерена обеспечивать американское лидерство как с помощью поддержки системы «старых» союзов (НАТО, двусторонние связи в АТР с Японией, Южной Кореей и Тайванем), так и за

счет развития новых объединений в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), который был выделен в качестве приоритетного для внешней политики США во «Временных указаниях по стратегии национальной безопасности» 2021 года³² [Interim National Security...]. Состоявшийся в марте 2021 года саммит глав государств-членов Четырехстороннего диалога по безопасности не только поставил вопрос о перспективах развития объединения, но и о будущем всей архитектуры региональной безопасности, поскольку лидеры нового «альянса демократий» не скрывают, что их долгосрочная цель – сдерживание КНР [Rej Abhijnan].

Пакистан оказывается в двойственном положении: с одной стороны, долгосрочные планы Вашингтона по присутствию в ИТР и сдерживанию Китая идут вразрез с желанием Пакистана повысить свою роль в обеспечении региональной безопасности и наращивать сотрудничество с КНР, но в то же время Исламабад не может позволить себе открыто выступить против инициативы США, хотя участие Индии в объединении раздражает Пакистан не меньше, чем присутствие американцев в Индийском океане. Военно-гражданское руководство Пакистана в любом случае не сможет отказаться от уже запущенных инициатив, поэтому пакистанцам придется искать форматы взаимодействия с «четверкой», одновременно преследуя свою ключевую цель: становление в качестве самостоятельного лидера в вопросах региональной безопасности.

Надежды на превращение Индийского океана в «зону мира», очевидно, не оправдались. Многие угрозы с конца «холодной войны» не только не потеряли свою актуальность, но и приобрели особую остроту в новых проявлениях. Каждая из вышеперечисленных угроз несет все больше издержек для Пакистана в силу традиционно нестабильной политической и социально-экономической ситуации в стране, поскольку экзогенные и эндогенные факторы вкуче могут нивелировать и без того призрачные перспективы экономического процветания страны. Поэтому предпринятая пакистанским руководством попытка переосмыслить форматы взаимодействия в области региональной безопасности видятся весьма обоснованными.

Пакистан стремился принимать самое активное участие во всех существующих форматах противодействия угрозам, но объяснимое желание заявить о себе как о полноценном региональном лидере послужило причиной создания новых площадок, международных учений «Аман» и Региональных патрулей морской безопасности, реализацию которых можно назвать вполне успешной. С высокой долей вероятности можно предположить, что Пакистан и впредь будет вкладываться в развитие этих инициатив.

Особо пристального внимания в регионе заслуживает динамика развития Четырехстороннего диалога по безопасности. Ее интенсивность может стать ключевым фактором при дальнейшем выстраивании архитектуры региональной безопасности, а Пакистану придется брать во внимание не только наращивание американского присутствия в ИТР, но и ту роль, которую на себя может взять Индия в этом процессе. Исламабаду придется встраиваться в складывающуюся конфигурацию, но при этом продвигать и собственные инициативы, стремясь получать поддержку у стран региона Индийского океана и заявляя о себе как о региональном лидере на глобальном уровне.

³² Документ, призванный заменить пока еще разрабатываемую администрацией Джо Байдена Стратегию национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности является ключевым документом, определяющим основные направления американской внешней политики (прим. авт.).

Список литературы

Доклад Специального Комитета по Индийскому океану. Генеральная Ассамблея ООН. 10.07.2017. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/29> (дата обращения: 29.07.2021).

Кортунов А.В. Ормузский пролив и Аденский залив. 12.07.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ormuzskiy-proliv-i-adenskiy-zaliv/?sphrase_id=75900181 (дата обращения: 29.07.2021).

Куприянов А. В. Военно-морской симпозиум Индийского океана // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020 Т. 64. №2. С. 80-88. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-80-88

Куприянов А.В. Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего? // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. №12(1). С. 204-219. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

Ansari U. Pakistan's naval chief talks regional security and tech wish list // *DefenseNews*. 03.06.2020. URL: <https://www.defensenews.com/interviews/2020/06/03/pakistans-naval-chief-talks-regional-security-and-tech-wish-list/> (accessed: 29.07.2021).

Azmie S. Regional Maritime Security Patrols // *Pakistan Today*. 03.06.2019. URL: <https://archive.pakistantoday.com.pk/2019/06/03/regional-maritime-security-patrols-rmsp/> (accessed: 29.07.2021).

Bhat V. Pakistan's entire Navy has been out at sea after India bombed Balakot // *The Print*. 11.03.2019. URL: <https://theprint.in/defence/pakistans-entire-navy-has-been-out-at-sea-after-india-bombed-balakot/204122/> (accessed: 29.07.2021).

Bin Saddique, K. H. Pakistan Navy as a Stabilizing Force in Indian Ocean // *Hilal*. 2015. №1. P. 42-48.

Hasan S. Naval network providing security to Gwadar Port // *The Dawn*. 15.03.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1320631> (accessed: 29.07.2021).

Interim National Security Strategic Guidance // *The White House*. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 29.07.2021).

Khalid I. Indian Ocean: Global and Regional Strategies // *Journal of Political Studies*. 2013. Vol. 20. Iss. 2. P. 21-36.

Khalid Z. Strategic Analysis of Pakistan Navy's Multilateral Exercise AMAN-2021 // *Centre for Strategic and Contemporary Research*. 2021. Iss. 23. 16 p.

PN Ship Visits Djibouti as Part of Maritime Security Patrol // *The Dawn*. 07.06.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1627978> (accessed: 29.07.2021).

Rej A. In «Historic» Summit Quad Commits to Meeting Key Indo-Pacific Challenges // *The Diplomat*. 13.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/in-historic-summit-quad-commits-to-meeting-key-indo-pacific-challenges/> (accessed: 29.07.2021).

References

Doklad Spetsial'nogo Komiteta po Indiiskomu okeanu. General'naya Assambleya OON. [Report of the Ad Hoc Committee on the Indian Ocean. General Assembly.] 10.07.2017. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/29> (accessed: 29 July, 2021). (In Russian)

Kortunov, A. (2019) Ormuzskii proliv i Adenskii zaliv [The Strait of Hormux and Gulf of Aden] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ormuzskiy-proliv-i-adenskiy-zaliv/?sphrase_id=75900181 (accessed: 29 July, 2021). (In Russian)

Kupriianov, A.V. (2020). Voenno-morskoi simpozium Indiiskogo okeana [The Indian Ocean Naval Symposium] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No 64(2). P. 80-88 (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-80-88

Kupriianov, A.V. (2019) Indiiskii okean kak zona mira: ustarevshaya kontseptsiya ili format budushchego? [The Indian Ocean as a Zone of Peace: an Outdated Concept or Format for the Future?] // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, parvo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. No 12(1). P. 204-219. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

Ansari, U. (2020). Pakistan's naval chief talks regional security and tech wish list // DefenseNews, 3 June. URL: <https://www.defensenews.com/interviews/2020/06/03/pakistans-naval-chief-talks-regional-security-and-tech-wish-list/> (accessed: 29 July, 2021)

Azmie, S. (2019). Regional Maritime Security Patrols, Pakistan Today, 3 June. URL: <https://archive.pakistantoday.com.pk/2019/06/03/regional-maritime-security-patrols-rmsp/> (accessed: 29 July, 2021)

Bhat, V. (2019). Pakistan's entire Navy has been out at sea after India bombed Balakot // *The Print*, 11 March. URL: <https://theprint.in/defence/pakistans-entire-navy-has-been-out-at-sea-after-india-bombed-balakot/204122/> (accessed: 29 July, 2021)

Bin Saddique, K. H. (2015) Pakistan Navy as a Stabilizing Force in Indian Ocean // *Hilal*. No 1. P. 42-48.

Hasan S. (2017). Naval network providing security to Gwadar Port // *The Dawn*, 15 March. URL: <https://www.dawn.com/news/1320631> (accessed: 29 July, 2021)

Interim National Security Strategic Guidance // *The White House*, March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 29 July, 2021)

Khalid, I. (2013). Indian Ocean: Global and Regional Strategies, *Journal of Political Studies*, Vol. 20, Issue 2: 21-36.

Khalid, Z. (2021). Strategic Analysis of Pakistan Navy's Multilateral Exercise AMAN-2021, *Centre for Strategic and Contemporary Research*, Issue 23:16.

PN Ship Visits Djibouti as Part of Maritime Security Patrol, *The Dawn*, 07.06.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1627978> (accessed: 29.07.2021)

Rej, A. (2021). In «Historic» Summit Quad Commits to Meeting Key Indo-Pacific Challenges // *The Diplomat*, 13 March. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/in-historic-summit-quad-commits-to-meeting-key-indo-pacific-challenges/> (accessed: 29.07.2021)

А.С. ЛОМАКИН
COVID-19 И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: НОВАЯ
ПЕРЕМЕННАЯ В СТАРОМ УРАВНЕНИИ

Аннотация. Пандемия «COVID-19» нанесла и продолжает наносить существенный ущерб человеческой цивилизации, привнося изменения во многие сферы жизни человека. По состоянию на май 2021 г., количество летальных исходов после заражения коронавирусом в мире составляет 3,53 млн. человек, что сопоставимо с безвозвратными потерями Российской Империи в Первой мировой войне. Влияние пандемии вместе с деятельностью правительств стран, направленной на снижение темпов распространения вируса, спровоцировали изменения в функционировании каждой государственной системы, подвергнув эти системы серьезным испытаниям. Характерным доказательством принятия новой «ковидной» действительности являются события на Ближнем Востоке, прежде всего в Ираке и САР. В регионе, где помимо стремительного распространения новой угрозы остаются нерешенными старые конфликты и проблемы.

Новые изменения отразились на ходе и интенсивности современных вооруженных конфликтах не только на Ближнем Востоке, но именно в этом регионе интенсивность ведения боевых действий увеличилась, когда в других частях земного шара (к примеру, в Латинской Америке) стали фиксироваться периоды «затишья».

Кроме того, «COVID-19» спровоцировал видоизменения отдельных элементов ведения боевых действий, деятельности государства и внешних акторов, присутствующих в регионе, которые, в свою очередь, прибегли к сворачиванию своей военной и подготовительной деятельности, чтобы обезопасить личный состав от заражения вирусом. Комплексное исследование вопросов влияния пандемии на развитие вооруженных конфликтов в мире в отечественном научном сообществе и за рубежом лишь начинает приобретать необходимые масштабы для наиболее полного осмысления этого явления.

Сохранение спектра «традиционных» проблем и противоречий в регионе отягощается еще сильнее в условиях стремительного распространения пандемии в местах, где ведутся активные боевые действия, а возможность купирования этой угрозы и ведение какой-либо статистики о числе зараженных остается исключенной.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, вооруженные конфликты, Ближний Восток, боевые действия, трансформация.

Автор: Ломакин Артем Сергеевич, магистр, старший лаборант кафедры международных организаций и мировых политических процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: lomakinartemmsu@mail.ru

ARTEM LOMAKIN
COVID-19 AND THE ARMED CONFLICTS IN THE MIDDLE EAST: A NEW
VARIABLE IN THE EQUILIBRIUM

Abstract. The COVID-19 pandemic has caused and continues to cause significant damage to human civilisation, bringing changes to many areas of human life. As of May 2021, the number of deaths worldwide following infection with the coronavirus stands at 3.53 million, almost comparable to the irreversible losses suffered by the Russian Empire during the First World War. The impact of the pandemic, coupled with actions by national governments to slow the spread of the former, triggered changes in the functioning of every government system, severely testing these systems. The events in the Middle East, above all in Iraq and the SAR, are typical proof of the acceptance of the new «covid reality». In a region where old conflicts and problems remain unresolved in addition to the rapid spread of the new threat. The new changes have affected contemporary armed

conflicts not only in the Middle East, but it is in this region that the intensity of hostilities has increased, when other parts of the globe began to register periods of «lulls», for example, in Latin America. Moreover, COVID-19 prompted changes in some of the combat operations, State activities and external actors present in the region who in turn curtailed their military and preparatory activities in the region in order to protect their personnel from the virus. A comprehensive study of the impact of the pandemic on the development of armed conflicts worldwide in the domestic scientific community and abroad is only beginning to acquire the necessary scope to comprehend this phenomenon as fully as possible. The range of problems and controversies in the region, which is becoming traditional for the region in question, is exacerbated by the rapid spread of the pandemic to places where active hostilities are taking place, while the ability to curb the threat and keep any statistics on the number of infected remains elusive.

Keywords: pandemic COVID-19, armed conflicts, Middle East, hostilities, transformation.

Author: Artem Lomakin, Masters Degree , Senior Research Assistant, Department of International Organizations and World Political Processes, Lomonosov Moscow State University, e-mail: lomakinartemmsu@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

10-го февраля 2021 г. журнал «BMJ global health» опубликовал результаты исследования о ситуации и темпах распространения COVID-19 на Ближнем Востоке и Северной Африке (БВСА). Результатами исследования стали следующие выводы:

В отличие от других регионов мира, страны БВСА не публикуют официальных данных об эпидемиологической обстановке в их странах;

Новая пандемия продемонстрировала серьезные изъяны в системе обмена данными между странами мирового сообщества и данного региона в области интенсивности и географии конфликтов, а также потоках беженцев. При этом, проследить вероятность заражения коронавирусом не представляется возможным [Wehbe, Fahme, Rizk, 2021].

Ключевыми факторами усиления интенсивности вооруженных конфликтов, исходя из анализа событий последнего времени на Ближнем Востоке стали:

- Чрезмерное применение силы против гражданского населения [ALCED, p. 6];
- Вооруженные группировки, пользуясь отвлечением внимания мирового сообщества от Ближнего Востока из-за пандемии, активизировали свою деятельность;
- Рост гражданских беспорядков, вызванных ухудшением социально-экономических условий из-за распространения вируса;
- Изменения режима работы вооруженных сил иностранных акторов в регионе;
- Новые сложности в начале переговорного процесса. Для организации единой переговорной площадки имеется меньше инструментов и ресурсов, что в значительной степени затягивает начало процесса по урегулированию;
- Усиление борьбы за ресурсы (пресная вода, продовольствие).

В декабре 2019 г., когда информация о распространении первого штамма коронавируса впервые попала в СМИ, 12 передовых стран мира столкнулись с всплеском агрессии в обществе, ростом числа забастовок, и актов неповиновения органам государственной власти. Причиной тому послужили заявления и действия правительств по предотвращению распространения вируса. В этом же месяце было зарегистрировано рекордное число случаев насилия и нападений на почве грядущих

ограничений и паники вокруг новостей о новом смертоносном вирусе [Mehrl, Thurner, p. 5].

23-го марта 2020 г., Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш выступил с беспрецедентным призывом к мировому сообществу о необходимости прекращения распри и конфликтов по всему земному шару. Генсек ООН настоял на необходимости всего мира объединиться в борьбе с новой угрозой и на время сложить оружие всем сторонам конфликтов. Этот призыв получил широкую политическую поддержку и породил надежды на то, что пандемия может послужить катализатором для снижения общего уровня конфликтности в мире. А. Гутерриш завершил свой доклад словами поддержки и сочувствия странам, где до сих пор ведутся активные боевые действия.

Тем не менее, в регионах, где сегодня продолжаются бои, были зафиксированы тенденции, которые в значительной степени противоречили призыву генсека ООН. И если в других регионах мира (Латинская Америка, Юго-Восточная Азия) [UN, p. 9] на определенное время было зафиксировано затишье, то в странах Ближнего Востока степень агрессии лишь увеличилась. Принятие ограничительных мер по примеру мирового сообщества спровоцировало крайне негативную реакцию среди широких слоев населения стран Ближнего Востока [UN, 2021]. Это было обусловлено низким уровнем социальной защиты, недостатком продовольствия и высоким уровнем безработицы даже еще до начала пандемии. С началом введения жестких ограничений процент безработных в странах стал соотноситься с показателями двадцатилетней давности. Ответные меры в связи с пандемией создали окно возможностей для радикальных группировок и оставили гражданское население без защиты. Используя фактор пандемии, радикалы проводят активные мероприятия по вербовке новых боевиков и получают доступ к новым рынкам сбыта наркотических веществ, так как, к примеру, европейский наркобизнес замедлил темпы своего роста, из-за начала локдауна в Европе [Беляев].

НОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В таких государствах как Колумбия, Камерун и Филиппины, где вооруженные группировки последовали призывам по прекращению огня и временно воздержались от вооруженной борьбы, время «затишья» достигло от двух недель до двадцати суток [Wise, Badanjak, Bell, Knäussel, p 7]. При этом затишья на Ближнем Востоке, в частности Ираке и Сирии в районах, где велись активные боевые действия, случаев одностороннего прекращения огня не происходило. Важно понимать, что террористические группировки не только не реагировали на призывы, но пытались использовать перерывы в своих целях. Боевики ИГИЛ³³ усилили интенсивность своих атак в 1,5 раза, по сравнению с периодом, когда правительства Саудовской Аравии и Ирака еще не ввели ограничения из-за пандемии [ACLED, p. 2].

Возросшая активность боевиков стала реакцией на временное прекращение работы ВС стран Ближнего Востока и внешних акторов (РФ, США, Турецкой республики) в регионе [Никольский]. Военные контингенты данных стран осмыслили и собирали информацию о влиянии вируса и проводили переконфигурацию своей деятельности в рамках новых условий. Кроме того, национальные вооруженные силы Сирии и Ирака перенаправили часть сил военных и полиции для поддержания режима ограничений в городах, что ослабило внимание от борьбы с террористической угрозой [Никольский].

Одним из новых элементов переконфигурации стало еще более активное внедрение боевых средств, которые не требуют присутствия человека на поле боя.

³³ Организация запрещена на территории РФ по решению Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С

Речь идет не только об использовании дронов-убийц и БПЛА, но и роботов. В стремлении обезопасить личный состав от вируса, военно-политические руководства стали чаще прибегать к дистанционным средствам ведения боя. Доказательством тому может послужить как уничтожение с борта вертолета генерала-лейтенанта КСИР К. Сулеймани, так и дистанционное использование роботов во время убийства израильскими спецслужбами «отца иранской ядерной программы» М. Фахризаде. Весьма вероятно, что при принятии решения относительно проведения данных операций также учитывался и фактор пандемии.

ТУНИССКИЙ СТРЕСС-КЕЙС

К юбилейному 65 году своей независимости Тунис переживает серьезные проблемы в экономической, политической и социальной сферах. Пандемия COVID-19, в купе с традиционными вопросами страны, которые остаются открытыми с 2011 г. тормозят развитие гражданского общества и национальной экономики, подорванной рекордными показателями безработицы [KNOEMA, 2019]. Подобное положение дел грозит активным ростом конфликтности, которая не снижается уже 10 лет и ознаменовалась сменами правительств, массовыми митингами и вооруженными стычками по всей стране и на ее незащищенных границах [Ghiles]13.

По состоянию на конец марта 2021 г. [MEM, p. 13] внутривластный конфликт в стране грозит спровоцировать очередной роспуск парламента. 18-го января 2021 г. парламент страны объявил вотум недоверия премьеру Туниса Рашиду аль-Ганнуши, а уже 9-го марта президент Туниса Каис Саид выступил с заявлением о том, что настаивает на отставке аль-Ганнуши из-за подозрений в коррупционной деятельности [Александрова].

При этом лояльные сторонники президента поддержали инициативу, добавив к коррупции разжигание политических конфликтов в стране. Противоречия между президентом страны и премьером Туниса начались после кадрового перераспределения в кабинете министров [Шарапов].

В январе 2021 г. вспыхнули новые [В Тунисе...] протесты на фоне общего недовольства работой правительства и новых ограничений из-за пандемии. За несколько дней протестов было задержано свыше 900 человек, что в несколько раз превышает среднестатистические показатели. 26 января после неудачной попытки захвата протестующими здания парламента в столице были проведены аресты. Примечательно, что протестный сценарий был похож на начало развития событий, ознаменовавших начало «Арабской весны» в регионе. В январе 2021 г. в тунисском сегменте интернета стало популярно видео, в котором полицейский оскорблял пастуха, пасущего стадо овец возле городской администрации г. Сильяна.

Отягощает социально-политическую турбулентность тунисского общества локдаун, вызванный влиянием пандемии [Garda, 2021]. К началу 2021 г. в Тунисе было выявлено 232 615 тыс. заразившихся COVID-19, при этом 8000 тыс. чел. скончалось. Страна занимает одну из последних позиций в списке стран региона по количеству тестирований и доступа к вакцине от COVID-19, опережая лишь Йемен и САР [Worldbank, 2021]. Смертность в стране от вируса достигла 723 человека на миллион населения, что для 11,57 миллионного Туниса является чувствительным. Из-за ряда финансовых сложностей в здравоохранении [ООН, 2021], правительство страны смогло обеспечить контракт на поставку лишь 2 млн. доз вакцины «Pfizer». Ситуация с отсутствием доступности вакцины в стране демонстрируется на примере решения руководства КНР пожертвовать 100 тыс. доз своей вакцины против COVID-19 [Rossaprimavera, 2021].

Сменявшие друг друга правительства [Ghiles] порой набирали людей, не обладающих необходимой квалификацией. Чаще всего, найм на ту или иную работу служил вынужденной мерой для умиротворения воли протестующих.

По состоянию на конец марта 2021 г., официально трудоустроено 38,5% трудоспособного населения (15-65 лет, по определению Всемирного банка) [Ghiles]. Безработица среди молодежи составляет 35,7%, а среди выпускников вузов - 30,1%. От одной трети до половины экономической деятельности является неоформленной, что позволяет избежать налогообложения. Учитывая экономический спад на 8,8% в 2020 году и отсутствие повсеместного вакцинирования, перспективы на 2021 г. крайне отрицательны.

Существенной проблемой Туниса остается острая нехватка чистой питьевой воды [Reportlinker, 2020]. К 2022 г. ожидается резкий рост нехватки [World bank, 2021] продовольствия и сельскохозяйственной продукции. Правительству не удастся сохранять умеренный рост цен на товары первой необходимости. За февраль текущего года цены выросли на 20%.

Во внешнеполитической сфере Тунис выступил [Ouanes] с поддержкой по продвижению мирных политических процессов в Ливии и за укрепление двухсторонних контактов в политической и экономических сферах. Проблема проникновения через тунисско-ливийскую границу боевиков ДАИШ/ИГИЛ провоцирует нестабильность в Тунисе и оттягивает процесс. Правительство страны стремится купировать возможные проблемы и риски в сфере экономики за счет активной туристической политики. Страна сократила пребывание в карантине до двух дней [Livingintravels] и готовится к летнему сезону, ожидая крупный поток туристов, в том числе и из России.

Страна остается незащищенной от вылазок террористических ячеек с территории Ливии. Контроль и охрана границ реализуется на низком уровне, что провоцирует турбулентность среди широких слоев населения.

ЙЕМЕН

В Йемене COVID-19 угрожает обострить то, что ООН назвала «худшим гуманитарным кризисом в мире», одновременно предоставляя вооруженным группировкам и конкурирующим локальным властям еще одну возможность для достижения своих целей. Растущее число зарегистрированных случаев заболевания вирусом COVID-19 и отсутствие возможностей отслеживать распространение вируса является огромной проблемой для страны, где 80% населения не обладает необходимыми экономическими, социальными и продовольственными ресурсами, а с января 2020 г. были зафиксированы 110 тыс. доказанных случаев заболевания холерой, не говоря уже о COVID-19 [Walsh, 2020].

ЛИВИЯ

Сочетание высшей степени интернационализированности вооруженного конфликта и с полностью разрушенной системы общественного здравоохранения делает пандемию смертоносной. Зафиксировано почти 700 000 мигрантов и беженцев по всей стране [Pusztai].

ИРАК

Именно в Ираке в период мирового локдауна было зафиксировано наибольшее число вылазок боевиков ИГИЛ [Mskau]. При этом боевики смогли извлечь максимум пользы от коронавируса, инициировав атаки по всем регионам страны в период священного месяца Рамадан. Воспользовавшись затишьем из-за пандемии и нарастанием противоречий между Вашингтоном и Тегераном в конце 2020 г., боевики нанесли удар по северному Ираку, где сосредоточено преимущественно крестьянское население страны, и стали мобилизовать свои силы из «спящих ячеек» ИГИЛ. Активизировались боевые действия и на Карачогских высотах, вблизи г.

Мосул. Возросла напряженность в г. Салахуддине, г. Махмуре, г. Дияле и на территории компактного проживания христиан – Ненивейских равнинах.

СИРИЯ

Положение дел в САР в условиях пандемии остается стабильно тяжелым. Несмотря на помощь РФ по противодействию распространению пандемии, достоверных данных о числе заболевших нет до сих пор. По сравнению с октябрь-ноябрем 2019 г. боевики нарастили свою боевую активность, что отразилось на росте числа атак на колонны, КПП и терактов в крупных городах. Важно понимать, что с учетом специфики организации террористов на Ближнем Востоке (отсутствие физически оформленной организации и сетевые методы управления), расходы боевиков на ведение боевых действий в период пандемии резко сократились. Эксплуатируя живую силу, ресурсы и подпольные сети на территории Ирака и САР, террористы продолжают получать стабильное финансирование даже в то время, когда вся мировая экономика начала стагнировать [Мскау].

Таким образом, появление пандемии на повестке дня стран Ближнего Востока (Ирак, Сирия, Ливия, Йемен) привело лишь к еще большей активизации боевых действий. Небольшая пауза, вызванная локдауном во всем мире стала причиной увеличения степени конфликтогенности широких общественных масс. Введение правительствами жестких ограничительных мер привело к повышению числа и степени агрессивности манифестаций, жертв и задержаний со стороны гражданского населения и активистов, выступающих за отмены ограничений [UN, 2021]. Кроме того, временной простой, связанный с локдауном, создал временной буфер для внешних игроков, представленных в регионе. В первую очередь речь идет о деятельности вооруженных сил РФ и стран-членов НАТО. Этот временной пробел позволил радикалам из стран Ближнего Востока усилить свою деятельность на разных направлениях. Пользуясь «дивидендами» пандемии радикальные группировки на Ближнем Востоке пытаются легитимировать и укрепить свои позиции [Mehrl, Thurner, 2020]. Сегодня боевиками также используется фактор COVID-19 в пропагандистских целях и для вербовки новых боевиков. Путем запугивания местного населения на начальных этапах ее объявления миру тем, что вирус является наказанием для неверных. Правительственных мер, направленных на сдерживание распространения пандемии, в комплексе с мерами, которые смягчают экономическое воздействие этой политики на уязвимые группы населения, в странах БВСА крайне недостаточно, а их эффект является краткосрочным и ограниченным.

Важен и экономический фактор в увеличении конфликтности. Уже сейчас пандемия вносит серьезные коррективы в национальные экономики. Бедные страны (в том числе страны БВСА) станут еще беднее, что облегчит работу террористам по распространению своих идей [Гогитидзе].

Снижение деятельности международных акторов выразилось, в значительной степени, во временном сворачивании и ограничении деятельности РФ, международных коалицией и инструкторской активности НАТО, что создает вакуум по восстановительной деятельности в регионе и способствует укреплению террористических ячеек [Гогитидзе]. К примеру, ВС США приостановили деятельность своих зарубежных военных контингентов и инструкторских баз, из-за угрозы распространения вируса среди американских военнослужащих [Mehrl, Thurner, 2020]. В ходе трекинга с недельным шагом вооруженных конфликтов в различных регионах мира установлено, что распространение COVID-19 продемонстрировало глобальное снижение интенсивности региональных конфликтов в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Европе и на Кавказе.

Однако, наиболее важным является то, что была зафиксирована обратная тенденция в странах БВСА. Результаты математического моделирования доказывают, что количество боестолкновений резко сократилось в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Европе и на Кавказе после того, как страны впервые столкнулись с COVID-19.

Список литературы

Александрова А. Президент Туниса призвал главу парламента и премьер-министра подать в отставку. URL: riafan.ru/1401146-prezident-tunisa-prizval-glavu-parlamenta-i-premer-ministra-podat-v-otstavku. (accessed: 03.06.2021)

Беляев Д. Терроризм в эпоху пандемии. Как коронавирус повлиял на безопасность в мире? URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8926009. (accessed: 03.06.2021)

В Тунисе протестующие вышли к зданию парламента. URL: www.kommersant.ru/doc/4662544. (accessed: 03.06.2021)

Гогитидзе К. Война во время пандемии. Почему мир не перестал воевать в карантин? // bbc.com URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52886159> (accessed: 03.06.2021).

Гундаров В. Кто, где и за что сегодня воюет на планете. URL: nvo.ng.ru/gpolit/2020-09-17/1_1109_wars.html. (accessed: 03.06.2021)

Никольский А. США сворачивают военную активность за рубежом из-за коронавируса. 01.06.2021. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/29/826555-ssha-svorachivayut-aktivnost. (accessed: 03.06.2021)

ACLED «Armed violence dashboard», 2020. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard>. (accessed: 03.06.2021)

Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED), «Number of organized violent events by country-month-year», 2020. URL: <https://acleddata.com/curated-data-files/>. (accessed: 03.06.2021)

Bapat N. Will COVID-19 Cause a War? Understanding the Case of the U.S. and China // degruyter.com URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/peps-2020-0047/html> (accessed: 03.06.2021).

International Trade Administration Electric Power Generation Industry Overview in Tunisia. URL: www.reportlinker.com/report/search?keywords=tunisia. (accessed: 03.06.2021)

Keating M. «Peace building in the time of Coronavirus» // global-geneva.com. URL: <https://www.global-geneva.com/peace-building-in-the-time-of-coronavirus/> (accessed: 03.06.2021).

Tunisia: Authorities plan to impose four-day nationwide lockdown Jan. 14-17 to combat COVID-19 /update 34. 2021 // [Garda](http://Garda.com). URL: www.garda.com/crisis24/news-alerts/428606/tunisia-authorities-plan-to-impose-four-day-nationwide-lockdown-jan-14-17-to-combat-COVID-19-update-34. (accessed: 03.06.2021)

Tunisia - Unemployment rate // *Кмоема*. URL: <https://clck.ru/VFgVb> (accessed: 03.06.2021)

Marks J.R. How ISIS is exploiting the coronavirus pandemic. URL: www.foxnews.com/world/how-isis-is-exploiting-the-coronavirus-pandemic. (accessed: 03.06.2021)

Mehrl M. Thurner W. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Global Armed Conflict: Early Evidence // *Political Studies Review*. Vol. 19. Iss. 2. P. 286-293. URL: journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1478929920940648. (accessed: 03.06.2021)

Crisis Tracker-5/24/2021 // MENA. URL: documents1.worldbank.org/curated/en/280131589922657376/pdf/MENA-Crisis-Tracker-May-24-2021.pdf. (accessed: 03.06.2021)

Nikolsky A. US shrinks military activity abroad because of coronavirus. 01.06.2021. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/29/826555-ssha-svorachivayut-aktivnost. (accessed 03.06.2021)

OCHA. Tunisia receives first batch of COVID-19 vaccines through COVAX Facility // OCHA. 02.06.2021. URL: reliefweb.int/report/tunisia/tunisia-receives-first-batch-COVID-19-vaccines-through-covax-facility. (accessed: 03.06.2021)

Protesters came out to the building of parliament in Tunis. URL: www.kommersant.ru/doc/4662544. (accessed: 03.06.2021)

Pusztai W. Libya's conflict: a very short introduction // EUISS Brief. 2019. No.12. Conflict Series. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/libyas-conflict>. (accessed: 03.06.2021)

Report of the Secretary-General on the protection of civilians in armed conflict (S/2021/423) [EN/AR/RU] // UN. URL: <https://reliefweb.int/report/world/report-secretary-general-protection-civilians-armed-conflict-s2021423-enarru> (accessed: 03.06.2021)

Tunisia: Authorities plan to impose four-day nationwide lockdown Jan. 14-17 to combat COVID-19 /update 34. 2021 // Garda. URL: www.garda.com/crisis24/news-alerts/428606/tunisia-authorities-plan-to-impose-four-day-nationwide-lockdown-jan-14-17-to-combat-COVID-19-update-34. (accessed: 03.06.2021)

Tunisia's Ghannouchi: 'Dissolving parliament is not an option'. URL: www.middleeastmonitor.com/20210323-tunisias-ghannouchi-dissolving-parliament-is-not-an-option/. (accessed: 03.06.2021)

Walsh D. As Fighting Surges, Yemen Is Hit With 1st Cluster of COVID-19 Infections // New York Times, April 29, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/29/world/middleeast/yemen-saudi-coronavirus-cholera.html>. (accessed: 03.06.2021)

Wehbe S., Fahme S.A., Rizk A. COVID-19 in the Middle East and North Africa region: an urgent call for reliable, disaggregated and openly shared data // BMJ Global Health 2021. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33563720/>

Wise L., Badanjak S., Bell C., Knäussel F., 2021. Pandemic Pauses: Understanding Ceasefires in a Time of COVID-19. Covid collective social science research for COVID-19 action // Global Justice Academy. South Bridge: School of Law Old, College The University of Edinburgh, 2021. 35 p.

References

ACLED «Armed violence dashboard», 2020. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard>. (accessed: 03 June, 2021)

Alexandrova, A. Prezident Tunisa prizval glavu parlamenta i prem'er-ministra podat' v otstavku [Tunisia's president has called on the head of parliament and prime minister to resign]. URL: riafan.ru/1401146-prezident-tunisa-prizval-glavu-parlament-a-i-premer-ministra-podat-v-otstavku. (accessed: 03 June, 2021) (In Russian)

Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED), «Number of organized violent events by country-month-year», 2020, URL: <https://acleddata.com/curated-data-files/>. (accessed: 03 June, 2021)

Bapat, N. Will COVID-19 Cause a War? Understanding the Case of the U.S. and China // *degruyter.com* URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/peps-2020-0047/html> (accessed: 03 June, 2021)

Belyaev D. [Terrorism in the Age of Pandemic. How has the coronavirus affected global security?] URL: www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8926009. accessed: 03 June, 2021) (In Russian)

Ghiles, F. Voodoo economics leads Tunisia to the brink. URL: thearabweekly.com/voodoo-economics-leads-tunisia-brink. (accessed: 03.06.2021)

Gogitidze, K. Vojna vo vremja pandemii. Pochemu mir ne perestal voevat' v karantin [«Pandemic warfare. Why Has the World Not Stopped Fighting in Quarantine?】 // *bbc.com* URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52886159> (accessed: 03 June, 2021) (In Russian)

Gundarov, V. Kto, gde i za chto segodnja vojuet na planete [Who, where and what is at war on the planet today]. URL: nvo.ng.ru/gpolit/2020-09-17/1_1109_wars.html. (accessed: 03 June, 2021) (In Russian)

International Trade Administration Electric Power Generation Industry Overview in Tunisia. URL: www.reportlinker.com/report/search?keywords=tunisia. accessed: 03 June, 2021)

Keating, M. Peace building in the time of Coronavirus // *global-geneva.com*. URL: <https://www.global-geneva.com/peace-building-in-the-time-of-coronavirus/> (accessed: 03 June, 2021)

Tunisia - Unemployment rate // *Kmoema*. URL: <https://clck.ru/VFgVb> (accessed: 03 June, 2021)

Marks, J.R. How ISIS is exploiting the coronavirus pandemic. URL: www.foxnews.com/world/how-isis-is-exploiting-the-coronavirus-pandemic. (accessed: 03.06.2021)

Mehrl, M. Thurner, W. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Global Armed Conflict: Early Evidence. URL: // *Political Studies Review*. Vol. 19. Iss. 2. P. 286-293. URL: journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1478929920940648. (accessed: 03 June, 2021)

Crisis Tracker-5/24/2021 // *MENA*. URL: documents1.worldbank.org/curated/en/280131589922657376/pdf/MENA-Crisis-Tracker-May-24-2021.pdf. (accessed: 03 June, 2021)

Nikolsky, A. US shrinks military activity abroad because of coronavirus. 01.06.2021. URL: www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/29/826555-ssha-svorachivayut-aktivnost. (accessed: 03 June, 2021) (In Russian)

Tunisia receives first batch of COVID-19 vaccines through COVAX Facility // *OCHA*. 02.06.2021. URL: reliefweb.int/report/tunisia/tunisia-receives-first-batch-COVID-19-vaccines-through-covax-facility. (accessed: 03 June, 2021)

Protesters came out to the building of parliament in Tunis. URL: www.kommersant.ru/doc/4662544. (Date of access: 03.06.2021)

Pusztai, W. (2019) Libya's conflict: a very short introduction // *EUISS Brief*. No 12. Conflict Series. November 2019. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/libyas-conflict>. (accessed: 03 June, 2021)

Report of the Secretary-General on the protection of civilians in armed conflict (S/2021/423) [EN/AR/RU] // UN. URL: <https://reliefweb.int/report/world/report-secretary-general-protection-civilians-armed-conflict-s2021423-enarru> (accessed: 03 June, 2021)

Tunisia: Authorities plan to impose four-day nationwide lockdown Jan. 14-17 to combat COVID-19 /update 34. 2021 // *Garda*. URL: www.garda.com/crisis24/news-alerts/428606/tunisia-authorities-plan-to-impose-four-day-nationwide-lockdown-jan-14-17-to-combat-COVID-19-update-34. (accessed: 03 June, 2021)

Tunisia's Ghannouchi: 'Dissolving parliament is not an option'. URL: www.middleeastmonitor.com/20210323-tunisias-ghannouchi-dissolving-parliament-is-not-an-option/. (accessed: 03 June, 2021)

Walsh, D. (2020) As Fighting Surges, Yemen Is Hit With 1st Cluster of COVID-19 Infections // *New York Times*. April 29, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/29/world/middleeast/yemen-saudi-coronavirus-cholera.html>. (accessed: 03 June, 2021)

Wehbe S., Fahme S.A., Rizk A. (2021) COVID-19 in the Middle East and North Africa region: an urgent call for reliable, disaggregated and openly shared data // *BMJ Global Health* 2021. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33563720/> (accessed: 03 June, 2021)

Wise L., Badanjak S., Bell C., Knäussel F. (2021). Pandemic Pauses: Understanding Ceasefires in a Time of COVID-19. Covid collective social science research for COVID-19 action // *Global Justice Academy*. South Bridge: School of Law Old, College The University of Edinburgh. 35 p.

С.В. РАСТОЛЬЦЕВ
ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБСЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУС-КВО
НАГОРНОГО КАРАБАХА В 2020 Г.

Аннотация. Минская группа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) заняла ведущую роль в урегулировании нагорнокарабахского конфликта после заключения соглашения о перемирии в 1994 г. В середине 1990-х гг. оформилась структура постоянного сопредседательства в составе трех ведущих держав – России, США и Франции, которые довольно слаженно работали на протяжении всей истории существования Минской группы несмотря на возможные разногласия в других сферах, предлагая возможные варианты урегулирования этого затяжного и трудноразрешимого конфликта. В первые полтора десятилетия Минская группа предложила несколько детально проработанных проектов решения конфликта, однако из-за непримиримости сторон они были отвергнуты по разным причинам как Арменией, так и Азербайджаном. В течение 2010-х гг. назревал кризис переговорного процесса на фоне возрастающей гонки вооружений между сторонами конфликта, ростом военных настроений в обществе и эскалации вокруг Нагорного Карабаха.

В результате уже в 2016 г. противостояние переросло в полномасштабную войну, которая длилась четыре дня и была остановлена в значительной степени благодаря активным дипломатическим усилиям России, а Минская группа в целом играла второстепенную роль. На фоне ослабления международного участия роль России как самостоятельного актора урегулирования стала более заметной. Эта роль укрепилась после новой шестинедельной войны осенью 2020 г., вследствие которой статус-кво Нагорно-Карабаха существенно изменился. Война привела к возвращению близлежащих районов и даже части территорий самого Карабаха под контроль Азербайджана, а также вводу в регион контингента российских миротворцев.

В итоге проекты урегулирования, когда-то выработанные Минской группой, были реализованы лишь отчасти, в качественно других военных и геополитических условиях, сложившихся после войны 2020 г. Однако несмотря на снижение роли Минской группы ОБСЕ в результате эскалации конфликта и изменения статус-кво Нагорного Карабаха сохраняется потенциал для ревитализации ее роли в изменившихся обстоятельствах, учитывая солидный переговорный опыт в решении нагорнокарабахской проблемы и конструктивный потенциал ОБСЕ как института урегулирования конфликтов.

Ключевые слова: урегулирование конфликтов, нагорнокарабахский конфликт, международные организации, ОБСЕ, Минская группа ОБСЕ

Автор: Растольцев Сергей Владимирович, младший научный сотрудник, Центр международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) Российской Академии Наук, e-mail: sergej-ras@yandex.ru

SERGEY RASTOLTSEV
THE CHALLENGE FOR OSCE EFFICIENCY IN THE CONTEXT OF CHANGING
THE STATUS QUO OF NAGORNO KARABAKH IN 2020

Abstract. The Minsk Group of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) took the leading role in resolving the Nagorno-Karabakh conflict after the ceasefire agreement of 1994. In the mid-1990s a permanent co-chairing structure was established, comprising three great powers – Russia, the US and France – who worked quite coherently throughout the history of the Minsk Group, despite possible

disagreements in other areas, offering possible solutions to this protracted and intractable conflict. In the first decade and a half, the Minsk Group proposed several detailed draft solutions to the conflict, but they were rejected for various reasons by both Armenia and Azerbaijan, due to the intransigence of the parties. During the 2010s, a crisis in the negotiation process emerged against a background of a growing arms race between the conflicting sides, the growth of military sentiments in society and escalation around Nagorno-Karabakh.

As a result, as early as 2016 the confrontation escalated into a full-scale war that lasted four days and was halted largely thanks to Russia's active diplomatic efforts, while the Minsk Group generally played a secondary role. Against the background of waning international involvement, Russia's role as an independent actor in the settlement became more prominent. This role was strengthened after a new six-week war in autumn 2020, which significantly changed the status quo of Nagorno-Karabakh. The war led to the return of the regions around Nagorno-Karabakh and even parts of Karabakh itself to Azerbaijani control, and the deployment of Russian peacekeepers in the region.

As a result, the settlement projects once elaborated by the Minsk Group have been implemented only in part, in a qualitatively different military and geopolitical environment since the war of 2020. However, despite the diminished role of the OSCE Minsk Group

Consequently, the settlement projects once elaborated by the Minsk Group were implemented only in part, in a qualitatively different military and geopolitical environment since the war of 2020. However, despite the reduced role of the OSCE Minsk Group as a result of the escalation of the conflict and the change in the status quo in Nagorno-Karabakh, the potential remains for revitalising the role of the Minsk Group in the changed circumstances, taking into account its solid negotiating experience on the Nagorno-Karabakh issue and the constructive potential of the OSCE as a conflict resolution institution.

Keywords: conflict resolution, Nagorno-Karabakh conflict, international organizations, OSCE, OSCE Minsk Group

Author: Sergey Rastoltsev, Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences, *e-mail:* sergej-ras@yandex.ru

Нагорнокарабахский конфликт стал одним из самых крупных и разрушительных столкновений на территории нынешнего постсоветского пространства. Его эскалация началась в 1988 г., когда центробежные тенденции в СССР набирали свою силу и в конечном итоге внесли свой весомый вклад в его распад. Еще в советский период во время постепенной эскалации Москва пыталась остановить конфликт самостоятельно, без помощи международного сообщества. Однако на фоне слабеющей власти союзного центра эти усилия не смогли удержать армянское большинство жителей Нагорнокарабахской Автономной области от вооруженной борьбы за независимость от Азербайджанской ССР и возможную реинтеграцию с Арменией. В 1992-1994 гг., когда бывшие союзные республики уже отделились от Москвы, война за Нагорный Карабах между получившими независимость Арменией и Азербайджаном вспыхнула в полную силу. Она привела к большому количеству жертв (более 30 тыс.) и беженцев (более 1 млн.) [Nagorno-Karabakh: Viewing the Conflict from the Ground..., p. 3], а также занятию армянскими силами не только территории Карабаха, но и обширной буферной зоны – семи районов, его окружающих.

Во время этой войны новое российское руководство предпринимало активные усилия по урегулированию конфликта. Однако собственных ресурсов у Москвы не хватало, кроме того, в кардинально изменившейся международно-политической обстановке активно шло налаживание отношений с западными странами и многосторонними институтами. В начале 1990-х гг. одним из обновленных и

укрепляющихся институтов взаимодействия в области урегулирования конфликтов стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое в 1995 г. было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). После вступления бывших советских республик, в том числе Армении и Азербайджана, в состав полноправных членов СБСЕ/ОБСЕ, именно в рамках этой организации с 1992 г. стал формироваться международный переговорный формат по урегулированию нагорнокарабахского конфликта.

ЭТАПЫ УЧАСТИЯ МИНСКОЙ ГРУППЫ В ПРОЦЕССЕ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Участие Минской группы с момента ее создания в 1992 г. в решении карабахского вопроса можно разделить на четыре этапа. *Первый этап, 1992-1998 гг.*, был отмечен стремлением России к самостоятельным действиям и встречными усилиями западных держав по интеграции Москвы в международный переговорный формат Минской группы. Изначально в 1992 г. в рамках СБСЕ была достигнута договоренность об учреждении т.н. Минской группы посредников в составе 11 национальных представителей от разных стран (2 стороны конфликта – Армения и Азербайджан, и 9 стран-посредников – Беларусь, Венгрия, Швейцария, Франция, Германия, Италия, Россия, Швеция, Турция и США). Она получила такое название, потому что с ее помощью страны-члены СБСЕ решили завершить процесс урегулирования конфликта на заключительной конференции в Минске и подписать мирное соглашение уже в 1993 г. В реальности все оказалось сложнее: конфликт затянулся и переговорный формат Минской группы из временного стал постоянным, а финальная конференция в Минске была отложена на неопределенное время [Аветисян, с. 238-239]. В целом во время активной фазы конфликта СБСЕ действовала неэффективно из-за несогласованных действий ее участников и отсутствия опыта урегулирования конфликтов.

Одной из ключевых причин неэффективности СБСЕ в этот период было желание России установить лидерство в переговорах и решить карабахский конфликт без опоры на западных посредников [Zagorski, s. 107]. В 1994 г., когда военная ситуация зашла в тупик, первый переговорщик Минской группы от России В. Казимиров в обход западных посредников инициировал переговоры о прекращении огня на заседании Содружества Независимых Государств (СНГ) в Бишкеке, чтобы обеспечить ввод в регион миротворческих сил под руководством России, несмотря на ожидаемые возражения Запада. Азербайджан отказался и в итоге подписал документ о прекращении огня без введения миротворческих сил. По итогам Бишкекского протокола в мае 1994 г. удалось прекратить военные действия и конфликт был заморожен. Тем не менее отношения между сторонами конфликта оставались крайне напряженными, а для дальнейшего урегулирования предстояло решить целый комплекс острых и сложных вопросов, таких как правовой статус Нагорного Карабаха и возвращение беженцев и перемещённых лиц. На этом этапе возникло общее понимание, что существенную помощь мирному процессу окажет введение миротворцев в зону конфликта.

Попытки создания миротворческих сил предпринимались неоднократно, как со стороны России, так и со стороны ОБСЕ. В 1996 г. Действующий председатель ОБСЕ Ф. Котти назначил личного представителя, который постоянно находился на месте в регионе, в отличие от сопредседателей, которые прилетали туда время от времени. До настоящего времени этим представителем выступал посол А. Каспшик. Он работал с Минской группой, а не на нее, информируя сопредседателей о событиях на местах, и был лицом ОБСЕ в отношениях с лидерами Нагорного Карабаха. В отсутствие миротворческих сил или постоянной наблюдательной миссии бюро Каспшика проводило ограниченные наблюдения в конфликтном

регионе [Ambassador Andrzej Kasprzyk...]. Идея по созданию Миссии военных наблюдателей ОБСЕ в рамках Группы планирования высокого уровня была предложена еще в 1992 г., но так и не воплотилась в жизнь. В свою очередь Россия часто предлагала направить в Карабах своих собственных миротворцев (иногда по мандату СНГ), но до начала боевых действий 2020 г. это предложение также не было принято сторонами конфликта. Команда Каспшика осуществляла наблюдения на ограниченных участках по обе стороны линии соприкосновения. Однако поскольку они проводились только с предварительного разрешения сторон, такие наблюдения были малоэффективны.

В 1997 г. был сформирован институт постоянных сопредседателей с участием России, Франции и США. Этот формат так называемой «тройки» стал результатом компромисса между странами-членами ОБСЕ, включая Азербайджан, который настаивал на более сбалансированном составе и добился включения США в качестве третьего сопредседателя [Nagorno-Karabakh: A Plan for Peace..., p. 10]. В результате соперничество в этом международном формате уступило место сотрудничеству и благодаря совместной работе сопредседатели составили мирный план в двух документах, отдельно обсуждая промежуточные диспозиции и окончательный статус (т.н. поэтапный план). Президенты Армении и Азербайджана Л. Тер-Петросян и Г. Алиев приняли данный документ в июле 1997 г., полагая, что подписывают соглашение, которое предоставит Армении постоянный фактический протекторат над Нагорным Карабахом в обмен на возвращение оккупированных территорий (буферной зоны – семи районов) Азербайджану. Но из-за внутривнутриполитической борьбы в Армении, в результате которой к власти пришли «карабахцы», этот план провалился.

Вторая фаза, 1998-2005 гг., началась с секретных переговоров между Г. Алиевым и новым президентом Армении Р. Кочаряном. В 1999 г. лидеры враждующих сторон разработали новый план урегулирования: Нагорный Карабах де-юре передавался бы Армении (включая Лачинский коридор, обеспечивающий связь между Карабахом и Арменией) в обмен на армянскую территорию вдоль иранской границы (район города Мегри в регионе Сюник, открывающий сухопутную коммуникацию между Азербайджаном и его Нахичеванским эксклавом). Осенью 1999 г. они ознакомили с планом сопредседателей Минской группы и попросили их оформить сделку в письменном виде. Однако раскрытие информации о плане привело к вооруженной атаке армянских экстремистов на парламент Армении, когда были убиты 7 высокопоставленных лиц, в т.ч. премьер-министр В. Саркисян и глава парламента К. Демирчян. В результате президент Армении Кочарян сообщил Минской группе, что не сможет далее поддерживать мирное соглашение. Сопредседатели Минской группы попытались спасти согласованный документ, изменив его в пользу Еревана – сохранив включение Нагорного Карабаха в состав Армении, но исключив получение Азербайджаном армянской территории на границе с Ираном. Такая корректировка оказалась неприемлемой для Баку, и он отказался от заключения плана на переговорах в Ки-Уэсте в 2001 г. [Ismailzade, p. 4].

На *третьем этапе с 2005 по 2020 гг.* произошел возврат к уменьшенной версии поэтапного плана в кратком документе о принципах урегулирования, который в конечном итоге был представлен сторонам в Мадриде в конце 2007 г. Мадридские принципы предусматривали возвращение части оккупированных территорий (пяти из семи районов) под контроль Баку, гарантии временной защиты Нагорного Карабаха от военных действий Азербайджана и в конечном итоге неопределенное «обязательное волеизъявление народа» для определения окончательного статуса спорного региона. Достижение соглашения по этому статусу открывало дорогу для возвращения Азербайджану оставшихся территорий, занятых Арменией [Armenia and Azerbaijan: Preventing War..., p. 9].

С середины 2000-х гг. Россия стала доминировать в переговорном процессе с согласия США и Франции, которые снизили свою посредническую активность и оказались не готовы инвестировать большие дипломатические ресурсы в карабахское урегулирование. В свою очередь, президент России Дмитрий Медведев (2008-2012 гг.) приложил много усилий для переговоров со своими армянским и азербайджанским коллегами, С. Саргсяном и И. Алиевым. После 1997 г. Минская группа становилась все более редким примером конструктивного сотрудничества России и Запада, и остается таковым даже сегодня, несмотря на напряженность в связи с Украинским, Сирийским и другими кризисами. Вместе с тем причиной этого успеха отчасти стала готовность США и Франции с 2008 г. отдать России ведущую роль в процессе.

На фоне усиления милитаризации сторон (в первую очередь Азербайджана, военный бюджет которого благодаря экономическому росту вырос в несколько раз) [Broers, pp. 6-7] и растущего внутреннего давления со стороны своего населения лидеры враждующих сторон продолжали встречи, чтобы сохранить авторитет в глазах российского лидера, но в реальности не были заинтересованы в компромиссе. Несмотря на оптимизм России перед саммитом в Казани в 2011 г. Алиев и Саргсян отказались что-либо подписывать.

В середине 2010-х гг. ситуация на линии соприкосновения стала накаляться: наблюдатели фиксировали сотни нарушений прекращения огня. В этих условиях эффективность Минской группы еще больше снизилась, поскольку у нее отсутствовали механизмы принуждения сторон к миру. Переговоры стали периодически проходить под вооруженную канонаду [Маркедонов], которая привела вначале к четырехдневной войне 2016 г., а затем и к шестинедельной войне 2020 г., в результате которой статус-кво Нагорного Карабаха серьезно изменился. Азербайджан вернул контроль над всеми семью прилегающими районами и даже занял некоторые территории самого Карабаха. Во всех этих драматических событиях ведущую роль внешнего посредника играла Россия, которая способствовала остановке войн 2016 г. и 2020 г. и в итоге получила право на введение своих миротворческих войск на территорию конфликтного региона в 2020 г. в рамках трехстороннего соглашения с Арменией и Азербайджаном [Заявление...]. В свою очередь ОБСЕ как институт мирного посредничества не обладала средствами принуждения сторон конфликта к миру на этапе возобновления открытого военного противостояния и оказалась неэффективной. В условиях, когда Армения и Азербайджан шли напрямую к войне, ОБСЕ оставалось лишь призывать стороны к прекращению боевых действий и возобновлению мирного диалога.

На *четвертом этапе* деятельности Минской группы, который наступил после окончания войны *осенью 2020 г.*, произошло введение российских миротворцев, а вопрос о будущем статусе Нагорного Карабаха оказался заморожен на 5 лет. Здесь роль России еще больше усилилась, в то время как роль Минской группы, наоборот, продолжала снижаться.

С 2020 г. ей приходится искать новый смысл существования в изменившихся условиях. В связи с этим в следующем разделе будут рассмотрены возможные опции для ревитализации Минской группы ОБСЕ в последующем урегулировании конфликта.

ПЕРСПЕКТИВЫ МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ПРОЦЕССЕ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Несмотря на то, что после вооруженной эскалации нагорнокарабахского конфликта роль Минской группы существенно уменьшилась и стала носить более формальный характер, есть большой потенциал для ее восстановления в новых условиях. Все три сопредседателя, включая Россию, а также стороны конфликта и

другие участники ОБСЕ не высказывали возражений против продолжения деятельности Минской группы после осенней войны 2020 г. В настоящее время идут дискуссии о том, как может измениться и/или расшириться использование механизмов ОБСЕ, наработанных за годы ее работы в сфере постконфликтного восстановления, применительно к карабахскому урегулированию в новых условиях.

Перспективные меры по ревитализации Минской группы могут включать в себя как минимум три сферы:

1) Меры укрепления доверия и безопасности (МДБ) между сторонами в рамках текущего режима прекращения огня;

2) Будущий статус Нагорного Карабаха;

3) Выработка регионального мирного соглашения.

Меры укрепления доверия и безопасности необходимо начать с того, чтобы сделать регион пригодным, с одной стороны, для проживания нынешних жителей и с другой – для возвращения перемещенных лиц. ОБСЕ может создать институт специального присутствия для ведения переговоров и реализации проектов, необходимых для оставшегося и возвращающегося в регион населения. Эта инстанция могла бы стать продолжением или преемником нынешнего института личного представителя Генерального секретаря ОБСЕ. В дополнение к оказанию общей гуманитарной помощи для восстановления домов и другой жизненно важной инфраструктуры, они могут включать в себя широкий спектр задач:

- разминирование территории;
- сокращение и вывод войск и тяжелых вооружений;
- содействие полицейской деятельности и подготовке кадров полиции;
- определение модальностей будущей роли ОБСЕ в военном или гражданском наблюдении за прекращением огня;
- создание транспортной инфраструктуры для передвижения гражданских лиц через линию соприкосновения, включая транспортное сообщение между Арменией и Нагорным Карабахом;
- обсуждение с участием Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международным комитетом красного креста вопросов гуманитарной помощи оставшемуся в Нагорном Карабахе армянскому населению и возвращающимся сюда внутренне перемещенным лицам – азербайджанцам;
- защита и восстановление объектов религиозного и культурного наследия в регионе;
- организация торговых пространств для каждой стороны, с целью последующего создания рынков, доступных для обеих сторон;
- создание совместных рабочих групп для налаживания сотрудничества, необходимого для решения вопросов развития инфраструктуры, здравоохранения, функционирования банковской системы;
- поддержка программ по сдерживанию враждебной риторики, в том числе через гражданское общество [Remler et al., p. 95].

Как можно видеть спустя год после шестинедельной войны 2020 г., переговоры о будущем статусе Нагорного Карабаха и его жителей идут очень медленно и скорее всего будут трудными и долгими. Прекращение огня конкретно обозначило новые линии соприкосновения. Обеим сторонам потребуется время, чтобы смириться с новым равновесием. Включение сопредседателей Минской группы и шире – всех ее участников – может дополнить потенциальный российский план урегулирования статуса Карабаха более широкой международной повесткой и поддержкой для устойчивого дальнейшего урегулирования, чтобы обеспечить стабильность в регионе и поддержать мирный процесс. Сложность нынешней ситуации заключается в том, что с одной стороны, предыдущие варианты урегулирования, которые предлагала ОБСЕ, включая Мадридские принципы, уже неактуальны, а с другой

стороны между сторонами конфликта усилилось неравенство и непримиримость в позициях. Так, Азербайджан, чувствуя себя победителем, более не рассматривает не только возможность предоставления независимости для Нагорного Карабаха, но даже какого-либо особого автономного статуса для региона [Алиев исключил какой-либо особый статус для Нагорного Карабаха...]. Армения, напротив, переживает тяжелое поражение и рост реваншистских настроений. В этих обстоятельствах поле для конструктивного мирного диалога значительно сужается.

Региональное мирное соглашение необходимо для нормализации отношений, в первую очередь самим сторонам, а также для открытия международных границ, например границы между Турцией и Арменией. Подписав Алма-Атинские протоколы от 21 декабря 1991 г., которые учредили СНГ, Ереван и Баку согласились признать друг друга (и другие союзные республики Советского Союза) независимыми в границах, существовавших в советское время. Однако карабахский конфликт уже вступил в свою полномасштабную фазу, и две страны так и не установили дипломатические отношения и не определили согласованные границы. Азербайджан считал карабахскую войну агрессией Армении, тогда как Армения считала ее азербайджанской агрессией против армянского населения Нагорного Карабаха.

В качестве первого шага Минская группа может попытаться выступить посредником в официальном прекращении огня вдоль границы Азербайджана с Республикой Армения, что особенно необходимо в связи с предполагаемым возвращением азербайджанских перемещенных лиц в свои прежние дома в Кельбаджарском и Лачинском районе, располагающихся возле Армении. На границе происходят столкновения, последнее из которых зафиксировано в июле 2020 г. [Федоровская]. Региональное соглашение может также включать полное открытие сухопутной границы между Арменией и Турцией, т.к. с возвращением Кельбаджара под контроль Баку события, которые привели к ее закрытию, были обращены вспять.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Минская группа ОБСЕ играла ведущую роль в урегулировании нагорнокарабахского конфликта с середины 1990-х до начала 2010х гг., пока стороны конфликта проявляли большую готовность к мирному диалогу. Затем степень ее участия и влияния постепенно начала смещаться в пользу усиления самостоятельной роли России. После шестинедельной войны 2020 г., которая привела к существенному изменению статус-кво Нагорного Карабаха, роль Минской группы уменьшилась и стала носить более формальный характер.

2. Минская группа ОБСЕ стала терять свое влияние по мере роста эскалации между сторонами конфликта, поскольку она не располагала инструментами для того, чтобы ее предотвратить. Полномасштабные войны 2016 и 2020 гг. ослабили ее потенциал и авторитет в предотвращении конфронтации.

3. На уровне посредников Минская группа ОБСЕ оставалась конструктивной площадкой для взаимодействия России и ее западных сопредседателей несмотря на возникающие разногласия в других сферах. Даже во время серьезного ухудшения отношений между Москвой и Западом после 2014 г. взаимодействие в Минской группе ОБСЕ оставалось конструктивным. Этот уникальный опыт сохраняет свой важный потенциал и в настоящий момент, что делает его особенно ценным в условиях крайне напряженной военно-политической обстановки.

4. Благодаря налаженным конструктивным связям и солидному опыту Минская группа ОБСЕ и ОБСЕ в целом обладают большим потенциалом участия в постконфликтном восстановлении (например, налаживание транспортных коридоров, гуманитарного сотрудничества, содействие возвращению беженцев) – при сохранении военно-политической стабильности в регионе, которая в первую

очередь зависит от российского миротворческого присутствия. В этих условиях Минская группа ОБСЕ может обрести новую конструктивную роль для чего необходимо определенное переформатирование ее деятельности. Этому может способствовать включение более практических задач по восстановлению мирной жизни в регионе в функционал Минской группы помимо ее привычной деятельности по организации дипломатических встреч на высоком уровне. В целом ОБСЕ располагает широкими возможностями, чтобы предоставить свою площадку для международного диалога и наработанный инструментарий постконфликтного урегулирования. Однако само движение к миру должно исходить от сторон конфликта, иначе все усилия посредников окажутся тщетны.

Список литературы

Аветисян Р.С. Создание минской группы ОБСЕ и ее роль в процессе урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха // Политэкс. 2011. Т. 7. № 1. С. 237-248.

Алиев исключил какой-либо особый статус для Нагорного Карабаха // ТАСС. 17 ноября 2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10023751> (дата обращения: 21.06.2021).

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 21.06.2021).

Маркедонов С. Нагорный Карабах — 2018: война, мир или балансирование на грани? // РСМД. 17 января 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagornyy-karabakh-2018-voyna-mir-ili-balansirovanie-na-grani/> (дата обращения: 21.06.2021).

Федоровская И. Конфликт на границе Армении и Азербайджана в июле 2020 года // Россия и новые государства Евразии. 2020. № III (XLVIII). С. 139-147. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-3-139-147.

Armenia and Azerbaijan: Preventing War // International Crisis Group (ICG). Policy Briefing, Europe Briefing No 60. 8 February 2011. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/armenia/armenia-and-azerbaijan-preventing-war> (дата обращения: 21.06.2021).

Ambassador Andrzej Kasprzyk. Personal Representative of the OSCE Chairperson-in-Office on the conflict dealt with by the OSCE Minsk Conference // OSCE: official site. URL: <https://www.osce.org/cio/andrzej-kasprzyk> (дата обращения: 21.06.2021).

Broers L. The Nagorny Karabakh Conflict: Defaulting to War // Chatham House. July 2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/2016/07/nagorny-karabakh-conflict-defaulting-war> (дата обращения: 21.06.2021).

Ismailzade F. The OSCE Minsk Group and the Failure of Negotiations in the Nagorno Karabakh Conflict // Caspian Brief. No. 23. April 2002. P. 1-10.

Nagorno-Karabakh: A Plan for Peace. // International Crisis Group (ICG). Europe Report N°167. 11 October 2005. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/nagorno-karabakh-plan-peace> (дата обращения: 21.06.2021).

Nagorno-Karabakh: Viewing the Conflict from the Ground // International Crisis Group (ICG). Europe Report N°166. 14 September 2005. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/nagorno-karabakh-viewing-conflict-ground> (дата обращения: 21.06.2021)..

Remler P., Giragosian R., Lorenzini M., Rastoltsev S. (2020) OSCE Minsk Group: Lessons from the Past and Tasks for the Future // *OSCE Insights 2020/06*. Baden-Baden: Nomos, 2020. P. 85-99. DOI: 10.5771/9783748922339-06.

Zagorski A. Der Bergkarabach-Konflikt aus russischer Seit // Der Krieg um Bergkarabach. Kriesen- und Konfliktmanagement in der Kaukasus-Region. Wien-Koeln-Weimar: Boehlau Verlag, 2009. S. 105-128.

References

Aliyev isklyuchil kakoi-libo osobyi status dlya Nagornogo Karabakha [Aliyev ruled out any special status for Nagorno-Karabakh] // TASS. 17 November 2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10023751> (accessed: 21.06.2021).

Ambassador Andrzej Kasprzyk. Personal Representative of the OSCE Chairperson-in-Office on the conflict dealt with by the OSCE Minsk Conference // OSCE: official site. URL: <https://www.osce.org/cio/andrzej-kasprzyk> (accessed: 21.06.2021).

Armenia and Azerbaijan: Preventing War // *International Crisis Group (ICG). Policy Briefing, Europe Briefing No 60.* 8 February 2011. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/armenia/armenia-and-azerbaijan-preventing-war> (accessed: 21.06.2021).

Avetisyan, R.S. (2011) Sozdanie minskoi gruppy OBSE i ee rol' v protsesse uregulirovaniya konflikta vokrug Nagornogo Karabakha [Creation of the OSCE Minsk Group and its role in the process of resolving the conflict over Nagorno-Karabakh] // *Politeks*. Vol. 7. No 1. P. 237-248. (In Russian).

Broers, L. (2016) The Nagorny Karabakh Conflict: Defaulting to War // *Chatham House*. July 2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/2016/07/nagorny-karabakh-conflict-defaulting-war> (accessed: 21.06.2021).

Markedonov, S. (2018) Nagorny Karabakh — 2018: voyna, mir ili balansirovanie na grani? [Nagorno-Karabakh 2018: war, peace or brinkmanship?] // *RIAC*. January 17, 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorny-karabakh-2018-voyna-mir-ili-balansirovanie-na-grani/> (accessed: June 21, 2021). (In Russian).

Fedorovskaya, I. (2020) Konflikt na granitse Armenii i Azerbaidzhana v iyule 2020 goda [Conflict on the border between Armenia and Azerbaijan in July 2020] // *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii. [Russia and the new states of Eurasia]* No III (XLVIII). P. 139-147. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-3-139-147.

Ismailzade, F. (2020) The OSCE Minsk Group and the Failure of Negotiations in the Nagorno Karabakh Conflict // *Caspian Brief*. No. 23. P. 1-10.

Nagorno-Karabakh: A Plan for Peace. // *International Crisis Group (ICG). Europe Report* No 167. 11 October 2005. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/nagorno-karabakh-plan-peace> (accessed: 21.06.2021).

Nagorno-Karabakh: Viewing the Conflict from the Ground // *International Crisis Group (ICG). Europe Report* N°166. 14 September 2005. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/nagorno-karabakh-viewing-conflict-ground> (accessed: 21.06.2021).

Remler, P., Giragosian R., Lorenzini M., Rastoltsev S. (2020) OSCE Minsk Group: Lessons from the Past and Tasks for the Future // *OSCE Insights 2020/06*. Baden-Baden: Nomos. P. 85-99. DOI: 10.5771/9783748922339-06.

Zagorski, A. (2009) Der Bergkarabach-Konflikt aus russischer Seit // *Der Krieg um Bergkarabach. Kriesen- und Konfliktmanagement in der Kaukasus-Region*. Wien-Koeln-Weimar: Boehlau Verlag. S. 105-128.

Zayavlenie Prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki, Prem'er-ministra Respubliki Armeniya i Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Statement by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation] // *President of Russia: official website*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (accessed: June 21, 2021). (In Russian).

Раздел 5. Национальные и наднациональные стратегии противодействия пандемии COVID-19

С.П. АРТЕЕВ ПАНДЕМИЯ COVID-19: СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР³⁴

Аннотация. Возникновение пандемии новой коронавирусной инфекции нельзя назвать событием, которое невозможно было предсказать. В то же время современные общества явно оказались не готовы к резкому изменению привычного образа жизни. Тем не менее, впервые в истории человечества глобальная экономика была остановлена ради спасения жизней людей. Пандемия зафиксировала всемирный ценностно-мировоззренческий сдвиг в сознании элит и обществ. Между тем в центре внимания экспертного сообщества политологов в 2020-2021 гг., в первую очередь, находятся вопросы геополитического противостояния великих держав на фоне коронакризиса, «вакцинных войн», роли международных организаций в преодолении последствий пандемии. Помимо этого, пандемия COVID-19 стимулирует эволюцию ключевого международного актора современности – государства. В результате трансформации власть внутри государства приобретает всё более «распределенный» характер – наблюдается «переток» полномочий от центральных властей к субнациональным и локальным (муниципальным) органам (само-) управления территориями. Для обозначения этого процесса предлагается использовать термин «COVID-субсидиарность» – передача экстраординарных/чрезвычайных властных полномочий от центральных властей на уровень субнациональных регионов и локальных сообществ. Данный феномен имеет широкий географический охват – от Европы и Северной Америки до России, Китая и латиноамериканских государств. При этом, как видно из практики, тип государственного устройства и характер политического режима не являются препятствием для повышения роли субнациональных регионов в борьбе с новой коронавирусной опасностью. На основе применения концепции мегатрендов автор приходит к выводу, что пандемия COVID-19 выступает в качестве триггера процесса COVID-субсидиарности. Мегатренды глобализации, интеграции и демократизации на протяжении нескольких десятилетий способствовали усилению значимости субнациональных акторов во внутривнутриполитических и международных процессах. Автор прогнозирует, что окончание текущей пандемии не приведет к исчезновению COVID-субсидиарности. Вероятно, значительное число государств изменит модель управления за счет сохранения чрезвычайных полномочий у субнациональных единиц на постоянной основе. Таким образом, субнациональный фактор будет и дальше повышать свою значимость в международных делах.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, субсидиарность, COVID-субсидиарность, субнациональный регион, внутригосударственный регион, государство, мегатренды, Европа, Китай, Россия.

Автор: Артеев Сергей Павлович, к.полит.н., научный сотрудник, ИМЭМО РАН, e-mail: artsp7@yandex.ru

³⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109 «Воздействие глобальных биогенных угроз на мировую политику».

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60109.

SERGEY ARTEEV COVID-19 PANDEMIC: A SUBNATIONAL FACTOR

Abstract. The emergence of a pandemic of a new coronavirus infection cannot be called an event that could not be predicted. At the same time, modern societies were not ready for a sharp change in the usual way of life. For the first time in history, the global economy was brought to a standstill to save lives. The pandemic has registered a worldwide shift in values and worldviews in the minds of elites and societies. Meanwhile, the focus of the expert community of political scientists in 2020-2021, first of all, is on the issues of the geopolitical confrontation of the great powers against the background of the COVID-19 pandemic, the «vaccine wars», the role of international institutions in overcoming the consequences of the pandemic. But beyond that, the COVID-19 pandemic is driving the evolution of a state. As a result of the transformation, power within the state becomes more and more «distributed». New powers are given to the subnational and local levels. It is proposed to use the term «COVID-subsidiarity» to refer to this process. COVID-subsidiarity is a transfer of extraordinary powers from the central authorities to the level of subnational regions and local communities. This phenomenon has a wide geographical scope and covers countries from Europe and North America to Russia, China and Latin American. At the same time, as can be seen from practice, the type of state structure and the nature of the political regime are not an obstacle to increasing the role of subnational regions in the fight against the new coronavirus threat. Based on the application of the concept of megatrends, the author comes to the conclusion that the COVID-19 pandemic acts as a trigger for the COVID-subsidiarity process. The megatrends of globalization, integration, and democratization over the past several decades have contributed to the growing importance of subnational actors in political processes. The author predicts that the end of the current pandemic will not lead to the disappearance of COVID-subsidiarity. A significant number of states are likely to change the governance model by retaining emergency powers for subnational entities on a permanent basis. Thus, the subnational factor will continue to increase its importance in international affairs.

Keywords: COVID-19, pandemic, subsidiarity, COVID-subsidiarity, subnational region, intrastate region, state, megatrends COVID-19, pandemic, subnational region, intrastate region, state, megatrends, Europe, China, Russia.

Author: Sergey P. Arteev, Cand. of Science (Politics), research fellow, IMEMO, e-mail: artsp7@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Аббревиатура COVID-19 навсегда вписана в историю. Жизнь человечества изменилась быстро, повсеместно и надолго. Несмотря на то, что сам автор концепции «черного лебедя» Нассим Талеб считает иначе [«Белый лебедь»], в массовом сознании и в экспертных кругах пандемия COVID-19 стала самым большим и самым «черным» среди всех «лебедей» за два первых десятилетия XXI. Однако коронакризис отличает не только масштаб, но и комплексный характер. Пандемия COVID-19 - сложносоставная угроза, имеющая множество измерений, среди которых, помимо медико-биологического, можно выделить социально-гуманитарное, экологическое, экономическое. Коронакризис также приобрел и мощное политическое звучание. Однако за плотным информационным потоком о причинах происхождения нового коронавируса, «битвой вакцин», геополитическими выигрышами и проигрышами государств, макрорегионов и международных институтов и структур оттеняется не менее важный процесс - пандемия стимулирует дальнейшую трансформацию национального государства. В 2020-2021 гг. ускоренными темпами происходит процесс передачи властных экстраординарных полномочий с общегосударственного на субнациональный и локальный уровни. *Можно говорить о COVID-субсидиарности как новом политическом феномене. И*

именно этот процесс способен вывести эволюцию государства на новый виток, определив облик государства как формы организации общества на несколько десятилетий вперед. Хотя современная мирополитическая система уже три десятилетия находится в транзитном состоянии, но важно не только какой будет конфигурация центров силы в мире XXI в., но и каким будет по окончании затяжного переходного периода и сам ключевой актор - государство.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В исследовании применяется концепция мегатрендов, которая впервые была представлена на Западе еще в 1980-е гг. [Naisbitt; Нейсбит], концепция политической субсидиарности [Estella; Fabbrini; Davies; Пименова] и сравнительно-политический метод, что позволяет зафиксировать текущее состояние и спрогнозировать дальнейшую эволюцию государства в постпандемических реалиях.

Мегатренды способствуют *деконцентрации государственной власти и модели управления*. Происходит процесс перераспределения властных полномочий - всё больше управленческих функций оказывается на наднациональном, субнациональном и локальном уровнях. В исследовательском сообществе предлагаются различные «наборы» мегатрендов и плоскости их приложения, что свидетельствуют об отсутствии общей позиции по дефиниции понятия [Мегатренды: основные траектории ...; Шереметьев; Лукин]. В данной статье под *мегатрендами* понимаются устойчивые, длительные, глобальные мирополитические тенденции [Лебедева, с. 29]. В то же время к числу основных мегатрендов относят *глобализацию, интеграцию и демократизацию* [Мегатренды мировой политики...; Лебедева]. Представляет интерес проанализировать место и роль субнациональных регионов в мировой политической системе через призму каждого из обозначенных мегатрендов.

Глобализация является самым главным мегатрендом, формирующим облик современного мира. В данном случае глобализация понимается как транснационализация (выход за государственные границы) политических, экономических и социальных процессов, ранее считавшихся «внутренними», что неминуемо приводит к повышению межгосударственной конкуренции. При этом конкуренция приобретает более острый характер не только в экономике (среди товаров и услуг), но и в политике, а роль идей и смыслов (особенно посредством «мягкой силы») становится особенно заметной. Стремительное развитие международных связей субнациональных единиц (внутригосударственных административно-территориальных образований) началось на рубеже XX-XXI вв., хотя в Европе и Северной Америке парадипломатия стала активно развиваться еще после Второй мировой войны. В свою очередь окончание Холодной войны в 1989-1991 гг. и распад Советского Союза означали отступление угрозы ядерного апокалипсиса, что привело к изменениям в системе государственного управления и высвободило потенциал субнациональных регионов, замороженный в период биполярной конфронтации. Модели управления, особенно в государствах бывшего социалистического лагеря, стали более либеральными. Патернализм сменился партнерством между центральными и региональными/местными властями. Политические элиты и общество стали воспринимать субнациональные регионы как ресурс развития, за счет которого центральные власти могут повысить свою эффективность на международной арене. В рамках новой ранней постбиполярной парадигмы международных отношений в 1990-е гг. развернулись процессы перераспределения властных полномочий внутри государств. Прекращение глобальной конфронтации двух лагерей привело и к всплеску интеграционных проектов.

Интеграция как процесс создания общих пространств, стартовав в Европе после окончания Второй мировой войны и фокусируясь, прежде всего, на экономике, к началу XXI в. приобрела комплексный характер. Сегодня межгосударственная интеграция подразумевает участие широкой линейки акторов. Помимо государств в интеграционные проекты вовлечены бизнес, НКО/НПО, политические партии, университеты, СМИ. Немаловажная роль отводится и субнациональным регионам. Участие множества акторов, в том числе и внутригосударственных регионов, повышает «плотность» интеграции, придавая ей системный институциональный характер. Неудачи многих интеграционных проектов в Африке, Латинской Америке и на постсоветском пространстве (например, очевидный кризис Союзного государства России и Беларуси [Суздальцев]) могут быть объяснены как раз гипертрофированной ролью государств и первых лиц в ущерб другим игрокам. Широкий круг акторов-участников обеспечивает системную институциональную прочность интеграционных проектов, снижая риски от межличностных конфликтов политиков. Наиболее ярким примером успешной интеграции сегодня, безусловно, выступает Европейский союз³⁵, на пространстве которого субнациональные регионы играют самостоятельную значимую роль [Яровой]. Однако интеграционные объединения и в других регионах мира осознают важную роль субнациональных и местных сообществ, особенно в вопросах приграничного взаимодействия. Это видно на примере одного из самых успешных незападных интеграционных проектов – АСЕАН. Сегодня субнациональный уровень интеграции стал обязательным элементом интеграционных стратегий. Следует отметить, что вовлечение в интеграционные процессы широкого спектра участников означает демократизацию.

Демократизация как мегатренд, конечно, не означает прекращение существования недемократических политических режимов. Более того, демократия как форма правления в настоящий период подвергается массовой критике с разных идеологических позиций. Основание скепсиса – вопрос о не/способности демократических режимов справляться с новыми вызовами. Пандемия COVID-19 стала еще одним мегасобытием в этой цепочке. Ему предшествовали миграционный кризис в ЕС 2015-2016 гг., теракты в Европе. Продолжается широкое обсуждение проблематики популизма, в том числе как де-демократического феномена. Тем не менее, идея демократии как ориентира жизнеустройства общества по-прежнему пользуется популярностью как в западных, так и в незападных обществах. Демократия через призму государственного управления означает возможность общества влиять на решения властей разных уровней, в том числе субнациональных и локальных, что приводит к постепенной передаче властных полномочий от центральных властей. Характерно, что данная тенденция проявляется и в унитарных государствах, например, Франции (с 1980-х гг.) и Польше (с конца 1990-х гг.). Тип государственного устройства перестает быть определяющим фактором для повышения роли субнациональных регионов во внутренних и международных делах³⁶. Хотя субнационализация политики происходит, прежде всего, в демократических государствах, это не означает невозможность повышения роли субнациональных регионов в недемократических государствах, что хорошо

³⁵ Вопреки расхожему мнению Brexit только подтверждает прочность ЕС, ведь эффекта домино, который широко обсуждался, не последовало, а общеевропейская повестка продолжает реализовываться даже в условиях пандемии. И несмотря на все сложности, сделка по Brexit также имеет все шансы стать примером цивилизованной дезинтеграции.

³⁶ Особенно это характерно для государств с низкой легалистской политической культурой. Например, РФ в 2000-2004 гг. прошла через фактическую дефедерализацию при формальном сохранении федералистских основ. Сегодня российский федерализм не является принципом, оказывающим существенное влияние на формирование актуальной национальной политической повестки.

заметно по активности провинций КНР, которые благодаря бурному экономическому росту и полученным от центра полномочиям за последние двадцать лет стали весомыми международными игроками.

Таким образом, представленные мегатренды – глобализация, демократизация, интеграция – в последние тридцать-сорок лет способствовали субнационализации внутривнутриполитических и международных процессов, формированию субъектности внутривнутриполитических регионов в разных частях мира. В результате субнациональные регионы стали игроками, которые принимают участие в формировании и реализации актуальной повестки. Тем не менее, до глобального медико-биологического локдауна 2020 г. в основном речь шла о «нормальных» условиях, а темп субсидиаризации в каждом государстве определялся, в первую очередь, исходя из внутривнутриполитической конъюнктуры. Что изменил коронавирус SARS-CoV-2?

COVID-СУБСИДИАРНОСТЬ

Главное, что пандемия COVID-19 придала субнационализации принципиально новое качество – теперь региональные власти получили чрезвычайные/экстраординарные полномочия и возможность генерировать и реализовывать соответствующие инициативы.

В результате проведенного исследования было выявлено несколько ключевых моментов:

географические масштабы процесса COVID-субсидиарности охватили все ключевые регионы Земли;

причины COVID-субсидиарности являются общими для большинства государств, хотя каждая «добавляет» свои;

передача властных полномочий с национального на субнациональный уровень характерна для государств с разной политической системой;

COVID-субсидиарность станет частью политической системы многих государств на постоянной основе и после устранения вируса в качестве безусловной планетарной биогенной угрозы.

Географические масштабы. Вопрос об ограничительных мерах принудительного характера с целью воспрепятствовать распространению новой коронавирусной инфекции был делегирован на субнациональный уровень весной-летом 2020 г. практически везде. В одной обойме оказались Китай, европейские государства (Германия, Франция, Италия, Греция и др.), Россия, США, Канада, Бразилия. В результате вопросы о введении и отмене локдаунов стали решаться или на уровне субнациональных регионов, или совместно центром и властями внутривнутриполитических регионов.

Причины. Несмотря на многообразие государств, прибегнувших к схожим стратегиям реагирования на внезапную острую ситуацию, причинность COVID-субсидиарности имеет общую природу. Главный фактор – обеспечить баланс между мерами запретительного характера (локдауны, «сажающие» экономику и ухудшающие уровень жизни) и социально-политической стабильностью. Для большинства населения планеты пандемия COVID-19 стала шоком, хотя подобное случалось и раньше. Однако коронакризис продемонстрировали глобальный ценностно-мировоззренческий сдвиг – политические элиты и общества решили пожертвовать экономикой ради спасения человеческих жизней [Ректор ВШЭ заявил...]. Несмотря на разговоры о конце глобализации в 2010-е гг., именно пандемия нового коронавируса показала, насколько «общим» стал наш мир.

Вариативность политических систем. Глобальность мира, приобретающая всё более личное измерение, в каком-то смысле нивелирует различия в политическом устройстве разных государств. COVID-субсидиарность в Китае в принципиальных

чертах такая же как во Франции или Испании. Медицинская целесообразность в тандеме с социально-экономическими факторами выступает в качестве политического уравнивателя для государств.

Перспективы COVID-субсидиарности включает три основные траектории, три сценария:

инкорпорация в политическую систему государства;

возврат к доковидному статус-кво;

включение вопроса о деконцентрации власти в долгосрочную политическую повестку.

Первый сценарий – инкорпорация широких чрезвычайных полномочий на региональный уровень – с высокой долей вероятности будет реализован в государствах-членах ЕС. Испанские регионы выступили с соответствующей инициативой [Испанские регионы...]. Схожим путем может последовать Италия. Недавно покинувшая ЕС Великобритания также относится к числу наиболее вероятных государств на инкорпорацию COVID-субсидиарности на субнациональном уровне.

Возврат к доковидному статусу-кво будет более характерен для азиатских и латиноамериканских государств. Однако и здесь возможны варианты. Если субнациональные регионы успешно преодолеют биогенную опасность, то при наличии соответствующего запроса и отсутствия единой и жесткой позиции у центральных властей, есть шанс побороться за сохранение за собой «ковидных» полномочий.

Третий вариант предполагает возврат к доковидному статус-кво, при котором региональные элиты и местные сообщества начнут дискуссию о целесообразности экстраординарной субсидиарности. Теоретически такой вариант возможен в России, однако ситуацию осложняют закрытые каналы обратной связи между властью и обществом и нарастание социально-политической напряженности на фоне ухудшающейся экономической ситуации и усиливающегося политико-идеологического размежевания между разными частями общества и политическими элитами.

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты имеют ценность для анализа развития международного взаимодействия, а также с точки зрения необходимости уделять больше внимания субнациональному фактору как важному компоненту внутриполитических и международных процессов не только в Европе и государствах с сильными федералистскими и регионалистскими традициями, но и в иных частях планеты. Это важно учитывать и при осуществлении прогнозных исследований.

Список литературы

«Белый лебедь». Нассим Талеб — о том, почему пандемию можно было предсказать // Forbes. 21.10.2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/411715-belyu-lebed-nassim-taleb-o-tom-pochemu-pandemiyu-mozhno-bylo-predskazat> (дата обращения: 05.05.2021).

Испанские регионы смогут вводить режим ЧП из-за коронавируса // Российская газета. 26.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/26/ispanskie-regiony-smogut-vvodit-rezhim-chp-iz-za-koronavirusa.html> (дата обращения: 07.05.2020).

Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 9. С. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Лукин Ю.Ф. Арктические мегатренды в изменяющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 72-80. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.207

Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019. 398 с.

Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. 447 с.

Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.

Пименова О.И. Принцип субсидиарности в Европейском союзе: перипетии применения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 144–163. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.144.1

Ректор ВШЭ заявил о новой реальности в мировой экономике из-за вируса // РБК. 27.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/04/2020/5ea694bb9a79477194d96ed4> (дата обращения: 07.05.2021).

Суздальцев А.И. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 3. С. 56-67. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67>

Шереметьев Д.В. Мегатренды развития современной миросистемы и интересы безопасности России // Власть. 2019. № 1. С. 133-141.

Яровой Г.О. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Норма, 2012. 367 с.

Davies G. Subsidiarity: the wrong idea, in the wrong place, at the wrong time // Common Market Law Review. 2006. No. 1. P. 63–84.

Estella A. The EU principle of subsidiarity and its critique. Oxford, Oxford University Press, 2002. 177 p.

Fabbrini, F. (2016). The principle of subsidiarity // *Oxford principles of EU Law* (Tridimas T., Schütze R., eds.). Oxford, Oxford University Press, P. 13–23.

Naisbitt J. 1982. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. New York, Warner Books. 372 p.

References

«Belyj lebed'». Nassim Taleb — o tom, pochemu pandemiyu mozhno bylo predskazat' [«The White Swan». Nassim Taleb: why the pandemic could have been predicted] // *Forbes*. 21.10.2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/411715-belyy-lebed-nassim-taleb-o-tom-pochemu-pandemiyu-mozhno-bylo-predskazat> (accessed: 05 May, 2021). (In Russian)

Ispanskie regiony smogut vvodit' rezhim CHP iz-za koronavirusa [Spanish regions will be able to introduce a state of emergency due to the coronavirus] // *Rossiyskaya gazeta*. 26.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/26/ispanskie-regiony-smogut-vvodit-rezhim-chp-iz-za-koronavirusa.html> (accessed: 07 May 2020). (In Russian)

Lebedeva, M.M. (2019). Sovremennyye megatrendy mirovoj politiki [Modern Megatrends of World Politics] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 9. P. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37 (In Russian)

Lukin, Yu.F. (2016). Arkticheskie megatrendy v izmenyayushchemsya mire [Arctic megatrends in a changing world] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations]. No. 2. P. 72-80. (In Russian)

Megatrendy mirovoj politiki i ih razvitie v XXI veke [Megatrends of world politics and their development in the XXI century] (M.M. Lebedeva, ed.) (2019). Moscow: Aspekt Press, 398 p. (In Russian)

Megatrendy: osnovnye traektorii evolyucii mirovogo poryadka v XXI veke [Megatrends: the main trajectories of the evolution of the world order in the XXI century] (2013), (T.A. Shakleina, A. A. Bajkov, eds.). Moscow: Aspekt Press, 447 p.

Naisbit, D. (2003). Megatrendy. Moscow: AST, Ermak, 380 p. (In Russian)

Pimenova, O.I. (2019). Princip subsidiarnosti v Evropejskom soyuze: peripetii primeneniya [Twists and Turns in Implementation of Subsidiarity in the European Union] // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. No. 4. P. 144–163. (In Russian)

Rektor VSHE zayavil o novoj real'nosti v mirovoj ekonomike iz-za virusa [HSE Rector says new reality in global economy due to virus] // RBC. 27.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/04/2020/5ea694bb9a79477194d96ed4> (accessed: 07 May, 2021). (In Russian)

Sheremet'ev, D.V. (2019). Megatrendy razvitiya sovremennoj mirosistemy i interesy bezopasnosti Rossii [Megatrends in the development of the modern world system and the security interests of Russia] // *Vlast'* [Power]. No. 1. P. 133-141. (In Russian)

Suzdal'cev, A.I. (2020). Krizis Soyuznogo gosudarstva Belorussii i Rossii [The Crisis of the Union State of Belarus and Russia] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 3. P. 56-67. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67> (In Russian)

Yarovoj, G.O. (2012). Evropejskij Soyuz dlya regionov: chto mozžno i nuzhno znat' rossijskim regionam o ES [The European Union for the Regions: what Russian regions can and should know about the EU]. Saint Petersburg: Norma, 367 p. (In Russian)

Naisbitt, J. (1982). Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. New York, Warner Books, 372 p.

Estella, A. (2002). The EU principle of subsidiarity and its critique. Oxford, Oxford University Press, 177 p.

Fabbrini, F. (2016). The principle of subsidiarity // *Oxford principles of EU Law* (Tridimas T., Schütze R., eds.). Oxford: Oxford University Press, P. 13–23.

Davies, G. (2006). Subsidiarity: the wrong idea, in the wrong place, at the wrong time // *Common Market Law Review*. No. 1. P. 63–84.

Д.А. ПОТАПОВ
РАМОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ АСЕАН ПО БОРЬБЕ С COVID-19

Аннотация: В данной статье изучены практики АСЕАН по организации противодействия вызовам пандемии COVID-19. Был проанализирован накопленный опыт в ходе эпидемий вируса SARS в 2003 г. и вируса H1N1 в 2009 г. с точки зрения формирования механизмов обмена опытом и мониторинга, институционализации постоянных контактов между странами АСЕАН в сфере здравоохранения и многие другие меры. В том числе благодаря полученному опыту и созданным механизмам страны АСЕАН оказались более подготовлены для противодействия пандемии COVID-19. В рамках борьбы с пандемией COVID-19 автор предложил выделить четыре основных этапа. На первом этапе оперативная реакция на вспышку коронавирусной инфекции в Китае и активизация соответствующих механизмов и служб АСЕАН способствовали принятию мер быстрого реагирования и превентивных мероприятий. Комплексный межминистерский подход к координации взаимодействия на втором этапе стал залогом успешной выработки рамочных принципов для комплекса мероприятий противодействия, который оформлен в Ханойском плане действий, подписанном 19 июня 2020 г. на 36 саммите глав государств АСЕАН. В ходе третьего этапа основные усилия были направлены на разработку Всеобъемлющей рамочной конвенции по восстановлению стран АСЕАН (ASEAN Comprehensive Recovery Framework) и разработку плана реализации Рамочной конвенции (Implementation Plan for ACRF). С начала 2021 г. страны АСЕАН перешли к четвертому этапу постепенного снятия ограничительных мер, который начался с постепенной вакцинации в государствах-членах.

Механизмы мониторинга и развитые контакты не только между членами объединения, но и соседними государствами помогли странам АСЕАН оперативно ввести в действие превентивные механизмы и протоколы. Участники АСЕАН применили комплексный подход к вызовам пандемии, который включает в себя не только мероприятия в сфере здравоохранения, закрытие границ и введение карантинных мер на различных уровнях, но и скоординированные действия в сфере экономики, технологий, обмена опытом и подготовки кадров, разработки вакцин, обеспечения продовольственной безопасности и т.д. Страны-члены смогли достаточно эффективно координировать свои действия через механизмы и институты АСЕАН, что способствовало максимальной эффективности действий и сохранению гибкости при принятии конкретных мер на национальном уровне.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, пандемия COVID-19, сотрудничество в сфере здравоохранения

Автор: Потапов Даниил Андреевич, старший лаборант-исследователь, ИМЭМО РАН, e-mail: potapov.pengdan@imemo.ru

DANIIL POTAPOV
ASEAN FRAMEWORKS OUTLINING THE ANTI-COVID-19 MEASURE

Abstract. The article analyses achievements of the ASEAN in addressing challenges COVID-19 pandemic. First of all, the ASEAN experience during epidemic of SARS in 2003 and H1N1 in 2009 are examined. This experience includes establishment of mechanisms of monitoring and sharing information, development of the contacts between member-states and other measures. Acquired experience and established mechanisms ASEAN member-states raised ASEAN preparedness to pandemics. During pandemics ASEAN performance could be divided into four stages. Within the first stage operative reaction to the outbreak of new coronavirus infection in China, the launch of responsible mechanisms and institution gave an opportunity to the ASEAN member-states to adopt preventive

measures. Multidimensional cross-sectoral approach used on the second stage ensured that the success of the development of framework principles for the countermeasures, which became the pillars of the Hanoi Action plan signed at the 36th summit of the ASEAN on 19th of June 2020. During the third stage organisation focused efforts on the adoption of the ASEAN Comprehensive Recovery Framework and the Implementation Plan for ACRF. Since the beginning of the 2021 the ASEAN member-states have started gradual reopening, which coincided with beginning of the vaccination.

Mechanisms of monitoring and developed contacts between the ASEAN member-states and bordering countries gave possibility to the ASEAN promptly adopt preventive measures. The ASEAN member-states applied multidimensional approach to tackle challenges of the pandemics, including measures not only in the health sector, but also in the sphere of economy, exchange of information, specialists training, food security etc. The ASEAN member-states and their partners coordinate efforts through the ASEAN-based mechanisms and institutions, that fostered the effectiveness of adopted measures, preserving the flexibility on the nation-state level.

Keywords: South-East Asia, ASEAN, COVID-19 pandemic, cooperation in health sector

Author: Daniil A. Potapov, senior research assistant, IMEMO, e-mail: potapov.pengdan@imemo.ru

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия нового коронавируса COVID-19 стала одним из самых серьезных глобальных вызовов в XXI веке, который не только создал угрозу здоровью и жизням людей, но и нарушил экономические, торговые, транспортные и многие другие связи между странами мира. Помимо этого, пандемия повлекла за собой новые вызовы, в том числе связанные с таким явлением как «локдауны». Появилась необходимость трансформации национальных и глобальной экономик для повышения готовности противостоять рискам эпидемий и пандемий в будущем. В ходе нескольких волн пандемии стало очевидно, что для эффективного противодействия коронавирусной инфекции недостаточно усилий предпринимаемых на уровне национальных правительств, необходимо разрабатывать, согласовывать и принимать коллективные меры на уровне региональных и международных организаций, региональных интеграционных объединений не только в области здравоохранения, но и в сфере экономики, торговли, финансов, научно-технического развития и т.д.

В этой связи становится важным и с научной, и с практической точек зрения изучить опыт региональных интеграционных объединений по противодействию пандемии. В работе производится исследование опыта Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

АСЕАН – региональное интеграционное объединение 10-ти стран Юго-восточной Азии, которое включает: Бруней, Вьетнам, Индонезию, Лаос, Камбоджу, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Одним из форматов сотрудничества АСЕАН со своими главными партнерами – КНР, Японией и Южной Кореей – является АСЕАН+3. В рамках формата АСЕАН+3 страны координируют сотрудничество в различных сферах, в том числе в сфере ликвидации последствий природных катастроф, здравоохранения, нетрадиционной безопасности и многих других. Анализируя опыт АСЕАН и АСЕАН+3, можно будет выявить особенности организации мер по противодействию пандемии COVID-19 на региональном и межрегиональном уровне. Этот опыт, вероятно, можно будет учесть при разработке протоколов реагирования на пандемии и эпидемии в разных регионах мира.

ПРОШЛЫЙ ОПЫТ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПАНДЕМИЯМ

К моменту распространения новой коронавирусной инфекции АСЕАН уже имела опыт организации общерегионального противодействия пандемиям в 2003 и 2009 гг. В апреле 2003 г. с началом эпидемии вируса SARS на специальном заседании глав государств и правительств было принято решение о создании временной рабочей группы на уровне министерств здравоохранения для разработки стратегии противодействия в рамках АСЕАН. Было созвано специальное совещание на уровне министров здравоохранения в формате АСЕАН+3, параллельно с этим проводились отраслевые межминистерские встречи для выработки предложений для учрежденной рабочей группы. Итогом стало принятие совместной декларации на встрече глав государств АСЕАН о противодействии SARS (*Joint Declaration Special ASEAN Leaders Meeting on Severe Acute Respiratory Syndrome, SARS*). Среди принятых мер в рамках данной декларации [Joint Declaration Special ASEAN Leaders Meeting, 2003] стоит выделить следующие:

- для гармонизации стандартов процедур была организована координация мер по оценке здоровья и выявлению зараженных среди въезжающих в страны АСЕАН из регионов, которые затронуты эпидемией вируса SARS;
- было организовано сотрудничество в сфере информирования населения и повышения ответственности граждан по соблюдению мер личной гигиены;
- был обеспечен обмен опытом по организации мер противодействия эпидемии между министерствами здравоохранения стран АСЕАН.

На специальном заседании министров здравоохранения АСЕАН+3 уже в начале июня 2003 г. был принят план действий по предотвращению и противодействию SARS и другим инфекционным заболеваниям (*ASEAN+3 Action Plan on Prevention and Control of SARS and Other Infectious Diseases*) [Joint Statement of the Special ASEAN+3 Health Ministers Meeting, 2003]. В качестве приоритетных направлений согласованных действий были заявлены: разработка рекомендательных мер по организации международного туризма (*Guidelines for International Travel*); создание системы оповещения о вспышках инфекционных заболеваний, в которую вошел *ASEAN Centre of Excellence for Disease Control*; создание сети по информированию о противодействии эпидемии SARS странами АСЕАН (*ASEAN SARS Containment Information Network*); дальнейшее повышение грамотности населения по вопросам здравоохранения и ответственности граждан по соблюдению мер предосторожности и личной гигиены.

Реализация плана потребовала, во-первых, создания горячей линии между министерствами здравоохранения стран АСЕАН+3, во-вторых, запуска программы АСЕАН+3 по изучению новых инфекционных заболеваний (*ASEAN+3 Emerging Infectious Diseases Programme*), в рамках которой были усовершенствованы системы мониторинга и обмена информацией о вспышках инфекционных заболеваний между странами АСЕАН+3 с целью предотвращения их распространения в соседние страны. По оценкам экспертов, предпринятые меры пограничного контроля и обмена информацией сыграли значительную роль в сдерживании эпидемии [The ASEAN Experience, 2007]. По официальным данным, за время эпидемии (ноябрь 2002 г. – июль 2003 г.) в мире было зафиксировано более 8 тыс. заболевших, в то же время в странах АСЕАН таких случаев было несравнимо меньше: в Сингапуре – 206, во Вьетнаме – 63, на Филиппинах – 12, в Малайзии – 8, в Индонезии – 2, в Таиланде – 8.

Оперативное информирование и своевременные согласованные действия по оценке здоровья пребывающих для выявления зараженных, безусловно, способствовали скорейшему сдерживанию распространения инфекции в странах Юго-Восточной Азии. Доказал свою эффективность механизм обмена опытом и мониторинга – региональная программа АСЕАН+3 по изучению новых

инфекционных заболеваний [Joint Statement of the Second ASEAN Plus Three Health Ministers Meeting, 2006].

Другим серьезным вызовом для стран АСЕАН стала эпидемия вируса *H1N1* в 2009 г., получившего название «свиной грипп». В совместном заявлении по результатам встречи министров здравоохранения государств АСЕАН+3 по «свиному гриппу» в мае 2009 г. [Joint Ministerial Statement, 2009] была подчеркнута необходимость с помощью уже реализуемых совместных исследовательских программ выработать эффективные меры по предотвращению и противодействию эпидемии. В их числе уже упомянутая программа АСЕАН+3 против новых инфекционных заболеваний, которая была запущена в 2003 г. после эпидемии SARS, сеть по мониторингу инфекционных заболеваний бассейна Реки Меконг (*Mekong Basin Diseases Surveillance network*), объединяющая Камбоджу, Китай, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам; а также Азиатское партнерство по исследованию новых инфекционных заболеваний (*Asian Partnership on Emerging Infectious Diseases Research*), которое организовали Камбоджа, Китай, Лаос, Индонезия, Таиланд и Вьетнам в 2006 г.

Эти действующие программы ограничивались обменом информацией о случаях заражения инфекциями на ежедневной основе и общей статистикой заболевших между министерствами здравоохранения стран-участниц, консультациями по вопросам предотвращения распространения инфекций через трансграничные перемещения людей и подготовки врачей-эпидемиологов. Поэтому министры здравоохранения АСЕАН+3 выдвинули предложение разработать региональный план по обеспечению производства вакцин и противовирусных препаратов [Regional Production, 2009]. На заседании было особенно подчеркнуто, что основным способом противодействия эпидемиям является вакцинация, поэтому план предусматривал создание механизма для координации исследований, разработки и производства вакцин, проводимых странами АСЕАН+3. По итогам заседания было учреждено партнерство между исследовательскими лабораториями стран АСЕАН+3 (*ASEAN Plus Three Partnership Laboratories*) [Pitsuwan, 2011], а впоследствии выработана региональная стратегия по достижению самообеспечения в сфере производства вакцин (*ASEAN Vaccine-Security and Self-Reliance*), принятая в 2015 г. [Muangchana C, Thanormwat Y, Kongsiang A., 2019] Среди других предложений министерской встречи необходимо выделить инициативу о создании системы распределения дефицитных вакцин, медикаментов и медицинского оборудования между странами АСЕАН+3, но это предложение так и осталось на бумаге.

Важными достижениями в рамках противодействия эпидемии «свиного гриппа» стали принятие первого общего протокола по обеспечению гигиены для защиты от респираторных инфекций на уровне АСЕАН (*Ten Steps for Keeping Yourself and Others Safe from Influenza A(H1N1) or Any Respiratory Illness*) [Ten Steps, 2009] и расширение возможностей горячей линии между министерствами здравоохранения стран АСЕАН+3 по обмену информацией по вопросам инфекционных заболеваний.

Страны АСЕАН совместно со Всемирной организацией здравоохранения решили дополнить критерии, согласно которым можно определять опасность эпидемии. Для минимизации ущерба торговли и туризма был разработан подход ограничения потоков товаров и людей с охваченными инфекциями территориями (*affected areas*) вместо того, чтобы ограничивать взаимодействие сразу со всей страной (*affected country*).

К моменту начала пандемии COVID-19 АСЕАН смогла создать механизмы обмена информацией по вопросам инфекционных заболеваний (выявленные случаи заражения, охваченные регионы, характер и особенности инфекции посредством горячей линии связи между министерствами здравоохранения, действовала программа АСЕАН+3 против новых инфекционных заболеваний, сеть по

мониторингу инфекционных заболеваний бассейна Реки Меконг и Азиатское партнерство по исследованию новых инфекционных заболеваний). Странами АСЕАН был накоплен опыт по совместной подготовке врачей-эпидемиологов, обмену результатами исследований и по разработке вакцин и процедур оценки состояния здоровья на пограничном контроле. На встречах глав государств и министров были высказаны идеи о необходимости повышения устойчивости региона к инфекционным заболеваниям с помощью разработки вакцин объединёнными усилиями стран АСЕАН, и была разработана соответствующая региональная стратегия – по достижению самообеспечения в сфере производства вакцин странами АСЕАН.

Отдельно стоит подчеркнуть, что АСЕАН проводила активные кампании по информированию населения в ходе эпидемий, по повышению грамотности по вопросам гигиены, использования средств индивидуальной защиты, что также способствовало повышению уровня ответственности граждан по соблюдению вводимых мер (ношение масок, соблюдение социальной дистанции и так далее).

ДИНАМИКА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В СТРАНАХ АСЕАН С НАЧАЛА 2020 Г.

На основании статистики и динамики общего числа заболевших, собранной виртуальным центром Биодиаспора АСЕАН (*ASEAN Biodiaspora Virtual Center*) в период с 13 января по 1 декабря 2020 г. [Risk Assessment, 2020], можно сделать следующие выводы. Во-первых, самый ранний прирост числа заболевших начался в апреле 2020 г. в Сингапуре, Индонезии и Филиппинах, позже в сентябре количество заболевших начало стремительно увеличиваться в Мьянме и Малайзии. Во-вторых, общее количество заболевших в большинстве стран остается небольшим, для сравнения в США около 500 тыс. случаев было выявлено уже 10 апреля [The Data Totals, 2021]. Необходимо сделать ряд оговорок, чтобы увидеть более объёмную картину. В большинстве стран АСЕАН наблюдалось низкое соотношение количество тестов на тыс. человек (см. таблицу 1).

Таблица 1. Соотношение тестов на COVID-19 на тысячу человек на 04 апреля 2021 г.

Страна	Количество тестов	Численность населения	Соотношение
Сингапур	7 543 963	5 612 000	1344
США	355 718 749	331 003 000	1074
Бруней	102 743	428 607	239
Малайзия	6 234 519	31 200 000	200
Филиппины	8 840 496	104 900 000	84
Мьянма	1 683 744	53 370 000	31
Индонезия	7 194 252	268 000 000	26
Камбоджа	382 555	16 010 000	24
Таиланд	1 555 844	69 400 000	22
Лаос	114 030	6 858 000	16
Вьетнам	1 469 955	95 540 000	15

Источник: составлено автором по данным Center for International and Strategic Studies [Southeast Asia COVID-19 Tracker, 2021].

Общая эпидемиологическая ситуация в некоторых странах АСЕАН была более угрожающей, чем в странах Европы и США, поэтому иммунитет жителей этих стран оказался более устойчив к новой разновидности коронавируса. Доля населения пожилого возраста в странах АСЕАН ниже, чем в Европе и США, что тоже

необходимо учитывать, так как считается, что вирус наиболее опасен для людей старше 65 лет.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВЫЗОВАМ ПАНДЕМИИ НА УРОВНЕ АСЕАН

В целом подход по противодействию пандемии, помимо разработки вакцин, принятия мер сдерживания, обмена информацией о заражённых, был основан на необходимости сохранения экономических связей.

В рамках противодействия вызовам пандемии *COVID-19* стоит выделить основные этапы.

Первый этап – раннее реагирование АСЕАН на вспышку *COVID-19* в Китае (январь-февраль 2020 г.)

После объявления о первом случае заражения в Китае 31 декабря 2019 г., и дальнейшего его распространения в январе 2020 г. [Djalante, Nurhidayah, Van Minh, 2020] совещание министров здравоохранения АСЕАН поручило соответствующим структурам начать организацию сбора информации о вспышке новой инфекции, а именно: Центральной сети АСЕАН по действиям в чрезвычайных с точки зрения здравоохранения ситуациях (*ASEAN Emergency Operations Centre Network for Public Health Emergencies*), ответственной за сбор данных о распространении инфекционных заболеваний и разработку мер по предотвращению, выявлению и противодействию эпидемиям; региональному виртуальному центру АСЕАН Биодиапора (*ASEAN BioDioaspora Regional Virtual Centre*), отвечающему за обработку больших данных, статистики и их визуализацию. Было активизировано сотрудничество в рамках сети по подготовке специалистов в сфере эпидемиологии АСЕАН+3 (*ASEAN Plus Three Field Epidemiology Training Network*) для обмена информацией о состоянии эпидемиологических лабораторий стран-участниц и о предпринимаемых ими действиях для изучения вирусных инфекций и разработки мер по противодействию им [Fernando, 2020].

15 февраля 2020 г. было опубликовано заявление Председателя АСЕАН о совместном противодействии *COVID-19* [Chairman's Statement, 2021], в котором была выражена солидарность с заявлением ВОЗ о том, что вспышка новой коронавирусной инфекции является вызовом здравоохранению глобального масштаба. Было подчеркнуто, что ведущую роль в организации противодействия должны играть структуры АСЕАН в сфере здравоохранения (*ASEAN Health Sector*) в тесном сотрудничестве с Китаем, Японией, Южной Кореей. Уже 19 февраля 2020 г. прошла встреча министров обороны стран АСЕАН, в рамках которой обсуждались возможности научного сотрудничества для сдерживания пандемии и разработки необходимых мероприятий для поддержания стабильности национальных систем здравоохранения с участием военных.

Таким образом, страны Юго-Восточной Азии очень серьезно подошли к оценке угрозы эпидемии, поэтому оперативно активизировали структуры, отвечающие за сбор информации об эпидемиях, ее анализ и информирование соответствующих ведомств. Существующая система мониторинга риска эпидемий помогла странам АСЕАН вовремя начать разработку и реализацию необходимых мер. Параллельно с этим АСЕАН установила контакты со своими основными экономическими партнерами – Китаем, Японией, Южной Кореей. Практические действия этого периода заключались в том, что уже к 27 февраля было закрыто авиасообщение с Китаем и введены меры наблюдения и оценки состоянием здоровья пребывающих из-за рубежа. Столь оперативное реагирование позволило затормозить распространение первой волны *COVID-19* в странах АСЕАН до апреля 2020 г.

Второй этап – разработка и реализация стратегии по ответу на вызовы пандемии (март – июнь 2020 г.)

На встречах министров экономики стран АСЕАН в марте и июне 2020 г. центральное место заняло обсуждение возможностей смягчения экономических последствий пандемии. Был принят Ханойский план действий по усилению экономических, торговых, производственных связей между странами АСЕАН, чтобы не допустить разрыва товарных и производственных цепочек.

15 апреля 2020 г. итогом встречи министров сельского хозяйства АСЕАН стало совместное заявление о необходимых мероприятиях по поддержанию стабильности сельского хозяйства стран-участниц ассоциации с целью: 1) сохранения открытости рынков; 2) снижения волатильности цен на сельскохозяйственные продукты; 3) разработки региональной программы поддержки мелких сельских хозяйств и слабозащищённых слоев населения.

29 апреля 2020 г. на встрече министров туризма стран АСЕАН были достигнуты договорённости по обмену информацией о предпринимаемых национальными правительствами мерах по противодействию пандемии. Было решено создать механизм сотрудничества национальных организаций туризма стран АСЕАН для реализации мер по снижению ущерба от пандемии для туристической отрасли.

14 мая 2020 г. на встрече министров труда стран АСЕАН обсуждались меры по защите здоровья работников в сферах с высоким риском заражения, в том числе задачи по обеспечению всех пострадавших или лишившихся работы из-за пандемии социальной помощью. 20 июня 2020 г. на встрече министров по вопросам социального благосостояния и развития стран АСЕАН было принято решение о создании специальных фондов поддержки населения в целях для сокращения негативных социальных последствий пандемии.

Помимо секторальных мероприятий принимались решения на саммитах глав государств и правительств стран-членов. 14 апреля 2020 г. была подписана декларация, в которой были закреплены основные меры по противодействию пандемии COVID-19 на уровне АСЕАН: 1) углубление сотрудничества в сфере здравоохранения для сдерживания пандемии; 2) сохранение стабильности экономических связей; 3) поддержание благосостояния населения для сохранения политической стабильности; 4) перевод средств всех доступных финансовых фондов АСЕАН в создаваемый общий фонд по противодействию пандемии.

В апреле 2020 г. был выпущен концептуальный документ *ASEAN Policy Brief* [Economic Impact, 2020], в рамках которого предлагались согласованные рекомендательные меры для национальных правительств: во-первых, использовать экономические, фискальные и другие ресурсы для смягчения падения спроса на отдельные товары (*demand shock*); во-вторых, обеспечить стабильность фондов социальной поддержки (*social safety nets*); в-третьих, предпринять меры для обеспечения кибербезопасности и устойчивости цифровых платформ (социальные сети, сервисы для электронной торговли, удаленного управления производствами) и уделить внимание проблеме цифрового неравенства, так как решение этой проблемы обеспечит возможность более широкого перехода различных групп населения и работников в онлайн.

19 июня был утвержден Ханойский план действий [Hanoi Plan of Action, 2020] для реализации декларации саммита от 14 апреля 2020 г. и опубликовано заявление по итогам совещания министров экономик стран АСЕАН от 10 марта 2020 г. В рамках данного плана были выделены следующие приоритетные направления работы:

Обеспечение стабильных цепочек поставок и товаров. Страны АСЕАН обязались информировать друг друга о введении запретов на экспорт товаров для стабилизации внутреннего потребления. Одновременно с этим они договорились сохранять свободное перемещение товаров по воздуху, морю и земле, в том числе с помощью использования телекоммуникационных средств для организации транспортных и товарных потоков. В первую очередь, данные меры будут

распространяться на товары первой необходимости, включая продовольствие, медикаменты, медицинское оборудование.

Обмен информацией и опытом. В рамках плана были даны рекомендации местным властям стран АСЕАН в сфере приграничного сотрудничества, прежде всего, консультаций по разработке и осуществлению мер по сдерживанию распространения инфекции. АСЕАН подчеркивала необходимость обеспечить координацию между странами по вопросам трансграничного перемещения товаров на всех уровнях территориального управления.

Углубление сотрудничества для получения доступа к лекарствам и вакцинами против COVID-19. Страны АСЕАН договорились поставлять дефицитные вакцины и медикаменты и по возможности передавать нуждающимся странам – участницам ассоциации необходимое сырье для их производства.

Поддержание стабильности системы финансовой безопасности и социальной помощи.

На 36-м саммите глав государств и правительств АСЕАН был сформирован Региональный фонд запасов медикаментов и медицинского оборудования (*Regional Reserve of Medical Supplies*). Также было дано распоряжение советам трех сообществ АСЕАН³⁷ разработать предложения для всеобъемлющего плана восстановления интеграционного объединения. Основным решением стало создание фонда по противодействию вызовам пандемии [Chairman's Statement of the 36TH ASEAN Summit, 2020], к которому потом присоединились партнеры АСЕАН – Корея, Япония, Индия. Основными задачами фонда были названы: 1) обеспечение средств для покупки тестов, средств индивидуальной защиты, медикаментов и вакцин; 2) финансирование исследований в области вирусологии, иммунологии, в том числе для разработки вакцин; 3) финансирование материально-технического обеспечения мер сдерживания распространения COVID-19. В качестве первого взноса в данный фонд было выделено 10% от фонда развития АСЕАН. Также АСЕАН пригласила сделать взносы партнеров ассоциации в форматах АСЕАН+3 и АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Новая Зеландия, Австралия) [Terms of Reference, 2020].

Третий этап (июль – декабрь 2020 г.) – разработка плана восстановления и постепенное снижение ограничительных мер

В рамках данного этапа ключевым событием стал 37-й саммит глав государств и правительств АСЕАН [Chairman's Statement of the 37 ASEAN Summit Ha Noi, 2020], который одобрил Всеобъемлющий рамочный договор по восстановлению АСЕАН (*ASEAN Comprehensive Recovery Framework*), план по имплементации (*Implementation Plan*) и Декларацию о туристическом коридоре в АСЕАН (*Declaration on an ASEAN Travel Corridor Arrangement Framework*). Также на саммите были приняты решения о создании центра АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения и по противодействию новым заболеваниям (*ASEAN Center for Public Health Emergencies and Emerging Diseases*), а также о формировании Регионального резервного фонда медикаментов и медицинских товаров для чрезвычайных ситуаций (*ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies for Public Health Emergencies*). Передать медикаменты в данный резервный фонд могли не только страны АСЕАН, но и их партнеры.

Важным шагом по совершенствованию координации мер по противодействию пандемиями и инфекционным заболеваниям стала декларация о стратегическом плане АСЕАН в случае чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения (*ASEAN*

³⁷ Сообществами АСЕАН называют три института, обеспечивающих координацию между странами АСЕАН, – Сообщество Безопасности, Экономическое Сообщество, Социально-культурное Сообщество.

Strategic Framework for Public Health Emergencies). В рамках данного документа запланирована разработка основных рекомендаций для стран-участниц ассоциации по развитию национальных программ здравоохранения и разработке планов ответных мер на случай чрезвычайных ситуаций, а также расширение обмена информацией между системами национальных лабораторий стран АСЕАН по вопросам исследования инфекционных заболеваний.

Всеобъемлющий план по восстановлению разделен на три основных фазы: открытие, восстановление, укрепление потенциала для предупреждения новых вызовов. Реализация плана организована по пяти ключевым стратегиям: по повышению потенциала национальных систем здравоохранения, по повышению потенциала обеспечения безопасности и качества жизни, по углублению региональной интеграции и укреплению единого внутреннего рынка, по ускорению инклюзивной цифровой трансформации, по достижению целей устойчивого развития [Implementation Plan of ASEAN Comprehensive Recovery Framework].

В рамках первой стратегии АСЕАН сконцентрирует усилия по выработке единых протоколов и механизмов для обнаружения и противодействия эпидемиям. Важным фактором укрепления потенциала национальных систем здравоохранения является самообеспечение вакцинами. Для этого будут разработаны Региональный план действий АСЕАН по самообеспечению вакцинами на период 2021-2025 гг. и Региональный план действий АСЕАН по самообеспечению лекарствами на период 2021-2025 гг.

В рамках второй стратегии по обеспечению безопасности и повышению качества жизни планируется дальнейшее совершенствование национальных систем социальных гарантий, которые будут предоставлять в необходимом объеме помощь гражданам и предприятиям в случае кризисов, природных катастроф и чрезвычайных происшествий. Планируется развивать систему социальной защиты старшего поколения, главным механизмом которой станет Центр АСЕАН по активному старению и инновациям АСЕАН (*ASEAN Centre for Active Ageing and Innovation*), предоставляющий помощь для старшего поколения и ухаживающих. Важным механизмом для обеспечения продовольственной безопасности является функционирующий резерв риса для чрезвычайных ситуаций АСЕАН+3 (*ASEAN Plus Three Emergency Rice Reserve*). Помимо социальных гарантий важное направление данной стратегии – реализация программ по повышению цифровой грамотности и повышению квалификации в соответствии с трендом цифровизации рынка рабочей силы.

В контексте третьей стратегии утверждены планы по дальнейшей региональной интеграции, ликвидации нетарифных барьеров на внутреннем рынке и развитию межрегиональных связей, например, досрочная ратификация и вступление в силу в полном объеме Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), участниками которой стали в том числе государства АСЕАН. Также акцентируется внимание на выработке мер для восстановления туризма, обеспечения его безопасности в новых условиях, в том числе с использованием цифровых технологий. АСЕАН запланировала создание института для стимулирования восстановления малого и среднего бизнеса (*ASEAN SME Recovery Facility*).

В рамках стратегии по осуществлению инклюзивной цифровизации страны АСЕАН обозначили векторы будущего регионального сотрудничества: развитие системы цифрового правительства, чтобы у граждан была возможность получать необходимую помощь и государственные услуги дистанционно в условиях карантина или из отдаленных районов; развитие системы общерегиональных трансграничных платежей, включая создание необходимой инфраструктуры для этого; покрытие удаленных и сельских районов современной сетью связи; интеграция технологий в сфере образования.

Пятая стратегия больше ориентирована на заключительный этап плана – укрепление потенциала ассоциации для новых вызовов. Среди основных направлений: обеспечение устойчивого функционирования энергетических систем, в частности переход на использование возобновляемых источников энергии, биотоплива и других экологически чистых источников энергии; развитие «зеленой инфраструктуры» и электрификация транспорта; стимулирование роста производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности на основе использования цифровых технологий; развитие сектора «устойчивого финансирования» и «зеленых финансов» (*Sustainable Finance*).

К концу данного этапа страны АСЕАН начали постепенное снижение ограничений, исходя из внутренней ситуации [Stronger Health systems, 2020]. Например, Таиланд в октябре 2020 г. начал постепенно открывать границы, при этом сохраняя определенные ограничительные процедуры (тестирование приезжающих и соблюдение карантина по прибытию), Малайзия начала открывать высшие учебные заведения с 2 октября 2020 г. и сократила срок карантинного периода для приезжающих с 14 декабря 2020 г., Индонезия восстановила авиасообщение с Сингапуром в октябре 2020 г. При этом в странах, где возникла угроза новых вспышек, ограничения, напротив, усилились: Вьетнам после восстановления внутреннего авиасообщения в сентябре вновь его приостановил в декабре 2020 г., Лаос ввел новые ограничения в отдельных районах, где были выявлены новые случаи заражения *COVID-19*.

Четвертый этап – постепенная вакцинация и восстановление (с начала 2021 г. по настоящее время)

Вступление в четвертый этап совпадает с началом вакцинации в странах АСЕАН. Первой страной, начавшей вакцинацию еще в декабре 2020 г., стал Сингапур. В январе и феврале 2021 г. постепенно начали ограниченную вакцинацию остальные страны, также применившие модель поэтапной вакцинации, осуществляя в первую очередь вакцинацию медицинских работников и специалистов, имеющих большое количество контактов с людьми. Важно отметить, что в большинстве стран вакцины не производятся, а закупаются или получены по программе КОВАКС [COVID-19 Vaccination Progress, 2021].

Можно выявить следующие особенности опыта АСЕАН. Во-первых, разработанные механизмы раннего предупреждения и контакты не только между странами-членами ассоциации, но и со странами соседнего региона (в первую очередь с Китаем) помогли АСЕАН оперативно ввести превентивные меры против *COVID-19*. Одновременно это помогло снизить нагрузку на систему здравоохранения и дало странам время более тщательно организовать дальнейшие ответные меры. Во-вторых, был организован комплексный подход к вызовам пандемии, включающий в себя мероприятия в сфере здравоохранения, таможенного контроля, обмена опытом и кадрами и многих других. Например, по аналогии с фондами резерва риса были созданы фонды для обеспечения необходимых средств защиты, медикаментов и т.д. Страны Юго-Восточной Азии сразу осуществляли координацию через механизмы и институты регионального интеграционного объединения, что способствовало максимальной эффективности действий при сохранении гибкости при принятии конкретных мер на национальном уровне. В-третьих, члены АСЕАН последовательно выработали краткосрочные рамочные протоколы и впоследствии долгосрочные программы по восстановлению и укреплению потенциала региона для противодействия новым вызовам.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАМОЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

В принятых АСЕАН рамочных стратегиях можно выделить следующие основные характеристики: взаимодействие в многостороннем формате часто с привлечением

внерегиональных партнеров (в первую очередь через формат АСЕАН+3); комплексный подход при разработке мероприятий в рамках стратегий, направленных на решение проблем не только в области здравоохранения, но и в сфере экономических, социальных, технологических вызовов; создание специальных региональных резервов (медикаментов, продовольствия, финансов).

Пандемия продемонстрировала, что потенциала отдельно взятой страны недостаточно для эффективного ответа на вызовы регионального и глобального масштаба, а несогласованные действия могут иметь драматические последствия для здоровья и жизни людей. Многосторонний формат взаимодействия позволяет обеспечивать координацию между странами, что значительно повышает эффективность противодействия вызовам пандемии. Такой подход позволяет также минимизировать урон экономических, транспортных и другим взаимосвязей между странами. С помощью многостороннего взаимодействия с внерегиональными акторами страны АСЕАН могут привлечь дополнительную помощь, т.к. отдельные страны значительно отстают по уровню научно-технического, социально-экономического развития (в первую очередь так называемая «новая четверка АСЕАН» – Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма), им необходима помощь соседних стран.

В рамочных стратегиях Ассоциация стран Юго-Восточной Азии применила Комплексный подход к разработке мероприятий. Основывался данный подход на рассмотрении всего комплекса вызовов пандемии коронавируса, который включает в себя не только проблемы здравоохранения, но и экономики, научно-технологического развития, цифровизации и многих других. Поэтому в принятых рамочных документах были приняты стратегии по углублению экономической интеграции, стабилизации финансовых систем, дальнейшей цифровизации и многие другие.

В течение пандемии АСЕАН сформировала ряд специальных региональных резервов и фондов, например, региональный фонд запасов медикаментов и медицинского оборудования, региональный резервный фонд медикаментов и медицинских товаров для чрезвычайных ситуаций. С помощью таких резервов страны могут в значительной степени снизить риски нехватки финансов и необходимых ресурсов в случае чрезвычайной ситуации и повысить свою готовность перед лицом эпидемий и пандемий в будущем. Подобный опыт может быть применен как в других регионах, так и на межрегиональном, трансрегиональном уровне, т.к. создание таких резервов позволит более оперативно предоставлять помощь и необходимые ресурсы нуждающимся странам.

Список литературы

ASEAN Comprehensive Recovery Framework // ASEAN. URL: https://asean.org/storage/2020/11/4-ASEAN-Strategic-Framework-on-PHE_Final.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

Chairman's Statement of the 36th ASEAN Summit // ASEAN. URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Chairman-Statement-of-the-36th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf> (дата обращения: 13.03.2021).

Chairman's Statement of the 37 ASEAN Summit Ha Noi // ASEAN. 12.11.2020. URL: <https://asean.org/storage/43-Chairmans-Statement-of-37th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf> (дата обращения: 16.03.2021).

Chairman's Statement on ASEAN Collective Response to the Outbreak of Coronavirus Disease 2019 // ASEAN. 15.02.2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/02/ASEAN-Chairmans-Statement-on-COVID-19-FINAL.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).

COVID-19 Vaccination Progress in ASEAN // The ASEAN Post, 05.02.2021. URL: <https://theaseanpost.com/article/COVID-19-vaccination-progress-asean> (дата обращения: 20.03.2021).

Djalante R., Nurhidayah L., Van Minh H. COVID-19 and ASEAN responses: Comparative policy analysis // *Progress in Disaster Science*. 2020. DOI: 10.1016/j.pdisas.2020.100129 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7577870/> (дата обращения: 11.03.2021).

Economic Impact of COVID-19 Outbreak on ASEAN // ASEAN. 04.2020. URL: https://asean.org/storage/2020/04/ASEAN-Policy-Brief-April-2020_FINAL.pdf (дата обращения: 13.03.2021).

Fernando F. M. ASEAN Health Sector Collective Response to Address COVID-19 and Future Public Health Emergencies & Pandemics // *COVID-19: Regional Health Cooperation for a Safer ASEAN*. 14.01.2021. URL: https://aric.adb.org/pdf/rcipod/episode_14/01%20FMFernando_ASEAN.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

Hanoi Plan of Action on Strengthening ASEAN Economic Cooperation and Supply Chain Connectivity in Response to the COVID-19 PANDEMIC // ASEAN. URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Hanoi-POA.pdf> (дата обращения: 13.03.2021).

Implementation Plan of ASEAN Comprehensive Recovery Framework // ASEAN. URL: https://asean.org/storage/ACRF-Implementation-Plan_Pub-2020.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

Joint Declaration Special ASEAN Leaders Meeting on Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) // ASEAN. 29.04.2003. URL: <https://asean.org/joint-declaration-special-asean-leaders-meeting-on-severe-acute-respiratory-syndrome-sars-bangkok-thailand/> (дата обращения: 10.04.2021).

Joint Ministerial Statement of the ASEAN+3 Health Ministers Special meeting on Influenza A(H1N1) Bangkok // ASEAN. 8 May 2009. URL: https://asean.org/?static_post=joint-ministerial-statement-of-the-asean3-health-ministers-special-meeting-on-influenza-ah1n1-bangkok-8-may-2009 (дата обращения: 06.03.2021).

Joint Statement of the Second ASEAN Plus Three Health Ministers Meeting «Unity in Health Emergencies» // ASEAN. 22.06.2006. URL: <https://asean.org/joint-statement-of-the-second-asean-plus-three-health-ministers-meeting-unity-in-health-emergencies-2/> (дата обращения: 10.04.2021).

Joint Statement of the Special ASEAN+3 Health Ministers Meeting on Severe Acute Respiratory Syndrome // ASEAN. 11.07.2003. URL: https://asean.org/?static_post=joint-statement-of-the-special-asean-3-health-ministers-meeting-on-severe-acute-respiratory-syndrome-sars-asean-is-a-sars-free-region-siem-reap-cambodia-10-11-june-2003-2 (дата обращения: 10.04.2021).

Muangchana C., Thanormwat Y., Kongsiang A. Workshops advocating ASEAN. Vaccine Security and Self-Reliance (AVSSR): A Regional Initiative // *Vaccine*. 28.03.2019. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.05.017. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30033115/> (дата обращения: 03.03.2021).

Pitsuwan S. Challenges in infection in ASEAN // *The Lancet*. 2011. Vol. 377. Iss. 9766. P. 619-621.

Regional Production of Vaccines and Antiviral Drugs a Possibility in the Future // ASEAN. 07.05.2009. URL: https://asean.org/?static_post=press-release-regional-production-of-vaccines-and-antiviral-drugs-a-possibility-in-the-future-bangkok-7-may-2009 (дата обращения: 01.03.2021).

Risk Assessment for International Dissemination of COVID-19 to the ASEAN Region // ASEAN Biodiaspora Virtual Center, 02.12.2020. URL: <https://asean.org/storage/COVID->

19_Report-of-ASEAN-BioDiaspora-Regional-Virtual-Center_2December2020.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Southeast Asia COVID-19 Tracker // CSIS.
URL: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-COVID-19-tracker-0> (дата обращения: 04.03.2021).

Stronger Health systems: Our Lifeline in a Pandemic (edition Dec. 2020) // ASEAN.
URL: <https://asean.org/storage/The-ASEAN-Special-Edition-Nov-Dev-2020.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

Ten Steps for Keeping Yourself and Others Safe from Influenza A(H1N1) or Any Respiratory Illness // ASEAN. 27.04.2009. URL: https://asean.org/?static_post=ten-steps-for-keeping-yourself-and-others-safe-from-influenza-ah1n1-or-any-respiratory-illness (дата обращения: 10.04.2021).

Terms of Reference the COVID-19 ASEAN Response Fund // ASEAN.
URL: https://asean.org/storage/53-Finalised-and-APPROVED-TOR_COVID-19-ASEAN-Response-Fund.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

The ASEAN Experience: Insights for Regional Political Cooperation // The South Centre. 02.2007. URL: https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2013/07/AN_REG1_The-ASEAN-Experience_EN.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

The Data Totals for the US // The COVID Tracking Project.
URL: <https://covidtracking.com/data/national> (дата обращения: 03.03.2021).

Reference

ASEAN Comprehensive Recovery Framework // ASEAN.
URL: https://asean.org/storage/2020/11/4-ASEAN-Strategic-Framework-on-PHE_Final.pdf (accessed: 18 March, 2021).

Chairman's Statement of the 36th ASEAN Summit // ASEAN.
URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Chairman-Statement-of-the-36th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf> (accessed: 13 March, 2021).

Chairman's Statement of the 37 ASEAN Summit Ha Noi // ASEAN. 12.11.2020. URL: <https://asean.org/storage/43-Chairmans-Statement-of-37th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf> (accessed: 16 March, 2021).

Chairman's Statement on ASEAN Collective Response to the Outbreak of Coronavirus Disease 2019 // ASEAN. 15.02.2020. URL: <https://asean.org/storage/2020/02/ASEAN-Chairmans-Statement-on-COVID-19-FINAL.pdf> (accessed: 12 March, 2021).

COVID-19 Vaccination Progress in ASEAN // The ASEAN Post, 05.02.2021. URL: <https://theaseanpost.com/article/COVID-19-vaccination-progress-asean> (accessed: 20 March, 2021).

Djalante, R., Nurhidayah, L., Van Minh, H. (2020) COVID-19 and ASEAN responses: Comparative policy analysis // Progress in Disaster Science. DOI: 10.1016/j.pdisas.2020.100129

URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7577870/> (accessed: 11 March, 2021).

Economic Impact of COVID-19 Outbreak on ASEAN // ASEAN. 04.2020. URL: https://asean.org/storage/2020/04/ASEAN-Policy-Brief-April-2020_FINAL.pdf (accessed: 13 March, 2021).

Fernando, F. M. ASEAN Health Sector Collective Response to Address COVID-19 and Future Public Health Emergencies & Pandemics // COVID-19: Regional Health Cooperation for a Safer ASEAN. 14.01.2021. URL: https://aric.adb.org/pdf/rcipod/episode_14/01%20FMFernando_ASEAN.pdf (accessed: 12 March, 2021).

Hanoi Plan of Action on Strengthening ASEAN Economic Cooperation and Supply Chain Connectivity in Response to the COVID-19 PANDEMIC // ASEAN. URL: <https://asean.org/storage/2020/06/Hanoi-POA.pdf> (accessed: 13 March, 2021).

Implementation Plan of ASEAN Comprehensive Recovery Framework // ASEAN. URL: https://asean.org/storage/ACRF-Implementation-Plan_Pub-2020.pdf (accessed: 18 March, 2021).

Joint Declaration Special ASEAN Leaders Meeting on Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) // ASEAN. 29.04.2003. URL: <https://asean.org/joint-declaration-special-asean-leaders-meeting-on-severe-acute-respiratory-syndrome-sars-bangkok-thailand/> (accessed: 10 April, 2021).

Joint Ministerial Statement of the ASEAN+3 Health Ministers Special meeting on Influenza A(H1N1) Bangkok // ASEAN. 8 May 2009. URL: https://asean.org/?static_post=joint-ministerial-statement-of-the-asean3-health-ministers-special-meeting-on-influenza-ah1n1-bangkok-8-may-2009 (accessed: 06 March, 2021).

Joint Statement of the Second ASEAN Plus Three Health Ministers Meeting «Unity in Health Emergencies» // ASEAN. 22.06.2006. URL: <https://asean.org/joint-statement-of-the-second-asean-plus-three-health-ministers-meeting-unity-in-health-emergencies-2/> (accessed: 10 April, 2021).

Joint Statement of the Special ASEAN+3 Health Ministers Meeting on Severe Acute Respiratory Syndrome // ASEAN. 11.07.2003. URL: https://asean.org/?static_post=joint-statement-of-the-special-asean-3-health-ministers-meeting-on-severe-acute-respiratory-syndrome-sars-asean-is-a-sars-free-region-siem-reap-cambodia-10-11-june-2003-2 (accessed: 10 April, 2021).

Muangchana, C., Thanormwat, Y., Kongsiang, A. Workshops advocating ASEAN. Vaccine Security and Self-Reliance (AVSSR): A Regional Initiative // *Vaccine*. 28.03.2019. DOI: 10.1016/j.vaccine.2018.05.017. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30033115/> (accessed: 03 March, 2021).

Pitsuwan, S. (2011) Challenges in infection in ASEAN // *The Lancet*. Vol. 377. Iss. 9766. P. 619-621.

Regional Production of Vaccines and Antiviral Drugs a Possibility in the Future // ASEAN. 07.05.2009. URL: https://asean.org/?static_post=press-release-regional-production-of-vaccines-and-antiviral-drugs-a-possibility-in-the-future-bangkok-7-may-2009 (accessed: 01 March, 2021).

Risk Assessment for International Dissemination of COVID-19 to the ASEAN Region // ASEAN Biodiaspora Virtual Center, 02.12.2020. URL: https://asean.org/storage/COVID-19_Report-of-ASEAN-BioDiaspora-Regional-Virtual-Center_2December2020.pdf (accessed: 01 March, 2021).

Southeast Asia COVID-19 Tracker // CSIS. URL: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-COVID-19-tracker-0> (accessed: 04 March, 2021).

Stronger Health systems: Our Lifeline in a Pandemic (edition Dec. 2020) // ASEAN. URL: <https://asean.org/storage/The-ASEAN-Special-Edition-Nov-Dev-2020.pdf> (accessed: 20 March 2021).

Ten Steps for Keeping Yourself and Others Safe from Influenza A(H1N1) or Any Respiratory Illness // ASEAN. 27.04.2009. URL: https://asean.org/?static_post=ten-steps-for-keeping-yourself-and-others-safe-from-influenza-ah1n1-or-any-respiratory-illness (accessed: 10 April, 2021).

Terms of Reference the COVID-19 ASEAN Response Fund // ASEAN. URL: https://asean.org/storage/53-Finalised-and-APPROVED-TOR_COVID-19-ASEAN-Response-Fund.pdf (accessed: 15 March, 2021).

The ASEAN Experience: Insights for Regional Political Cooperation // *The South Centre*. 02.2007. URL: https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2013/07/AN_REG1_The-ASEAN-Experience_EN.pdf (accessed: 10 April, 2021).

The Data Totals for the US // *The COVID Tracking Project*. URL: <https://covidtracking.com/data/national> (accessed: 03 March, 2021).

А.Н. ПЯТАКОВ
ФАКТОР ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 (ОПЫТ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

В статье проанализированы стратегии латиноамериканских стран по профилактике распространения новой коронавирусной инфекции. В условиях институциональной слабости и недостаточного развития систем здравоохранения критическая ситуация потребовала от властей массового привлечения вооруженных сил к реализации санитарных мер. Доказано, что военные институты выступили в роли важнейшего элемента государственной политики по сдерживанию пандемии в большинстве стран латиноамериканского региона. Среди факторов, определивших ставку на силовые методы профилактики пандемии, фигурируют высокий мобилизационный потенциал вооруженных сил, а также весомая ресурсно-инфраструктурная база, находящаяся в их распоряжении. Проведена классификация стран региона по уровню интенсивности вовлечения военных в условиях пандемии. Выделены три группы по критерию возрастания активности вооруженных сил. Группа слабой милитаризации - Уругвай и Мексика. Средний уровень милитаризации имел место в Гватемале, Колумбии и Эквадоре. Максимальная вовлеченность военных наблюдалась в Центральной Америке (Гондурас, Сальвадор) и в ряде государств Южной Америки (Аргентина, Парагвай, Перу, Чили, Бразилия). На конкретных примерах рассмотрен широкий диапазон активности военного контингента. К числу основных видов деятельности можно отнести: обеспечение карантинных мер по физической изоляции гражданского населения путем создания милитаризованных пунктов общественного контроля, осуществление логистической деятельности по транспортировке продуктов питания и медицинского оборудования в зоны наибольшей заболеваемости, частичная конверсия оборонно-промышленного комплекса в целях производства продукции санитарно-медицинского назначения, передача военным управленческих функций в экстремальных условиях. На основе анализа социально-политических тенденций автор показывает, что в последние годы второго десятилетия XXI в. резко ускорились процессы милитаризации латиноамериканской общественной жизни. Пандемия *COVID-19* стала вторым ключевым фактором развития ситуации в этом направлении после социальных протестов 2019 года, выступив в роли максимально благоприятной среды для мобилизации вооруженных сил и их привлечения к решению гражданских задач.

Ключевые слова: Латинская Америка, пандемия, *COVID-19*, вооруженные силы, карантинные меры, милитаризация, контроль.

Автор: Пятаков Андрей Николаевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок, Институт Латинской Америки РАН, e-mail: anpyatakov@yandex.ru

ANDREI PIATAKOV
THE ARMED FORCES AS A FACTOR OF COVID-19 PANDEMIC PREVENTION
(LATIN AMERICAN EXPERIENCE)

The article analyzes the strategies of Latin American countries to prevent the spread of coronavirus infection. In the context of institutionally weak and underdeveloped healthcare systems, the critical situation required the authorities to involve massively the armed forces in the implementation of the sanitary measures. The author classifies countries of the region according to the level of intensity of military involvement, dividing them into three groups. Studying specific country examples, he reviews a wide range of military contingent activities in the article. The main types of activities include: ensuring

lockdown measures for the physical isolation of the civilian population by creating militarized public control points, carrying out logistics activities for the transportation of food and medical equipment to areas of greatest morbidity, partial conversion of the military-industrial complex in order to produce sanitary products. Analyzing socio-political trends in the region, the author shows that in the late 2010s, the processes of militarization of Latin American public life developed much faster. The COVID-19 pandemic was the second major shift in this direction after the social protests of 2019 and served as the most conducive environment for the mobilization of the armed forces and a powerful stimulus for their involvement in solving civilian problems.

Keywords: Latin America, pandemic, COVID-19, armed forces, lockdown measures, militarization, control.

Author: Piatakov A.N., Candidate of Sciences (Politics), Lead Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS), e-mail: anpyatakov@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Латиноамериканский регион оказался в эпицентре пандемии COVID-19. В глобальном масштабе на него пришелся самый мощный удар, в результате чего Латинская Америка оказалась в числе лидеров как по количеству зараженных, так и умерших. Достаточно сказать, что на него приходится почти треть (28%) смертей от COVID-19, хотя проживает здесь только 8,4% глобального населения [América Latina...]. В апреле 2021 г. число заболевших COVID-19 превысило 800 тыс. [América Latina y el Caribe superan...].

Многие аспекты латиноамериканской специфики в условиях пандемии COVID-19 уже исследованы в отечественной общественной науке. Феномен выходит далеко за рамки медицинского измерения, затрагивая по своим последствиям самый широкий спектр общественно-политической и международной проблематики. Влияние пандемии на систему региональных международных отношений и на трансформацию национальных политических ландшафтов проанализирован в работе Косевич Е.Ю. [Косевич. Латинская Америка...] Диапазон негативных социально-экономических последствий пандемии как в национальных, и так и региональном масштабах рассмотрен в статье латиноамериканистов Яковлевой Н.М. и Яковлева П.П. [Яковлева, Яковлев] Национальный срез общерегиональных тенденций на примере Эквадора показан в статье Еремина А. и Медина Гонсалес К.. [Еремин, Медина Гонсалес]. Пределы и возможности латиноамериканских интеграционных моделей в борьбе с пандемией на примере MERCOSUR проанализированы в работе А.Д. Щербаковой [Щербакова]. Шок, пережитый туристическим сектором государств региона, рассмотрен в исследовании Кучинова П. А. [Kuchinov]. Однако на данный момент в фокус российских научных исследователей не попал другой чрезвычайно важный момент, связанный с пандемией и способный отразиться на общерегиональных процессах.

Речь идет о резком возрастании общественно-политической деятельности вооруженных сил региона, востребованных властями и активно привлекаемых для осуществления функций широкого спектра. Латиноамериканские военные в контексте разворачивания национальных локдаунов были мобилизованы для реализации чрезвычайных задач: от ограничения свободы передвижения и поддержания общественной безопасности в условиях карантина до транспортировки зараженных в лечебные учреждения. Настоящая статья посвящена исследованию феномена вовлеченности латиноамериканских вооруженных сил в процесс купирования распространения инфекции. В работе выдвигается исследовательская гипотеза, согласно которой военный фактор оказался важнейшим элементом государственной политики сдерживания пандемии, а та в свою очередь выступила

идеальной средой для мобилизации вооруженных сил и их перепрофилирования на решение сугубо гражданских задач.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ВОЕННЫЕ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ

Латинская Америка уже пережила две волны политизации вооруженных сил. Первая связана с подавлением массовых социальных протестов, охвативших большинство стран региона в 2019 года [Косевич. Иерархия...; Пятаков; Окунева]. Тогда военные активно привлекались к подавлению недовольства и выполняли в конечном счете чуждые им функции полицейских. Вторая волна активизации их общественной деятельности развернулась с приходом в регион пандемии. Подавляющее большинство аналитиков отмечает тот факт, что милитаризация стала самым заметным ответом властей латиноамериканских государств на вызовы кризиса, спровоцированного пандемией. Возникает вопрос: почему власти прибегли к мобилизации военных институтов в решении санитарных задач? Данная мера не могла быть продиктована никакой международной инстанцией и тем более Всемирной Организацией здравоохранения (ВОЗ) и стала инициативой местных ветвей исполнительной власти. Российские исследователи отмечают, что пандемия высветила недостаточную подготовленность систем здравоохранения стран Латино-Карибской Америки (ЛКА) к подобным масштабным вызовам. Тяжелому испытанию подверглись все сферы жизнеобеспечения людей, но в первую очередь экстремальные нагрузки легли на инфраструктуру, задействованную в выявлении зараженных и лечении коронавируса...» [Яковлева, Яковлев, 79].

Действительно, большинство стран региона продемонстрировало институциональное бессилие в способности противодействовать пандемии и оперативно принимать комплекс необходимых санитарно-медицинских мер по ее профилактике. Этому способствовала и слабость государственной медицины в большинстве стран региона. Во многих странах доминирует частный медицинский сектор, пользующийся спросом среди элитарных слоев населения и априори не предназначенный дать адекватный массовый ответ на пандемический вызов. В результате, оказавшись в «медицинском вакууме», властям стало понятно, что в данных экстремальных условиях бесполезно концентрироваться на лечении, и встал императив предотвращения распространения инфекции. Универсальной и широко внедряемой во всем регионе мерой стало решение о введении режима социальной изоляции и дистанцирования. Учитывая латиноамериканский менталитет, атрибутами которого являются легкомыслие и беспечность, важнейшим фактором обеспечения необходимых мер стал силовой. Ввиду ограниченности возможностей полицейского контингента его функции были переданы военным, ставшим дополнительным силовым «плечом» реализации карантинных мер. Кроме того, вооруженные силы обладают мощной транспортно-логистической инфраструктурой, которая также стала востребованной в условиях перегрузки гражданской системы данного профиля. Эти факторы стали определяющими в решении привлечь военных к решению санитарно-медицинских задач.

У «военного ответа» на кризис, вызванный пандемией, есть немало правовых и конституционных оснований, характерных для большинства латиноамериканских стран. Во многих странах в случае введения чрезвычайного положения военные получают дополнительные возможности и их функциональность значительно расширяется. В некоторых странах данная тенденция приобрела экстремальное значение. Например, в Перу в условиях борьбы с COVID-19 произошло изменение уголовного законодательства, в результате чего военные и полицейские были освобождены от ответственности за нанесение тяжких физических повреждений и даже за насильственное лишение жизни в ходе исполнения своих обязанностей в рамках борьбы с коронавирусом (во время патрулирования улиц и пр.). Обращает на

себя внимание несоразмерность данной меры реальным угрозам. Так, на момент принятия изменений в уголовном кодексе (29 марта 2020 г.) в стране было зарегистрировано только 670 случаев заражения коронавирусом и 16 смертей (первый случай заражения имел место 6 марта 2020 г.) [Perú...]. COVID-19 стал предлогом и стимулом для непропорционального развертывания военных и полицейских служб. Наибольшее число задержанных имело место в таких странах как Боливия, Перу, Гондурас и Сальвадор. В каждой из этих стран число арестованных за нарушение карантинных мер шло на десятки тысяч человек (например, в Перу оно составило 50 тыс. человек, в Боливии – 9,9 тыс.).

КОНТУРЫ НОВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Исследование новых функций латиноамериканских вооруженных сил уже было предметом изучения в отечественной науке [Манухин]. Кризисная среда пандемии заметно ускорила развитие нетрадиционной функциональности военных институтов. Помимо традиционных для вооруженных сил функций (обеспечение безопасности границ, логистические функции, поддержка функционирования ВПК, поддержание боеготовности и пр.) во время пандемии они стали выполнять задачи, которые непосредственно выходят за рамки их прямой компетенции. Здесь можно выделить три ключевых направления.

Во-первых, в ряде латиноамериканских стран именно военные получили полномочия для управления острым санитарным кризисом и фактически стали политическим субъектом регулирования пандемической ситуации. Во-вторых, представители вооруженных сил активно выполняли задачи общественного мониторинга и слежения за выполнением режима самоизоляции (регулярные уличные патрули, контроль за соблюдением карантина, организация и обеспечение работы внутринациональных санитарных барьеров с целью профилактики распространения коронавирусной инфекции и пр.). Наконец, в-третьих, в условиях институциональной слабости сектора здравоохранения гражданские власти большинства латиноамериканских стран прибегли к мобилизации вооруженных сил с целью обеспечения непосредственно медицинских и логистических миссий. По степени интенсивности страны в разной степени задействовали военных в решении противопандемических задач.

Исследователи из Калифорнийского университета и бразильского Федерального университета Санта-Катарина, проанализировав спектр действий властей в период первой и самой мощной вспышки пандемии (с 1 марта по 25 мая 2020 г.) осуществили классификацию государств, выделив три основные группы по критерию расширения полицейских и кризис-менеджерских компетенций вооруженных сил [Modeiros, p. 266]. Поскольку многие факты, произошедшие за рамками отмеченного временного отрезка, в указанном исследовании не учтены, мы позволим себе внести коррективы в распределение государств по группам, опираясь на методологию зарубежных исследователей. Итак, в кластер низкой интенсивности попали Уругвай, Доминиканская Республика и Мексика, где военные находились на второстепенных ролях, выполняя логистические задачи и сопровождая процесс оказания медицинской помощи, используя ресурсы военно-промышленного комплекса в производстве медико-санитарной продукции (временная конверсия) и обеспечивая безопасность границ без принятия управленческих полномочий. Привлечение военных к реализации полицейских функций здесь носило спорадический и несистематический характер, а в Уругвае и вовсе не наблюдалось подобных прецедентов.

Кластер средней интенсивности составили Эквадор, Колумбия и Гватемала. Здесь полицейская направленность в деятельности военных была значительно

усилена, однако функции управления санитарным кризисом военным переданы не были.

В группу высокой интенсивности, характеризующуюся наибольшей вовлеченностью военных, вошли восемь государств: Аргентина, Бразилия, Парагвай, Боливия и Чили с частичной или комплексной передачей военным политико-управленческих функций; а также Перу, Гондурас и Сальвадор, где военные систематически выступали в роли блюстителей порядка.

Для иллюстрации роли военных как менеджеров санитарного кризиса можно привести ряд примеров. В Боливии в самом начале пандемии такая государственная структура как Комитет по проведению операций в условиях чрезвычайной ситуации (COEN) была возглавлена контр-адмиралом. Именно COEN выступал в роли головного штаба по противодействию пандемии. Схожая ситуация имела место в Чили. Здесь с начала 2020 г. страна была поделена на шестнадцать санитарных зон, во главе каждой из них был поставлен высокопоставленный представитель вооруженных сил (бригадные и дивизионные генералы и контр-адмиралы). В Бразилии в мае 2020 г. на пост главы министра здравоохранения был назначен действующий дивизионный генерал Эдуардо Пазуэлло, исполнявший обязанности на протяжении года. В Парагвае военные встали «над» институтами социального профиля, получив управленческие функции. Так, в середине 2020 г. президент М. Абдо Бенитес созвал Совет национальной обороны и при непосредственном участии военных создал Центр межведомственной координации, призванный в период пандемии регулировать деятельность Министерства здравоохранения и общественного благополучия. Уровень и масштаб мобилизации вооруженных сил в этой группе стран выходил за рамки штатной ситуации. Например, в Аргентине при реализации антиковидных мер участвовало 60 тыс. военных [Piegusci, p. 4] (80,8% от численности активных вооруженных сил страны, составлявших на 2020 г. 74,2 тыс. военнослужащих).

Функции общественно-санитарного контроля наиболее масштабно реализовывались военными Гондураса, Сальвадора, Гватемалы, Чили, Эквадора и Боливии посредством разворачивания милитаризованных контрольных пунктов как в местах интенсивного распространения случаев заражения, так и в целом на общенациональном уровне. Рекордсменом стал Гондурас, где в 2020 г. функционировало около 15 тыс. подобных пунктов. В Боливии на борьбу с COVID-19 было мобилизовано 47 тыс. военнослужащих и развернуто 873 пункта контроля внутри страны и 13 пограничных пунктов [Bolivia...].

Помимо силовых и репрессивных функций латиноамериканские военные выполняли широкий спектр гуманитарных задач, отвечающих сложившейся критической обстановке. В их деятельности была ярко выражена логистическая составляющая. В наибольшей степени на этом поприще отличились мексиканские военные, хотя в той или иной степени это направление деятельности присутствовало в активности практических всех латиноамериканских национальных вооруженных сил. В Мексике при содействии военных происходила доставка в медицинские пункты необходимого медоборудования и лекарств, под их контролем осуществлялось распределение средств индивидуальной защиты (масок, латексных перчаток, хирургических халатов и пр.). Конечно, это также свидетельствовало о слабости гражданских институтов, которые оказались неспособны взять на себя простые логистические функции. Любопытно, что именно вооруженные силы были уполномочены мексиканскими властями осуществлять закупки за рубежом дорогостоящей медицинской техники. По всей видимости данная мера была направлена на исключение коррупционной составляющей, присущей гражданским институтам мексиканского общества. В Колумбии в условиях нехватки машин скорой помощи под эти нужды были переоборудованы транспортные средства,

находящиеся в распоряжении сухопутных войск. Если в мегаполисах и крупных городах гражданские службы справлялись с нагрузкой, то функции оперативной транспортировки больных в сельской местности взяли на себя военные. Схожая ситуация имела место в Чили и Перу. Другой важной составляющей помощи стало перепрофилирование военных госпиталей и больниц под нужды лечения больных COVID-19. Во многих государствах региона практиковалось развертывание мобильных военно-полевых госпиталей, взявших на себя немало пациентов в удаленных и труднодоступных местностях.

Важнейшей составляющей гуманитарного содействия вооруженных сил стала доставка и распределение продовольствия наиболее уязвимым слоям населения, чье положение в разы усугубилось в контексте карантинных и режима изоляции. Так, в Мексике силами военных было доставлено почти 500 тыс. продуктовых наборов в регионы, оказавшиеся в тяжелой социально-экономической ситуации. Данный вид помощи практиковался в большинстве стран региона (Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Колумбии, Эквадоре, Перу и др.). Например, в Колумбии по военным каналам в беднейшие сельские районы было доставлено 48 т. продовольствия и 235 тыс. литров питьевой воды, а в соседнем Эквадоре только к маю 2020 г. бесплатно было роздано 238 тыс. продуктовых наборов.

Наконец, особой разновидностью гуманитарного содействия стало перепрофилирование производственного комплекса вооруженных сил на гражданские нужды. Случаи частичной конверсии военных предприятий были отмечены в Мексике, Колумбии, Перу, Чили, Аргентине и Бразилии, составляющих костяк латиноамериканского военно-промышленного комплекса (ВПК). Производственные мощности ряда компаний и предприятий были «перепрограммированы» на изготовление средств индивидуальной защиты, масок, больничных коек, дезинфицирующих жидкостей и пр.; военные инженеры принимали участие в разработках собственных моделей аппаратов искусственного дыхания и ремонта уже действующего медицинского оборудования. Чилийской индустриальной корпорацией FAMAЕ были взяты обязательства по производству дезинфекционных кабин. Конечно, в сжатые сроки о полномасштабной конверсии речи быть не могло, но показателен сам факт массового участия военных промышленников в профилактике пандемии, ставшего фактором преодоления узкокорпоративного формата латиноамериканских вооруженных сил.

Таким образом, пандемия в латиноамериканском регионе привела к существенному возрастанию общественного влияния вооруженных сил. Во многих страновых случаях фактически именно в их компетенции оказались функции управления санитарно-эпидемиологическим кризисом. Кроме того, власти в критических условиях передали им полицейские функции по обеспечению правопорядка и исполнения карантинных предписаний. Помимо этого, они решали массу гуманитарных задач по логистике продуктов питания, производства средств защиты и пр. Высказанную выше гипотезу можно считать подтвержденной: пандемия действительно создала критические условия, в которых фактор и влияние вооруженных сил существенно возросли и оказали мощное воздействие на общественную жизнь. Обозначенная тенденция вряд ли носит устойчивый характер и вызвана форс-мажорными обстоятельствами пандемии. В связи с этим пока рано говорить о начале трансформации военно-гражданских отношений в регионе, хотя некоторые эксперты полагают, что факт мобилизации окажет позитивный эффект. Так, исследователь из научного журнала ВВС США Р. Э. Эллис отмечает, что «COVID-19 может способствовать улучшению отношений между латиноамериканскими вооруженными силами и обществами, в которых они

действуют» [Evan Ellis, p. 64]. Мы полагаем, что данное утверждение нельзя абсолютизировать, хотя и нельзя отрицать его относительной правоты. Улучшение будет происходить только в тех странах, где гуманитарная составляющая «антикоронавирусной» активности вооруженных сил превалировала над репрессивной. Большинство же стран региона продемонстрировали обратное, что не может не отразиться на ухудшении общественного имиджа военных. Бесспорным остается тот факт, что пандемия напрямую способствовала общественной активизации вооруженных сил в латиноамериканском регионе. У этого феномена есть как отрицательные, так и положительные последствия, полное раскрытие которых следует ожидать в уже в среднесрочной перспективе.

Список литературы

Еремин А., Винисио Ксавьер М. Латинская Америка в условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. Социальный и политический аспекты. На примере Эквадора // Латинская Америка. 2021. №3. С. 20-32. DOI: 10.31857/S0044748X0013516-6

Косевич Е.Ю. Иерархия мотивов латиноамериканского протеста // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2 (61). С. 92-109. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.5

Косевич Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // Латинская Америка. 2020. №10. С. 39-53. DOI: 10.31857/S0044748X0011330-2

Манухин А. А. «Новые функции» вооруженных сил в странах Латинской Америки: факты и интерпретации // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2019. № 1 (12). С. 30-41.

Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. №1. 2020. С.8-21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9;

Пятаков А.Н. Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г.: глобальный контекст и эквадорский case-study // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 2. С. 7-43. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-2-7-43>

Щербакова А.Д. Страны Mercosur перед лицом пандемии COVID-19: каждый сам за себя? // Латинская Америка. 2021. №6. С.53-64. DOI:10.31857/S0044748X0014983-0

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Латинская Америка: дорога к коронакризису // Контуры глобальных трансформаций. 2020. Т. 13. №5. С. 73-93. DOI:10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

América Latina es la región en desarrollo más afectada del mundo por la pandemia // Noticias ONU. 04.03.2021. URL: <https://news.un.org/es/story/2021/03/1489112> (accessed 11.05.2021)

América Latina y el Caribe superan los 800 mil fallecidos por COVID-19 // La Tercera. Chile. 06.04.2021. URL: <https://www.latercera.com/mundo/noticia/america-latina-y-el-caribe-superan-los-800-mil-fallecidos-por-COVID-19/JHMKLZS3AFELLGND5P4DQUKWUE/> (accessed 12.05.2021)

Bolivia despliega a 47.000 militares durante la emergencia sanitaria // InfoDefensa. 15.04.2020. URL: <https://www.infodefensa.com/latam/2020/04/15/noticia-bolivia-presentan-balance-actuacion-durante-emergencia.html> (accessed 27.05.2021)

Kuchinov P. A. COVID-19: El nuevo orden mundial en el turismo // Iberoamerica. 2021. №1. P. 28-50. DOI:10.37656/s20768400-2021-1-02

Perú exige de responsabilidad penal a militares que patrullan por coronavirus// France 24. 29.03.2020. URL: <https://www.france24.com/es/20200328-per%C3%BA-exige-de-responsabilidad-penal-a-militares-que-patrullan-por-coronavirus> (accessed 23.05.2021)

Pierucci V. Percepción sobre el despliegue de las FFAA argentinas en torno al COVID-19 // Revista ZONA MILITAR. 2020. №21. URL: <https://www.zona-militar.com/wp-content/uploads/2020/07/Revista-ZM-Nº21.pdf> (accessed 26.05.2021)

Evan Ellis R. Retos de las Fuerzas Armadas de Latinoamérica para responder a la pandemia del COVID-19 // Revista Fuerza Aérea-EUA, Tercera edición. 2020. P. 49-77.

Modeiros Passos A., Acacio I. The militarization of responses to COVID-19 in Democratic Latin America // Brazilian Journal of Public Administration. 2021. №55 (1). P. 261-271.

References

América Latina es la región en desarrollo más afectada del mundo por la pandemia (2021) // Noticias ONU. 4 March. URL: <https://news.un.org/es/story/2021/03/1489112> (accessed 11 May, 2021)

América Latina y el Caribe superan los 800 mil fallecidos por COVID-19 (2021) // La Tercera. Chile. 4 April. URL: <https://www.latercera.com/mundo/noticia/america-latina-y-el-caribe-superan-los-800-mil-fallecidos-por-COVID-19/JHMKLZS3AFELLGND5P4DQUKWUE/> (accessed 12 May, 2021)

Bolivia despliega a 47.000 militares durante la emergencia sanitaria (2020) // InfoDefensa, 15 April. 2020. URL: <https://www.infodefensa.com/latam/2020/04/15/noticia-bolivia-presentan-balance-actuacion-durante-emergencia.html> (accessed 27 May, 2021)

Eremin, A., Vinisio Ksav'er, M. (2021) Latinskaya Amerika v usloviyah pandemii COVID-19 v 2020 g. Social'nyj i politicheskij aspekty. Na primere Ekvadora [Latin America in the first wave of the COVID-19 pandemic in 2020. Social and political aspects. Case of Ecuador] // *Latinskaya Amerika [Latin America]*. No 3. P. 20-32. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0013516-6

Kosevich, E.YU. (2020) Ierarhiya motivov latinoamerikanskogo protesta [Multiple sources of protest movements in Latin America] // *Mezhdunarodnye processes [International process]*. Tom. 18. No 2 (61). P. 92-109. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.5

Kosevich, E.YU. (2020) Latinskaya Amerika: koronavirus i novyj politicheskij landshaft [Latin America: the coronavirus and the new political landscape] // *Latinskaya Amerika [Latin America]*. No 10. S. 39-53. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0011330-2

Manuhin, A. A. (2019) «Novye funkicii» vooruzhennyh sil v stranah Latinskoj Ameriki: fakty i interpretacii [The «new functions» of Armed Forces in Latin American countries: facts and interpretations] // *Istoricheskie Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova [Historical Studies. Journal of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University]*. No 1 (12). S. 30-41. (In Russian).

Okuneva, L.S. (2020) Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl social'nyh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: what is the meaning of social protests in October 2019?] // *Latinskaya Amerika [Latin America]*. No 1. P.8-21. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9;

Pyatakov, A.N. (2020) Fenomen social'nyh protestov v Latinskoj Amerike v 2019 g.: global'nyj kontekst i ekvadorskij case-study [The 2019 social protests in Latin America: global context and Ecuadorian case-study] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Bulletin. Series 25: International relations and world politics]*. T. 12. No 2. P. 7-43. (In Russian). <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-2-7-43>

Perú exime de responsabilidad penal a militares que patrullan por coronavirus (2020) // France 24. 29 March. URL: <https://www.france24.com/es/20200328-per%C3%BA-exime-de-responsabilidad-penal-a-militares-que-patrullan-por-coronavirus> (accessed 23 May, 2021)

Shcherbakova, A.D. (2021) Strany Mercosur pered licom pandemii COVID-19: kazhdyj sam za sebya? [Mercosur countries in the face of the COVID-19 pandemic: everyone for himself?] // *Latinskaya Amerika [Latin America]*. No 6. P.53-64. (In Russian). DOI:10.31857/S0044748X0014983-0

Yakovleva, N.M., Yakovlev, P.P. (2020) Latinskaya Amerika: doroga k koronakrizisu [Latin America: The Road to Coronacrisis] // *Kontury global'nyh transformacij [Contours of global transformations]*. T. 13. No 5. P. 73-93. (In Russian). DOI:10.23932/2542-0240-2020-13-5-5

Л.Р. РУСТАМОВА
АНТИКОВИДНАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ³⁸

Аннотация: Пандемия COVID-19 не только стала настоящим вызовом для мировой системы здравоохранения и экономики, но и подтолкнула многие политические процессы к трансформациям. То, как страны реализовывали национальные стратегии борьбы с пандемией, отразилось, в том числе, и на их внешнеполитических позициях. Анализ антиковидной стратегии Германии, в частности, имеет непосредственное значение для оценки текущих внутривнутриполитических процессов в ФРГ, а также ее роли в ЕС. С началом коронавирусной пандемии перед правительством Германии встало сразу несколько задач. Во-первых, коалиционному правительству под руководством ХДС/ХСС и СДПГ нужно было показать самый высокий уровень эффективности в борьбе с коронавирусной инфекцией, поскольку в сентябре намечаются общенациональные выборы, на которых будет избран новый канцлер и сформирована новая коалиция. Вторая задача состояла в том, чтобы через борьбу с пандемией продемонстрировать лидерские качества Германии в Европе. Это задача стала особенно актуальной на фоне окончательного урегулирования выхода Великобритании из Европейского союза в декабре 2020 г. и необходимости взятия большей ответственности и через повышение взносов Германии в общеевропейский бюджет, и через внесение предложений по защите общеевропейской экономики после окончания пандемии. Опираясь на анализ статистических данных, ряд нормативно-правовых документов, вторичных источников информации, автор пришел к следующим выводам: антиковидная стратегия Германии включала в себя продвижение общеевропейского подхода к решению международных проблем, что в очередной раз обнажило уже давно наметившиеся проблемы еврозоны: медлительность европейских наднациональных институтов, недоверие со стороны некоторых стран-членов и высокие ожидания к Берлину по оказанию помощи в борьбе с финансовыми последствиями карантинных мер. В то же время Германии удалось продвинуть целый ряд инициатив по урегулированию последствий пандемии и таким образом частично продемонстрировать лидерство.

Ключевые слова: коронавирус, Германия, ЕС, Брекзит, федерализм, общенациональные выборы, лидерство, ресурсы влияния.

Автор: Рустамова Лейли Рустамовна – к.полит.н, ст. преподаватель кафедры Мировых политических процессов МГИМО МИД России; научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, e-mail: leili-rustamova@yandex.ru

LEILI RUSTAMOVA
GERMANY'S ANTI-CORONAVIRUS STRATEGY: THE ESSENCE OF THE APPROACH
AND THE POLITICAL IMPLICATIONS

Abstract: Not only has the COVID-19 pandemic become a real challenge for the global health care system and the global economy, but it also has caused many political processes. National strategies of different states to combat the pandemic have affected, among other things, their respective foreign policy positions. An analysis of Germany's anti-coronavirus strategy, in particular, is of direct importance for assessment of the

³⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00004 «Социально-гуманитарная сфера мировой политики: тренды трансформаций»

current internal political processes in Germany, as well as of its role in the EU. With the onset of the coronavirus pandemic, the German government faced several challenges at once. Firstly, the coalition government needed to show the highest level of efficiency combatting coronavirus infection, since a federal election, at which a new chancellor and a new coalition will be elected, is scheduled for September. The second challenge was to demonstrate Germany's leadership in Europe through the fight against the pandemic. This task has become especially urgent amidst the final settlement of the UK's exit from the EU in December 2020 and the need to take more responsibility both through increasing Germany's contributions to the pan-European budget, and making proposals to protect the pan-European economy after the end of the pandemic. Through the analysis of statistical data, a number of regulatory documents, secondary sources of information, author came to the number of conclusions that Germany's anti-coronavirus strategy included the promotion of a common European approach to solving international problems, which once again exposed the long-standing problems of the eurozone: the slowness of European supranational institutions, mistrust on the part of member countries and high expectations for Germany to help deal with the financial impact of quarantine measures. At the same time, Germany has been able to promote a number of initiatives to address the consequences of the pandemic and thus prove that it partially has leadership in the EU.

Keywords: coronavirus, Germany, EU, Brexit, federalism, federal elections, leadership, resources of influence.

Author: Ph.D., senior lecturer at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, e-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Влияние эпидемии коронавирусной инфекции на мировые политические процессы и финансовую систему в ведущих странах мира остается одной из самых обсуждаемых тем. На фоне продолжающихся экономических издержек ввиду длительного периода ограничительных мер также встает вопрос, какие последствия пандемия имеет для внешнеполитической ситуации, связанной с возможностью государственных органов эффективно осуществлять свою внешнюю политику и поддерживать своих партнеров по коалициям в том числе и в борьбе за жизни своих граждан. Германия является примером страны, которая продемонстрировала высокую эффективность в борьбе с коронавирусом на начальном этапе пандемии. Однако наряду с тем, что опыт минимизации социально-экономических последствий пандемии и эффективность принятых ограничительных мер были признаны одними из лучших, возникли также и определенные последствия для внешнеполитического курса страны, связанного с лидирующим положением ФРГ в ЕС.

АНТИКОВИДНАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Первый случай заболевания был зафиксирован в ФРГ в январе 2020 г. В апреле 2020 г. Германия уже заняла пятое место в мире по численности заразившихся. В то же время её выгодно отличала низкая смертность – 1,03% от общего числа заболевших (для сравнения - в Италии и Испании этот показатель достигал 11,8% и 8,7%, соответственно) [Логинова], а также высокий процент одобрения населением правительственных мер на начальном этапе эпидемии.

Анализ российских и зарубежных статистических источников и докладов правительственных экспертов позволяет выделить несколько факторов, обусловивших высокую эффективность немецкого опыта борьбы с коронавирусной инфекцией: массовое тестирование и как следствие, своевременное выявление

заразившихся, развитая система здравоохранения и наличие необходимого оборудования для своевременной помощи больным в тяжелом состоянии, жёсткий карантинный режим, а также постоянная работа по информированию населения о текущей эпидемиологической обстановке. Основатель группы аналитических центров *Deep Knowledge Group* Д. Каминский также отмечает, что успех ФРГ в борьбе с первой волной COVID-19 тесно связан с уже имеющимися на тот момент мощностями Германии в сфере производства медицинского оборудования и необходимых препаратов, которые стали определяющими факторами способности ФРГ, в отличие от Италии или Испании, самостоятельно преодолеть пандемию без помощи других стран [Барановская].

Источником официальной правительственной информации стал один из самых авторитетных научных центров, специализирующихся на инфекционных заболеваниях: Институт вирусологии имени Роберта Коха, который регулярно и централизованно рассылает рекомендации в медицинские учреждения по противодействию *COVID-19*, что обусловило высокий уровень доверия граждан и снизило социальную напряженность, возникшую в результате введения ограничительных мер.

С марта 2020 г., когда показатели заболеваемости еще не достигали пиковых значений, ряд земель, начиная с Саара и Баварии, объявили о закрытии детских садов и школ, в ряде случаев было объявлено об отмене учебных занятий в школах вплоть до завершения пасхальных каникул [Unterberg]. В восточногерманском г. Йена местные власти ввели обязательное ношение масок, такую же инициативу поддержали все федеральные земли. Саксония стала одной из первых земель, где ношение масок в общественных местах стало строго обязательным, такой же шаг затем был принят в восточногерманской федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания.

Самые жесткие меры, ставшие образцом для других федеральных земель, были введены в Баварии. В марте премьер-министр Баварии объявил о чрезвычайном положении и запрете массовых публичных мероприятий, закрытии развлекательных культурных и спортивных учреждений, крупных магазинов. Ограничения не коснулись только супермаркетов, аптек, банков и почтовых отделений, для которых были выданы разрешения на работу в воскресные дни. Штрафы за нарушение запретительных мер, касавшиеся как учреждений, так и рядовых граждан, которые выходили на улицу без уважительной причины, а также нарушали социальную дистанцию в 1,5 метра, могли достигать 25 тыс. евро. Одновременно было объявлено о начале широкомасштабных инициатив по поддержке малого и среднего бизнеса, предусматривающих выплаты до 10 млрд евро, а также налоговые льготы [Демидова].

Меры, принятые премьер-министром Баварии, лидером ХСС М. Зёдером, обусловившие низкие показатели смертности и заболеваемости относительно других федеральных земель, повысили популярность политика не только в своем регионе, но и по всей стране. На фоне заявлений канцлера об уходе из «большой политики» после окончания срока полномочий и низкого авторитета главы партии А. Крамп-Карренбауэр впервые за долгое время на пост главы партии ХДС стали пророчить именно главу ХСС М. Зедера. Позже он поборолся за этот пост с премьер-министром земли Северный Рейн-Вестфалия А. Лашетом, но проиграл вследствие поддержки партийной верхушкой кандидатуры последнего.

Общее позитивное впечатление эффективности правительственных мер на начальном этапе пандемии подкреплялось рядом опросов общественного мнения. Так, согласно опросу, проведенному по заказу Федерального института оценки рисков (BfR) в апреле 2020 г. опасения заразиться высказали всего 26%, что

является примером резкого падения ощущения опасности, так как несколькими месяцами ранее в ФРГ такие опасения достигали порядка 40 % [Вачедин, Мищенко].

Также важным преимуществом антиковидной стратегии Германии стало обоснование жестких мер с точки зрения их легитимности и большой объем полномочий федеральных земель по их регулированию. ФРГ вступила в пандемию, уже имея специальный план действий в такого рода чрезвычайных ситуациях, который был разработан в течение предыдущих десятилетий. Так, например, введенные ограничения соответствовали положениям Закона о чрезвычайном положении, принятого в 1968 г., Закона о защите от инфекционных болезней 2001 г., в котором, в том числе, прописывалась компетенция федерального правительства и властей федеральных земель по эпидемиологическому контролю ситуации. Во многом за счет сильных принципов федерализма и качественной правовой базы регулирования подобных ситуаций Берлину и региональным властям удалось своевременно вводить необходимые меры поддержки населения и снизить градус напряженности в обществе.

Важно также указать, что поддержку в условиях пандемии мог получить не только немецкий бизнес, но и рядовые граждане, выплаты по пособиям также базировались на Законе о защите от инфекций. Ряд мер, которые не связаны с осуществлением трудовой деятельности, а именно – временный мораторий на выселение, отсрочка платежей за газ и электроэнергию, упрощение получения пособий на ребенка - были призваны повысить удобство пребывания в изоляции [Knight].

Наряду с общенациональными программами поддержки бизнеса и социально-уязвимых групп населения активную помощь в поддержке бизнеса, наиболее сильно пострадавшего от ограничительных мер, стали оказывать власти федеральных земель. Старший научный сотрудник Центра германских исследований ИЕ РАН Н.А. Супян в этой связи приводит в пример меры, предпринятые правительством Северного Рейна-Вестфалии, которое дополнило федеральные меры экстренной помощью малым предприятиям в размере 25 тыс. евро, а также единовременные выплаты в размере 15 тыс. евро баварским компаниям с числом занятых до 50 человек [Супян]. Таким образом, ситуация с COVID-19 в ФРГ была сглажена во многом за счет оперативности действий как немецкого федерального правительства, так и органов власти в федеральных землях.

Однако несмотря на позитивные оценки правительственных мер аналитическими агентствами (*Deep Knowledge Group, Exemplars in Global Health*) и международными организациями (ВОЗ, ОЭСР), дальнейшее развитие шагов по борьбе с пандемией вызвало рост общественного недовольства. 19 апреля 2020 г. в Берлине прошел первый несанкционированный митинг против карантина, а Первомай прошел под знаком борьбы за конституционные права граждан в условиях пандемии [Германия...]. В то же время мирные протесты сопровождались соблюдением утвержденной социальной дистанции.

В то же время затяжной характер пандемии повлиял на трансформацию политико-партийного баланса сил внутри страны. Известный германист В.Б. Белов отмечал, что со сменой этапов пандемии менялось также и положение правящего блока [Белов]. Если в первую волну пандемии уровень одобрения действий ХДС был достаточно высоким, то после июня 2020 г. ситуация стала меняться: так как сроки окончания локдауна постоянно переносились, начался рост недовольства ограничительными мерами. В этот же момент в пространстве СМИ серьезный оборот набрал ряд скандалов, связанных с депутатами от правящего блока, которые обвинялись в получении незаконных комиссионных за посредничество при закупках защитных медицинских масок у частных фирм для Министерства здравоохранения. В частности, обвинили депутатов бундестага от блока ХДС/ХСС - Н. Лёбеля (ХДС) и

Г. Нюсляйна (ХСС). Такие инциденты привели к резкому падению популярности ХДС/ХСС. Все больше исследователей стали указывать на то, что непопулярность дальнейших мер, предложенных правящей партией, может повлиять на расклад сил во время федеральных выборов в сентябре 2021 г. Опрос общественного мнения, проведенный *ARD-Deutschlandtrend* в марте 2021, показал, что несмотря на принятие ограничительных мер со стороны населения, более половины (53%) немецких граждан выступает за частичную отмену текущих мер и каждый десятый (10%) выступает за их полную отмену [Ehni]. На снижении позиций ХДС отразились и низкие темпы вакцинации, которая стартовала 27 декабря 2020 г.

Наряду с тем, что стала снижаться популярность ХДС, позиции других партий также оказались под воздействием коронавирусной повестки. Партией, которую эта повестка затронула самым негативным образом, стала набиравшая до этого серьезный вес на немецкой политической арене Альтернатива для Германии (АдГ). Во многом рост числа ее сторонников был обусловлен предложениями по сокращению миграционных потоков в Германию. На парламентских выборах в 2017 г. она получила треть мест в парламенте, перетянув часть электората ХДС, выступая с критикой ее миграционной и европейской политики. Однако во время пандемии партия не смогла представить адекватную программу борьбы с распространением инфекции. Результаты опросов общественного мнения показали, что рейтинг популистов просел примерно на треть - с 15 % до начала пандемии до 10 % в середине мая. Ведущие немецкие издания стали называть ее партией «одного вопроса», которая вместо конструктивных предложений сосредоточилась на критике правительственных мер.

АдГ пыталась мобилизовать население против ограничительных мер, предложенных правительством ФРГ, представив их как попытку ограничить конституционные права граждан Германии. 18 ноября 2020 г., когда в Бундестаге и Бундесрате обсуждалось расширение Закона о защите от инфекции, начались демонстрации, которые впервые с 2013 г. были разогнаны водометами. В этот же день «Альтернатива для Германии» организовала акцию протеста в самом Бундестаге, пригласив группу лиц, в грубой форме выступивших против введения новых ограничительных мер. 21 апреля 2021 г. состоялась одна из самых массовых демонстраций против ограничительных мер (около 8000 человек), в которой непосредственное участие приняли политики АдГ.

Немецкие и отечественные эксперты едины во мнении, что «правым популистам» не удалось «оседлать» коронавирусную повестку вследствие того, что, во-первых, программа АдГ включает в себя лозунги «права и порядка», соответственно, снятие ограничительных мер в условиях роста заболеваемости с этими лозунгами плохо коррелируется. Во-вторых, партия по-прежнему уделяет большое внимание миграционным проблемам, которые в условиях кризиса явно отошли на второй план. Характеризуя падение популярности партии АдГ, научный сотрудник ИМЭМО РАН, А.С. Бадаева приводит пример того, что среди всех предложений и высказываний партийных членов за апрель 2020 г. популярностью пользовался лишь один пост: «Комендантский час, даже для беженцев!» [Бадаева].

Выходом из затянувшейся череды ограничений, по общему мнению, считается вакцинация и создание условий для формирования коллективного иммунитета к возбудителю коронавирусной инфекции. К июлю 2021 г. по данным министра здравоохранения Германии Й. Шпана, половина жителей получила два компонента вакцины от коронавируса, что может стать одним из этапов на пути к снижению коронавирусных ограничений. В то же время антиковидные меры серьезным образом повлияли и на внешнюю политику Германии и ее положение в ЕС.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПОЗИЦИИ ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕС

С момента объединения в 1990 г. ФРГ стала проводить более активную внешнюю политику на европейском направлении, выступая инициатором решений кризисов и идеологическим вдохновителем углубления европейской интеграции, вследствие чего о руководящей и даже гегемонистической роли Германии стали говорить не только в научной среде, но и на политическом уровне. Известный немецкий исследователь Й. Шильд выделил в качестве ресурсов лидерства для государства способность оказывать влияние на принятие решений, обладание властными ресурсами и способность регулировать ту или иную сферу, в которой оно представлено институционально [Schild]. В условиях выхода Великобритании из ЕС и дефицита лидерства в Евросоюзе в целом Германия попыталась проявить себя как лидер, стремясь оказать влияние на принятие решений по преодолению негативных последствий пандемии на общеевропейском уровне. Существенное значение в этой ситуации имела высокая эффективность национальной стратегии антиковидных мер.

ФРГ является одной из самых сильных европейских экономик и традиционно входит в число стран, вносящих наибольший вклад в европейский бюджет. Ограничительные меры привели к падению европейской экономики, по данным Евростата ВВП стран Евросоюза сократился в апреле – июне 2020 г. сразу на 14,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что стало самым сильным падением с 1995 г. [Крючкова]. Лидерство Германии проявилось в том, что она решила увеличить свой вклад в бюджет Европейского Союза на 42%, или на 13 млрд евро (\$14,63 млрд) ежегодно, а также выступила в тандеме с Францией с предложением по созданию фонда стабилизации экономики после пандемии. Первоначально объем запланированных средств должен был составлять 500 млрд евро, а затем вырос до 750 млрд евро. Как и в предыдущих экономических кризисах, вопрос участия Германии в финансировании фонда восстановления европейской экономики осложняется тем, что Германия не готова осуществлять ее на безвозмездной основе.

В последние десятилетия в Германии постоянно звучали разговоры о том, что она не должна единолично оплачивать счета всего ЕС [Павлов], хотя ей и приписывают роль самого крупного бенефициара существующей экономической системы ЕС [Федоров]. Позиция кабинета А. Меркель состояла в том, что он выступил против выпуска совместных европейских облигаций для финансирования нового фонда, как этого хотели наиболее пострадавшие в ходе кризиса страны, поскольку таким образом был бы дан «неверный сигнал южным странам ЕС», которые вследствие расточительной кредитно-денежной политики часто становятся должниками Германии. Вместо этого было предложено выделять финансирование на реализацию проектов от общеевропейских заимствований на финансовых рынках от имени ЕС под выгодный процент. Инициатива Германии предполагала большую нагрузку для стран-доноров ЕС, что вызвало недовольство так называемой «экономической четверки» (Австрия, Нидерланды, Швеция и Дания). Однако затем Германия выступила за более компромиссное решение, в результате которого на общеевропейском уровне было согласовано создание фонда «ЕС следующего поколения», пополняемого за счёт займов Еврокомиссии на рынке и предполагающего выдачу и кредитов (250 млрд евро), и грантов (500 млрд евро) на реализацию конкретных проектов по восстановлению экономики и переходу на энергосберегающие технологии.

В очередной раз выступая в тандеме с Францией, Германия заявила о необходимости достижения «стратегического суверенитета в секторе здравоохранения». Коронавирус обнажил для ЕС ту же проблему, о которой говорил

и бывший президент США Д. Трамп: зависимость от импорта китайских товаров, в том числе и в сфере здравоохранения вследствие перевода производства в Китай и другие азиатские страны. Переход председательства в Совете ЕС к Германии с июля по декабрь 2020 г. наделил ее рядом институциональных рычагов влияния для продвижения своих инициатив по формированию европейской системы здравоохранения, способной бороться с подобными пандемии коронавируса угрозами. В ходе своего председательства Германии удалось усилить внутриевропейскую координацию в борьбе с пандемией путем создания общей для всего ЕС карты зон риска, принятия единых правил для въезда из третьих стран и работы над совместными стратегиями тестирования и отслеживания социальных контактов [Итоги...]. Германия выступила также за развитие «стратегически ориентированной европейской медицинской промышленности», которая сделает возможным самостоятельное и полноценное обеспечение государств-членов ЕС всеми необходимыми лекарственными препаратами и оборудованием.

ФРГ также выступила за общеевропейский подход к вакцинации, который предполагал закупку вакцин только тех компаний, которые были допущены европейским регулятором, и их поставку по общеевропейским каналам, чтобы избежать гонки между странами за доступ к вакцинам и сделать цены более доступными для участников объединения. Переговоры от лица ЕС с фармацевтическими компаниями было поручено вести Еврокомиссии и в результате для 450 миллионов жителей ЕС было забронировано около двух миллиардов доз вакцин у шести производителей. В январе 2021 г. на европейский рынок были допущены вакцины следующих компаний: *BioNTech/Pfizer*, *Moderna* и *AstraZeneca* [Жолквер]. Однако медлительность с допуском других производителей и квотирование доз для каждой страны-участницы привели к тому, что процесс вакцинации серьезным образом затянулся, а часть стран не получила их в достаточном количестве. Глава Правительства Австрии совместно с лидерами Словении, Чехии, Болгарии и Латвии обвинил Еврокомиссию и ряд европейских стран в сговоре с фармацевтическими компаниями с целью приоритетного получения препарата от *COVID-19*, поскольку распределение вакцин не было пропорционально численности населения [Kurz]. Высказывая критику в отношении мер по вакцинации в адрес общеевропейских институтов, страны, по сути, обращались и к их инициатору - Германии.

Как отмечают специалисты, коронавирус укрепил франко-германский тандем [Рубинский, Синдеев], однако он в очередной раз показал пределы лидерства Германии в ЕС. Ряд стран отказались от предложенного Германией общеевропейского подхода к закупке медицинских препаратов. Так, например, поступили Венгрия и Словакия, которые закупили российский препарат «Спутник V», так и не допущенный до европейских рынков. Австрия и Дания, несмотря на критику со стороны ФРГ, также заключили двухсторонние сделки по закупке сторонних вакцин, обратившись к Израилю.

Еще больший урон имиджу Германии как лидера ЕС в борьбе с коронавирусной инфекцией нанесли внутривнутриполитические проблемы, связанные с низкими темпами вакцинации, которые, в свою очередь, стали результатом предложенного ею общеевропейского подхода. Согласно данным опроса, проведенного мюнхенской консалтинговой компанией *Kerst CNC*, лишь 23% населения Германии довольны тем, как осуществляется вакцинация в их стране [Скотто ди Сантоло]. К февралю 2021 г. в Германии было введено всего около трех миллионов доз вакцины по сравнению с почти 11 миллионами в Великобритании. К настоящему моменту по всей Германии построено 400 центров массовой вакцинации, но многие из них простаивают без дела, поскольку наметился серьезный дефицит вакцин внутри страны. Тем не менее, несмотря на призывы оппозиции и глав целого ряда

федеральных земель Германии начать закупать вакцины других производителей, еще не одобренных европейским регулятором (в частности главы четырех немецких земель — Саксонии, Саксонии-Анхальт, Баварии и Тюрингии призвали отказаться от политического подхода в отношении российской вакцины «Спутник V»), федеральное правительство настаивало только на общеевропейском подходе. Вакцинный вопрос стал предметом критики со стороны оппозиционных партий и запустил предвыборную гонку в стране. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) обвинила действующего министра здравоохранения и члена партии ХДС Й. Шпана в медлительности, что привело к падению рейтинга христианских демократов, и потере голосов на выборах 14 марта 2021 г. в землях Баден-Вюртемберг и Рейланд-Пфальц.

Кроме того, действия самой Германии по предотвращению распространения пандемии не всегда укладывались в логику солидарности, особенно это касалось начального этапа. В марте 2020 г. Германия стала одной из стран, которая ввела жесткие ограничения для пересечения границы в рамках шенгенской зоны, в результате чего получила предупреждение от Еврокомиссии о том, что введенные из-за COVID-19 ограничения на пересечение границ внутри альянса могут подорвать свободное передвижение внутри объединения [В Германии...].

Таким образом, лидерство Германии в ЕС с точки зрения способности оказывать воздействие на принятие решений во время пандемии коронавируса было только частичным.

Пандемия коронавируса стала проверкой не только системы здравоохранения Германии, способности ее экономической системы выстоять перед лицом непредвиденных кризисов, но в очередной раз поставила перед ней сложную задачу по продвижению общеевропейского подхода, который проверил на прочность лидерство Германии в ЕС. Выступая за солидарный подход, Германия вносила вклад в сохранение влияния ЕС на мировой арене, однако это в определенной мере стоило и политических очков нынешнему немецкому правительству. Несмотря на успехи антиковидной стратегии в начале пандемии, в настоящее время ее эффективность находится под угрозой из-за низких темпов вакцинации. Однако уже сейчас ясно, что соответствующий фактор в значительной мере скажется на результатах предстоящих сентябрьских выборов в ФРГ, на которых будет избран новый канцлер и завершится эпоха правления Ангелы Меркель.

Список литературы

Бадаева А.С. Пандемические стратегии западноевропейских ультраправых партий // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. Т. 13. № 5. С. 94-113. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

Барановская М. Как Германии удалось стать европейским лидером в борьбе с COVID-19 // *DW.* 16.04.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3ахуу> (дата обращения: 01.02.2021).

Белов В.Б. Партийно-политическая ситуация в германии – год спустя после начала пандемии коронавируса // *Аналитические записки Института Европы РАН.* 2021. № 6 (236). С. 1-7. DOI: 10.15211/analytics62021

В Германии назвали ошибкой закрытие границ в ЕС в начале пандемии. 16.04.2021. URL: <https://iz.ru/1152508/2021-04-16/v-germanii-nazvali-oshibkoi-zakrytie-granitc-v-es-v-nachale-pandemii> (дата обращения: 01.02.2021).

Вачедин Д., Мищенко О. Хроника пандемии: На всей территории Германии ввели обязательное ношение масок // *DW.* 22.04.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3bEYd> (дата обращения: 01.03.2021).

Германия: демонстрация против ущемления прав и основных свобод граждан во время пандемии. 19.04.2020. URL: <https://www.mknews.de/social/2020/04/19/germaniya-demonstraciya-protiv-ushhemleniya-prav-i-osnovnykh-svobod-grazhdan-vo-vremya-pandemii.html> (дата обращения: 21.02.2021).

Демидова О. Бавария вводит чрезвычайное положение из-за коронавируса // DW. 16.03.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3ZVzu> (дата обращения: 12.02.2021)

Жолквер Н. Почему буксует вакцинация в Германии // DW. 05.01.2021. URL: <https://p.dw.com/p/3nWdC> (дата обращения: 01.03.2021).

Итоги председательства Германии в Совете ЕС: «Сделаем Европу сильнее. Вместе». 23.12.2020. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/-/2361108> (дата обращения: 01.02.2021).

Крючкова Е. Коронавирус сразил европейскую экономику // Коммерсант. 31.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4440617> (дата обращения: 01.03.2021).

Логинова К. Бронебойный порядок: почему в Германии удается сдерживать пандемию // IZ. 02.04.2020. URL: <https://iz.ru/994440/kseniia-loginova/broneboinyi-poriadok-pochemu-v-germanii-udaetsia-sderzhivat-pandemiiu> (дата обращения: 01.03.2021).

Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №2. С. 63-75.

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса // Современная Европа. 2020. № 4 (97). С. 16-24. DOI: 10.15211/soveurope420201624

Скотто ди Сантоло А. Раскол в рядах Евросоюза: Франция и Германия критикуют бунтарей — шесть стран не выполняют указания Брюсселя (Daily Express, Великобритания) // Inosmi. 05.03.2021. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210305/249274822.html> (дата обращения: 01.04.2021).

Супян Н. А. Экономика заражена: как в Германии борются с корона-кризисом // РСМД. 04.04.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-zarazhena-kak-v-germanii-boryutsya-s-korona-krizisom/> (дата обращения: 01.02.2021).

Федоров В.П. Рента для Германии, или зачем ей нужен Евросоюз // Современная Европа. 2021. № 1 (101). С. 16-20. DOI: 10.15211/soveurope120211620

Ehni E. Umfrage: Kritik an Corona-Politik der Bundesregierung wächst // BR. 04.03.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/umfrage-kritik-an-corona-politik-der-bundesregierung-waechst,SQhqdJt> (accessed: 04.04.2021).

Knight B. What is a state of emergency in Germany? // DW. 19.03.2020. URL: <https://www.dw.com/en/what-is-a-state-of-emergency-in-germany/a-52846653> (accessed: 04.05.2021).

Kurz fordert «Korrekturmechanismus» für Impfstoffverteilung in EU. 16.03.2021. URL: <https://www.diepresse.com/5951880/kurz-fordert-korrekturmechanismus-fur-impfstoffverteilung-in-eu> (accessed: 04.05.2021).

Schild J. The myth of German hegemony in the euro area revisited // West European Politics. 2020. № 43 (5). P. 1072-94. DOI: 10.1080 / 01402382.2019.1625013

Unterberg S. German states move to close educational and daycare facilities // Spiegel. 17.03.2020. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/germany-states-move-to-close-educational-and-daycare-facilities-a-e9c13296-002b-484b-88bc-e14ea295ff10> (accessed: 04.05.2021).

References

Badaeva, A.S. (2020). Pandemicheskie strategii zapadnoevropejskih ul'trapravnyh partij [Pandemic strategies of Western European ultra-right parties] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law.]. T. 13. No 5. P. 94-113. (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-6

Baranovskaja, M. (2020). Kak Germanii udalos' stat' evropejskim liderom v bor'be s COVID-19 [How Germany managed to become a European leader in the fight against COVID-19] // *DW*. 16.04.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3axyk> (accessed: 01 February, 2021). (In Russian)

Belov, V.B. (2021). Partijno-politicheskaja situacija v germanii – god spustja posle nachala pandemii koronavirusa [The party-political situation in Germany - a year after the start of the coronavirus pandemic] // *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN* [Analytical notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. No 6 (236). P. 1-7. (In Russian) DOI: 10.15211/analytics62021

V Germanii nazvali oshibkoj zakrytie granic v ES v nachale pandemii [The closure of borders in the EU at the beginning of the pandemic was called a mistake in Germany] // *IZ*. 16.04.2021. URL: <https://iz.ru/1152508/2021-04-16/v-germanii-nazvali-oshibkoi-zakrytie-granitc-v-es-v-nachale-pandemii> (accessed: 01 February, 2021). (In Russian)

Vachedin, D., Mishhenko, O. (2020). Hronika pandemii: Na vsej territorii Germanii vveli objazatel'noe noshenie masok [Chronicle of the pandemic: The mandatory wearing of masks was introduced throughout Germany] // *DW*. 22.04.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3bEYd> (accessed: 01 March, 2021). (In Russian)

Germanija: demonstracija protiv ushhemlenija prav i osnovnyh svobod grazhdan vo vremja pandemii [Germany: demonstration against the infringement of the rights and fundamental freedoms of citizens during a pandemic]. 19.04.2020. URL: <https://www.mknews.de/social/2020/04/19/germaniya-demonstraciya-protiv-ushhemleniya-prav-i-osnovnykh-svobod-grazhdan-vo-vremya-pandemii.html> (accessed: 21 February, 2021). (In Russian)

Demidova, O. (2020). Bavarija vvodit chrezvychajnoe polozhenie iz-za koronavirusa [Bavaria introduces a state of emergency due to coronavirus] // *DW*. 16.03.2020. URL: <https://p.dw.com/p/3ZVzu> (accessed: 12 February, 2021). (In Russian)

Zholkver, N. (2021). Pochemu buksuet vakcinacija v Germanii [Why vaccination stalls in Germany] // *DW*. 05.01.2021. URL: <https://p.dw.com/p/3nWdC> (accessed: 01 March, 2021). (In Russian)

Itogi predsedatel'stva Germanii v Sovete ES: «Sdelaem Evropu sil'nee. Vmeste» [Results of the German Presidency of the EU Council: «Let's make Europe stronger. Together»]. 23.12.2020. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/-/2361108> (accessed: 01 February, 2021). (In Russian)

Krjuchkova, E. (2020). Koronavirus srazil evropejskuju jekonomiku [Coronavirus hit the European economy] // *Kommersant*. 31.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4440617> (accessed: 01 March, 2021). (In Russian)

Loginova, K. (2020). Bronebojnyj porjadok: pochemu v Germanii udaetsja sderzhivat' pandemiju [Armor-piercing order: why Germany manages to contain the pandemic] // *IZ*. 02.04.2020. URL: <https://iz.ru/994440/kseniia-loginova/broneboinyi-poriadok-pochemu-v-germanii-udaetsia-sderzhivat-pandemiiu> (accessed: 01 March, 2021). (In Russian)

Pavlov, N. (2005). Vneshnjaja politika Berlinskoj respubliki: novyj «germanskij put'»? [Foreign policy of the Berlin Republic: a new «German way»?] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations]. No 2. P. 63-75. (In Russian)

Rubinskij, Ju.I., Sindeev, A.A. (2020). Franko-germanski tandem pred licom koronakrizisa [Franco-German tandem in the face of coronacrisis] // *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*. No 4 (97). P. 16-24. (In Russian) DOI: 10.15211/soveurope420201624

Skotto di Santolo, A. (2021). Raskol v rjadah Evrosojuza: Francija i Germanija kritikujut buntarej — shest' stran ne vypolnjajut ukazanija Brjusselja [Split in the ranks of the European Union: France and Germany criticize the rebels - six countries do not follow the instructions of Brussels] // *Inosmi*. 05.03.2021. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210305/249274822.html> (accessed: 01 April, 2021). (In Russian)

Supjan, N. (2020). Jekonomika zarazhena: kak v Germanii borjutsja s korona-krizisom [The Economy is Infected: How Germany Fights the Corona-Crisis.] // *RSMD [RIAC]*. 04.04.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-zarazhena-kak-v-germanii-boryutsya-s-korona-krizisom/> (accessed: 01 February, 2021). (In Russian)

Fedorov, V.P. (2021). Renta dlja Germanii, ili zachem ej nuzhen Evrosojuz [Rent for Germany, or why it needs the European Union] // *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*. No 1 (101). P. 16-20. (In Russian) DOI: 10.15211/soveurope120211620

Ehni, E. (2021). Umfrage: Kritik an Corona-Politik der Bundesregierung wächst. 04.03.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/umfrage-kritik-an-corona-politik-der-bundesregierung-waechst,SQhqdJt> (accessed: 04 April, 2021).

Knight, B. (2020). What is a state of emergency in Germany? // *DW*. 19.03.2020. URL: <https://www.dw.com/en/what-is-a-state-of-emergency-in-germany/a-52846653> (accessed: 04 May, 2021).

Kurz fordert «Korrekturmechanismus» für Impfstoffverteilung in EU. 16.03.2021. URL: <https://www.diepresse.com/5951880/kurz-fordert-korrekturmechanismus-fur-impfstoffverteilung-in-eu> (accessed: 04 May, 2021).

Schild, J. (2020) The myth of German hegemony in the euro area revisited // *West European Politics*. No 43 (5). P. 1072-94. DOI: 10.1080 / 01402382.2019.1625013

Unterberg, S. (2020). German states move to close educational and daycare facilities // *Spiegel*. 17.03.2020. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/germany-states-move-to-close-educational-and-daycare-facilities-a-e9c13296-002b-484b-88bc-e14ea295ff10> (accessed: 04 May, 2021).

Научное издание

Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития.
(Мировое развитие. Выпуск 23)

Под редакцией:

*Артамоновой Ульяны Звиадиевны,
Вода Кристины Рудольфовны,
Давыдова Алексея Андреевича,
Крамника Ильи Александровича,
Мамедьярова Заура Аязовича,
Масленникова Александра Оскаровича,
Невской Анастасии Алексеевны,
Никулина Кирилла Андреевича,
Тимофеева Павла Петровича,
Хорольской Марии Витальевны,
Чудиновой Ксении Олеговны*

Материалы конференции

ISBN 978-5-9535-0599-4

9 785953 505994

Подписано в печать 9.02.2022
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем, 29,25 п.л. 18.4 а.л. Тираж 120 экз. Заказ No3

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23